

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ VII.

Книга 2 (32).

Подъ редакціей Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго.

МАРТЪ-АПРѢЛЬ 1896 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и №
Пименовская улица, собствен. домъ.

1896.

619 1

191

С. П. ПЕТРОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1919

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Философія исторіи Гердера.—В. И. Герье	169
Автономія челоуѣка въ прогрессѣ и ея стадіи (<i>окончаніе</i>).— Л. Е. Оболенскаго	196
Основанія идеализма (<i>продолженіе</i>). — Кн. С. Н. Трубец- кого	226
Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта. — Л. М. Лопатина	264
Памяти Н. Н. Стрхова. Къ характеристикѣ его философ- скаго міросозерцанія.—Н. Я. Грота.	299
—	
Христіанская гармонія духа (этико - психологическій этюдъ).—Н. Н. Неплюева	73
Міръ звуковъ, какъ объектъ воспріятія и мысли. — А. Н. Бернштейна	109

Критика и библиографія.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Alfred Wiedemann. The ancient Egyptian Doctrine of the Im- mortality of the Soul.—А. Н. Гилярова	131
Thomas B. Strong. Chief ancient Philosophers. Platonism.— А. Н. Гилярова	—
Bernard Bosanquet. A Companion to Plato's Republic.— А. Н. Гилярова	134
Adolf Bonhöffer. Die Ethik des Stoikers Epictet.—А. Брон- зова	—
Alice Gardner. Heroes of the Nations. Julian, Philosopher and Emperor.—А. Н. Гилярова	142
Вильгельмъ Оствальдъ. Несостоятельность научнаго мате- риализма.—А. Н. Гилярова	143
Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Языкъ и искусство.— В. Н. Иванова	148
Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей	149

II. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

W. Wundt. Ueber die Definition der Psychologie (Philosophische Studien. B. XII, N. I. 1895).—Д. Викторова . . .	151
Rivista italiana di filosofia. Ноябрь 1895—январь 1896.— В. Вальденберга	153
Revue philosophique 1894 г., №№ 7—12.—Ю. И. Айхенвальда	157
Письмо въ редакцію (Письмо гр. Л. Н. Толстаго, сообщенное г-жей Новицкой)	167
Нѣсколько словъ въ отвѣтъ В. А. Гольцеву.—Н. Я. Грота.	170

Психологическое Общество (отчеты о 140—144 засѣданіяхъ, годовые отчеты гг. секретаря и казначея Общества за 1895 г., списокъ членовъ по 1-е марта 1896 г. и пренія по рефератамъ Ц. П. Балталона и С. А. Суханова)	174
Извѣстія и замѣтки	213
О юбилейномъ изданіи сочиненій Декарта.—Четвертый международный конгрессъ уголовной антропологии въ Женевѣ.—Третій международный психологическій конгрессъ въ Мюнхенѣ.—Новыя изданія.]	
Объявленія.	219

Приложеніе.

А. А. Токарскій. Записки психологической лабораторіи Психиатрической клиники Московскаго университета. Стр. 61—124.	
---	--

Философія історіи Гердера.

Чтобы осмыслить историю, чтобы изъ склада хронологическихъ данныхъ, изъ хранилища разнородныхъ фактовъ сдѣлать ее наукою, нужна была идея прогресса, идея поступательнаго движенія къ извѣстной цѣли.

Эта идея была внесена въ историю XVIII-мъ вѣкомъ, и именно въ этомъ вѣкѣ зародилась *философія історіи*. Идея прогресса была выработана раціонализмомъ и потому сначала имѣла чисто раціоналистическій оттѣнокъ, — цѣлью історіи былъ признанъ прогрессъ въ просвѣщеніи. Но противъ такого пониманія історіи поднялся грозный протестъ, основанный на сомнѣніи въ пользѣ просвѣщенія; понятію просвѣщенія было противопоставлено понятіе *блага*, а это благо сводилось на близость къ природѣ, источнику всякаго бытія; прогрессъ, съ этой точки зрѣнія, представлялся не улучшеніемъ, а уклоненіемъ отъ идеальнаго состоянія.

Чтобы отстоять идею прогресса въ історіи, нужно было взять это понятіе шире и охватить имъ все человѣчество, а не одну просвѣщенную частицу его; нужно было глубже прослѣдить корни прогресса въ самой почвѣ, на которой развивалось человѣчество. Въ этомъ была заслуга Гердера.

Юношеское развитіе Гердера, какъ и Беккари, совпадаетъ съ торжествомъ идей Руссо. Гердеръ познакомился съ ними, будучи студентомъ въ Кёнигсбергѣ, на лекціяхъ Канта, который именно тогда сталъ восторженнымъ поклонникомъ автора Эмиля. Но помимо болѣе серьезнаго на-

учнаго образованія, которымъ Гердеръ отличался отъ Руссо, два свойства помогли ему стать выше историческаго пессимизма и подняться надъ идеей противоположности между *природою* и культурою.

Поэтический даръ проявлялся у Гердера не столько въ самостоятельномъ творчествѣ, сколько въ необыкновенно живомъ чутьѣ всего поэтическаго въ природѣ и въ твореніяхъ человѣка. Поэтическое чутье часто замѣняло Гердеру науку, восполняло пробѣлы знанія, давало возможность угадывать истину. Это свойство имѣло свою обратную сторону: поэтическая аналогія, символическій образъ нерѣдко равносильны для Гердера научному опредѣленію и являются у него суррогатомъ положительнаго знанія. Но этотъ поэтический даръ составлялъ также и его духовную силу и руководилъ имъ въ трехъ главныхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ исторіи культуры.

Идеализація до-культурнаго, еще близкаго къ природѣ человѣка въ разсужденіяхъ Руссо—вдохновила и юношу Гердера и побудила его искать:

«den Menschen der Natur, den Keiner je gesehen,
den, Jeder fühlt in sich und Jeder wünscht zu sehen».

Однако, онъ скоро созналъ, что этотъ до-культурный человѣкъ Руссо былъ анти-культурною фикціей, игрушкой больного воображенія, раздраженнаго противъ цивилизованнаго общества; но отправляясь отъ этой фикціи, Гердеръ открылъ нѣчто болѣе существенное и цѣнное, чѣмъ фантастическій первочеловѣкъ Руссо. Подъ культурнымъ слоемъ Гердеръ открылъ близкую къ природѣ поэзію, бившую живымъ ключомъ изъ нѣдръ жизни первобытныхъ народовъ; онъ открылъ значеніе и глубокой смыслъ *народной поэзіи* и сдѣдался въ этомъ отношеніи путеводителемъ движенія, которое не переставало разрастаться до нашихъ дней. Чарующую наивность и непосредственность народной поэзіи Гердеръ впервые почувствовалъ въ англійскихъ балладахъ, собранныхъ Перси, и въ пѣсняхъ Оссіана; потомъ онъ сталъ вездѣ ее искать и находить. Поселившись въ Ри-

гѣ, онъ самъ сталъ собирать латышскія пѣсни, а своего друга Гёте, жившаго въ Эльзасѣ, уговаривалъ собирать тамошнія нѣмецкія народныя пѣсни; постепенно ему удалось составить цѣлый концертъ „народныхъ голосовъ“ *Stimmen der Völker*. Такъ, на почвѣ поэзіи, передъ Гердеромъ впервые раскрылась духовная гармонія, которую онъ потомъ усмотрѣлъ на болѣе обширной почвѣ состязанія народовъ въ достиженіи *одной* общечеловѣческой цѣли.

Народная поэзія объяснила Гердеру возникновеніе и поэтической характеръ первобытныхъ языковъ. Онъ понялъ, что языкъ и поэзія выросли изъ одного корня—изъ желанія дать выходъ, выразить въ звукахъ и образахъ психическое ощущеніе. „Дикій крикъ,—говоритъ Гердеръ,—становится пѣсней, грубый жестъ—образнымъ реченіемъ; поэтому, чѣмъ моложе языкъ, тѣмъ болѣе онъ богатъ конкретными образами, тѣмъ больше въ немъ невольной, безыскусственной поэзіи“.

Поэтический даръ, наконецъ, открылъ Гердеру значеніе того памятника, который онъ называлъ „древнѣйшей грамотою человѣчества“,—книги Бытія Моисея. Нельзя не удивляться той прозорливости, съ которой Гердеръ, самъ богословъ, отмѣтилъ въ этомъ памятникѣ, до него подвергавшемся исключительно богословскому толкованію, несомнѣныя черты народной поэзіи древнихъ евреевъ.

Другое свойство, избавившее Гердера отъ анти-культурнаго пессимизма, заключается въ его живомъ историческомъ чутьѣ. Это чутье выражалось прежде всего въ томъ, что предъ его взоромъ всегда обнаруживалась непрерывность развитія,—онъ вездѣ прозрѣвалъ идею, смыкавшую факты въ одну цѣпь отъ перваго звена до послѣдняго. Историческія явленія для него невольно слагались въ цѣльный и полный гармоніи исторической процессъ. Такъ, онъ мечталъ о начертаніи живой и общей исторіи изъ вѣка въ вѣкъ развивавшейся поэзіи народовъ. Къ болѣе реальному результату привело его это стремленіе на почвѣ языкознанія. Онъ видѣлъ въ языкѣ сокровищницу человѣческихъ мыслей, въ которую

каждый по-своему что-нибудь влагаетъ, — сумму дѣятельности всѣхъ человѣческихъ душъ *). Такимъ образомъ, исторія народа становилась для него исторіей языка и наоборотъ. Но идея преемственности выносила Гердера за предѣлы отдѣльныхъ народовъ; если исторія языка представляла въ его глазахъ преемственное отложеніе духовной жизни цѣлаго ряда поколѣній въ извѣстномъ народѣ, то такую же преемственность духовной жизни Гердеръ усматривалъ и на всемъ протяженіи культурной исторіи человѣчества и на этомъ основаніи утверждалъ, что „первая мысль первой человѣческой души находится въ связи съ послѣднею мыслью въ душѣ послѣдняго человѣка“.

Историческое чутье Гердера обнаруживалось затѣмъ въ его необыкновенной непосредственной симпатіи ко всему, что жило и было въ исторіи. Въ *этомъ* смыслѣ нужно понять его слова, что „для истиннаго историка нѣтъ излюбленнаго народа“; въ этомъ смыслѣ онъ отказывается называть „варварствомъ то, что по условіямъ своего времени и своей страны не могло быть иначе“.

Въ этомъ историческомъ методѣ, примѣненномъ къ явленіямъ поэзіи, языка и мысли, заключается выходъ изъ проблемы, поставленной Руссо. Противоположность между „натуральнымъ“ и „культурнымъ“ исчезаетъ: культура является естественнымъ росткомъ природы; прогрессъ въ человѣческой исторіи — не случайное, не произвольное явленіе, ибо прогрессивное развитіе есть законъ природы, есть общій законъ мірозданія. Всемирная исторія становится для Гердера исторіей міра.

Въ такомъ сочетаніи исторіи человѣчества съ исторіей мірозданія, въ признаніи того, что судьбы человѣчества составляютъ органическую часть міровой исторіи, заключается сущность философіи исторіи Гердера: это основная мысль тѣхъ „Идей о философіи исторіи“ (Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit), которыя онъ началъ печатать

---

*) См. Fester. Rousseau, p. 54.

въ 1784 г. За десять лѣтъ предъ тѣмъ онъ издалъ первый опытъ философской обработки історіи подъ заглавіемъ „Auch eine Philosophie der Geschichte“. Взявшись теперь снова за свою задачу, онъ исполнилъ ее на болѣе широкомъ основаніи и въ болѣе научной обработкѣ. Исполненіе, впрочемъ, затянулось. Только семь лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ первой части сочиненія появилась въ печати его четвертая и послѣдняя часть, въ которой обзоръ событій доведенъ только до конца XV вѣка. Такая растянутость работы объясняетъ многія противорѣчія, не сглаженные авторомъ. Но эти противорѣчія, какъ и неоконченность книги, нисколько не умаляютъ философскаго значенія труда Гердера. Его обзоръ історіи отдѣльныхъ народовъ и характеристика отдѣльныхъ событій были для современниковъ Гердера важнымъ вкладомъ въ историческую науку: для насъ они имѣютъ значеніе лишь какъ матеріаль для характеристики личности Гердера и историческихъ воззрѣній прошлаго вѣка. *Непреходящее* значеніе слѣдуетъ однако признать за общей постановкою вопроса объ историческомъ развитіи человѣчества и за отдѣльными философско-историческими разсужденіями Гердера.

Картина человѣческой історіи развертывается на земномъ шарѣ; но земной шаръ самъ имѣетъ свою історію, предрѣшающую історію человѣка. Земля есть часть мірозданія, и судьба всего, на ней живущаго, обусловливается ея положеніемъ въ мірозданіи и дѣйствіемъ на ней общихъ космическихъ законовъ. Поэтому, какъ говоритъ Гердеръ, „наша философія історіи человѣческаго рода должна начать съ неба, если она сколько-нибудь заслуживаетъ этого названія“. Съ звѣзднаго неба онъ ее и начинается, и законы Коперника и Ньютона—первые законы, о которыхъ упоминается въ его історіи человѣчества.

Отношеніе земного шара къ другимъ планетамъ заставляетъ Гердера слѣлать нѣсколько заключеній на счетъ свойствъ обитающаго на землѣ человѣчества. „Земля,—говоритъ онъ,—занимаетъ среди другихъ планетъ срединное

положеніе; движеніе ея вокругъ ея оси и вокругъ солнца соразмѣрнѣе, чѣмъ у другихъ планетъ. Сатурнъ въ тридцать лѣтъ совершаетъ свой путь вокругъ солнца, а въ семь часовъ совершаетъ движеніе около своей оси. Свѣтъ, который падаетъ на него, въ десять разъ слабѣе, чѣмъ свѣтъ солнца на землѣ. Меркурій же совершаетъ первое движеніе въ 88 дней, а второе въ шесть часовъ, и солнце освѣщаетъ его въ шесть разъ сильнѣе, чѣмъ землю. На землѣ господствуетъ большая соразмѣрность, и это не могло не имѣть вліянія на людей. Отношеніе матеріи къ нашему духу, можетъ быть, такъ же уравновѣшено, какъ длина нашихъ ночей и нашихъ дней. Быстрота нашихъ мыслей, можетъ быть, соразмѣрна быстротѣ движенія земли сравнительно съ другими планетами. Итакъ, будемъ разсчитывать на землѣ только на посредственный земной разумокъ и на еще болѣе посредственную людскую добродѣтель“.

Указавъ мѣсто земного шара въ хорѣ міровъ, Гердеръ сходитъ на землю и описываетъ ея сферическую организацію и ея положеніе на эклиптикѣ. Онъ упоминаетъ затѣмъ о многообразныхъ переворотахъ, которымъ подвергся земной шаръ и которые придали его поверхности настоящій ея видъ.

Эти геологическіе перевороты наводятъ Гердера на такія разсужденія: „Странно, — говоритъ онъ, — что люди, замѣтивъ форму земли, не поняли, что все на ней подвержено перемѣнѣ и передвиженію. Какой человѣкъ, еслибы онъ вникнулъ въ геометрическую форму земли, рѣшился бы пойти и проповѣдовать для всего міра *одну* вѣру или *одну* философскую теорію? Кто рѣшился бы убивать людей во имя этой вѣры въ святомъ, но слѣпомъ рвеніи? Все на землѣ мѣняется. Земной шаръ въ вѣчномъ движеніи; въ подобномъ же движеніи находится и человѣческій умъ. Нравы и религіи мѣняются, подобно страстямъ и костюмамъ“.

Отъ геологіи Гердеръ переходитъ къ физической географіи, къ распредѣленію на земномъ шарѣ суши и моря и протяженію по землѣ горныхъ хребтовъ, давшихъ направ-

леніе исторической жизни народовъ. Но всѣ эти науки, которыхъ коснулся Гердеръ въ первой своей книгѣ,—астрономія, космографія и даже геологія—представляли въ то время сравнительно весьма мало данныхъ, имѣвшихъ прямое отношеніе къ исторіи человѣчества. Нашъ интересъ возрастаетъ, когда онъ насъ вводитъ „въ великую мастерскую для организациі всевозможныхъ существъ“. Ботаника и зоологія появляются у преддверія къ исторіи человѣчества. Предъ нами уже обрисовывается великая проблема, поставленная біологіей нашихъ дней,—о положеніи человѣка въ органическомъ мірѣ, объ его отношеніяхъ къ другимъ органическимъ породамъ и о родствѣ съ ними. Эта ранняя попытка разрѣшить указанную проблему средствами тогдашней науки заслуживаетъ всего нашего вниманія. Вполнѣ отчетливо и безусловно признаетъ Гердеръ основной принципъ поступательнаго движенія отъ неорганической природы къ органической и, въ предѣлахъ органической природы,—отъ низшихъ организмовъ къ человѣку. Растеніе представляетъ ему въ своемъ строеніи и еще болѣе въ своихъ физиологическихъ отправленіяхъ, въ дыханіи и питаніи, много аналогій и точекъ соприкосновенія съ животными организмами; но онъ идетъ далѣе аналогій и какъ будто признаетъ непосредственную связь и переходъ. „Растительное царство, — говоритъ онъ,—есть болѣе высокій видъ организациі, чѣмъ всѣ минеральныя формы, и имѣетъ такой обширный объемъ, что, съ одной стороны, теряется въ нихъ, съ другой—во многихъ своихъ отросткахъ и во многихъ сходствахъ приближается къ животному царству“ *). Гораздо болѣе опоры даютъ Гердеру сравнительная анатомія и физиологія животныхъ—для того, чтобы отъ нихъ протянуть соединительную линію къ вѣнцу творенія—человѣку. Гердеръ подробно познакомился съ трудами и результатами современныхъ ему естествоиспытателей въ этой области.—Кампера, установившаго лицевой уголь, столь важный

---

*) Ideen. II В. 2 С.

въ сравнительной анатоміи, Зёммеринга, извѣстнаго своими изслѣдованіями по нервной системѣ, Блуменбаха, классификатора расъ, знаменитаго Бюффона, Добантона и др. Съ другой стороны, и эти естествоиспытатели относились съ интересомъ и одобреніемъ къ біологическимъ отдѣламъ книги Гердера, и Камперъ отозвался о высказанныхъ имъ взглядахъ, что они „si justes, si grandes et si immensement riches“ *).

Благодаря трудамъ названныхъ ученыхъ и многихъ другихъ, сравнительная анатомія животныхъ въ концѣ прошлаго вѣка вполне выяснила общій характеръ ихъ строенія, и мысль о единствѣ пріемовъ въ творествѣ природы предстала какъ несомнѣнная истина предъ пытливымъ умомъ человѣка. Гердеръ съ увлеченіемъ усвоилъ себѣ эту мысль. „Des Menschen ältere Brüder sind die Thiere“ („Животныя старшіе братья человѣка“) — этими словами началъ онъ главу о царствѣ животныхъ въ его отношеніяхъ къ человѣку. Указавъ затѣмъ первый законъ, обнаружившійся въ этомъ царствѣ, а именно, что классы живыхъ существъ расширяются по мѣрѣ того, какъ они удаляются отъ человѣка, и что чѣмъ ближе къ человѣку, тѣмъ „малочисленнѣе становятся виды такъ называемыхъ усовершенствованныхъ животныхъ“, — Гердеръ продолжаетъ: „Несомнѣнно, что при всемъ разнообразіи земныхъ существъ вездѣ, по видимому, господствуетъ извѣстное однообразіе строенія, какъ бы одна основная форма, чередующаяся въ самомъ богатомъ многообразіи. Сходство остеологическаго строенія у живущихъ на сушѣ животныхъ бросается въ глаза; голова, туловище, руки и ноги вездѣ составляютъ главныя части; даже всѣ главные члены образованы по одному прототипу, но только въ безконечной вариации. Внутреннее строеніе животныхъ придаетъ этой мысли еще больше правдоподобія, и многія животныя грубоватой (gohe) формы во внутренностяхъ своихъ весьма сходны съ человѣкомъ. Амфибіи уже болѣе отступаютъ отъ главнаго образа; пти-

*) Haym. Herder nach s. Leben u. s. Werken. II 1885 p. 253.

цы, рыбы, насекомыя и живущіе въ водѣ организмы (Wassergeschöpfe) еще болѣе и послѣдніе даже теряются въ растительномъ и неорганическомъ царствѣ. Далѣе нашъ глазъ не проникаетъ; однако, эти переходы дѣлають вѣроятнымъ, что въ морскихъ животныхъ, растеніяхъ и, можетъ быть, въ такъ называемыхъ безжизненныхъ существахъ (Wesen)— господствуетъ одинъ и тотъ же планъ (Anlage) организаціи, но несравненно менѣе отдѣланный и болѣе смутный. Во взорѣ Вѣчнаго Существа, все видящаго въ единой связи, форма ледяного кристалла въ его возникновеніи и снѣжинки, вокругъ него образующейся, можетъ быть, все еще имѣть аналогію съ образованіемъ органическаго эмбриона (im Mutterleibe). Мы можемъ поэтому принять второй основной законъ—что чѣмъ ближе къ человѣку, тѣмъ болѣе или менѣе значительно сходство съ нимъ всѣхъ существъ въ основной формѣ, и что природа, при безконечномъ разнообразіи, которое она любитъ, все живое на землѣ образовала по одному главному типу организаціи“.

Гердеръ признаетъ не только существованіе одного общаго плана въ *строении* организмовъ, но и видоизмѣненіе ихъ сообразно со средой, въ которой имъ приходится жить. Указавъ на то, что породы животныхъ какъ бы со всѣхъ сторонъ приближаются къ человѣку, Гердеръ говоритъ: „птица летитъ по воздуху, и всякое отступленіе ея строенія отъ организаціи земноводныхъ животныхъ объясняется ея стихіей; какъ скоро птица прикасается къ землѣ, хотя бы въ какой-нибудь уродливой средней формѣ, она становится сходною со скелетомъ человѣка (летучая мышь и вампиръ). Рыба плаваетъ по водѣ: ея ноги и руки еще сросшены въ плавникахъ и въ хвостѣ; въ ней расчлененіе еще очень незначительно. Какъ скоро она соприкасается съ землею, у нея, какъ у манати (изъ породы фокъ), выдѣляются переднія лапы и у самки вырастають груди. У морского медвѣдя и морского льва (изъ той же породы фокъ) уже становятся замѣтными всѣ четыре ноги, хотя задними они еще не могутъ пользоваться и пять пальцевъ этихъ лапъ еще со-

единены въ видѣ плавниковъ. Но, тѣмъ не менѣе, эти водяныя животныя уже стараются потихоньку ползти, чтобы грѣться на лучахъ солнца и уже поднялись до нѣкоторой степени надъ неповоротливостью уродливаго тюленя“.

Указавъ подобное усовершенствованіе въ царствѣ насѣкомыхъ и амфибій, Гердеръ заключаетъ: „итакъ, въ анатомическомъ и фізіологическомъ смыслѣ несомнѣнна истина, что во всѣхъ живыхъ твореніяхъ земли господствуютъ аналогія и единая организація“.

Гердеръ даже прозрѣваетъ истину, точнѣе установленную и болѣе научно формулированную позднѣйшей эмбриологіей, что дѣтенышъ принужденъ въ эмбриологическомъ состояніи пройти, какъ выражается Гердеръ, черезъ всѣ состоянія, возможныя для земнаго существа.

Слѣдя за цѣпью органическихъ формаций отъ низшаго существа до самаго совершеннаго, Гердеръ утверждаетъ, что виды существъ слѣдовали другъ за другомъ по мѣрѣ того, какъ—согласно со своею природою и своею средою—они становились способны къ существованію, и приходитъ къ выводу, что твореніе получаетъ жизнь (sich belebe) посредствомъ собственныхъ, присущихъ стихіямъ, органическихъ силъ.

При всей неясности этой формулы въ ней какъ бы заключается признаніе въ природѣ сообразнаго съ средою самостоятельнаго движенія къ усовершенствованію организмовъ. И Гердеръ не останавливается въ нерѣшительности предъ самымъ совершеннымъ изъ нихъ. Онъ отстаиваетъ противъ Бюффона анатомическое сходство между человѣкомъ и ближайшею къ нему породой обезьянъ—орангъ-утангомъ. Гердеръ ссылается на мнѣніе естествоиспытателя Тизона, вычислившаго 48 признаковъ, въ силу которыхъ орангъ-утангъ ближе къ человѣку, чѣмъ къ другимъ породамъ обезьянъ, и приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, по его убѣжденію, насколько орангъ-утангъ выше самыхъ способныхъ къ развитію животныхъ породъ—слона и собаки.

Гердеръ даже прямо приписываетъ orangъ-утангу признакъ высшей породы—стремленіе къ усовершенствованію, *er will sich vervollkommen*. И если мы спросимъ, какой признакъ отдѣляетъ, по мнѣнію Гердера, человѣка отъ orangъ-утанга и другихъ животныхъ породъ, то мы получимъ въ отвѣтъ указаніе на чисто-остеологическій признакъ, а именно—выпрямленный станъ; отличительнымъ признакомъ человѣческой породы Гердеръ признаетъ такое строеніе скелета, въ силу котораго голова завершаетъ строй тѣла не въ горизонтальномъ, а въ вертикальномъ направленіи.

И тѣмъ не менѣе, мы впали бы въ глубокую ошибку, если бы приписали Гердеру, какъ это иногда бывало, теорію, сложившуюся въ наше время и обозначаемуую именемъ Дарвина.

При выясненіи точки зрѣнія Гердера на этотъ вопросъ особенно интересно сопоставить его съ Гёте. Гердеръ рано въ жизни познакомился съ молодымъ Гёте (онъ былъ на пять лѣтъ старше его), но потомъ разошелся и снова сблизился съ нимъ уже въ Веймарѣ, когда приступилъ къ своимъ „Идеямъ“. Можно сказать, что ихъ особенно и сблизилъ общій интересъ къ жизни и развитію органической природы. Гёте былъ въ этой области самостоятельнымъ дѣятелемъ; его изслѣдованія по морфологіи растений имѣютъ существенное значеніе въ исторіи науки и играютъ важную роль въ теоріи преемственной эволюціи всѣхъ живущихъ породъ.

Отъ ботаники Гёте перешелъ къ анатоміи, и ко времени окончанія первой части „Идей“ относится важнѣйшее открытіе Гёте въ области сравнительной анатоміи. Знаменитому поэту удалось указать въ человѣческомъ скелетѣ межчелюстную кость, которая у животныхъ существуетъ отдѣльно, у человѣка же сливается въ одно съ костью верхней челюсти. Такимъ образомъ, на глазахъ у Гердера былъ добытъ новый фактъ для установленія тождества остеологическаго типа животнаго царства и породы человѣка. Съ другой стороны, Гёте съ крайнимъ интересомъ и сочувствіемъ

слѣдилъ за постепенною разработкой „Идей“, наслаждался ихъ первыми главами, восхвалялъ ихъ въ перепискѣ съ друзьями, называя ихъ чудными (kostbar) и прочитывалъ ихъ герцогинѣ Веймарской, чтобъ утѣшить ее въ ея семейномъ горѣ. И тѣмъ не менѣе, полюсы, около которыхъ вращались ихъ мысли, были противоположны. Это характерно обнаружилось въ отзывѣ двухъ женщинъ, близко къ нимъ стоявшихъ и по поводу „Идей“ Гердера выразившихъ образъ мысли дружественныхъ имъ писателей. Шарлотта Фонъ-Штейнъ, которая была музою Гёте, заявила подъ впечатлѣніемъ книги Гердера, что „она дѣлаетъ вѣроятнымъ, что мы были прежде растеніями и животными“. Гёте, прибавила „она, вдумывается весьма глубоко въ эти вопросы, и все, что, проходитъ черезъ его представленія, становится чрезвычайно интереснымъ“.

Гораздо вѣрнѣе передавала Каролина Гердеръ мысли своего мужа и духъ, вложенный имъ въ его книгу, когда она высказалась въ одномъ письмѣ о „возвышающемъ впечатлѣніи, ею производимомъ“, и указывала на то, какъ „дивно умилительны родство челоуѣка со всѣмъ, что его окружаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ его высокое положеніе и несравненная организація, которою природа увѣнчала своего любимца“.

Гёте не находилъ въ природѣ ничего прочнаго, завершеннаго, неподвижнаго; въ его глазахъ все только возникало и слагалось, все „колебалось въ вѣчномъ движеніи“, и онъ утверждалъ, что челоуѣкъ, чтобы усвоить себѣ сколько-нибудь живое пониманіе природы, долженъ, по ея образцу, поддерживать въ самомъ себѣ подобную же подвижность и гибкость ¹⁾.

Гердеръ же признавалъ въ природѣ принципъ непрерывнаго, преемственнаго усовершенствованія, но въ то же время держался убѣжденія, что это восходящее движеніе совершается по опредѣленнымъ ступенямъ. Для Гердера типы и виды были нѣчто прочное и замкнутое. Почему,

---

*) Haym. Herder. II 206.

спрашиваетъ онъ, „творческая мать - природа обособила виды?—Не для какой иной цѣли, какъ для того, чтобы сдѣлать типы своихъ формаций тѣмъ совершеннѣе и удержать ихъ въ этомъ состояніи (т.-е. безъ ухудшающей, случайной примѣси). Мы не знаемъ,—говорилъ онъ,—сколько изъ нашихъ теперешнихъ видовъ животныхъ въ прежнемъ періодѣ земли ближе подходили другъ къ другу, но то мы видимъ, что они обособлены между собою генетически“.

Однимъ словомъ, Гердеръ признавалъ не единство и непрерывность происхожденія живыхъ породъ другъ отъ друга, а духовное единство организациі,—не генетическое родство, а тождество творческой техники.

Въ этомъ отношеніи Гердеръ могъ бы опереться на авторитетъ почти всѣхъ ученыхъ его времени и такихъ крупныхъ естествоиспытателей нашего вѣка, какъ Кювье и Агасизъ. Но дѣло не въ этомъ конечномъ выводѣ, а въ методѣ и отношеніи Гердера къ природѣ.

Гердеръ—не естествоиспытатель, который дѣлаетъ свои наблюденія, остерегаясь преждевременныхъ обобщеній, но и не заботясь о послѣдствіяхъ, которыя его обобщенія могли бы имѣть для нравственнаго міра; Гердеръ, при всемъ своемъ интересѣ къ природѣ—идеалистъ въ смыслѣ платоновскаго идеализма: для него „все преходящее“, какъ гласитъ заключительный стихъ Фауста, имѣетъ лишь значеніе образа—*Alles Vergängliche ist nur ein Gleichniss*,—міръ же духовный имѣетъ самостоятельный смыслъ, — онъ обращается къ природѣ только за объясненіями и аналогіями.

Для Гердера природа—мощный постаментъ, на которомъ покоится художественное, законченное въ себѣ изображеніе вѣчной красоты и истины: какъ бы ни былъ проченъ и цѣненъ этотъ постаментъ, глазъ художника скользитъ по немъ, чтобы подняться выше и остановиться въ созерцаціи идеальнаго образа.

У Гердера встрѣчаются положенія, которыя можно приписать самому завязтому реализму: „и духъ, и нравственность,—говоритъ онъ,—не что иное, какъ физическіе про-

цессы—Auch Geist und Moralität sind Physik—или: „нравственность не что иное, какъ болѣе высокая духовная физика“; но Гердеръ такъ говоритъ потому, что самый физическій міръ для него есть лишь проявленіе всемірнаго духа. Мірозданіе (Weltschöpfung) для него „храмъ, въ которомъ все полно божественнаго всемогущества и милостивой мудрости“. Онъ обращается къ природѣ и изучаетъ ея законы, потому что ищетъ въ ней опоры противъ сомнѣній въ цѣлесообразности нравственнаго міра и человѣческихъ порядковъ; противъ тѣхъ, „кто—какъ онъ выражается—мнятъ, что на пустынномъ океанѣ человѣческой исторіи они утратили Бога, котораго они на твердомъ материкѣ изученія природы прозрѣвали духовнымъ окомъ въ каждой былинкѣ и въ каждой пылинкѣ и почитали полнымъ сердцемъ“. Для него изученіе природы ведетъ не къ безвѣрію, а къ вѣрѣ, и завѣтъ, который природа своими неотъемлемыми законами громогласно проповѣдуетъ историку, Гердеромъ формулированъ такъ: если есть Господь въ природѣ, то Онъ есть и въ исторіи, ибо и человѣкъ есть часть творенія и принужденъ въ самыхъ дикихъ страстяхъ и извращеніяхъ своихъ слѣдовать законамъ, не менѣе прекраснымъ и гармоничнымъ, чѣмъ тѣ, въ силу которыхъ вращаются небесныя тѣла и живутъ земные организмы.

Вотъ какими глазами смотритъ Гердеръ на природу; вотъ почему онъ относится къ ней какъ поэтъ и моралистъ. Аналогіи между органическимъ міромъ и человѣческимъ на каждомъ шагу вызываютъ его на поэтическое сравненіе, на изображеніе картинъ, которыя могли бы быть изложены стихами. Такъ, наприм., по поводу аналогій въ строеніи между растеніемъ и нервною системой человѣка, Гердеръ восклицаетъ: „бросается въ глаза истина, что человѣческая жизнь, насколько она представляетъ собою произрастаніе, раздѣляетъ и судьбу растенія“. И за этимъ слѣдуетъ обстоятельное поэтическое изображеніе человѣческой жизни на тему: мы произрастаемъ, цвѣтемъ, увядаемъ и умираемъ.

Еще чаще Гердеръ по поводу аналогій между органиче-

скимъ міромъ и человѣкомъ вдается въ нравственныя на-
зиданія. Коснувшись, наприим., фізіологическаго процесса пи-
танія, который на низшихъ ступеняхъ природы поглощаетъ
всю жизненную дѣятельность организма, Гердеръ восклицаетъ:
„Гордый человѣкъ, оглянись назадъ на эту первую
скудную организацію твоихъ собратьевъ въ твореніи: ты
носишь ее и теперь при себѣ; ты также аппаратъ для пи-
танія, подобно твоимъ низшимъ братьямъ“. Но если велика
аналогія между человѣкомъ и его низшими братьями, то
еще значительнѣе существенное между ними различіе. Опи-
савъ отличительный признакъ человѣческаго строенія—вы-
прямленный станъ, Гердеръ въ заключеніе изображаетъ, какъ
природа протягиваетъ послѣдному созданію своего ху-
дожества материнскую руку и говоритъ ему:

„Воспрянь съ земли; предоставленный самому себѣ, ты остал-
ся бы животнымъ, подобно другимъ животнымъ, но, благодаря
моей особенной милости и любви, встань, гряди выпрямив-
шись и будь богомъ животнаго царства“.— „Остановитесь, —
приглашаетъ Гердеръ своихъ читателей, — съ благодарнымъ
взоромъ на этомъ произведеніи святого искусства, на благо-
дѣянніи, въ силу котораго наша порода стала человѣче-
скимъ родомъ; съ изумленіемъ мы увидимъ, какая органи-
зація новыхъ силъ возникаетъ въ человѣкѣ въ связи съ его
выпрямленнымъ станомъ и какъ, только благодаря этому,
человѣкъ становится человѣкомъ“.

Итакъ, со словами: „воспрянь съ земли“ отпускаетъ при-
рода у Гердера созданнаго ею человѣка изъ круга жи-
вотныхъ организмовъ и вводитъ его въ свойственный ему
одному міръ. Слова „воспрянь съ земли“ составляютъ за-
вѣтъ его физической организаціи и обозначаютъ дальнѣй-
шую предназначенную ему цѣль. Но прежде, чѣмъ послѣ-
довать за нимъ на этомъ пути, выяснимъ себѣ въ общихъ
чертахъ взглядъ Гердера на ту природу, которая создала
въ своемъ восходящемъ движеніи человѣка и опредѣлила
его положеніе и роль въ исторіи. Пытаясь объяснить цѣли
и ходъ человѣческой исторіи изъ вліянія природы и поло-

женія челоѣка въ мірозданіи, Гердеръ, какъ мы упоминали, часто прибѣгаетъ къ аналогіи. Аналогія служитъ ему средствомъ для того, чтобы примѣнять къ челоѣку выводы, сдѣланные изъ фактовъ, взятыхъ изъ растительнаго и животнаго царства, и чтобы установить связь между физическими процессами и психологическими или историческими тамъ, гдѣ Гердеръ еще не въ состояніи установить эту связь прямымъ научнымъ путемъ. Аналогія вообще является у Гердера вспомогательнымъ средствомъ и суррогатомъ научнаго вывода. Но Гердеръ прибѣгаетъ къ аналогіи не только случайно и какъ бы по необходимости, при проведеніи параллели между жизнью челоѣка и жизнью другихъ низшихъ организмовъ,—онъ придалъ ей гораздо болѣе обширное значеніе, онъ возводитъ ее на степень постояннаго и общаго научнаго средства. Въ психологическомъ трактатѣ о познаваніи и ощущеніи челоѣческой души онъ указываетъ на то, что Эмпедокль, признававшій любовь и ненависть (притяженіе и отталкиваніе) движущими и формирующими силами вселенной, безсознательно предчувствовалъ міровую систему Ньютона; подобнымъ образомъ, по мнѣнію Гердера, мы большею частью обязаны величайшими научными открытіями какому-нибудь образу, заимствованному изъ природы, какой-нибудь взятой изъ нея аналогіи. Этотъ способъ познаванія состоитъ въ томъ, что мы принимаемъ отраженіе предметовъ за божественное указаніе нашему духу; способъ этотъ вполне удовлетворяетъ челоѣка и предоставляетъ ему полную непосредственность достовѣрности. Итакъ, всякое познаваніе исходитъ изъ ощущенія, оно вызывается раздраженіемъ (Reiz), проходящимъ посредствомъ необыкновенно тонкихъ волоконъ (Fasern) по всему тѣлу и служащимъ стимуломъ какъ къ дѣйствіямъ воли, такъ и къ познаванію. Наши чувства приводятся въ стройность нервною системою и, какъ скоро достигаютъ извѣстной степени силы и ясности, становятся *мыслями* *).

*) Lüttge: Herders Auffassung d. Weltgeschichte. Stendal, p. 14 (Progr. d. Gymn. Seehausen.).

Нужно постоянно имѣть въ виду эту „теорію познанія“, усвоенную Гердеромъ или, вѣрнѣе, вытекавшую изъ его поэтической натуры, изъ избытка чающей и угадывающей фантазіи, чтобы понять Гердера и правильно оцѣнить его. Въ этой теоріи познанія мы найдемъ ключъ къ его взгляду на природу, къ его философскимъ понятіямъ, къ его религиознымъ принципамъ, къ самой формѣ или языку его сочиненій, наконецъ къ впечатлѣнію, которое они производили на другихъ. Чувства дѣйствительно являются у него зачатками мысли, чувства восполняютъ пробѣлы и недомолвки знанія; въ проникнутыхъ теплымъ чувствомъ неясныхъ очертаніяхъ *образа* сливаются у Гердера противорѣчія отвлеченныхъ понятій и философскихъ принциповъ.

Философія исторіи основана у Гердера на изученіи природы и законовъ мірозданія; физическое строеніе человѣка онъ объясняетъ изъ постепеннаго развитія организмовъ въ природѣ; изъ физическаго строенія человѣка онъ объясняетъ его духовныя функціи и историческое назначеніе. Во всей этой первой части своей философіи исторіи онъ говоритъ языкомъ естествоиспытателя; онъ подаетъ другимъ поводъ обвинять его въ томъ, что онъ материализуетъ человѣка и его духовную жизнь. Но дѣло-то въ томъ, что Гердеръ при этомъ идеализируетъ матерію или природу; поступательное творчество природы отъ неорганическихъ явленій къ низшимъ организмамъ, а отъ нихъ къ высшимъ организмамъ и, наконецъ, къ человѣку—лишь на поверхности своей представляется *физическимъ* процессомъ. Въ сущности, прогрессъ въ природѣ и развитіе высшихъ формъ приводятся у Гердера въ движеніе рядомъ „невидимыхъ силъ“. Онъ видитъ себя вынужденнымъ, какъ онъ говоритъ, предположить царство невидимыхъ силъ, состоящихъ между собою въ такой же тѣсной связи и непосредственномъ переходѣ, какіе мы отмѣтили во внѣшнихъ формахъ. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ природою, тѣмъ болѣе замѣчаемъ мы эти внутреннія силы, присущія самымъ низшимъ созданіямъ—мхамъ, грибкамъ и т. п. Въ животномъ, которое себя

почти бесконечно воспроизводить, въ мускулѣ, который многообразно и живо бьется въ силу собственной реакціи, эти силы несомнѣнны; и такимъ образомъ все исполнено органически-дѣйствующаго всемогущества. Мы не знаемъ, гдѣ оно начинается и гдѣ кончается, ибо тамъ, гдѣ въ твореніи проявляется дѣйствіе, тамъ есть и сила; гдѣ обнаруживается жизнь, тамъ есть внутренняя жизнь. Поэтому несомнѣнно существуетъ въ невидимомъ царствѣ творенія не только связанный, но и поступательный рядъ силъ, такъ какъ мы созерцаемъ ихъ въ ихъ видимомъ царствѣ, въ органическихъ формахъ.

Дѣло въ томъ, какъ поясняетъ Гердеръ, что въ природѣ всякая сила обладаетъ органомъ (*Keine Kraft der Natur ist ohne Organ*); но органъ никогда не тождественъ съ силою, дѣйствующей посредствомъ его. „Хотя сила и органъ тѣсно между собою связаны, но они не одно и то же: матерія для нашего тѣла существовала раньше, но безформенно и безжизненно, пока органическія силы не организовали и не оживили ея. Всякая сила дѣйствуетъ въ гармоніи со своимъ органомъ, ибо она создала его себѣ (*hat sich dasselbe zugebildet*) для своего проявленія. Она ассимилировала частицы, которыя Всемогущій ей доставилъ (*ihr zuführte*) и въ оболочку которыхъ онъ ее замкнулъ. Когда эта оболочка отпадаетъ, остается сила, существовавшая уже до этой оболочки, хотя и въ низшемъ состояніи и также органически“.

Только съ этимъ новымъ понятіемъ „силъ“ намъ станетъ вполне понятнымъ, въ какомъ смыслѣ собственно Гердеръ разумѣлъ прогрессъ въ органической природѣ и какимъ образомъ онъ объяснял себѣ ея поступательное движеніе отъ низшихъ жизненныхъ формъ къ высшимъ. То, что въ современномъ дарвинизмѣ объясняется „естественнымъ подборомъ“, Гердеръ приписываетъ внутреннимъ „силамъ“. Дѣло ему кажется „яснымъ само собою: ибо было бы совершенно непонятно, если бы живая сила природы, не будучи ограничена или не встрѣчая отпора со стороны враждебной, подавляющей ея силы (*Uebermacht*), могла остано-

виться или отступить назад". „Сила эта дѣйствуетъ какъ органъ божественной Моши, какъ вступившая въ дѣйствіе идея (eine thätig gewordene Idee) Ея вѣчнаго плана творенія и потому чрезъ самое свое дѣйствіе должна возрастать“.

Благодаря этому-то свойству силъ, „ничто въ природѣ не останавливается, все стремится и подвигается впередъ. Если бы мы могли, — восклицаетъ Гердеръ, — проникнуть взоромъ въ первый періодъ творенія, когда одно царство природы строилось надъ другимъ, какая прогрессія устремленныхъ впередъ силъ представилась бы нашимъ глазамъ!“

Именно въ этомъ мѣстѣ, гдѣ Гердеръ говоритъ о томъ, какъ одно царство природы строилось надъ другимъ, мы можемъ удостовѣриться, насколько онъ былъ далекъ въ своемъ пониманіи природы отъ современнаго дарвинизма. „Когда, — говоритъ онъ, — замкнулись ворота творенія, избранные однажды навсегда органическіе типы представляли (standen da) собою опредѣленные пути и просѣки, по которымъ впредь должны были въ области природы подниматься низшія силы и достигать высшихъ формъ. Новыя формы уже болѣе не создавались; и то, что называется *организацией*, въ сущности, — не что иное, какъ проводникъ силъ къ высшему развитію, — als eine Leiterin derselben (т. е. unterer Kräfte) zu einer höheren Bildung“.

Итакъ, поступательное движеніе въ органической природѣ состоитъ не въ томъ, чтобы одинъ видъ механически выросталъ изъ другого, менѣе совершеннаго, но всѣ виды, существуя одновременно, представляютъ собой безконечную лѣстницу, по ступенямъ которой происходитъ всеобщее восходящее движеніе въ природѣ. Это восходящее движеніе представляется у Гердера двоякимъ: съ одной стороны, въ немъ участвуетъ сама матерія въ своихъ элементахъ и частяхъ, которыя, проходя чрезъ высшіе организмы, составляютъ новыя, болѣе сложныя химическія комбинаціи и какъ бы облагороживаются.

Первое созданіе, выступающее на свѣтъ и подъ лучами солнца являющееся царицей подземнаго міра, — это растение.

Какія его составныя части? Соли, масла, желѣзо, сѣра и все прочее, что могло, облагороживаясь, вмѣстѣ съ нимъ возвыситься изъ подземнаго міра (hinauf zu läutern). Какимъ способомъ оно усвоило себѣ эти частицы? Посредствомъ внутренней органической силы, ассимилируя ихъ себѣ. И что оно дѣлаетъ съ ними? Оно привлекаетъ ихъ къ себѣ, перерабатываетъ въ себѣ и приспособляетъ ихъ къ дальнѣйшему облагороживанію: весь искусный механизмъ растенія заключается въ томъ, чтобы низшіе элементы преобразовались въ высшіе.

Надъ растеніями стоитъ животное, которое питается его соками. Одинъ слонъ представляетъ собою могилу для милліона растеній; но это—„животворная могила“; она претворяетъ ихъ въ себѣ, „анимализируетъ“ ихъ,—низшія силы переходятъ въ болѣе утонченныя формы жизни.

То же самое можно сказать о всѣхъ плотоядныхъ животныхъ и, наконецъ, о человѣкѣ. Изъ всѣхъ тварей человѣкъ одаренъ самыми тонкими органами, и онъ же величайшій убійца (Mörder); онъ въ состояніи претворять въ себя почти все въ живомъ органическомъ мірѣ, что стоитъ не слишкомъ низко подъ нимъ.

Почему-же, спрашиваетъ Гердеръ, Творецъ допустилъ это постоянное разрушеніе въ своемъ царствѣ жизни? Но это только кажется насильственнымъ разрушеніемъ; въ дѣйствительности, въ твореніи нѣтъ смерти, всякое разрушеніе есть лишь переходъ къ высшимъ формамъ жизни.

Итакъ, *питаніе* представляется Гердеру средствомъ претворенія низшихъ элементовъ въ высшіе.

Такое же значеніе имѣетъ и ростъ. Ростъ какого-нибудь существа,—говоритъ Гердеръ,—не что иное, какъ постоянное стараніе его соединить съ своею природою какъ можно болѣе органическихъ силъ.

Но, съ другой стороны, какъ между прочимъ уже видно изъ послѣдняго приведеннаго выраженія, поступательное движеніе въ природѣ состоитъ для Гердера не только въ претвореніи организмами низшихъ химическихъ элементовъ

въ высшіе, но и въ восхожденіи по лѣстницѣ твореній самихъ низшихъ силъ. Гердеръ отличаетъ силы отъ ихъ органовъ; эти силы, стремясь къ совершенству, также поднимаются по лѣстницѣ твореній,—организмы всѣхъ классовъ и видовъ суть не что иное, какъ переходящія, стремящіяся вверхъ души (*wandernde, sich emporarbeitende Seelen*). Гердеръ приближается здѣсь къ античной идеѣ метэмпсихозы.

Въ своихъ трехъ діалогахъ о переселеніи души, написанныхъ за два года до появленія первой части „Идей“, Гердеръ прямо становится на эту точку зрѣнія. Въ философіи исторіи онъ не рѣшается поднимать завѣсу, которой покрыта эта тайна, но понятіе *живой* внутренней силы у него вездѣ стоитъ на первомъ планѣ въ его пониманіи природы: оно лежитъ въ основаніи его представленій объ организмѣ и оно играетъ существенную роль при объясненіи прогресса въ органической природѣ и въ исторіи.

Откуда же у Гердера это понятіе о силѣ? Конечно, изъ современной ему философіи, и это побуждаетъ насъ коснуться, хотя и вкратцѣ, отношеній Гердера къ философіи XVIII вѣка, т.-е. философской подкладки его философіи исторіи.

Какъ разъ по поводу указаннаго выше отождествленія природы „съ рядомъ невидимыхъ силъ“ Гердеръ отстраняетъ отъ себя всякую метафизику и хочетъ руководиться одними физическими аналогіями: *die Metaphysik bleibe bei Seite, wir wollen Analogieen der Natur betrachten*.

Это заявленіе Гердера, однако, никакъ не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Высказанное здѣсь недовѣріе Гердера къ метафизикѣ относилось къ философіи Канта, которая отталкивала Гердера своею логическою послѣдовательностью, своимъ рѣшительнымъ разграниченіемъ априорнаго познанаія отъ эмпирическаго или чувственнаго. Но именно къ метафизикѣ въ до-Кантовскомъ смыслѣ влекло Гердера, потому что эту метафизику можно было преобразить и слить съ реальнымъ міромъ посредствомъ чувства и фантазіи.

Въ своихъ философскихъ воззрѣнiяхъ Гердеръ находился сначала болѣе всего подѣ влиянiемъ Лейбница. Монадологiя послѣдняго, несомнѣнно, отразилась на представленiяхъ Гердера о природѣ. Для автора „монадологiи“ мiръ состоитъ изъ безконечной вереницы индивидуальныхъ силъ, одаренныхъ разною степенью сознанiя отъ самаго смутнаго до самаго свѣтлаго и всеобъемлющаго.

Гердеръ усвоилъ себѣ это представленiе; понятiе о природѣ разрѣшилось въ его глазахъ въ агрегатъ живыхъ индивидуальныхъ силъ, дѣйствующихъ въ организмѣ и въ сущности образующихъ эти организмы посредствомъ привлеченiя и ассимиляцiи нужныхъ имъ частицъ матерiи. Гердеръ однако внесъ сюда еще другое, заимствованное имъ у Лейбница понятiе—*непрерывнаго развитiя*, и тогда мiръ живыхъ силъ превратился для него въ мiръ созидающiйся и совершенствующiйся посредствомъ поступательнаго движенiя и развитiя этихъ силъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ. Въ природу былъ внесень историческiй принципъ; завершенное мiрозданiе превратилось въ вѣчный творческiй процессъ.

Но на Лейбницѣ не остановилась философская мысль Гердера. По мѣрѣ того, какъ онъ ближе знакомился съ Спинозою, онъ все болѣе поддавался обаятельному влиянiю этого мощнаго ума; и по мѣрѣ того, какъ онъ самъ углублялся въ изученiе природы и физическихъ процессовъ, философiя Спинозы представлялась ему истиннымъ ключомъ къ мiрозданiю. Не даромъ занятiя Спинозою совпадаютъ у Гердера съ его работою надъ „Идеями“, и главный его трудъ по истолкованiю Спинозы и для защиты его противъ нападокъ Якоби относится къ 1787 году, т.-е. вышелъ въ свѣтъ въ промежутокъ между появленiемъ второй и третьей части „Идей“ *). Подѣ влиянiемъ Спинозы идея Творца въ представленiяхъ Гердера все болѣе и болѣе сливалась съ идеей вѣчно-творческаго процесса.

---

*) Haym. Herder, II, p. 288.

Упомянутый сейчас трактатъ имѣеть характеръ апологіи Спинозы. Гердеръ старается снять съ него ходячее обвиненіе въ атеизмѣ; въ его глазахъ Спиноза—„метафизическій, нравственный энтузіастъ“, въ душѣ котораго живетъ „высокое идеальное представленіе о человѣческой природѣ, о наукѣ и о познаніи природы“ *).

Однако, усвоивая себѣ пантеизмъ Спинозы, Гердеръ въ то же время совершенно преобразовывалъ и гуманизировалъ его. „Абсолютное“ опредѣлялось у Спинозы двумя атрибутами—мыслью и протяженіемъ; Гердеръ оставляетъ за нимъ первое свойство: не признавая за нимъ индивидуальнаго мышленія, онъ видитъ въ немъ самый принципъ мысли; но протяженіе, какъ слишкомъ матеріальное понятіе, онъ замѣняетъ принципомъ *силы*; а понятіе высшей силы Гердеръ отождествляетъ съ понятіемъ *мощи, мудрости и милости*. Такимъ образомъ,—пантеистическое начало Спинозы, у его восторженнаго поклонника, принимаетъ черты антропоморфическія и снова приближается къ теизму.

Этимъ объясняется одна изъ характерныхъ чертъ „Идей“ Гердера—постоянное чередованіе теистическихъ и пантеистическихъ мотивовъ и красокъ: природа у него то гармоническое царство безличныхъ силъ и процессовъ, то мать, съ нѣжностью заботящаяся о своихъ дѣтищахъ, то дѣло и орудіе мудраго Творца. Гердеръ говоритъ то языкомъ естествоиспытателя объ органическихъ процессахъ, то взываетъ въ поэтическомъ одушевленіи къ материнскому сердцу природы, то обращается съ молитвою къ Творцу!

При такой точкѣ зрѣнія не удивительно, что неотъемлемые законы природы, о которыхъ Гердеръ такъ часто говоритъ, которымъ онъ безусловно подчиняетъ не только физическій, но и нравственный міръ,—въ его глазахъ лишь орудіе божества, лишь средство осуществленія стройнаго плана и великихъ цѣлей безконечной мудрости. Творческая природа, къ которой онъ такъ часто взываетъ, для него сов-

---

*) „Gott“ Einige Gespräche v. I. G. Herder.

падаетъ съ великимъ Творцомъ ея. „Идеи“—эта первая философія исторіи, объяснявшая человѣческій прогрессъ изъ поступательнаго строенія всего мірозданія, — въ сущности еще теодицея, и потому у Гердера такъ часто научный анализъ физическихъ явленій оканчивается молитвой, прямымъ обращеніемъ къ Творцу, и лирическая ода, вызванная упоеніемъ красотой и стройностью природы, чередуется съ религіознымъ гимномъ. Религіозный характеръ книги всего знаменательнѣе высказывается въ предисловіи, которое заканчивается посвященіемъ ея Творцу: „Итакъ, великое Существо, невидимый высокій Геній нашего рода, къ Твоимъ стопамъ повергаю я самое несовершенное твореніе, написанное смертнымъ, въ которомъ я дерзалъ прослѣживать Твои помыслы (*dir nachzusinnen, nachzugehen*). Пусть листки его разлетятся, его буквы разсыпятся; такъ исчезнутъ и формы и формулы, на которыхъ я видѣлъ Твой слѣдъ, стараясь выразить его для моихъ братьевъ по человѣчеству; но Твои помыслы останутся, и Ты отъ ступени къ ступени болѣе проявишь ихъ и воплотишь въ болѣе чудныхъ образахъ. Блаженъ я, если тогда эти листы погибнутъ въ потокѣ забвенія и вмѣсто нихъ въ душахъ людей будутъ жить болѣе свѣтлыя мысли“.

Съ формальной стороны, такое колебаніе или чередованіе между теизмомъ и пантеистическими мотивами нельзя не признать противорѣчьемъ. Но несомвѣстимое логически гармонически сливается въ индивидуальности автора—въ его поэтической натурѣ, для которой все безличное олицетворялось, а все личное тонуло въ безбрежномъ потокѣ вѣчности. Противорѣчія въ идеяхъ ступеньками шли въ цѣльности настроенія. Восторженное преклоненіе предъ вселенной принимало у Гердера религіозный оттѣнокъ, и его религіозное настроеніе было такъ сильно и такъ непосредственно сообщалось другимъ, что они не спрашивали, къ чему оно относилось, къ Богу или къ міру. Оба эти понятія сливались въ одно для Гердера, какъ и въ отзывѣ Гёте объ „Идеяхъ“ послѣдняго: „именно то искреннее, великое и непосредственное, которое заключаетъ въ себѣ книга,

она получила благодаря лежачему въ ея основаніи понятію о Богѣ и мірѣ* *).

Менѣе, чѣмъ въ понятіи о божествѣ и „единомъ цѣломъ“, удалось Гердеру ступевать противорѣчіе между личнымъ и безличнымъ началомъ относительно челоуѣка. Теизму соотвѣтствовала вѣра въ безсмертіе души, — въ пантеистическомъ же принципѣ должно было померкнуть индивидуальное безсмертіе. Поэтому мы различаемъ въ „Идеяхъ“ оба теченія мысли. Изученіе природы, убѣжденіе, что все въ ней стремится къ усовершенствованію и полному расцвѣту, приводитъ Гердера, по аналогіи, къ постулату безсмертія души. Такъ какъ челоуѣкъ въ своемъ земномъ существованіи не въ состояніи вполнѣ осуществить свое назначеніе, то необходимо предположить для него пору дальнѣйшаго усовершенствованія и развитія къ челоуѣчности, и потому первая часть „Идей“, посвященная изученію природы и мірозданія, оканчивается выводомъ, что челоуѣкъ созданъ по своей организаціи для вѣры въ безсмертіе, что развитіе къ челоуѣчности на землѣ—лишь приготовленіе, „почка для будущаго цвѣтенія“, и что челоуѣкъ представляетъ собою посредствующее звено между двумя мірами, міромъ переходящихъ формъ и вѣчнаго духа. Однако, потомъ въ дальнѣйшихъ частяхъ, на почвѣ челоуѣческой исторіи, беретъ верхъ другое настроеніе, — другая аналогія: духъ челоуѣческой — индивидуальность въ исторіи—является, какъ плескъ воды на безбрежномъ океанѣ, и общая вѣра въ безсмертіе заслоняется идеей безконечнаго вліянія творческой дѣятельности геніевъ и нравственныхъ подвиговъ. Но и это противорѣчіе тонетъ у Гердера въ неясныхъ очертаніяхъ свѣтлаго будущаго, которое постоянно мерцаетъ на горизонтѣ у читателей „Идей“. Подобно тому, какъ пантеизмъ утрачиваетъ у Гердера свое отрицательное значеніе и служитъ только выраженіемъ восторженнаго преклоненія предъ единствомъ мірозданія, въ которомъ при-

---

*) Haym. Herder, II, 225.

рода и человѣкъ сливаются въ одно гармоническое цѣлое, такъ и пантеистическое представленіе о человѣческой душѣ выражаетъ собою у Гердера лишь его исконную склонность вездѣ оцущать и восхвалять гармонию въ мірѣ.

Рядомъ съ принципомъ міровой гармоніи у Гердера становится и съ нимъ сплетается другой принципъ—принципъ прогресса. Гердеръ воспользовался всѣми предшествовавшими ему философскими системами, которыя были сродни его натурѣ,—и пантеизмомъ Спинозы, и теоріей о живыхъ, духовныхъ силахъ у Лейбница, и ученіемъ Шефтсбюри, выводившаго этику изъ прирожденнаго человѣку нравственнаго чувства—симпатіи къ другимъ, которое, подобно эстетическому чутью, ищетъ удовлетворенія въ гармоническихъ сочетаніяхъ личнаго съ общимъ, индивидуальнаго съ обще-человѣческимъ. Но Гердеръ соединилъ эти ученія не какъ эклектикъ,—въ чемъ его упрекали,—а въ высшемъ единствѣ идеи прогресса, движенія къ лучшему. Неподвижное цѣлое (éу изі пѣу) Спинозы пришло въ движеніе и разрѣшилось въ поступательный процессъ отъ матеріи (протяженіе) къ мышленію, отъ природы къ человѣку; „предустановленная гармонія“ между тѣломъ и душою у Лейбница превратилась въ преемственность природы и человѣка, эстетическая гармонія Шефтсбюри превратилась въ идею стремленія человѣка къ человѣчности. Всѣ эти системы Гердеръ заставилъ такимъ образомъ служить своей философско-исторической идеѣ.

Въ основаніи всѣхъ этихъ системъ лежалъ оптимизмъ. Гердеръ оправдалъ этотъ оптимизмъ, подвергшійся столькимъ сомнѣніямъ и нареканіямъ, и поставилъ его выше всѣхъ сомнѣній, превративъ его въ принципъ постоянного прогресса. Міръ не потому хорошъ, что все въ немъ благополучно и все обстоитъ къ лучшему, но потому, что все въ мірѣ постоянно и неудержимо стремится къ лучшему. Оптимизмъ—не исходный пунктъ исторіи, а вѣнецъ его.

Вотъ почему философія исторіи Гердера всегда производила и всегда будетъ имѣть такое возвышающее и увлекающее вліяніе.

Гёте зачитывался „Идеями“ и называлъ ихъ своимъ дорогимъ евангелиемъ (*liebwerthes Evangelium*); книга Гердера была для него дорогимъ *завѣтомъ*, потому что была полна религіознаго восторга отъ созерцанія вселенной и безграничной вѣры въ лучшее будущее. И эти два чувства неминуемо овладѣваютъ всякимъ, кто, не останавливаясь предъ устарѣвшими и иногда вычурными формами, усвоить себѣ въ „Идеяхъ“ духъ, вложенный въ нихъ поэтическимъ гениемъ ихъ автора.

Идеи Гердера о философіи исторіи представляютъ собою оригинальную, иногда противорѣчивую, но въ общемъ гармоническую амальгаму научныхъ наблюдений и выводовъ, поэтическихъ образовъ, нравственныхъ разсужденій и изліяній религіознаго чувства. Гердеръ, подобно первымъ мудрецамъ древнихъ народовъ, въ одномъ лицѣ—наблюдатель природы, поэтъ, моралистъ и, прибавимъ къ этому, проповѣдникъ. Если соединеніе этихъ свойствъ иногда приноситъ ущербъ тѣмъ частямъ сочиненія, отъ которыхъ мы бы требовали теперь болѣе выдержаннаго научнаго характера, то именно они содѣйствовали Гердеру при разрѣшеніи главной его задачи—философско-исторической—выяснить свойства историческаго прогресса и назначеніе челоуѣчества на землѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Герье.

Автономія челоуѣка въ прогрессѣ и ея стадіи.

(Окончаніе) *).

VI.

Главу о стадіяхъ автономіи челоуѣка полезно начать съ попытки опредѣленія того, что же такое удовольствіе и страданіе, чувствованія и желанія вообще. Я позволю себѣ съ этою цѣлью сослаться на одну изъ моихъ прежнихъ работъ.

Чувствованія и желанія возбуждаются въ насъ не самимъ сознаніемъ или душой, а рождаются въ тѣлѣ (наприм., боль, голодъ, удовольствіе отдыха и т. п.), и уже тѣло является ихъ возбудителемъ въ сознаніи или душѣ, совершенно такъ же, какъ и всякіе другіе *внѣшніе* возбудители. Отсюда, по-видимому, *чувствованія и желанія* (удовольствіе, страданіе, голодъ, жажда) суть, *въ сущности*, такія же ощущенія, какъ и ощущенія, исходящія отъ внѣшняго міра и приходящія черезъ органы чувствъ, но только они исходятъ отъ собственнаго тѣла. Однако, говоря точнѣе, всѣ наши ощущенія суть *ощущенія нами нашего тѣла*; въ самомъ дѣлѣ, когда вы слышите звукъ,—вѣдь вы собственно ощущаете не то, что происходитъ *внѣ* вашего тѣла, а тѣ измѣненія, которыя произошли отъ этого въ *вашемъ* нервѣ, въ *вашемъ* мозгу, т.-е. въ *вашемъ* тѣлѣ. Точно также, когда вы ощущаете зрительное впечатлѣніе, вы ощущаете вовсе не ко-

*) См. „Вопр. Фил. и Псих.“ 1896 г., январь, № 31.

лебанія ээира, которыя физика предполагаетъ во внѣшнемъ (для вашего тѣла) мірѣ, а только процессъ или измѣненіе въ сѣтчатой оболочкѣ, зрительномъ нервѣ, нервномъ центрѣ (зрительномъ) и, наконецъ, въ корковомъ веществѣ мозга, т.-е. опять же въ вашемъ тѣлѣ. Но если и ощущенія даются намъ только нашимъ тѣломъ, и чувствованія тоже тѣломъ, то въ чемъ ихъ различіе? Не въ томъ ли, что возбужденія однихъ (ощущеній) идутъ отъ внѣшняго міра, а другихъ—отъ собственнаго тѣла? Нѣтъ. Есть возбужденія, идущія исключительно отъ собственнаго тѣла, но мы ихъ не называемъ чувствованіями или желаніями, а называемъ также *ощущеніями*; наприм., при нѣкоторыхъ условіяхъ вы ощущаете, какъ бьется ваше сердце, вы ощущаете прохожденіе пищи въ пищеводѣ, ощущаете легкое или затрудненное дыханіе, сокращеніе мышцы и ея покой. Правда, всѣ эти ощущенія можно отнести къ осязательнымъ ощущеніямъ (ощущеніямъ давленія) и мышечнымъ, и совершенно справедливо. Но все это доказываетъ только, что различіе *ощущеній* и *чувствованій* (эмоцій) заключается вовсе не въ томъ, откуда исходятъ ихъ возбужденія—изъ нѣдръ ли собственнаго тѣла или изъ внѣшней тѣлу природы. Иные полагаютъ, что различіе это заключается только въ силѣ или интенсивности; наприм., очень сильный свѣтъ, очень громкій звукъ причиняютъ страданіе, тогда какъ обыкновенный свѣтъ и звукъ его не производятъ. Очень сильный ударъ причиняетъ страданіе, легкое прикосновеніе или слабый ударъ — нѣтъ. Но этотъ взглядъ только вѣрно *подмѣчаетъ нѣкоторую часть* фактовъ, но не охватываетъ всѣхъ фактовъ и, кромѣ того, ничего не объясняетъ. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, сильный свѣтъ, звукъ, какъ ударъ, производятъ страданіе, а слабые—нѣтъ? Объясненіе лежитъ глубже, въ самомъ устройствѣ нервовъ и тѣла: каждое ощущеніе, пробѣгая по нервамъ и нервнымъ центрамъ въ видѣ тока, производитъ въ нихъ извѣстное измѣненіе, *потребленіе вещества на работу, потребленіе силы, химическій процессъ разложенія*; поэтому-то требуется постоянное питаніе (изъ притекающей

крови), которое бы возстановляло потери, замѣщало расходъ ткани. При обыкновенномъ ощущеніи расходъ такъ невеликъ, что почти тотчасъ же пополняется нормальными притоками крови, даваемыми каждымъ біеніемъ сердца. Правда, и тутъ, если одинъ и тотъ же нервъ возбуждается часто и долго, хотя бы и обыкновенными ощущеніями, его расходъ мало-по-малу начинаетъ превышать приходъ, и мы чувствуемъ непріятное ощущеніе боли, усталости (въ ухѣ, въ глазу и т. д.) совершенно такъ, какъ при работѣ мышцами: даже легкая работа, если она продолжительна, утомляетъ. Но что это значитъ? Значить, что непріятное чувство (неудовольствие, страданіе) является тогда, когда расходъ вещества въ тѣлѣ (въ мышцѣ, въ нервѣ) перевѣшиваетъ приходъ настолько, что не успѣваетъ возстановляться обычными средствами, обычнымъ притокомъ крови. Въ дѣло приходится вмѣшаться особымъ нервнымъ центрамъ, называемымъ сосудодвигательными (вазомоторными); они управляютъ большимъ или меньшимъ притокомъ крови къ разнымъ участкамъ тѣла, способствуя въ одномъ мѣстѣ расширенію сосудовъ (кровеносныхъ жилокъ, артерій, идущихъ мельчайшею сѣтью по всему тѣлу), а въ другихъ, наоборотъ, суживая ихъ. Это имъ приходится дѣлать при каждомъ излишнемъ истощеніи какого-либо участка тѣла или, наоборотъ, при излишнемъ его переполненіи веществомъ: въ первомъ случаѣ, притокъ крови увеличивается, во второмъ—ослабляется сжиманіемъ сосудовъ. Теперь вамъ станетъ ясно, почему нѣкоторые ученые (Джемсъ, Ланге) видятъ въ сосудодвигательной системѣ даже нѣчто вродѣ органа чувствованій (или *эмоцій*: слово „эмоція“ буквально значитъ *движенія души*, т.-е. чувствованія). Полагаютъ, что каждое перерасходование или вообще поврежденіе какой-либо ткани, или—что все равно—недостатокъ въ ней живого матеріала и силы (наприм., общее чувство голода и жажды, вызываемое общимъ недостаткомъ матеріала и т. п.) сказывается немедленно на усиленной работѣ сосудодвигательныхъ центровъ; а объ этой работѣ получаютъ свѣдѣнія въ головномъ мозгу, которыя

и являются тамъ въ видѣ ощущеній—страданія, неудовольствія, боли (это и называется собственно *чувствованіями*), и наоборотъ, когда сосудо-двигательный центръ возстановилъ потерю, или же, путемъ сокращенія притока, установилъ равновѣсіе въ органѣ, черезъ чуръ обильно снабженномъ матеріаломъ (что можетъ достигаться и работой этого органа),—то это возстановленіе опять чувствуется въ сознаніи въ видѣ удовольствія, радости и т. д. Отсюда вы видите почему производятъ страданіе ударъ, ожогъ, порѣзъ, какъ и усиленная работа: для возстановленія нарушеннаго равновѣсія ткани приходится пустить въ работу сосуодвигательную систему, и чѣмъ сильнѣе поврежденіе, тѣмъ сильнѣе это измѣненіе работы, сильнѣе и страданіе. Наоборотъ, удовольствіе получается отъ возстановленія равновѣсія, зависитъ ли это возстановленіе отъ того, что пополненъ излишній расходъ (удовольствіе отдыха, удовольствіе насыщенія), или отъ того, что излишній запасъ вещества въ органѣ, долго не работавшемъ, уменьшится отъ явившейся работы или меньшаго притока (удовольствіе движенія послѣ долгаго покоя, удовольствіе свѣта послѣ долгой темноты, удовольствіе звука послѣ долгой тишины, удовольствіе мысли послѣ долгой ея бездѣятельности, и т. д., и т. д.).

Итакъ, страданія и удовольствія сводятся на двѣ причины: нарушеніе жизненнаго равновѣсія въ тѣлѣ или его участкѣ и возстановленіе этого равновѣсія*). Нарушеніе даетъ страданіе (съ самыми различными его оттѣнками, начиная съ легкаго аппетита и недовольства и доходя до мучительной боли), возстановленіе даетъ удовольствіе (также съ различными степенями, начиная отъ простаго удовлетворенія до бурнаго восторга). Нарушеніе равновѣсія можетъ быть или отъ недостатка живого матеріала для работы ткани, или отъ излишняго переполненія ея матеріаломъ; поэтому и стра-

---

*) Ненормальныя удовольствія и страданія (наприм., у алкоголиковъ, морфинистовъ и т. п.) объясняются тѣмъ же: здѣсь привычныя приемы ядовъ установили искусственное, *ненормальное равновѣсіе организма*, требующее постояннаго введенія ядовъ вновь.

даніе можетъ быть отъ двухъ причинъ — отъ недостатка и отъ излишка. Но, стало быть, и удовольствіе можетъ быть отъ двухъ причинъ — отъ пополненія недостатка и отъ устраненія излишка (эта теорія разработана Дюмономъ, Н. Гротомъ, мною — въ „Физиологическихъ объясненіяхъ нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты“ и др. статьяхъ, Гербертомъ Спенсеромъ, Marshall'емъ, А. Фуллье).

Отсюда вы видите, что физиологически различіе между ощущеніями и чувствованіями — не въ томъ, откуда и чѣмъ они даны: внѣшнимъ міромъ или тѣломъ, а въ томъ только, до какой степени нарушено въ томъ или другомъ случаѣ равновѣсіе тѣла, его органовъ, тканей или ихъ участковъ. Нарушеніе, успѣвающее пополниться немедленно обычнымъ притокомъ крови, душа чувствуетъ какъ *ощущеніе*; нарушеніе, требующее для своего пополненія центральной работы или вмѣшательства, ощущается какъ *чувствованіе* или гамма чувствованій — въ тонѣ неудовольствія; возстановленіе такого нарушенія ощущается, какъ гамма чувствованій — въ тонѣ удовольствія.

Но, въ такомъ случаѣ, что же такое *желанія, стремленія*, которыя иногда считаются не продуктами тѣла, а продуктами души? Ужь одно то, что въ число желаній входятъ желанія ѣсть и пить, доказываетъ, что желанія — не продукты души, которой ни ѣда, ни питье не нужны, а продукты грѣшнаго и брэннаго тѣла, какъ и чувствованія. Дѣло въ томъ, что чувствованія неразрывно связаны съ желаніями или стремленіями (которыя въ философіи объединяются подъ общимъ терминомъ „воли“, въ предположеніи, что стремленія и желанія — только проявленія воли). Достаточно немного подумать, чтобы понять эту неразрывность. Вамъ больно отъ того, что вы прикоснулись къ горячему предмету. Въ самой боли (т.-е. чувствованіи) лежитъ уже стремленіе или желаніе избавиться отъ нея, т.-е. отдернуть руку. Вы чувствуете жажду, — она неприятна вамъ, вы чувствуете оскорбленіе, — оно неприятно вамъ; въ самой этой неприятности уже лежитъ желаніе устранить ее или уничтожить, ее

причину, или вообще (въ нравственныхъ страданіяхъ, наприм., при оскорбленіи) сдѣлать что-нибудь или устранить что-нибудь, чтобы возстановить ваше моральное равновѣсіе (отсюда—дуэль или обратное оскорбленіе обидчика, потребность мести, наказанія и т. п.). Итакъ, что же такое желанія, воля? *Это—естественное стремленіе возстановить равновѣсіе, если оно нарушено; эти-то стремленія и ощущаются нами, какъ желанія, со вѣтми ихъ отпѣнками.* И вотъ почему они неразрывны съ чувствованіями. Въ чувствованіяхъ наше сознание ощущаетъ самое нарушеніе равновѣсія, въ желаніяхъ—наше стремленіе возстановить это равновѣсіе. Но есть рядъ желаній, соотвѣтствующихъ чувствованіямъ удовольствія. И они понятны: мы, напримѣръ, знаемъ изъ опыта, что обладаніе такимъ-то предметомъ (наприм., стаканомъ вина послѣ обѣда) давало намъ удовольствіе, или что какое-нибудь дѣйствіе, наприм., работа послѣ долгаго покоя или покой послѣ труда, давали намъ удовольствіе; и вотъ *представленіе* этихъ прошедшихъ удовольствій и условій, при которыхъ они возникли, заставляеть насъ желать повторенія этихъ *условій*, чтобы повторилось и *удовольствіе*. Итакъ, желанія, соединенныя со страданіемъ, болѣе непосредственно связаны съ органическою жизнью; желанія, связанные съ достиженіемъ удовольствія, болѣе связаны съ представленіями или, точнѣе, съ воспроизведеніемъ чувствованій, съ памятью, однимъ словомъ, съ умственною жизнью, хотя источникъ ихъ—первый опытъ или первое ощущеніе удовольствія—исходилъ, конечно, изъ органическихъ причинъ. Это не значить, что и желанія, связанные со страданіемъ, не могутъ возникнуть изъ представлений (т.-е. психически). Нѣтъ, разъ испытанное страданіе также залегаетъ въ памяти со своими причинами и условіями, и мы также, возобновляя въ памяти эти условія въ связи съ прошлымъ страданіемъ, стремимся избѣгать этихъ причинъ и условій. Мы при этомъ не чувствуемъ еще страданія *реально, органически*, а только воспроизводимъ его въ памяти, въ видѣ представленія о прошломъ страданіи. Отсюда вы видите, что наши пред-

ставленія могутъ возобновлять не только образы *ощущеній*, но и прежнія *чувствованія*. Если мы избѣгаемъ, наприм., ожога пальцевъ отъ прикосновенія къ огню, то это потому, что въ насъ соединились, ассоціировались, во 1-хъ, представленіе прежней боли отъ ожога, и во 2-хъ, представленіе той группы *ощущеній*, которую мы называемъ огнемъ. Вотъ эти-то сочетанія прежнихъ чувствованій съ прежними представленіями группъ ощущеній (отъ предметовъ, вызвавшихъ чувствованія удовольствія, боли, страданія) и составляютъ ту сумму замѣтокъ памяти, изъ которой порождаются у животныхъ инстинкты (избѣгать одного и стремиться къ другому), у людей—житейскій опытъ, заставляющій также избѣгать одного и стремиться къ другому. По теоріи „эволюціонистовъ“,—т.-е. тѣхъ ученыхъ и философовъ, которые убѣждены въ постепенномъ развитіи всего окружающаго, а въ томъ числѣ и нашихъ способностей,—изъ этихъ ассоціацій *представленій чувствованій* и *представленій ощущеній* возникли мало-по-малу наши основные „вкусы“ (сладкій, горькій, кислый) и безсознательныя отвращенія (Шнейдеръ, Рише); но объ этомъ было бы долго говорить здѣсь. По той же теоріи, этимъ ассоціаціямъ (житейскому опыту) обязаны своимъ происхожденіемъ и наши основные общественныя и моральныя инстинкты или эмоціи: житейскій опытъ того, что причиняетъ страданіе, и того, что причиняетъ удовольствіе (въ отношеніяхъ къ другимъ и къ обществу, наприм., кража чужой вещи или, наоборотъ, услуга ближнему, сопровождаемая въ первомъ случаѣ — карой, во второмъ—обратными услугами), накоплялся вѣками въ человѣческихъ организамахъ, становился какъ бы особымъ органомъ въ мозгу, дѣйствующимъ уже помимо нашей воли или мысли, инстинктивно или въ видѣ чувствованій, которыя предохраняютъ насъ отъ того, что вредно, и направляютъ къ тому, что полезно. *Такъ какъ личная опасность совпадаетъ тутъ часто съ общимъ вредомъ, а личная польза—съ общей пользой, то эти инстинкты и чувствованія признаются вѣсьмъ обществомъ благодѣтельными, моральными.* Ниже я разовью другую теорію.

Но пока намъ достаточно признать, что мотивы всѣхъ нашихъ дѣйствій можно свести, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ стадіяхъ автономіи, на стремленіе избѣгать страданія и искать удовольствія *).

Этими мотивами, стало быть, можно объяснить, какъ причинами или основаніями, всѣ наши поступки. Но что же такое сами-то страданія и удовольствія? Физиологически мы можемъ объяснить ихъ, какъ избытокъ или недостатокъ накопленной энергіи, или какъ нарушеніе и возстановленіе равновѣсія и т. д. Но это только *объективные* корреляты того *субъективнаго* состоянія, которое мы наблюдаемъ въ *себѣ самихъ* (внутреннимъ самонаблюденіемъ), а затѣмъ предполагаемъ и въ другихъ людяхъ и даже въ низшихъ организмахъ, если они проявляютъ въ движеніяхъ способность *чувствовать* страданіе и удовольствіе. Почему, наприм., что-нибудь, вредное организму или его равновѣсію, чувствуется какъ страданіе, а не наоборотъ? Эволюціонисты (Шнейдеръ написалъ объ этомъ цѣлую книгу) отвѣчаютъ: потому, что если бы было иначе, то организмы влеклись бы къ вредному и убѣгали отъ полезнаго, и жизнь исчезла бы на землѣ. Стало-быть, сама жизнь сдѣлала тутъ *подборъ*: сохранились тѣ, у которыхъ были способности (допустимъ, случайно) чувствовать разрушительныя вліянія — какъ страданія, и наоборотъ. Но это только показываетъ, почему всѣ или почти всѣ нынѣ живущіе (или сохранившіеся) организмы чувствуютъ такъ, а не иначе. Но это нисколько не объясняетъ, почему эти способности явились въ первый разъ (хотя бы и случайно) въ какихъ-то исключительно-организованныхъ молекулахъ. Это просто было ихъ *свойствомъ*—вотъ все, что

---

*) Въ этихъ двухъ чувствованіяхъ Шопенгауэръ тоже видитъ два способа воздѣйствія на волю (черезъ посредство тѣла, которое само есть проявленіе воли, какъ и весь міръ нашего представленія). Такъ, въ § 18 своего главнаго произведенія онъ говоритъ: „каждое воздѣйствіе на тѣло есть одновременно и непосредственно воздѣйствіе на волю: какъ такое, оно называется *болью*, когда противно волѣ, и, *наслажденіемъ* (удовольствіемъ), когда съ нею не согласно“.

можно сказать; все остальное обь ихъ происхожденіи, на прим., что они были первичными свойствами атома (хотя бы по теоріи Нуаре), или свойствомъ, неотдѣлимымъ отъ силы, т.-е. тоже первичнымъ, или же вложены Богомъ впервые въ первое созданное животное, или явились, благодаря большей сложности органическаго вещества, какъ новое свойство новаго химическаго соединенія, или образовались отъ новаго соединенія атомовъ въ новую механическую систему (органическую молекулу), — всѣ такія объясненія будутъ лишь объясненіями *генезиса этого свойства*, его происхожденія, но самое *свойство* — страдать или наслаждаться — остается *первымъ въ своемъ родѣ*, или явившимся *впервые* или существовавшимъ всегда, и уже отъ себя совершающимъ рядъ дѣйствій и послѣдствій, какъ и первая молекула воды, образовавшаяся изъ кислорода и водорода: вѣдь, мы знаемъ только ея *происхожденіе* изъ водорода и кислорода, при условіи теплоты и сближенія; но ея *свойства* такъ же первичны, какъ и свойства кислорода и водорода, взятыхъ отдѣльно; если даже допустить, что мы отыскали зародыши ея свойствъ въ свойствахъ производителей, на прим., свойства молекулы водорода въ свойствахъ первоатома (что, по моему, не мыслимо), то мы все же наткнулись бы въ концѣ концовъ на эти свойства первоатома, какъ не имѣющія дальнѣйшихъ генетическихъ причинъ.

Уже животныя, и даже низшія, образуютъ изъ индивидуумовъ колоніи, стада, общества, т.-е. ищутъ дальнѣйшей самозащиты. Съ соединеніемъ же въ семью и общества замѣчается то явленіе, какое мы видѣли при соединеніи атомовъ въ молекулы: развиваются новыя свойства, такъ называемыя, нравственныя или общественныя. Къ самосохраненію присоединяется стремленіе охранять семью и общество. Это стремленіе совершенно естественно вырастаетъ на почвѣ общаго сходства строенія, заставляющаго одинаково чувствовать страданіе и удовольствіе, а потому и понимать (воспроизводить въ представленіи) чужое страданіе и удовольствіе, т.-е. симпатизировать ему. Кажущееся же единство

общественной воли остается всегда волей отдѣльныхъ индивидуумовъ, но условія жизни въ обществѣ кладутъ на индивидуальныя воли особый отпечатокъ, даютъ ей особыя свойства. Я покажу однако, что дѣйствіе исходитъ при этомъ всегда изъ индивидуальныхъ волей или вліяній, и только результаты кажутся намъ социальными; эта иллюзія является потому, что результаты должны быть болѣе или менѣе одинаковыми въ обширныхъ группахъ сходныхъ индивидуумовъ. Это-то сходство стремленій, реакцій и т. п. и заставляетъ насъ ошибочно видѣть въ обществѣ организмъ; наоборотъ, всякій организмъ есть непременно общество. Но обращать это послѣднее опредѣленіе нельзя, хотя къ этому и приблизяетъ нѣкоторое сходство общественныхъ классовъ и подраздѣленій съ органами тѣла. Это мы рассмотримъ въ слѣдующей главѣ.

VII.

Основное различіе между организмомъ и обществомъ состоитъ почти въ полной потерѣ элементарными индивидуумами перваго (клетками) ихъ автономіи. Поэтому и цѣли элементарныхъ индивидуумовъ отходятъ на задній планъ, а выступаютъ впередъ цѣли самосохраненія, страданія и удовольствія всего организма (агрегата). Поэтому же, никакой установившійся организмъ не можетъ измѣниться, такъ сказать, по инициативѣ своихъ элементовъ, на примѣръ, — сдѣлаться изъ льва тигромъ. Видь, какъ цѣлое, можетъ измѣниться; однако, это достигается вымираніемъ неприспособленныхъ индивидуумовъ, подъ гнетомъ внѣшнихъ условій, и переживаніемъ приспособленныхъ, а не перестройкой готоваго организма. Въ новомъ организмѣ остаются элементы того же рода, какъ и у прежнихъ.

Въ обществахъ, наоборотъ, играютъ огромную роль элементарные индивидуумы: они ставятъ цѣли, а общество является средствомъ. Отъ этого старыя, установившіяся общества могутъ измѣняться, передѣливаться, переходить въ другой типъ, и въ корнѣ этого лежатъ индивидуальныя инициативы (открытія и изобрѣтенія, обусловленныя потребностями лично-

сти, — въ области психики, религіи, этики, идей, науки, экономіи), перенимаемая другими индивидуумами. И не рѣдки случаи, что усовершенствованія одного общества перенимаются другими (какъ случилось съ Россіей при Петрѣ и съ Японіей — въ наше время). При этомъ измѣненія начинаются съ элементовъ (людей) и затѣмъ эти болѣе развитые, измѣненные элементы строятъ новую общественную жизнь, новыя отношенія и организацію во всѣхъ областяхъ жизни. Однимъ словомъ, въ организамахъ центръ тяжести ихъ автономіи лежитъ въ цѣломъ, а въ обществахъ — въ индивидуумахъ. И такъ, отличіе организмовъ отъ обществъ заключается въ большей самостоятельности или автономіи элементовъ въ средѣ обществъ. Это вѣрно относительно не только человѣческихъ, но и животныхъ обществъ.

Но въ чемъ отличіе животныхъ обществъ и общественныхъ особей отъ человѣческихъ обществъ и индивидуумовъ? У общественныхъ животныхъ есть и геройство, и самоотверженіе, что каждый можетъ наблюдать у муравьевъ и пчелъ. Гальтонъ рассказываетъ о геройствѣ вожаковъ въ африканскихъ стадахъ быковъ. У животныхъ есть не только общественные, но и моральные инстинкты, выработанные, конечно, опытомъ вида или подборомъ. Одного только мы не видимъ у животныхъ, что встрѣчается, какъ общее правило, у общественныхъ дикарей: животное не *стыдится* общественного мнѣнія, оно только боится общества. *Стыдъ* встрѣчается только у человѣка, а изъ животныхъ только у домашнихъ, научившихся ему у человѣка. Это чувство, по видимому, такое обычное, заслуживаетъ огромнаго вниманія по своей важности въ развитіи стадій человѣческой автономіи, а потому мы займемся имъ подробнѣе.

Стыдъ у дикаря распространяется далеко не на тѣ дѣйствія, которыхъ стыдимся мы, и притомъ у разныхъ племенъ предметы стыда различны. Многіе, наприм., не стыдятся публично выполнять половую функцію, но подозрѣніе во лжи или незнаніи какихъ-нибудь церемоній доводитъ ихъ до отчаянія. У другихъ — наоборотъ. Стыдъ является въ связи съ об-

щепринятыми обычаями и вѣрованіями. Онъ есть боязнь общественнаго презрѣнія и жажда общественнаго уваженія. Это своего рода честолюбіе, но обладающее нѣкоторыми отличіями.

„У дикарей,—говоритъ Спенсеръ, —украшающее предшествуетъ полезному“. Самый первобытный человекъ заботится о томъ, какое впечатлѣніе производитъ онъ на другихъ. *Это чувство бываетъ весьма часто сильнѣе чувства самосохраненія.* Такъ, отчасти подъ его вліяніемъ, дикари, какъ и современный „герой честолюбія“, умираютъ, защищая порученное имъ дѣло. Этимъ я не хочу сказать, что всякое геройство и самопожертвованіе имѣютъ источникомъ то чувство, на которое я хочу теперь обратить ваше вниманіе. Такъ, геройство можетъ быть вызвано чувствомъ долга, опредѣленнаго высшимъ авторитетомъ, можетъ быть вызвано и чувствомъ *примитивной симпатіи*, которая замѣчается уже въ семьяхъ, стадахъ и обществахъ животныхъ и птицъ, а потому обща человекъ и животнымъ. Я же теперь стараюсь выдѣлить *первичное социальное чувство, свойственное исключительно человекъ и представляющее его специфическій признакъ.* Примитивная симпатія отличалась отъ этого чувства тѣмъ, что она дѣйствовала прямо, какъ и внутренній инстинктъ; такъ же дѣйствуетъ она и теперь, и въ ней нѣтъ никакихъ соображеній *о мнѣніи другихъ.* Оба эти чувства могли и могутъ сливаться въ мотивъ дѣйствія, такъ что къ симпатіи можетъ примѣшиваться и забота о мнѣніи другихъ, а къ этой заботѣ—симпатія. Но для научнаго изслѣдованія ихъ необходимо раздѣлить психологически, такъ какъ первое есть общеживотное, второе —специфически-человѣческое; его нѣтъ у животныхъ, исключая нѣкоторыхъ домашнихъ, которымъ оно передалось уже отъ человека: такъ, наприм., собака заботится о мнѣніи хозяина и стыдится насмѣшекъ и упрековъ, не изъ страха наказанія или физической боли (это — тоже другое чувство, свойственное всѣмъ животнымъ), а изъ нѣ котораго чувства—или привязанности, или благоговѣнія къ хозяину. Вотъ почему у всѣхъ

остальныхъ животныхъ ихъ поведеніе (или низшее подобіе морали) приспособляется только къ требованіямъ необходимаго самосохраненія и сохраненія вида и стада. Животное можетъ ~~за~~оминать опытъ прошлыхъ страданій отъ тѣхъ или иныхъ условій или своихъ дѣйствій, если они не приспособлены къ средѣ или общежитію: этотъ опытъ слагается и у животныхъ въ подобіе морали или инстинкта, влияя на прогрессъ нравовъ и бытъ животныхъ. *Но только у человека вліяютъ еще и страданія, и удовольствія отъ представленія чужого мнѣнія о себѣ.* Поэтому, въ человѣческомъ поведеніи мы теперь должны различать двѣ категоріи дѣйствій: одну—вызываемую реальными страданіями и удовольствіями и опытомъ ихъ, накопившимся въ личной памяти или въ памяти цѣлаго вида (организованный опытъ Спенсера), и другую—возникающую изъ представленій чужого мнѣнія о себѣ, *независимо отъ реального страха передъ этимъ мнѣніемъ*, наприм., если оно угрожаетъ реальной опасностью. Чтобы убѣдиться въ существованіи этого мотива (отдѣльнаго отъ чувства страха и самосохраненія), достаточно вспомнить, что ^{99/100} изъ того, что люди дѣлаютъ ежедневно и ежечасно, вызывается не чѣмъ инымъ, кромѣ жажды пріобрѣсти или сохранить о себѣ хорошее мнѣніе другихъ (зачѣмъ, наприм., вамъ нуженъ галстухъ, извѣстный фасонъ фрака, шляпы, мебели и т. д.?). Конечно, часто это дѣлается и ради того, чтобы не повредить своему матеріальному положенію отступленіемъ отъ общепринятыхъ правилъ. Но это, какъ я уже сказалъ, другой мотивъ—утилитарный; я же хочу выдѣлить анализомъ чувство, совершенно не зависящее отъ пользы. *Утилитарное подчиненіе требованіямъ чужой воли или каприза есть и у животныхъ*; у нихъ есть и склонность „умилостивлять“ того, кто сильнѣе и можетъ имъ сдѣлать подачку, и т. д. Но когда человѣкъ жертвуетъ сознательно своей жизнью (а стало-быть—и *всѣми своими выгодами*) и счастливъ одной только мыслью, что его одобрятъ товарищи или его имя попадетъ въ газеты и исторію, мы имѣемъ дѣло съ мотивомъ, который будемъ назы-

вать далѣе *безразсчетнымъ честолюбіемъ* *). Когда богачъ старается поразить роскошью своего дома прохожихъ, совершенно ему ненужныхъ и неизвѣстныхъ, онъ дѣйствуетъ по тому же чувству; когда знаменитый ученый страдаетъ отъ того, что его осмѣяли въ невѣжественной газеткѣ, или радуется аплодисментамъ невѣжественной толпы, собравшейся на его лекцію, онъ управляется тѣмъ же чувствомъ. Съ высшимъ развитіемъ человѣчества этотъ мотивъ мало-по-малу замѣняется другимъ, а со временемъ можетъ совсѣмъ уступить мѣсто мотиву болѣе чистой и высокой симпатіи, которая, какъ я докажу далѣе, всегда составляла одинъ изъ его элементовъ; однако, и въ своемъ первобытномъ видѣ, этотъ мотивъ оказывалъ и оказываетъ самое могучее вліяніе на мораль: во 1-хъ, онъ удерживалъ человѣка отъ дѣйствій, которыхъ онъ самъ не одобряетъ у другихъ, а потому воображаетъ, что и другіе осудятъ у него; во 2-хъ, это чувство заставляетъ людей стремиться быть похожими на тѣхъ, къ которымъ восхищаются всѣ или мы сами, потому что мы воображаемъ, какъ другіе будутъ восхищаться нами.

Вотъ это-то второе явленіе Тардъ и называетъ „подражательностью“ или „подражаніемъ“. Но *подражаніе есть только внѣшнее выраженіе* этого мотива (его проявленіе), а потому оно ничего не объясняетъ, а только констатируетъ *фактъ объективный*. Я же хочу отыскать *психологію* этого явленія и съ этою цѣлью попробую анализировать его дальше; но замѣчу сперва, что однимъ изъ результатовъ этого чув-

---

*) Быть-можетъ, было бы лучше назвать это чувство *ионоративностью*, а не честолюбіемъ: вѣдь, русское слово „честолюбіе“ выражаетъ только одну сторону этого мотива—положительную, заставляющую добиваться о себѣ лучшаго мнѣнія, но не выражаетъ стороны отрицательной, заставляющей насъ удерживаться отъ многого, подъ вліяніемъ мнѣнія другихъ. По крайней мѣрѣ, въ просторѣчій этого не называютъ честолюбіемъ, хотя это—одно и то же чувство, т.-е. забота о чужомъ мнѣніи. Спенсеровское слово „эго-альтруизмъ“ также не удовлетворяетъ моей цѣли: оно, во 1-хъ, охватываетъ всѣ дѣйствія, въ которыхъ соединяется и служеніе другимъ, и эгоизмъ, а я имѣю въ виду только безразсчетную *ионоративность*, т.-е. безразсчетную заботу о чужомъ мнѣніи; во 2-хъ, терминъ Спенсера говоритъ о внѣшнемъ признакѣ этого чувства, а не объ его психической сущности.

ства является приведение членовъ общества къ извѣстному подобію или единенію другъ съ другомъ—въ обычаяхъ, манерахъ, морали, поведеніи, т.-е. приведение общества къ наибольшей внутренней и внѣшней однородности составляющихъ его единицъ. Отсюда очевидно, что *это начало противоположно началу индивидуализаціи, разнообразія, оригинальности*; оно даже борется съ этими началами; отсюда и то внутреннее раздвоеніе, которое замѣчается въ человѣкѣ и не замѣчается въ животныхъ.

Теперь прослѣдимъ источники и элементы безразсчитно-честолюбиваго мотива. Есть мнѣніе, что онъ явился только видоизмѣненіемъ первобытнаго страха личности передъ силой общества, могушей вредить ей, т.-е. имѣлъ причину, соединенную съ разсчетомъ выгоды (утилитарную). Такъ думаетъ и Тардъ, объясняя этимъ волненіе личностей, выступающихъ передъ публикой. Однако, это же чувство заставляетъ иныхъ жертвовать жизнью, т.-е. *встѣмъ*, лишь бы люди были о нихъ хорошаго мнѣнія. Стало быть, оно есть боязнь *не опасности*, а только *дурного мнѣнія о себѣ*. Тардъ дѣлаетъ, однако, исключеніе для знаменитыхъ деспотовъ, которые будто бы чужды этого страха и волненія. Но, какъ извѣстно, эти деспоты (наприм., Наполеонъ I) были и величайшими честолюбцами; а между тѣмъ это чувство волненія истекаетъ, несомнѣнно, изъ честолюбія. Но отсюда-то и очевидно, что чувство первобытнаго страха только *примѣшивается* иногда къ этому чувству (у обыкновенныхъ людей—заставляя ихъ волноваться), но можетъ быть и не осложнено страхомъ (у деспотовъ). Альфредъ Фуллье, признавая, что въ поведеніи людей играетъ огромную роль представленіе ими коллективнаго сознанія, въ сущности, ничего этимъ не объясняетъ, а только констатируетъ фактъ. Не объясняетъ онъ самаго главнаго: *почему же именно намъ такъ непріятно вообразать себя предметомъ презрѣнія этого коллективнаго сознанія въ томъ случаѣ, если оно не можетъ вредить намъ; и почему, наоборотъ, пріятно чувствовать себя уважаемымъ этимъ коллективнымъ сознаніемъ до такой сте-*

цени, что многіе ради этого жертвуютъ жизнью? Приведемъ еще доводы въ пользу того, что это не зависитъ отъ первобытнаго страха передъ обществомъ: такъ, мы страдаемъ не только отъ неуваженія взрослыхъ, но и дѣтей, и дорожимъ уваженіемъ дѣтей не меньше, чѣмъ уваженіемъ взрослыхъ. Далѣе, если мы сами твердо убѣждены, что мы правы, то мы не испытываемъ этого стыда передъ коллективнымъ сознаніемъ, хотя бы и знали, что оно негодуетъ на насъ и можетъ повредить намъ: мы тогда чувствуемъ только страхъ. Такъ чувствовали себя Сократъ, Галилей, Бруно и всѣ гонимые реформаторы: у нихъ могло быть чувство страха передъ обществомъ и грядущей опасностью, но, конечно, не могло быть *стыда* за свой поступокъ, несмотря на осужденіе. Итакъ, стыдъ родится не изъ чувства или страха опасности; его источникъ — *первобытная симпатія*, признаки которой ясно видны въ источникѣ этого чувства, но только въ неочищенномъ видѣ, т.-е. въ смѣси съ другими элементами.

Здѣсь мнѣ нужно опредѣлить эту *первичную симпатію* лишь настолько, насколько это необходимо для данного вопроса. Что такое *первичная симпатія*? Живое, чувствующее и сознающее существо знаетъ (изъ опыта), что у существъ подобныхъ ему, при одинаковыхъ условіяхъ, являются одинаковыя съ нимъ чувствованія (страданія и радости), а потому оно, видя, наприм., что другой находится въ условіяхъ, которыя ему самому причиняли страданіе, чувствуетъ вновь *воображеніемъ* то, что раньше чувствовало реально, т.-е. *сочувствуетъ, сострадаетъ* страданію другого. Это извѣстно каждому. Но та же способность должна необходимо проявляться еще и въ такой формѣ: сдѣлавъ извѣстный поступокъ или намѣреваясь его сдѣлать, человѣкъ также точно знаетъ *по себѣ*, что онъ чувствовалъ бы къ другому, совершившему тотъ же поступокъ; затѣмъ, воображая, что всѣ будутъ чувствовать то же къ нему самому, онъ начинаетъ *сочувствовать* этому общему чувству *противъ себя*, т.-е. чувствовать къ себѣ *сочувственное презрѣніе*. Такъ какъ оно

не можетъ вполне уничтожить любви къ себѣ, то это порождаетъ мучительную коллизію между любовью къ себѣ и презрѣніемъ. Совершенно противоположный процессъ,—но по тому же закону,—совершается при поступкѣ, который вызывалъ бы мое одобреніе, еслибъ его сдѣлалъ другой. Я это чувство переношу въ другихъ (*эיקтивизирую*, какъ выражается Ромэнсъ) и, путемъ сочувствія, раздѣляю его со всѣми къ самому себѣ. Отсюда-то и возникаетъ гордость своимъ дѣйствіемъ, иногда совершенно нелѣпымъ и вреднымъ какъ мнѣ самому, такъ и другимъ, если оно одобряется толпой. Здѣсь лежитъ то *зараженіе* отъ толпы, о которомъ такъ много говорятъ Тардъ и Сигеле, видя въ немъ явленіе общее и постоянное, что вовсе невѣрно, какъ я покажу далѣе.

Итакъ, въ человѣкѣ мы замѣчаемъ, сравнительно съ общественными животными, высшую стадію, въ которой хотя имѣются и состоянія всѣхъ предыдущихъ стадій, но появляется и нѣчто новое: безразсчетное, неутилитарное стремленіе къ приобрѣтенію и сохраненію уваженія (утилитарное было уже у животныхъ высшихъ видовъ). Я особенно долго остановился на этомъ именно чувствѣ потому, что *оно нагляднѣе другихъ является независимымъ отъ животнo-физиологическихъ потребностей, а стало-быть отъ естественной среды. Оно возбуждается представленіемъ чужого представленія о насъ, т.-е. не только нашимъ психическимъ актомъ, но еще и въ этомъ-то психическомъ актѣ—чужимъ психическимъ актомъ* и при томъ совершенно безразличнымъ для нашего самосохраненія и не безразличнымъ только для нашего чувства уваженія и самоуваженія. А между тѣмъ творчество этого нагляднаго автономнаго мотива огромно: благодаря ему, возникла и совершалась переработка въ человѣческой личности—въ смыслѣ ея общественности, ея отождествленія съ другими и уваженія къ чужимъ интересамъ, возникло **необходимое** (а иногда и излишнее, какъ увидимъ далѣе) подавленіе индивидуальности.

Мнѣ могутъ возразить, что, такимъ образомъ, наоборотъ,

индивидуумъ оказывается подавленнымъ чужой волей, волей общества, мнѣніемъ окружающихъ; скажутъ: какая же тутъ *автономія воли*? Когда индивидуумъ подавляетъ какое-нибудь свое желаніе тѣмъ, что представляетъ себѣ осужденіе общественной среды, то, повидимому, его желаніе подавлено не имъ самимъ, а волей окружающей среды, но только отразившейся черезъ его сознаніе. Но это не такъ: его первое желаніе (не одобряемое средой) *подавлено его же собственнымъ желаніемъ*—пользоваться уваженіемъ среды. Не будь этого второго желанія, и общественное мнѣніе не дѣйствовало бы на него само-по-себѣ, и онъ бы совершилъ то, что захотѣлъ въ первый моментъ. Здѣсь было только столкновение двухъ его желаній. Даже еслибъ онъ отказался отъ своего перваго желанія только изъ страха наказанія, то и въ такомъ случаѣ автономія его воли была бы неприкосновенной, потому что побѣдило бы опять-таки его же *желаніе*—избѣжать страданія, соединеннаго съ наказаніемъ, а это желаніе есть одинъ изъ основныхъ мотивовъ воли, лежащей въ устройствѣ самой организаціи. Но подавленіе своихъ желаній страхомъ опасности, наказанія, грозящей бѣды и т. п. есть, конечно, низшая стадія сравнительно съ подавленіемъ ихъ стыдомъ общественнаго мнѣнія въ томъ случаѣ, когда общество не можетъ вредить намъ. Первый мотивъ вытекаетъ изъ тѣлесныхъ, физиологическихъ страданій и представленія ихъ, второй—изъ чисто-психическаго, мозгового страданія, отрѣшеннаго отъ чувственной опасности. Но въ *безразсчетномъ честолюбіи*, или стыдѣ, намъ раскрывается еще одно явленіе, давно поражавшее моралистовъ и повлекшее множество метафизическихъ толкованій. Явленіе это состоитъ въ томъ, что дѣйствія безразсчетныя (наприм., Кантовская мораль *дома*) влекутъ за собою весьма часто, если не всегда, благіе результаты, какъ для самой моральной личности, такъ и для общества. Повторяю, безразсчетное честолюбіе объясняетъ намъ это кажущееся чудо вполне естественно. Къ общественной пользѣ оно приводило тѣмъ, что, во I-хъ, заставляло личность дѣлаться болѣе удобной для

общегитія; во 2-хъ, заставляло ее много дѣлать для общества и служить ему всѣми силами. Для самой личности польза тутъ состоитъ въ томъ, что, во-1-хъ, приспособляясь такимъ образомъ къ общегитію, она ограждаетъ себя отъ реальныхъ опасностей, сопровождающихъ общественное недовольство ею, а во-2-хъ, она, въ числѣ другихъ личностей, пользуется въ концѣ концовъ тѣми благами, которыя оказываются въ усовершенствованіи общества и въ подвигахъ другихъ, вызванныхъ такимъ же честолюбіемъ.—Отчего же получились такіе неожиданные утилитарные результаты для человѣка, дѣйствовавшего совершенно безкорыстно, только изъ жажды уваженія и боязни презрѣнія? Этотъ удивительный фактъ заставлялъ многихъ этиковъ видѣть въ человѣческой волѣ скрытую и дѣйствующую за нею болѣе высокую и предусмотрительную волю, которая порождала послѣдствія, важныя для прогресса. Что отъ дѣйствія стыда и честолюбія, т.-е. изъ безразсчетной дѣятельности вытекали результаты, не ожидаемые самой личностью, объясняется очень просто по предлагаемой здѣсь теоріи: вѣдь, отдѣльная личность, когда она воображала, что ее осудятъ,—начала съ того, что сама осуждала другихъ за тотъ же поступокъ (еслибъ онъ былъ совершенъ противъ нея). Только потому она и знала, что его осудятъ другіе, что сама она осуждала его. А отсюда уже ясно, что самое представленіе объ осуждающемъ коллективномъ сознаніи возникло изъ ея собственныхъ стремленій и хотѣній, только предназначенныхъ ею для другихъ, но которыя затѣмъ отраженно дѣйствовали на нее же, подчиняли ее... кому же?—Въ сущности, своей собственной волѣ и хотѣнію. Исключеніе составляло лишь рабское состояніе, съ моралью *навязанною* произволомъ и противною природѣ естественныхъ и гоноративныхъ чувствъ. Итакъ, личность, подчиняясь этому мотиву, который даже ей самой могъ казаться внѣшнимъ, въ сущности, подчинялась мотиву, вытекшему первоначально изъ ея же воли и только перенесенному (эйективированному) ею же въ коллективное сознаніе.

Это, по моему, высшее доказательство автономіи воли, проявляющейся даже тамъ, гдѣ она сама готова считать себя дѣйствующей по чужой волѣ, по принужденію коллективной воли общества. Отсюда уже вполне понятно, почему это подчиненіе коллективному сознанию вело безсознательно и къ личному благу, и къ благу общему: вѣдь, въ источникѣ коллективнаго сознанія была воля самой личности; въ результатѣ и должно было получиться явленіе, согласное съ этой волей, т.-е. ея же благо. Только тутъ промежуточный процессъ скрывался отъ ея глазъ: она не замѣчала, что вносила въ коллективное сознаніе, въ качествѣ общихъ требованій отъ нея самой, только то, чего сама она требовала отъ другихъ. Безсознательно для себя, т.-е. въ области чувства, она продѣлывала великое правило, открытое Кантомъ путемъ теоретическимъ, а именно: „поступай такъ, чтобы каждый мотивъ твоихъ дѣйствій ты могъ пожелать сдѣлать всеобщимъ закономъ“. Оказывается, что великое правило Канта всегда дѣйствовало въ человѣчествѣ, но не сознательно, а въ области непосредственнаго чувства.

Но развитіе автономіи человѣка не остановилось на этомъ: это была только первая стадія человѣческой автономіи въ обществѣ.

Хотя чувство стыда передъ общественнымъ мнѣніемъ было уже могучей сдерживающей силой, способной весьма часто побѣдить страхъ опасности, грозящей отъ того же общества, но его было недостаточно. У многихъ этотъ животный страхъ, продуктъ животной автономіи воли, управляемой только чувственными страданіями и удовольствіями, подавлялъ чувство стыда и честолюбія. Такъ, если и могли быть рабы, которые, изъ стыда передъ мнѣніемъ своихъ товарищей, не выдали бы одного изъ нихъ господину, хотя бы онъ грозилъ пыткой и смертью, но было и множество другихъ, у которыхъ животная автономія пересиливала первичную автономію общественнаго человѣка, руководимаго мотивомъ стыда и безразсчетнаго честолюбія. Рабъ, выдавшій товарища изъ боязни наказанія, не лишенъ автономіи,

но эта автономія—низшая не только потому, что она свойственна животнымъ, которыя тоже избѣгаютъ страданія,—низшая она потому, что постороннее желаніе, желаніе господина, заставляетъ здѣсь раба, во имя чувственной автономіи, отказываться отъ другихъ своихъ стремленій высшаго порядка, наприм., отъ симпатіи къ товарищу или потребности уваженія товарищей.

Многіе говорятъ, что внутренняя свобода нисколько не зависитъ отъ внѣшней и не имѣетъ къ ней никакого отношенія. Да, если свободу понимать схоластически, какъ „безосновную“, безмотивную. Но свобода внутренняя, какъ я ее опредѣляю, весьма страдаетъ при условіяхъ, зависящихъ отъ внѣшняго рабства: она требуетъ отъ человѣка безпредѣльно большей силы его высшей автономіи (чисто-психической), чтобы побѣдить мотивы низшей автономіи (чувственно-психической). Невыносимость страданій можетъ заставитьъ раба задавить лучшія стремленія своей души, такъ что въ концѣ отъ нихъ можетъ не остаться ничего, какъ и отъ самой воли его, кромѣ той низшей „автономіи“, благодаря которой онъ можетъ сказать: „а все же я эту гадость сдѣлалъ для себя, чтобы меня не высѣкли,—значить, былъ свободенъ“. Обыкновенно при этомъ принято доказывать, что, вѣдь, былъ же рабъ Эпиктетъ (стоикъ), который не отказывался отъ своего мнѣнія даже тогда, когда въ пыткахъ хозяинъ сломалъ его ноги. Поклонники абсолютной свободы воли говорятъ: вотъ вамъ доказательство, что она есть. Но развѣ Эпиктетъ дѣйствовалъ безъ мотива и причины?—Нѣтъ. Онъ побѣдилъ муку физическаго страданія (первый мотивъ воли) другимъ мотивомъ, высшимъ—нежеланіемъ отказаться отъ того, во что вѣрилъ, что считалъ правдою. Чувство правды у него было сильнѣе чувства страданія. Но если бы это была та сила, которую приписываютъ *всѣмъ людямъ* подъ именемъ „свободы воли“, она была бы у всѣхъ, была бы и у того раба, который не вынесъ боли и сдѣлалъ гадость. Стало бытъ, не у всѣхъ людей „есть свободная воля“, и въ такомъ случаѣ она—

вовсе не свойство чловѣка вообще, а только особенность душевной организаціи нѣкоторыхъ, т.-е. вовсе не свободная воля, какъ ее опредѣлили схоластики. Но въ примѣрѣ Эпиктета мы видимъ другое важное указаніе: очевидно, что автономія его воли иная, чѣмъ воли подчинившагося раба; и другая она не по существу, а по своему содержанію: для одного — фізіологическое страданіе больнѣ всего, и онъ слѣдуетъ его мотивамъ; для другого — всѣ мотивы блѣднѣютъ передъ мотивами идеальнаго страданія. Если бы Эпиктетъ представлялъ собою единственный случай, о немъ не стоило бы и говорить. Но исторія почти всѣхъ высшихъ религій, и особенно христіанства, даетъ десятки тысячъ такихъ же примѣровъ; между прочимъ вспомнимъ нашихъ русскихъ сектантовъ: они сжигали себя массами, лишь бы не подчиниться какому-либо требованію, идущему въ разрѣзъ съ ихъ убѣжденіемъ. Галилей, Бруно, Гуссъ, Серве и множество людей науки и философіи представляютъ то же явленіе, а этимъ доказывается, что тутъ дѣйствуетъ не религіозный фанатизмъ только, а какая-то особая причина, общая и людямъ религій, и людямъ идеи (научно-философской). Но даже на глазахъ у насъ является множество такихъ фактовъ, хотя и въ меньшемъ масштабѣ: такъ, сотни и тысячи людей не откажутся отъ своей идеи, хотя бы имъ грозили большими неудобствами и неудовольствіями. Какой отличительный признакъ всѣхъ такихъ психическихъ организацій? У нихъ мотивы высшихъ чувствованій, а часто и мотивы чистой симпатіи, преобладаютъ надъ мотивами самосохраненія и низшихъ фізіологическихъ страданій и удовольствій. Но такъ какъ ихъ идеи и высшія чувствованія составляютъ въ то же время особенности ихъ индивидуальности (тогда какъ мотивы фізіологическихъ и функціональных страданій и удовольствій составляютъ *общіе* мотивы всего живущаго), то ихъ автономія воли полнѣе, чѣмъ у раба, сдающагося отъ страха фізіологическаго страданія: у этого послѣдняго автономія не идетъ дальше той, которая свойственна и животнымъ,

а все индивидуальное, лично ему свойственное, меркнетъ. У вторыхъ, наоборотъ, ихъ индивидуальное является господствующимъ мотивомъ, а потому ихъ воля и ея автономія являются со всѣми атрибутами своей индивидуальности, т.-е. тутъ автономія выше, полнѣе.

Но тутъ обнаруживается еще фактъ: свойства Эпиктета въ ту эпоху, когда онъ жилъ, являются въ связи съ извѣстною моралью, и обладалъ ими не онъ одинъ, а цѣлая группа людей, которая, подъ разными формами моральныхъ теорій, все увеличивалась и разрасталась, пока въ средневѣковомъ католическомъ аскетизмѣ не охватила почти всей Европы. Эпиктетъ былъ стоикъ, и его жизнь, его мораль имѣли уже предвѣстниковъ въ циникахъ, имѣли сходство съ моралью и жизнью эпикурейцевъ, и еще большее сходство съ моралью и жизнью цѣлыхъ тысячъ первыхъ христіанъ, явившихся въ Греціи и Римѣ около того же времени. Эта поразительная *общность* явленія доказываетъ, что мы и въ Эпиктетѣ имѣемъ дѣло не съ исключительнымъ характеромъ, и не съ исключительнымъ типомъ, а съ проявленіемъ какого-то болѣе общаго теченія, постепенно разраставшагося. Этимъ новымъ теченіемъ и была вторая стадія автономіи человѣческой воли, пришедшая на смѣну стадіи безразсчетнаго честолюбія или стыда общественнаго мнѣнія. Послѣдовательность во времени еще не доказываетъ, что новое лучше стараго и прежняго. И сама эволюціонная теорія беретъ критеріумомъ вовсе не эту послѣдовательность, а *широту и полноту жизни*, — поэтому-то она можетъ также устанавливать вмѣстѣ съ явленіями прогресса и явленія регресса. Точно также, и по взгляду, развитому мною сейчасъ, высотѣ новаго типа опредѣляется не его новизной, а наибольшей автономіей или широтой воли индивидуума, которая влечетъ съ собой, какъ увидимъ, огромныя послѣдствія для широты, полноты и глубины жизни и свободы воли. Это высшее состояніе воли и ея мотивовъ было невозможно безъ такого соподчиненія другъ другу этихъ стремленій воли; чтобы стремленія идеальныя, мотивы, вытекающіе изъ высшихъ чувствъ, господствовали и

надъ общеживотными, и даже надъ примитивными чувствами, специфически-человѣческими (наприм., безразсчетной гоноративности). Тотъ типъ, который мы намѣтили, стоитъ уже на двѣ ступени выше животнаго: первую ступенью чело- вѣчности былъ типъ безразсчетной гоноративности, вторымъ является типъ Эпиктета, типъ непреоборимаго уваженія къ своему внутреннему, идейному и моральному „я“; это ува- женіе заставляетъ всю силу самосохраненія обратить на эту часть своей личности, уже независимо отъ мнѣнія другихъ: первый типъ, въ отличіе отъ новаго, можно назвать *альтеро- гоноративнымъ*, а второй — *эго-гоноративнымъ* *).

Сейчасъ мы покажемъ, что возможенъ типъ еще высшій, но остановимся пока на *эго-гоноративномъ*. Уже въ немъ осу- ществляется гораздо большая доля „свободы воли“, если ее опредѣлять, какъ наибольшую зависимость ея мотивовъ только отъ нея самой. Вѣдь, *воля личности есть лишь равно- дѣйствующая всѣхъ возникающихъ и могущихъ возникнуть (потен- ціальныхъ) стремленій* данной личности. Внѣшняя несвобода — или отъ соціальной среды, или отъ природы, дѣйствуетъ на личную волю тѣмъ, что заставляетъ ее подавлять одни мотивы въ пользу другихъ, причемъ иногда это ведетъ къ прогрессу, а иногда къ регрессу жизни. Къ прогрессу это ведетъ тогда, когда такое подавленіе вытекаетъ изъ подчиненія такимъ требованіямъ общества, которыя и я самъ предъявляю къ другимъ (см. выше); наоборотъ, къ регрессу личности это ведетъ тогда, когда ей насильно навязываютъ мотивы, не имѣющіе никакой связи ни съ ея, ни съ общественною волей. И вотъ, по степени пе- рехода отъ типа „альтеро-гоноративнаго“ къ „эго-гонора- тивному“, становилось все сильнѣе сопротивленіе „внут- ренней автономіи“ — внѣшнимъ, навязаннымъ цѣлямъ. Чело- вѣкъ могъ бороться съ этими внѣшними, навязанными цѣ- лями двумя путями: онъ или просто не подчинялся имъ,

*) Отъ словъ: „alter“ — другой и „ego“ — я. „Альтерогоноративный“ значитъ — заботящійся объ уваженіи другихъ; „эго-гоноративный“ — заботящійся о собственномъ уваженіи къ себѣ.

для чего развиваль въ себѣ высшіе мотивы, перевѣшивавшіе страданія, которыя возникли отъ этого неподчиненія,—или измѣняль среду природы и общества такъ, чтобъ она удовлетворяла наибольшей суммѣ его стремленій. Такъ, Эпиктетъ долженъ былъ, такъ сказать, атрофировать, анестезировать у себя нѣкоторыя функціи, которыя были несовмѣстимы съ окружающими условіями; наприим., онъ долженъ былъ подавить въ себѣ естественное чувство страданія отъ пытокъ и плетей, чтобы сохранить „святая святыхъ“ своего „я“. Значить, все же тутъ оставалось подчиненіе, рабство чужой волѣ, хотя только въ низшихъ функціяхъ. Это—высоко, и многими считается чуть не идеаломъ внутренней свободы, но это—ошибка. Подавленіе хотя бы и низшихъ функцій не обходится даромъ не только физиологической сторонѣ организма, но и психической (наприим., совѣты воздерживаться отъ половой любви влекутъ отвратительные психозы); кромѣ того, такое подавленіе создаетъ неполноту личности. Но, какъ переходная стадія, оно имѣло громадное значеніе въ качествѣ упражненія и гимнастики воли.

Какъ человѣкъ, учащійся игрѣ на фортепіано, долженъ, чтобы подчинить своей волѣ всѣ пальцы, подчинить прежде всего наименѣ повинующіеся, такъ человѣчество упражнялось постепенно надъ управленіемъ собственными хотѣніями: *мораль стоиковъ стала въ средніе вѣка общей—подъ именемъ аскетизма*. Многіе привыкли думать, со словъ Руссо, что первобытный человѣкъ былъ выше насъ по своей *внутренней свободѣ*. Но это—иллюзія; всѣ путешественники говорятъ, что современный дикарь—существо *вполнѣ рефлексивное, импульсивное*, отдающееся всякому впечатлѣнію, какъ наши дѣти и истеричные, которые суть не что иное, какъ продуктъ вырожденія, *атавизма*. Мнѣ укажутъ на древнихъ грековъ, но уже давно лучший изслѣдователь Гомера, Глостонъ (а за нимъ Вундтъ), доказалъ, что не было существъ болѣе импульсивныхъ, несдержанныхъ, чѣмъ „герои“ древней Греціи: они кричали, плакали, убѣгали съ поля сраженія отъ малѣйшей раны или даже полового влеченія. Раз-

сказы Достоевскаго въ „Мертвомъ домѣ“ о привередничаньяхъ въ больницахъ простаго люда поразительны; то же всякій можетъ услышать отъ любой акушерки или врача о крестьянахъ и крестьянкахъ, которые выносятъ боль и страданія гораздо хуже людей интеллигентныхъ и привыкшихъ постоянно сдерживаться въ выраженіи своихъ чувствъ и ощущеній. Одинъ изъ лучшихъ психіатровъ Англии, въ своемъ огромномъ трудѣ о душевныхъ болѣзняхъ, говоритъ что средневѣковый періодъ аскетизма, монастырей, самобичеванія и т. п. былъ необходимъ, чтобы обратить прежняго челоѡса изъ существа совершенно импульсивнаго въ болѣе сдержаннаго относительно своихъ страстей и желаній, которыя раньше онъ немедленно приводилъ въ исполненіе: этотъ періодъ выработалъ въ челоѡчествѣ нѣчто вродѣ задерживающихъ центровъ. Если мы жалуемся на современный нервный и истеричный вѣкъ, то только потому, что не знаемъ прошлаго, и наша мѣрка самообузданія и идеаль самообладанія идутъ дальше нашей дѣйствительности. Но мы должны помнить, что самые крайніе неврастеники и истеричные нашего времени суть только воспроизведенія первобытныхъ предковъ, передъ которыми они все же представляютъ образцы самообладанія, сдержанности и самоподчиненія низшихъ импульсовъ высшимъ.

Но этимъ я не хочу сказать; что понизилась и чувствительность современнаго челоѡка. Нѣтъ, Шопенгауэръ справедливо говоритъ, что дубинка древняго монарха производила меньшее дѣйствіе на людей той эпохи, чѣмъ теперь грозный взглядъ. Эту чувствительность долженъ былъ подавлять въ себѣ средневѣковый челоѡкъ потому, что она дѣлала его рабомъ и природы, и другихъ людей, такъ какъ низшія функции, не исключая даже безразсчетной гоноративности, связывали его подчиненіемъ средъ внѣшней и общественной, т.-е. заставляли возникать и такіе мотивы, которые не имѣли ничего общаго съ его прямой волей. Но разъ упражненіемъ, предписаннымъ стоицизмомъ и средневѣковымъ аскетизмомъ, челоѡкъ дошелъ до того, что могъ

владѣть своими мотивами, какъ артистъ пальцами, онъ уже могъ не бояться ни своихъ низшихъ функцій, ни своей чувствительности. Они были въ его власти настолько, что его высшее „я“ никогда не могло подпасть рабству. Это видно особенно ярко въ моменты борьбы за это „я“: напр., Французы, которыхъ мы привыкли считать самой изнѣженной и сенсуальной націей въ мірѣ, становились героями самопожертвованія, выносившими страшныя лишенія голода, чтобы не сдать нѣмцамъ своего Парижа; то же мы видимъ, хотя уже только у отдѣльныхъ борцовъ, во время „*coup-d'état*“, совершеннаго Наполеономъ III. Подобный же примѣръ даетъ намъ послѣдняя попытка въ Германіи стѣснить свободу совѣсти, мысли и науки. Она вызвала такую бурю сопротивленія, которая еще три вѣка тому назадъ не была бы вызвана публичнымъ сожженіемъ ста тысячъ еретиковъ или даже болѣе тяжелою мѣрой, касающейся всего населенія.

Но это не все. Вы теперь наглядно видите, что подъ вліяніемъ роста потребности во внутренней автономіи и душевной свободѣ, которую прежде могли подавлять или заставлятъ переносить страданія (мотивы, навязанные извнѣ) измѣнялись самыя формы общества: его порядки и законы слагались постепенно такъ, что шли своими гарантіями внѣшней свободы на-встрѣчу внутренней свободѣ. Теперь эти формы уже не ставятъ почти никого въ необходимость играть роль Эпиктета, т. е. имѣть необходимость подавлять въ себѣ естественное чувство страданія отъ страшныхъ пытокъ, чтобы сохранить высшую часть автономіи своей воли заглушеніемъ въ себѣ ея низшей части—во всякомъ случаѣ, цѣнной и важной въ общей жизни личности. Очевидно, что и въ созданіи этихъ внѣшнихъ формъ лежало стремленіе къ внутренней свободѣ, а потому ошибаются тѣ, которые думаютъ, что „свобода внѣшняя“ и „свобода воли“ не имѣютъ никакихъ точекъ соприкосновенія: отдѣльные герои могутъ и въ рабствѣ сохранить нѣкоторую часть своей автономіи—принесеніемъ въ жертву другой ея части, но обыкновенные люди прямо теряютъ въ рабствѣ всѣ свои собственные мо-

тивы и замѣняютъ ихъ чужими, сперва изъ чувства страха и боли, а затѣмъ и альтеро-гоноративнымъ путемъ.

Резюмируя все вышесказанное, мы можемъ признать слѣдующія стадіи автономіи: 1) механическая или физическая стадія — у неорганическихъ предметовъ; 2) растительная стадія, присоединяющая къ первой болѣе тонкое и разнообразное сопротивленіе, обязанное способности размноженія (разрастанія въ новые автономные объекты); 3) субъективная или психическая стадія-животная; 4) такая же *человѣчская, альтеро-гоноративная*, 5) *эго-гоноративная*; 6) *синтетическая*.

Каждая послѣдующая включаютъ въ себя всѣ предыдущія.

VIII.

Посмотримъ же теперь, какая основная сила вела ко всѣмъ этимъ перемѣнамъ внѣшнимъ и внутреннимъ. Эта сила была въ одномъ вѣчномъ и неизмѣнномъ стремленіи воли къ *лучшему*. Временно, побѣждая какое-либо препятствіе, воля удовлетворялась имъ, и человѣкъ чувствовалъ радость и довольство. Но привыкнувъ къ новому положенію, онъ снова чувствовалъ его несовершенства или неудобства, и воля, въ томъ же чувствѣ страданія отъ этихъ неудобствъ, давала ему новый мотивъ для дальнѣйшихъ стремленій улучшить самого себя и среду. И въ этомъ всего яснѣе выражается различіе между схоластической свободой воли и той, которую пытаюсь установить я.

Но результатъ процесса почти осуществляетъ идеаль схоластикова: высшій типъ человѣка управляетъ теперь своими хотѣніями, какъ артистъ пальцами, руководясь уже не непосредственными хотѣніями, а высшими соображеніями и чувствованіями, идеалами общаго блага, сознательно понятыми—какъ благо cadaго, руководясь идеалами и принципами безкорыстной симпатіи и любви; эта симпатія была и въ примитивной волѣ, но теперь очистилась отъ всѣхъ примѣсей и стала изъ бессознательнаго мотива сознательнымъ принципомъ всей дѣятельности.

Но это не есть *безмотивность* воли, какъ у схоластиковъ: мотивы и теперь управляютъ ею, но высшіе, идеальные и притомъ управляютъ (при своей относительной слабости) только потому, что путемъ упражненія и развитія человѣкъ научился выдвигать ихъ впередъ, сосредоточивать на нихъ все свое вниманіе и такимъ образомъ, въ нужный моментъ, заглушать низшіе мотивы животной и гоноративной автономіи.

Какое участіе въ этомъ процессѣ принималъ человѣческій разумъ? Люди рождались съ чувствомъ симпатіи и свободы своихъ дѣйствій, но эти чувства были слѣпы: люди не знали всего, что должно любить, не знали, къ чему стремиться; руководясь только первичными чувствами страданія и радости, они брели ощупью. Но разумъ мало-по-малу сознательно открывалъ волѣ горизонты, а симпатіи указывали ей ея сферы, начиная отъ семьи и племени и кончая единствомъ психической и психо-физиологической чувствительности во всемъ человѣчествѣ. Чувство заставляло разумъ работать для себя, отыскивать новые горизонты, охватываемые любовью въ кругѣ, имѣющемъ все большій и большій радіусъ. Тутъ было взаимодействіе разума и чувства (или воли), въ которомъ, однако, побужденіе давалось волей, проявлявшейся, съ одной стороны, гедоническими чувствами (ихъ называютъ также эгоистическими), а съ другой—первичной симпатіей.

Первичная симпатія, освободившись отъ ошибокъ мышленія и невѣдѣнія, господствовавшихъ на первыхъ стадіяхъ развитія, ошибокъ, которыя ограничивали сферу ея дѣйствія семьей, племенемъ, націей, религіозной сектой и т. п.,—теперь приняла въ свои нѣдра все человѣчество.

Кромѣ того, побѣдивъ предыдущія стадіи, она приняла и новый характеръ: такъ, побѣдивъ стадію безразсчетнаго честолюбія (альтеро-гоноративную), основанную на ней же, она получила возможность освободиться отъ безчисленныхъ и бесполезныхъ мелочей, въ которыхъ тонула почти вся жизнь альтеро-гоноративнаго человѣка ради стремленія добыть ува-

женіе другихъ. Освободившись же отъ крайностей эго-гноративнаго мотива (эпиктетовскаго стоицизма и средне-вѣковаго аскетизма), она освободилась отъ исключительнаго сосредоточенія на своемъ „я“ и на самосовершенствованіи, и потому всѣ силы свои сосредоточила на истинномъ служеніи другимъ, вызываемомъ чистой симпатіей. Мар-мери, въ своемъ сочиненіи „Progress of Science“, говоритъ, что общественная благотворительность является такимъ же признакомъ нашей эпохи, какимъ былъ аскетизмъ для среднихъ вѣковъ.

Замѣчательно слѣдующее: во-первыхъ, міровая ткань или сущность не мѣшала этому процессу; наоборотъ, по мѣрѣ познанаія ея законовъ, она все больше служить сама стремленіямъ людей и ихъ идеаламъ. Во-вторыхъ, достигнутые результаты замного тысячелѣтій были предметами мечтаній и вдохновеній отдѣльныхъ выдающихся людей и человѣческихъ группъ. Отъ выводовъ изъ сопоставленія этихъ двухъ фактовъ пока воздержусь.

Проявленіе этихъ автономій въ разныхъ областяхъ прогресса составитъ предметъ особаго труда.

Л. Е. Оболенскій.

Основанія идеализма *).

Критика логическаго идеализма.

I.

Если логическій принцип нашего знанія есть дѣйствительно универсальный и абсолютный, то онъ обосновываетъ собою все сущее и въ то же время идеально заключаетъ въ себѣ всю систему возможнаго знанія. Провѣрка этого принципа, въ качествѣ безусловнаго и всеобщаго, должна поэтому состоять въ логической дедукціи изъ него всей системы нашихъ знаній. И поскольку вся природа и вся исторія опредѣляется Гегелемъ какъ самораскрытіе этого абсолютнаго начала, — природа и исторія должны быть выведены изъ него логически а priori. Исторія и природа должны быть построены логически, ибо только такое логическое построеніе можетъ быть подлиннымъ воспроизведеніемъ ихъ дѣйствительнаго происхожденія и развитія. Все сущее сводится къ логической идеѣ, — таковъ смыслъ Гегелевскаго положенія: „все существующее разумно“ **); и дѣйствительный міровой процессъ, процессъ міроваго развитія, долженъ быть объясненъ какъ разумный, логическій процессъ. Гегель, а раньше его и Шеллингъ, сознали необходимость таковаго философскаго доказательства, провѣрки своего прин-

*) См. статью въ январской книжкѣ 1896 г. „Вопросы Философіи и Психологіи“ (№ 31).

***) Was vernünftig ist, das ist wirklich; und was wirklich ist, das ist vernünftig (Rechtsphilos., Vorrede).

ципа—путем построения новой умозрительной науки—умозрительнаго естествознанія и умозрительной исторіи. Они попытались дать такую науку, и эта-то попытка всего болѣе показала несостоятельность, неполноту ихъ отвлеченнаго принципа.

Прежде всего пала пресловутая „натурфилософія“. Природа оказалась не тождественною съ „духомъ“ философовъ, и всѣ попытки вывести ее изъ понятій чистаго разума оказались тщетными. На самомъ дѣлѣ, философы ничего и не выводили: они строили изъ ветхаго и крайне непрочнаго матеріала, подгоняя свои естественно-историческія познанія подъ рамки своей логической системы. Но ихъ наука о природѣ была вопіющимъ анахронизмомъ уже въ ихъ эпоху. И въ то самое время, какъ они все болѣе и болѣе запутывались въ своей метафизической паутинѣ, создавая призрачный міръ, — научное естествознаніе двигалось впередъ, открывая подлинныя міры посредствомъ усовершенствованныхъ методовъ и орудій опыта и наблюденія. Результаты положительной науки разошлись съ результатами умозрѣнія: внѣшнее эмпирическое изученіе природы одержало верхъ надъ логическимъ построеніемъ. И съ успѣхами научнаго эмпиризма естественно развилась и распространилась особаго рода философія эмпиризма.

Повидимому, одинъ неуспѣхъ натурфилософіи еще не свидѣтельствуетъ противъ самой „философіи тождества“ Шеллинга и Гегеля: погрѣшность отдѣльныхъ построеній еще не свидѣтельствуетъ противъ истинности основнаго начала. Во всякомъ случаѣ, если допустить вмѣстѣ съ Гегелемъ „раціональность“ всего существующаго, если признать вмѣстѣ съ нимъ истинную сущность міра—въ логическомъ понятіи и видѣть въ отдѣльныхъ формахъ бытія лишь моменты въ развитіи этого понятія, то самая задача апіорнаго, чисто-раціональнаго построения природы изъ понятій представляется не только возможной, но и безусловно необходимой. И наоборотъ,—если такое построеніе оказывается невозможнымъ, если реальный чувственный міръ не разрѣшается въ

чисто-логическую систему, если физическій процессъ жизни и развитія вселенной не разрѣшается всецѣло въ логическій процессъ, то самый „панлогизмъ“ Гегеля оказывается ложнымъ въ своей отвлеченности: все не сводится къ Логосу, т.-е. къ логическому началу. Не трудно доказать путемъ логическаго анализа всей конструкціи Гегеля, что его фантастическая физика, въ сущности, столь же мало можетъ быть выведена изъ его основныхъ началъ, какъ и настоящая научная физика: ибо какъ ни объяснять физическія силы тяготѣнія, свѣта, звука, тепла и т. д., ихъ очевидно нельзя свести къ логическимъ категоріямъ—точно такъ же какъ и совокупность органическихъ и неорганическихъ формъ природы.

Въ области исторіи человѣческаго духа построительный методъ Гегеля имѣлъ несомнѣнно большій успѣхъ, чѣмъ въ области чисто физической, отчасти благодаря болѣе обширнымъ историческимъ познаніямъ философа и его необычайному дару историческаго пониманія. Здѣсь, въ особенности въ сферѣ умственныхъ и духовныхъ движеній, Гегелю дѣйствительно удалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ раскрыть логическую связь отдѣльныхъ моментовъ развитія той или другой общей идеи или принципа въ извѣстную историческую эпоху. Но исторія, какъ и природа, не можетъ быть „раціонализована“: въ исторіи, какъ и въ природѣ, реальный процессъ не совпадаетъ съ логическимъ и потому не строится историкомъ а priori, но изучается и объясняется имъ а posteriori. Иначе историкъ не былъ бы ограниченъ однимъ прошедшимъ и притомъ только извѣстною ему небольшою частью прошедшаго: онъ могъ бы логически „строить“ будущее, предсказывать его съ безусловною достовѣрностью. Всякое неожиданное историческое событіе, какъ и всякое крупное открытіе въ области прошлаго, съ очевидностью показываютъ недостаточность построенія исторіи изъ отвлеченныхъ понятій. Въ исторіи, какъ и въ природѣ, взаимная связь явленій можетъ быть открыта и понята лишь по изученіи самихъ явленій. Изъ отвлеченныхъ понятій нельзя ни вывести, ни

понять ничего конкретного, — нельзя понять *личности*, как реального фактора исторического процесса. Современный „экономический материализм“, также отрицающий значение личности в истории, уже этим самым обличает свою генетическую связь с гегеловской отвлеченной конструкцией исторического процесса. Ибо в истории, как и в естествознании, отвлеченный идеализм вызвал реакцию материализма.

Недостаточный в области естествознания и истории, принцип Гегеля оказался столь же недостаточным и в области *психологии* *): человеческая душа не есть исключительно „вещь мыслящая“; она есть также и *волящая*, и *чувствующая* вещь. И попытка свести волю, чувство и чувственность к мышлению, психологическое — к логическому, была столь же неудачной, как и обратная попытка противоположной Гегелю школы психологов — свести мышление к чувству и волѣ, или логику — к психологии.

Таким образом, между „панлогизмом“ Гегеля и эмпирической наукой существует несомненная антиномия и притом такая, которая зависит не от частных ошибок Гегеля или простых недочетов в его естественно-исторических познаниях. По настоящему, таких познаний вовсе и не требовалось бы, если бы отвлеченная дедукция могла замѣнять их собою. Эмпирическая наука противорѣчит логическому идеализму в самом принципе: природу, историю, человеческую душу нельзя свести к логическим категориям, а следовательно нельзя и выводить из таких категорий. *Сущее не сводится к логической идее.*

Съ другой стороны, как мы видѣли, самъ эмпиризмъ приводитъ насъ къ идеализму и притомъ къ логическому идеализму: мѣръ, какъ явленіе, предполагаетъ субъектъ, обуславливающий это явленіе въ безконечномъ пространствѣ и времени, — *der Weltträger, das Subject des Erkennens*, какъ

*) Собственная психология логического идеализма по необходимости является столь же произвольной и фантастичной, как и его натурфилософия. Ср. Exner. Die Psychologie d. Hegelschen Schule.

называлъ его Шопенгауэръ. И поскольку знаніе наше соотвѣтствуетъ дѣйствительности, поскольку явленіе, познаваемое нами, — объективно, мы необходимо предполагаемъ въ самомъ познаніи, точно также какъ и въ явленіи, нѣкоторое единство субъекта и объекта, познающаго и познаваемого. А это именно и есть принципъ логическаго идеализма.

2.

Въ такомъ противорѣчій двухъ отвлеченныхъ принциповъ—эмпиризма и абсолютнаго рачіонализма—заключается чрезвычайно важная проблема для философской мысли. Мы убѣдились въ несостоятельности отвлеченнаго эмпиризма: разсматривая его основныя предположенія, подвергая критическому анализу основныя опытыя понятія, мы естественно переходимъ отъ такого эмпиризма къ идеализму и притомъ къ логическому идеализму. Но если такой идеализмъ, съ своей стороны, расходится съ данными опыта и результатами положительнаго знанія, то мы должны разсмотрѣть, отъ чего зависитъ такое противорѣчіе, имѣетъ ли оно случайный или общій характеръ? Человѣческое знаніе должно быть логично, и оно должно быть положительно, позитивно. Позитивизмъ нашихъ знаній не можетъ исключать ихъ логичности, и логическій характеръ мышленія не можетъ отнимать у него положительнаго содержанія. И если позитивизмъ, отрицающій объективную логику мышленія, есть ложный позитивизмъ, то панлогизмъ, исключаящій существенное отношеніе мысли къ положительному, конкретному существу,—есть мнимый панлогизмъ.

Логическій идеализмъ Гегеля оказывается несогласнымъ съ эмпиріей; разсмотримъ его судьбу передъ судомъ отвлеченной философской мысли.

Истинное знаніе есть, по Гегелю, совершенное пониманіе, и если мы вѣримъ въ возможность истиннаго знанія, мы вѣримъ и въ возможность совершеннаго пониманія. Слѣдовательно, мы допускаемъ возможность такой системы пониманія, которую покрывается міровая система. А это, въ свою оче-

редь, возможно лишь при условии единства самого принципа пониманія (т.-е. понятія) съ міровымъ принципомъ, т.-е. съ причиною міра. Этотъ выводъ, который сдѣлалъ по-своему уже Аристотель, и послужилъ исходною точкою философіи Гегеля.

Однако, страннымъ образомъ, это ученіе, исходившее изъ тождества мышленія и бытія, оказалось не только менѣе пригоднымъ для объясненія или пониманія сущаго, чѣмъ эмпирическая наука, но даже въ области философіи повело къ результатамъ, совершенно противоположнымъ своему основному предположенію. Философія Гегеля не была тою абсолютной системой, тѣмъ окончательнымъ синтезомъ человѣческой мысли, какимъ она представлялась своему создателю: она была лишь однимъ изъ моментовъ развитія этой мысли, моментомъ крайняго отвлеченнаго раціонализма, который, по закону діалектическаго развитія, формулированному самимъ же Гегелемъ, вызвалъ другую противоположность въ сферѣ умозрѣнія—философію ирраціональнаго, бессознательнаго.

Наиболѣе крупный представитель этой философіи—Шопенгауэръ—развилъ свое ученіе частью независимо отъ ученія послѣ-кантовскихъ идеалистовъ, частью въ прямой и сознательной противоположности съ ними. Но и въ самомъ идеализмѣ Шеллинга и Гегеля заключалось основаніе для этого столь противнаго ему направленія.

Прежде всего, какъ самъ Гегель замѣтилъ по отношенію къ предшествовавшей ему философіи Шеллинга, абсолютное тождество субъекта и объекта, природы и духа, понимаемое какъ „безразличіе“, заключаетъ въ себѣ начало, чуждое идеализму: въ своемъ отвлеченномъ тождествѣ съ природою духъ перестаетъ отъ нея различаться, т.-е. перестаетъ быть духомъ; въ своемъ безразличіи съ объектомъ „субъектъ“ не есть мыслящій субъектъ, не есть субъектъ вообще: существуетъ какая-то совершенно неопредѣленная, бессознательная сила, которая путемъ какого-то непостижимаго самораздвоенія можетъ пробудиться къ твор-

честву и самосознанію. Міръ съ его раздвоеніемъ природы и духа есть лишь сновидѣніе этой безсознательной силы. Не мудрено, что вся натурфилософія Шеллинга обращается въ какое-то фантастическое толкованіе сновъ.

По Гегелю, „абсолютное тожество“ опредѣляется прежде всего—какъ „идеальное“, т.-е. какъ идея, какъ духъ или мысль: мысль не только заключаетъ въ себѣ непосредственно „субстанціальное“ (безсознательное) тожество мыслящаго и мыслимаго, но она также полагаетъ въ себѣ ихъ „различіе“ и ихъ „конкретное единство“. Но если допустить, что въ основаніи всего сущаго лежитъ вѣчный Логось,—абсолютная идея или мысль, себя мыслящая, то какъ возможенъ переходъ отъ вѣчной логики, отъ чистаго мышленія этой мысли, къ конкретной дѣйствительности, къ реальной чувственной природѣ или къ конечному человѣческому духу? У самого Гегеля такой переходъ представляется непостижимымъ скачкомъ, какимъ-то совершенно ирраціональнымъ и непонятнымъ „отпаденіемъ идеи самой отъ себя“. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія самого абсолютнаго раціонализма—начало реального мірового процесса есть нѣчто такое, что отлично отъ чистаго Логоса, нѣчто такое, что раціонально не объяснимо: *въ чистой мысли, какъ таковой, не заключается достаточнаго основанія для чего-нибудь внѣ этой мысли.*

То же слѣдуетъ сказать и о „конечномъ духѣ“—о конечномъ сознаніи, ограниченной мысли въ отличіе отъ „абсолютной идеи“. Переходъ отъ этой вѣчной идеи къ индивидуальному субъекту, неразумному въ своемъ сознаніи, ограниченному въ своемъ познаніи,—по необходимости также является ирраціональнымъ и непостижимымъ. Наряду съ вѣчнымъ „субъектъ-объектомъ“ оказывается внѣшній материальный объектъ—природа, которая противопоставляется ограниченному субъекту—конечному субъективному сознанію. Платонъ на-ряду съ міромъ идей признавалъ особое начало, „душу міра“, какъ основу чувственной природы и конечнаго сознанія; на-ряду съ идеальнымъ началомъ, и онъ, и Ари-

стотель допускали отличное отъ него „другое“. Гегель въ своемъ панлогизмѣ не зналъ ничего „другого“, кромѣ чистой мысли, и потому, въ сущности, не могъ объяснить перехода отъ мысли къ дѣйствительности иначе, какъ путемъ антилогическаго противорѣчія.

Такимъ образомъ, отвлеченный идеализмъ Гегеля, который признавалъ въ основѣ всего сушаго чисто-логическій процессъ, отрицая всякое бытіе внѣ понятія, приводитъ въ концѣ концовъ къ своей прямой противоположности—философіи ирраціональнаго, безсознательнаго. Дѣйствительно, существенное отличіе разума отъ неразумнаго заключается въ цѣлесообразности перваго. Міровой процессъ, поскольку онъ отличенъ отъ идеальнаго, чисто-логическаго процесса, имѣетъ своимъ началомъ ирраціональный и безцѣльный актъ. Такое заключеніе и было высказано нѣмецкими философами, слѣдовавшими за Гегелемъ. Если по ученію Гегеля „все существующее разумно“, т.-е. все сущее, какъ мыслимое, опредѣляется понятіями разума, — то самое *бытіе*, самая *дѣйствительность* того, что соответствуетъ этимъ понятіямъ, не опредѣляется никакими понятіями, или, точнѣе, не сводится къ понятію. Пусть сто дѣйствительныхъ талеровъ, по своему понятію, не отличаются ничѣмъ отъ ста талеровъ, существующихъ въ головѣ философа: первые отличаются отъ вторыхъ своимъ *бытіемъ*. Міръ, существующій въ понятіи всевѣдущаго Разума, отличается отъ дѣйствительнаго міра *бытіемъ* этого послѣдняго. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что все существующее, все дѣйствительное—*не-разумно*, т.-е. ирраціонально, поскольку оно дѣйствительно существуетъ. Это положеніе отчасти высказалъ уже Шеллингъ въ послѣдній періодъ своей философіи; но съ наибольшою рѣзкостью его выразили пессимисты—Шопенгауэръ и Гартманъ. Послѣдній прямо указываетъ на это положеніе, какъ на прямой результатъ нѣмецкаго идеализма, мало того—философіи самого Гегеля. Пусть міровой процессъ имѣетъ конечную цѣль—возвращеніе отъ природы къ духу, или самосознаніе абсолютнаго духа въ

человѣчествѣ; пусть этотъ процессъ разуменъ, провиденціаленъ по своей *цѣли*, по своему *концу*: во всякомъ случаѣ онъ предполагаетъ не только бессознательное, но прямо ирраціональное *начало*, то „отпаденіе идеи отъ себя самой“, о которомъ говоритъ Гегель, или, попросту, актъ слѣпого, бессознательнаго произвола, начинающій безъ всякаго достаточнаго основанія скорбную драму міроваго процесса.

3.

Но реальная дѣйствительность отличается отъ понятія не однимъ только „неумышленнымъ“ ирраціональнымъ бытіемъ. Она отличается отъ него своею *чувственностью* и своею *конкретной индивидуальностью*.

Еще въ древней философіи Аристотель поднималъ вопросъ объ отношеніи реальности къ понятію. Понятіе по своей логической формѣ есть общее понятіе; реальное существо или вещь есть нѣчто индивидуальное, конкретное. Такимъ образомъ, понимается, мыслится только общее; дѣйствительно существуютъ только единичныя конкретныя существа. Этой индивидуальностью или конкретностью всякое реальное существо отличается отъ своего отвлеченнаго понятія. Реальное существо есть нѣчто большее, чѣмъ простая мыслимая возможность, и постольку оно не покрывается никакимъ понятіемъ—точно такъ же, какъ оно не исчерпывается никакимъ представленіемъ.

Пусть съ точки зрѣнія отвлеченнаго эмпиризма—точно такъ же, какъ и съ точки зрѣнія отвлеченнаго идеализма, такое независимое отъ насъ самобытное „реальное существо“ представляется лишь предположеніемъ и притомъ совершенно „трансцендентнымъ“ предположеніемъ, т.-е. такимъ, которое выходитъ за предѣлы нашей отвлеченной мысли и нашего субъективнаго чувства: это показываетъ только, что нашъ познающій духъ въ своей познавательной дѣятельности не ограничивается однимъ субъективнымъ чувствомъ и отвлеченнымъ мышленіемъ. Внѣшняя реальность, т.-е. міръ реальныхъ, отличныхъ отъ насъ живыхъ существъ

и вещей, не сводится къ нашей мысли и чувству и не можетъ быть выведенъ изъ нихъ путемъ какого-либо умозаключенія. Реальность не объяснима безъ реальности: она дана намъ, она воспринимается, или предполагается нами, какъ *предметъ въры*. Мы не хотимъ, однако, предрѣшать здѣсь вопросъ о ея воспріятіи, къ которому мы еще вернемся. Здѣсь же мы можемъ вполне ограничиться доказательствомъ того тезиса, что *предположеніе такой реальности есть необходимое предположеніе* (не выводъ) *всей нашей мысли*; и притомъ, какъ мы увидимъ, это такое предположеніе, которое обуславливаетъ ее a priori.

Итакъ, мы какъ бы вновь возвращаемся къ дуализму. Міръ, какъ совокупность реальныхъ существъ, отличается отъ всякаго возможнаго *логическаго* построенія міра (хотя бы даже такое построеніе было совершенно истиннымъ). Дѣйствительность отличается отъ идеи своей чувственностью, своей индивидуальной конкретностью, своей независимой отъ нея самобытною реальностью. Поэтому естественно, что панлогизмъ Гегеля смѣнился, при возрастающихъ успѣхахъ изученія дѣйствительности, сенсуалистическимъ эмпиризмомъ и матеріалистическимъ реализмомъ. Съ другой стороны, какъ мы видѣли, и самый этотъ реализмъ неизбежно приводитъ насъ къ идеализму, поскольку сущее—все равно, являющееся намъ или мыслимое нами—неизбѣжно получаетъ въ нашей мысли чисто-логическія опредѣленія, опредѣляется идеально.

Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что антиномія между логическимъ идеализмомъ и эмпиризмомъ лежатъ глубже философіи Гегеля. Какъ намъ кажется, корень ея заключается въ самой человѣческой мысли—во внутреннемъ противорѣчій, присущемъ всѣмъ нашимъ понятіямъ, ибо всякое понятіе, взятое въ своей отвлеченности, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе съ тою конкретною дѣйствительностью, отъ которой оно отвлекается. Гегель возвелъ отвлеченное мышленіе въ абсолютный принципъ философіи: его система есть классическое выраженіе этого принципа и потому въ

своей дѣльности не допускаетъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій. Большинство „поправокъ“, внесенныхъ послѣдователями Гегеля въ его ученіе, не исправляя его основного недостатка, только искажаютъ его стройность, его единство. Еслибы отвлеченная мысль могла быть абсолютнымъ принципомъ философіи, система Гегеля была бы абсолютной системой.

Но, на самомъ дѣлѣ, наша мысль истинна, положительна только въ своемъ возможномъ (или дѣйствительномъ) отношеніи къ существу, которое дано ей или неизбежно предполагается ею. Понимаемая отвлеченно, т.-е. внѣ такого отношенія, она, очевидно, можетъ быть только ложнымъ, расплывающимся призракомъ дѣйствительности. Если „внѣ мысли ничто не мыслимо“, если все сущее понимается только мыслью, то, съ другой стороны, самая мысль въ своей отвлеченности по необходимости противопоставляется существу. Отсюда-то противорѣчіе между формой и содержаніемъ, которое мы наблюдаемъ во всякой отвлеченности, отсюда противоположность конкретныхъ вещей или существъ отвлеченнымъ идеямъ: вещи противопоставляются понятіямъ.

Этимъ объясняется основной недостатокъ философіи Гегеля, а также и основная особенность его метода, — то возведенное въ принципъ противорѣчіе, посредствомъ котораго движется его діалектика. Этимъ же объясняется и ошибка тѣхъ критиковъ Гегеля, которые, подобно Шеллингу, отвлеченно противопоставляли идеальное и реальное начало,—идею и реальное бытіе: ибо они такъ же ошибочно отправлялись отъ абстракціи, принимая отвлеченную идею за нѣчто абсолютное и противопоставляя ей трансцендентное „Сущее“, какъ „вещь въ себѣ“, абсолютно ирраціональную, чуждую и внѣшнюю мысли.

Логическая и діалектическая дедукція категорій.

Критика логическаго идеализма приводитъ насъ къ тому заключенію, что второе опредѣленіе сущаго столь же не-

достаточно, какъ и первое: „сущее“ не есть идея, точно такъ же, какъ оно не есть явленіе: оно не исчерпывается ни тѣмъ, ни другимъ опредѣленіемъ. Какъ первое, эмпирическое опредѣленіе, такъ и второе, чисто-формальное—являются условными. Отправляясь отъ эмпирическаго идеализма, мы нашли, что сущее, мыслимое внѣ явленія, есть лишь отвлеченное понятіе или идея; мы признали тѣмъ не менѣе, что эта идея сущаго есть безусловно необходимая идея, обуславливающая логически всю мыслимую и воспринимаемую нами дѣйствительность. Но самая эта идея въ свою очередь можетъ быть признана нами *логичной* только въ предположеніи *основанія* для этой идеи, т.-е. въ томъ предположеніи, что ей соотвѣтствуетъ отличное отъ нея сущее.

Что такое это за сущее, отличное отъ мысли и тѣмъ не менѣе сообразное ей—мы пока разбирать не станемъ. Съ точки зрѣнія отвлеченной мысли, на которой мы находимся, на этотъ вопросъ очевидно и нельзя отвѣчать вовсе: ибо всякое логическое опредѣленіе сущаго, какъ чего-то отличнаго отъ идеи, на самомъ дѣлѣ уже *предполагаетъ* такое отличное отъ нея сущее, какъ нѣчто *данное* мысли и не выводимое изъ ея абстрактныхъ понятій. Но исходя изъ такого *предположенія*, наша мысль можетъ вывести рядъ чисто логическихъ опредѣленій сущаго, развивая его идею. Эти логическія опредѣленія и подлежатъ нашему разсмотрѣнію.

На самомъ дѣлѣ, идея всегда *предполагаетъ* отношеніе къ конкретному сущему. Пусть, съ точки зрѣнія отвлеченной мысли, такое предположеніе является „трансцендентнымъ“, т.-е. выходящимъ за ея предѣлы: тѣмъ не менѣе, такое предположеніе совершенно необходимо, и безъ него нѣтъ никакой логичной, обоснованной мысли. Отвлеченное понятіе не существуетъ нигдѣ, кромѣ нашего субъективнаго разума: оно относительно въ двоякомъ смыслѣ—по своему отношенію къ мыслящему разуму и по своему отношенію къ конкретнымъ вещамъ,—къ субъекту и къ объекту. Поэтому тамъ, гдѣ мы утверждаемъ какую-либо идею безотносительно въ ея отвлеченности, она необходимо заключаетъ въ себѣ внутрен-

нее противорѣчіе. Такъ, абстрактное понятіе какого-либо рода въ одно и то же время предполагаетъ отношеніе къ дѣйствительной особи и исключаетъ ее: наприм., „человѣкъ“, какъ отвлеченное понятіе, не есть *никакой* опредѣленный человѣкъ, слѣдовательно—есть *не-человѣкъ*. Или „бытіе“ вообще, съ котораго начинается логика Гегеля, не есть какое-нибудь опредѣленное существо, слѣдовательно—оно ничто; оно не есть бытіе чего-либо, слѣдовательно оно есть бытіе ничего, т.-е. „не-бытіе“ и т. д.

Эти внутреннія противорѣчія абстрактныхъ понятій, съ которыми фокусничали еще древніе діалектики, зависятъ отъ того, что такія понятія нельзя принимать безотносительно: *мысль, какъ таковая, логически относится къ данному или предполагаемому существу*. Поэтому абстрактное понятіе, мыслимое помимо такого отношенія, заключаетъ въ себѣ *логическое* противорѣчіе: оно противорѣчитъ основному логическому предположенію всякой мысли, ея основному отношенію къ существу. Постольку такое понятіе само себѣ противорѣчитъ; и тамъ, гдѣ мы пытаемся логически мыслить такое понятіе, оно неизбежно *само себя опровергаетъ*. Это не логическое, а діалектическое понятіе, т.-е. понятіе, которое само себя оспариваетъ въ развитіи своихъ внутреннихъ предположеній.

Все содержаніе нашего сознанія, всѣ явленія внѣшняго и внутренняго міра составляютъ возможный предметъ нашей мысли. Наша мысль связываетъ свои представленія, мыслить ихъ посредствомъ понятій; она связываетъ представленія съ понятіями и понятія между собою посредствомъ болѣе общихъ понятій или логическихъ отношеній, которыми посредствуются всѣ наши сужденія. Одни понятія служатъ классификаціи, обобщенію представленій и заимствуютъ все свое содержаніе отъ такихъ представленій, наприм., понятія свойствъ, родовъ, видовъ. Другія понятія служатъ логической *связи* понятій и представленій, стало быть, той логической формѣ, въ которой мы мыслимъ и познаемъ дѣйствительность: содержаніемъ этихъ понятій

является как бы самая эта форма, самая эта связь представлений, понятій и соотвѣтствующихъ имъ явленій.

Анализируя логическую форму нашихъ сужденій, мы раздѣляемъ ихъ на нѣсколько категорій и соотвѣтственно тому можемъ различить нѣсколько основныхъ логическихъ формъ мышленія, которыя лежатъ въ основаніи всѣхъ нашихъ мыслительныхъ процессовъ. Эти формы, или, какъ ихъ называютъ, „логическія категоріи“ суть основные общіе *типы* отношенія мысли къ своему предмету—къ существу; это основные формы, или *способы пониманія сущаго*. Таковы такъ называемыя категоріи качества, количества, реальной зависимости и модальности. Категоріи „качества“, соотвѣтствующія умственнымъ актамъ утвержденія, отрицанія, ограниченія, — суть категоріи положительнаго (реальности), отрицательнаго (не-бытія), ограниченнаго; категоріи количества суть: единство, множество, всеобщность (единство во множествѣ); категоріи реальной зависимости суть категоріи причинности, субстанціальности, взаимодѣйствія: въ нихъ выражается связь причины и дѣйствія, субстанціи и признаковъ, или взаимная зависимость. Наконецъ, категоріи модальности суть понятія возможности, дѣйствительности, необходимости, въ которыхъ выражается общій характеръ отношенія мысли къ существу*).

Кантъ открылъ, что такія „категоріи“ а priori обусловливаютъ не только нашъ опытъ, но и самую являющуюся дѣйствительность, поскольку внѣ ихъ такая дѣйствительность *абсолютно* немислима, абсолютно не существуетъ: міръ безъ причинности, безъ величины, безъ единства и множества, безъ взаимодѣйствія, безъ отношенія субстанціи къ ея признакамъ обращается въ нуль. Дѣйствительность—то, что мы знаемъ, какъ дѣйствительность (міръ явленій), — имѣетъ логическое начало. Отсюда былъ всего одинъ шагъ къ ло-

---

*) Хотя я и признаю вообще, что подобныя категоріи получаютъ посредствомъ формально-логическаго анализа нашихъ сужденій, я не думаю въ частности защищать здѣсь ту или другую опредѣленную систему формальной логики.

гическому идеализму Гегеля, который попытался вывести дѣйствительность изъ этого логическаго начала.

Но дѣло въ томъ, что наша мысль объективна и логична лишь постольку, поскольку она сама имѣетъ достаточное основаніе *въ сущемъ*. Категоріи мысли логичны не потому, что онѣ суть продуктъ чистой дѣятельности разсудка, а потому, что онѣ имѣютъ достаточное основаніе въ сущей дѣйствительности, т.-е. только въ томъ случаѣ, если онѣ имѣютъ онтологическій характеръ; онѣ истинны не потому, что онѣ разумны, но разумны потому, что онѣ истинны, или необходимо предполагаются таковыми.

Въ самомъ дѣлѣ—категоріи *выводятся логически изъ отношенія мысли къ предполагаемому сущему*. Разъ онѣ суть „необходимые способы пониманія сущаго“, то, очевидно, самое отношеніе мысли къ сущему выражается именно въ нихъ и должно быть понято изъ нихъ.

Основные логическіе законы, которыми опредѣляется сама наша мысль, суть законы тождества, противорѣчія, достаточнаго основанія и исключеннаго третьяго. Но даже эти законы, эти самыя общія опредѣленія логической мысли, которыя заключаются въ ней, раскрываются въ отношеніи этой мысли къ сущему. Безъ такого отношенія къ сущему не было бы ни различія, ни тождества, и никакая мысль не имѣла бы никакого логическаго основанія, поскольку самое отношеніе основанія не существовало бы вовсе: *логическая мысль есть мысль обоснованная*. Иначе мысль обращается въ простую грезу, въ какое-то необъяснимое психологическое, субъективное *явленіе*—все равно личной или универсальной души. Но, какъ мы видѣли, самыя явленія определяются логически, слѣдовательно по достаточному основанію: мысль обоснована точно такъ же, какъ и дѣйствительность.

Такимъ образомъ, если сами логическіе законы мысли обосновываются изначальнымъ отношеніемъ этой мысли къ сущему, ясно, что и категоріи представляются намъ логическими (т.-е. обоснованными) въ томъ же отношеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, уже въ опытѣ, т.-е. въ конкретныхъ

случаяхъ, логическія категоріи прилагаются къ вещамъ по логическимъ законамъ, т.-е. не иначе, какъ по достачному основанію: я не долженъ понимать многое какъ единое, необходимое какъ случайное; я долженъ видѣть причинность, взаимодѣйствіе, множество, единство и т. д. только тамъ, гдѣ я на то имѣю основаніе въ самихъ явленіяхъ.

Отвлеченно же категоріи могутъ быть логически выведены нами изъ *возможнаго* отношенія мысли къ сущему; причемъ это сущее, которое мысль отъ себя отличаетъ, представляется ей реальнымъ (необходимо предполагаемымъ) основаніемъ категорій. вмѣстѣ съ этимъ мыслимымъ различіемъ дано и тожество, дано отрицаніе и утвержденіе, дано единство и раздвоеніе, дано отношеніе основанія, зависимости, связи. отношеніе сущаго къ мысли понимается, какъ отношеніе тожества въ различіи и различія въ тожествѣ, единства во множествѣ или всеединства и т. д.

Дедукція и разсмотрѣніе всѣхъ этихъ категорій, всѣхъ этихъ общихъ отвлеченныхъ опредѣленій сущаго составляетъ специальную задачу раціональной метафизики. всѣ эти опредѣленія заключаются во второмъ нашемъ опредѣленіи сущаго какъ логической *идеи*. Но какъ эта идея, такъ и всѣ ея опредѣленія не представляются намъ безотносительными: мысль логична, поскольку она положительна, т.-е. обоснована *сущимъ*.

Правда, съ точки зрѣнія отвлеченной мысли, дедукція категорій сущаго имѣетъ гипотетическій характеръ, поскольку самое сущее въ своемъ реальномъ отличіи отъ такой мысли представляется ей лишь какъ предположеніе. Но, какъ мы стараемся показать, это „трансцендентное“ предположеніе есть *абсолютно необходимое* предположеніе всего нашего мышленія. Гегель попытался развить систему категорій сущаго не изъ необходимаго отношенія мысли къ этому сущему, а изъ отвлеченной мысли, взятой безотносительно, изъ мысли, понимаемой въ качествѣ единого абсолютнаго начала. Не трудно убѣдиться, однако, изъ разсмотрѣнія его построения, что его дедукція опредѣленій сущаго именно поэтому *не была логичной*.

Какъ изъ пустой шляпы нельзя вынуть того, чего туда предварительно не положишь, такъ изъ отвлеченныхъ понятій нельзя получить ничего конкретнаго безъ того, чтобы не вносить конкретныхъ представленийъ въ сферу отвлеченія путемъ тайной, постоянной подтасовки. Вся дедукція Гегеля есть діалектическая дедукція, и его логика есть не что иное, какъ діалектика отвлеченной мысли. Логическія категоріи сущаго получаютъ Гегелемъ не изъ разсмотрѣнія имманентнаго, внутренняго отношенія мысли къ сущему, а посредствомъ діалектическаго самоопроверженія мысли, отвлекшейся отъ этого сущаго. Но не трудно замѣтить, что самое противорѣчіе этой мысли,—противорѣчіе, опредѣляющее собою все движеніе діалектики Гегеля,—само обуславливается постоянно предполагаемымъ *внѣшнимъ* отношеніемъ мысли къ сущему: ибо самое отвлеченіе все-таки предполагаетъ извѣстное, хотя бы отрицательное отношеніе къ *тому, отъ чего* мысль отвлекается. Точно такъ же и самая діалектика, т.-е. раскрытіе внутренняго противорѣчія отвлеченныхъ понятій, постоянно предполагаетъ дѣйствительное отношеніе мысли къ конкретному сущему *). Тамъ, гдѣ Гегелева діалектика послѣдовательна, она можетъ придти лишь къ чисто-отрицательнымъ результатамъ: конкретное получается не изъ разложенія отвлеченнаго, а изъ органическаго пониманія сущаго. Одна діалектическая критика отвлеченныхъ опредѣленій можетъ, правда, заставить насъ искать опредѣленій болѣе конкретныхъ. Но сама по

*) Такъ, наприм., только благодаря такому неизбѣжному отношенію мысли, которымъ обуславливается ея логичность, мы можемъ понять противорѣчіе, заключающееся въ отвлеченномъ понятіи бытія: такое „бытіе“ есть „небытіе“, потому что оно не есть бытіе чего-либо *сущаго*. Мысль объ этомъ конкретномъ сущемъ ни на минуту не покидаетъ философа. Чтобы вводить ее въ свою отвлеченную діалектику, Гегель естественно долженъ былъ прибѣгать къ софистической подтасовкѣ, какъ это блистательно раскрылъ Тренделенбургъ въ своихъ „Логическихъ изслѣдованіяхъ“. Одинъ изъ такихъ обычныхъ *нелогичныхъ* пріемовъ Гегелевой діалектики состоитъ въ смѣшеніи *логическаго* отрицанія съ *реальнымъ* противоположеніемъ. Ср. Trendelenburg: *Logische Untersuchungen*, I, стр. 42 и слѣд.

себѣ она *дать* ихъ, очевидно, не можетъ: она лишь *предполагаетъ* ихъ безсознательно.

Такимъ образомъ, логическій идеализмъ Гегеля заключаетъ въ себѣ вѣрный, но отвлеченный принципъ, и постольку противорѣчіе позитивизма является намъ законнымъ. Мало того, научный позитивизмъ—съ своею полемикой противъ отвлеченной мысли, съ своимъ требованіемъ конкретнаго познанія сущаго, согласованія познающей *мысли съ дѣйствительностью*—заключилъ съ своей стороны справедливый *логическій* принципъ.

Познающая мысль не логична, если она не положительна, если она не имѣетъ основанія въ сущемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что опредѣленіе сущаго—какъ чистой идеи—не можетъ быть ни конечнымъ, ни полнымъ, ни достаточнымъ опредѣленіемъ сущаго. Тѣмъ не менѣе, оно несомнѣнно вѣрно: анализъ самой дѣйствительности показываетъ, что эта познаваемая нами дѣйствительность опредѣляется логически. Въ этомъ смыслѣ, поскольку все сущее опредѣляется логически, такія опредѣленія или категоріи сущаго имѣютъ не только логическій, но и метафизическій характеръ.

Метафизика, какъ систематическая идеологія или наука о способахъ пониманія сущаго.

Дедукція такихъ категорій и выражающихся въ нихъ общихъ, отвлеченныхъ концепцій сущаго составляла искони задачу метафизики. Но, въ отличіе отъ прежней догматической метафизики, критическая, научная метафизика, получившая первое обоснованіе въ нѣмецкомъ идеализмѣ, не должна исходить изъ какихъ-либо произвольныхъ опредѣленій сущаго, изъ какихъ-либо отвлеченныхъ идей или представлений о немъ, какъ бы ни казались они глубоки и плодотворны. Исходя изъ самаго общаго, чисто формальнаго опредѣленія сущаго, какъ мыслимаго вообще, критическая метафизика должна разсмотрѣть *всѣ* мыслимыя опредѣленія сущаго въ ихъ взаимномъ отношеніи, по ихъ глав-

нымъ основнымъ категоріямъ. Она изслѣдуетъ критически тѣ противорѣчія, которыя присущи всѣмъ отдѣльнымъ отвлеченнымъ концепціямъ сущаго, взятымъ отвлеченно отъ прочихъ; и она должна показать ту логическую связь, которая ихъ соединяетъ въ ихъ взаимной зависимости. Рассматриваемая такимъ образомъ, метафизика превращается въ критическую науку идей о сущемъ или *систематическую идеологію сущаго*: такъ поняли ея задачи еще Платонъ и Аристотель.

Легко предвидѣть возраженія противъ такой науки, указанія на ея безплодіе, схоластическую пустоту и призрачность. Тѣ немногіе мыслители, которые въ наши дни еще видятъ въ метафизикѣ серьезную задачу человѣческой мысли, знаютъ, сколько пренебреженія вызываетъ одно упоминаніе о ней, сколько невѣжественнаго недомыслія, сколько законныхъ предразсудковъ и недоразумѣній скрывается въ возраженіяхъ множества изъ ея теперешнихъ противниковъ. Наиболѣе горячими, фанатическими изъ такихъ противниковъ являются прежде всего скрытые метафизики, метафизики безсознательные и потому наиболѣе наивные, односторонніе и догматичные. Они исходятъ изъ одного или двухъ общихъ, отвлеченныхъ представленій о сущемъ, наприм., изъ представленій „матеріи“ и „силы“, изъ концепцій „причинности“, „относительности“ и т. д., не подозревая о равноправности другихъ представленій, о логической мыслимости и относительной законности другихъ идей и концепцій. Они указываютъ, правда, на противорѣчія, присущія этимъ другимъ, взятымъ отвлеченно, идеямъ, какъ будто ихъ собственныя одностороннія положенія свободны отъ противорѣчій, какъ будто есть отвлеченныя понятія, свободныя отъ нихъ. Нерѣдко такіе мыслители наивно выдаютъ себя за чистыхъ эмпириковъ, натуралистовъ или „реалистовъ“ и, повторяя дешевыя острооты противъ метафизики, какъ истые дилеттанты въ философіи, проповѣдуютъ грубыя метафизическія воззрѣнія, давнымъ-давно высказанныя и оставленныя. Не пройдя школы историческаго скеп-

тицизма, не изучивъ исторіи умозрѣнія, хотя бы для того, чтобы избѣжать пережитыхъ ошибокъ, они вѣчно твердятъ избитыя фразы о бесплодіи метафизики, не давъ себѣ труда разобрать должнымъ образомъ, въ какой области, когда и почему она дѣйствительно бываетъ бесплодной. Она дѣйствительно бываетъ бесплодна въ своей отвлеченности тамъ, гдѣ она противопоставляется исторіи и естествознанію, построая ихъ изъ своихъ абстракцій. Но не бесплодны ли самое естествознаніе и исторія во всемъ, что касается высшихъ вопросовъ человѣческой жизни и духа—тамъ, гдѣ эмпирической прагматизмъ противопоставляется философіи съ ея общими идеями? Историкъ человѣческой мысли не подумаетъ отрицать значенія тѣхъ сокровищъ, которыя наука дала философской мысли, но онъ знаетъ также и то, что философія дала наукѣ, чѣмъ великіе ученые обязаны сознательно или безсознательно философіи и метафизикѣ—ея наиболѣе простымъ, элементарнымъ понятіямъ, составляющимъ основныя гипотезы науки.

Человѣческой умъ—прирожденный метафизикъ: это показываетъ его исторія, это показываетъ анализъ его познавательныхъ функцій, поскольку въ умѣ человѣческомъ самое сущее опредѣляется неизбѣжно, какъ объективно-мыслимое, т.-е. какъ идея. Долженъ ли здравый эмпирикъ закрывать глаза на эту коренную особенность человѣческаго разума? Будетъ ли онъ болѣе способенъ отрѣшиться отъ субъективной метафизики, если онъ закроетъ глаза на объективную метафизику, присущую основнымъ понятіямъ, при помощи которыхъ онъ мыслить дѣйствительность,—понятіямъ причинности, количества, реальности, необходимости, понятіямъ силы, матеріи, закона, цѣли?

Критическая метафизика не только не противорѣчитъ здоровой эмпириі, не только не можетъ нарушать границъ ея, но имѣетъ для нея положительное *методологическое значеніе*, точно опредѣляя эти границы. Она имѣетъ такое же значеніе и для всей философіи, поскольку она долженствуетъ оградить мысль отъ всякаго ложнаго отвлеченнаго

догматизма, заставляя ее считаться съ *совокупностью* мыслимых общихъ концепцій сущаго, вмѣсто того, чтобы отправляться отъ какихъ-либо отдѣльныхъ случайныхъ идей.

Въ нашъ вѣкъ въ изученіи философіи произошелъ великій переворотъ, благодаря появленію двухъ новыхъ философскихъ дисциплинъ—исторіи философіи и критической метафизики.

Въ настоящее время вся исторія философіи, все прошлое человѣческой мысли въ порядкѣ ея развитія открывается философу; онъ долженъ самъ какъ бы вновь пройти весь тотъ великій умственный путь, который проложила общечеловѣческая мысль. И уже одна эта школа, которой не знали философы предыдущихъ вѣковъ, должна бы служить къ огражденію новой философской мысли отъ случайныхъ повтореній, отъ господства ограниченныхъ отвлеченныхъ идей, отъ ложнаго субъективизма въ философіи. Ибо исторія философіи не только повѣствуетъ намъ о происхожденіи древнихъ ученій, но объясняетъ намъ ихъ внутренній живой смыслъ, ихъ основныя идеи. Она не только убѣждаетъ насъ въ отвлеченной *мыслимости* этихъ идей,—она показываетъ намъ, какъ онѣ въ дѣйствительности мыслились, представлялись уму человѣчества. Но какъ только мы сознательно отнесемъ къ исторіи философіи, какъ только мы попытаемся понять ее, какъ одинъ цѣльный процессъ развитія человѣческой мысли въ познаніи истины,—мы неизбежно придемъ къ критической метафизикѣ въ той или другой формѣ. Если исторія мысли представляетъ намъ рядъ концепцій сущаго, рядъ идей въ ихъ конкретномъ выраженіи или воплощеніи—въ послѣдовательности философскихъ системъ и ученій,—то задача критической метафизики состоитъ въ систематическомъ анализѣ основныхъ концепцій сущаго, какъ чисто мыслимыхъ возможностей (или идей). Такая наука разсматриваетъ эти идеи или концепціи по наиболѣе общимъ ихъ классамъ или категоріямъ. Исторія изслѣдуетъ конкретныя формы или способы пониманія сущаго въ хронологическомъ порядкѣ; критическая метафи-

зика разсматриваетъ болѣе или менѣе отвлеченные способы пониманія сущаго, его опредѣленія или „категорій“ въ систематическомъ порядкѣ.

Объѣти науки въ своемъ развитіи связаны съ именемъ Гегеля: онъ впервые попытался понять исторію философіи какъ *необходимый* процессъ развитія, въ которомъ различныя, иногда противоположныя общія идеи, отвлеченныя концепціи сущаго смѣняють другъ друга, взаимно обуславливаютъ другъ друга. Онъ попытался изобразить и объяснить внутреннюю діалектику идей въ исторіи человѣческой мысли. И въ то же время онъ впервые развилъ метафизику, какъ *идеологию, или логику сущаго*, т.-е. какъ систему логическихъ опредѣленій сущаго, развивающихся изъ самой общей идеи его. Правда, объ эти попытки были несовершенны: исторія человѣческой мысли была превращена въ отвлеченную діалектику, конкретныя идеи, составлявшія жизненное міросозерцаніе цѣлыхъ эпохъ и поколѣній мыслителей, были обращены въ отвлеченныя категоріи. Отвлеченное понятіе принималось за абсолютное откровеніе сущаго. Логическая метафизика, или, точнѣе, діалектика отвлеченнаго понятія—была принята за абсолютную систему знанія,—совершенную философію.

Но въ дѣйствительномъ изученіи идей,—какъ въ историческомъ ихъ развитіи, такъ и въ философскомъ ихъ анализѣ—заключается средство къ исправленію этихъ ошибокъ. И здѣсь, и тамъ—и въ исторіи, и въ систематической метафизикѣ или критикѣ общихъ „способовъ пониманія“ сущаго—мы равно убѣждаемся, какъ въ необходимости частныхъ отвлеченныхъ концепцій сущаго, такъ и въ ихъ неизбѣжной неполнотѣ и въ ихъ взаимной логической связи. И въ то же время мы научаемся видѣть границы раціональной метафизики вообще, которыя обуславливаются неизбѣжною отвлеченностью. Такимъ образомъ, исторія точно такъ же, какъ и философская критика, должна вести къ окончательному упраздненію отвлеченной догматики, ненаучной метафизики, исходящей изъ тѣхъ или другихъ случайныхъ идей, чтобы

замѣнить ее систематическою критикой идей или критической *идеологіей*.

Материаломъ для такой идеологіи служить исторія философіи,—въ широкомъ смыслѣ даже вся исторія науки; отчасти же она можетъ быть построена выводнымъ путемъ, поскольку совокупность чисто идеальныхъ отвлеченныхъ опредѣленій сущаго можетъ быть логически развита изъ основного отношенія мысли къ предполагаемому сущему, т.-е. изъ основного понятія сущаго *).

Систематическая идеологія въ широкомъ смыслѣ, какъ понималъ ее, наприм., Гегель, должна обнимать въ себѣ не только чисто-отвлеченныя, логическія категоріи сущаго, но также и совокупность конкретныхъ концепцій въ области метафизики, этики, эстетики: короче, она можетъ обнимать въ себѣ всю философію. Самая метафизика, какъ мы увидимъ ниже, не исчерпывается одними чисто-формальными логическими опредѣленіями сущаго, поскольку это сущее на самомъ дѣлѣ не есть только идея и не исчерпывается своимъ понятіемъ. Но прежде чѣмъ перейти къ болѣе конкретнымъ опредѣленіямъ, которыя, какъ мы думаемъ, не могутъ быть выведены нами а priori, мы рассмотримъ здѣсь тѣ всеобщія чисто-раціональныя опредѣленія сущаго, которыя допускаютъ подобную дедукцію.

2.

Мы приведемъ здѣсь эти чисто мыслимыя, раціональныя опредѣленія сущаго по различнымъ категоріямъ — въ ихъ наиболѣе общей и отвлеченной формѣ. Въ дѣйствительности, разумѣется, самое одностороннее философское ученіе не можетъ ограничиться какою-либо одной категоріей, сводя къ ней всѣ остальные. Живая человѣческая мысль необходимо предполагаетъ всѣ категоріи, и тамъ, гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ утверждаются исключительно, отвлеченно

*) Въ самомъ понятіи сущаго заключается *предположеніе* сущаго. Постольку все наше отвлеченное логическое мышленіе носить условный, гипотетическій характеръ.

отъ прочихъ, мы необходимо сталкиваемся съ логическими противорѣчiями. Но этимъ-то и опредѣляется задача систематической критики отвлеченныхъ опредѣленiй сущаго.

Сущее опредѣляется мыслью согласно законамъ тождества и различiя: а) какъ тождественное себѣ; б) какъ отличное отъ мысли; с) какъ внутренне тождественное съ нею въ различiи и различное въ тождествѣ (тождественное, поскольку оно наполняетъ мысль, понимается ею, и различное, поскольку оно обосновываетъ мысль, поскольку оно не только *мыслится*, но *есть*). Отсюда вытекаютъ дальнѣйшiя опредѣленiя сущаго по категорiямъ *качества и количества*.

1. По категорiямъ *качества* сущее опредѣляется въ своемъ отношенiи къ мысли: 1) какъ положительное, пребывающее, *реальное сущее*—все равно, будь то реальность тождественная съ мыслящимъ духомъ, или отличная отъ него матерiя, сила или другой объектъ мысли; 2) оно опредѣляется чисто *отрицательно*—по противоположности мысли, какъ отличная отъ нея реальность—въ нѣкоторыхъ системахъ материализма, субъективнаго идеализма, или въ ученiяхъ древности, исходившихъ изъ дуализма положительнаго и отрицательнаго начала; 3) оно опредѣляется какъ ограниченное, относительное сущее—въ системахъ эмпиризма или „релятивизма“. Всякiй объектъ мысли въ извѣстномъ отношенiи тождественъ съ мыслью, а въ другихъ—отличенъ отъ нея, въ извѣстномъ отношенiи *есть* и въ другихъ отношенiяхъ *не есть*: еще древнiе сознали невозможность для мысли остановиться на идеѣ отвлеченной реальности или отвлеченнаго отрицанiя, отвлеченнаго тождества или отвлеченнаго различiя. Наконецъ 4) сущее опредѣляется какъ абсолютная реальность, т.-е. такая, которая не ограничена ни отвлеченнымъ тождествомъ, ни отвлеченнымъ различiемъ, ни отвлеченнымъ утверждениемъ, ни какимъ-либо отрицанiемъ: въ противоположность всему ограниченному и конечному, оно понимается какъ всеобъемлющая полнота бытiя, тождественная въ различiи, какъ положительная безконечность, потенциально заключающая

въ себѣ все конечное. Такъ опредѣляется сушее въ цѣломъ рядѣ умозрительныхъ ученій.

Читатель замѣтитъ, что каждое изъ приведенныхъ четырехъ опредѣленій можетъ быть развито въ цѣлое философское ученіе; и въ дѣйствительности мы находимъ всѣ эти опредѣленія, обыкновенно въ болѣе сложной и конкретной формѣ, въ рядѣ дѣйствительныхъ философскихъ ученій. Нельзя не замѣтить, что каждое изъ такихъ опредѣленій вполне мыслимо и законно, что каждый изъ вышеприведенныхъ способовъ пониманія сушаго является необходимымъ. Но тѣмъ не менѣе, всѣ они, взятые въ отдѣльности или даже вмѣстѣ (наприм., въ четвертомъ, наиболѣе широкомъ опредѣленіи), являются недостаточными и отвлеченными. Въ этомъ убѣждаетъ насъ судьба этихъ опредѣленій въ исторіи мысли—точно такъ же, какъ и ихъ діалектическая критика.

Понятіе тожественной себѣ реальности, взятое въ своей отвлеченности, получаетъ чисто отрицательныя опредѣленія, обращается въ свое противоположное — въ отрицаніе, какъ это показалъ еще софистъ Горгій, исходившій изъ понятія „сушаго“ Парменида. Такая реальность въ своемъ отвлеченномъ тожествѣ абсолютно отлична отъ всякой мысли и постольку не допускаетъ мысли. Въ свою очередь, абсолютное отрицаніе, абсолютное небытіе — немислимо, непостижимо вовсе, какъ это сознали также еще древніе*). Отрицаніе всегда относительно, поскольку мы мыслимъ его опредѣленнымъ образомъ относительно чего-либо. Оно есть *ограниченіе*: въ этомъ смыслѣ уже Платонъ говорилъ, что „небытіе *есть* въ нѣкоторомъ смыслѣ“. Такимъ образомъ, наша мысль отъ абсолютнаго нигилизма по необходимости переходитъ къ *релятивизму*, къ понятію объ *относительномъ сущемъ*. Но и это понятіе, взятое отвлеченно, приводитъ насъ къ противорѣчіямъ, къ абсурду: нельзя принимать отвлеченно, т. е. безотносительно, то самое, что

*) Столь же немислимо какое-либо начало, абсолютно противоположное и чуждое мысли, — чѣмъ обуславливается несостоятельность чистаго матеріализма съ критической точки зрѣнія.

мы хотимъ понять какъ относительное. Всякое отношеніе предполагаетъ соотносящіеся термины, всякое ограниченіе или граница — нѣчто такое, что находится за предѣлами этой границы. Отсюда естественный переходъ къ понятію безграницной, всеобъемлющей реальности; это послѣднее понятіе заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ первоначальное представленіе неопредѣленной, неограниченной реальности, поскольку въ ней *положительнымъ образомъ* разрѣшаются понятія всего конечнаго и ограниченнаго. Таково первое опредѣленіе абсолютнаго, какъ полноты бытія.

Справедливость этого разсужденія можетъ быть провѣрена и справкой съ исторіей философіи, и логическимъ анализомъ. Отвлеченная реальность ведетъ мысль къ отвлеченному отрицанію, отрицаніе ведетъ къ понятіямъ ограниченія, относительности, которыя, въ свою очередь, ведутъ къ отвлеченнымъ понятіямъ безграницнаго и абсолютнаго. Обычное возраженіе противъ такой діалектической метафизики состоитъ въ томъ, что она отвлеченна. Но дѣло въ томъ, что мысль человѣческая въ своихъ понятіяхъ всегда отвлеченна и метафизична; поэтому-то и нужна сознательная метафизика, т.-е. сознательная систематическая критика отвлеченныхъ понятій о сущемъ въ ихъ взаимной логической связи. Безъ такой критики мы никогда не избавимся отъ худшей метафизики — некритической, безсознательной, и будемъ оперировать съ тѣми же понятіями „реальности“, „относительности“ и т. д., только принимая ихъ за нѣчто безусловное.

Четвертое опредѣленіе сушаго, какъ „всереальности“, или абсолютной реальности, очевидно страдаетъ такою же отвлеченностью, какъ и прочія: нѣтъ ничего болѣе скуднаго, чѣмъ то формальное понятіе „полноты бытія“, которое оно въ себѣ заключаетъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ оно и неопредѣленно, поскольку къ прежнему понятію „реальности вообще“ присоединяются какъ бы новые признаки, нуждающіеся въ болѣе точномъ опредѣленіи.

2. Сущее опредѣляется *по категоріямъ количества*, какъ *единое*, какъ *многое*, какъ *все* или *всеединое*. Оно понимается

какъ *единое*—въ своей отвлеченной идеѣ: еще Парменидъ показалъ, что въ отвлеченномъ понятіи сущаго, равнаго только себѣ самому, отрицается все то, что отлично отъ него, что *не есть* это сущее, отрицаются всякія различія, всякія конкретныя опредѣленія—остается только отвлеченное единство. Но мысль не можетъ застыть на такомъ единствѣ, хотя бы потому, что во всякомъ актѣ мысли заключается какъ бы *раздвоеніе* между субъектомъ и объектомъ, между предметомъ и мыслью о немъ, выражающееся въ самыхъ понятіяхъ нашихъ: наприм., понятіе единства, въ которомъ выражается актъ нашего мышленія, отлично отъ понятія сущаго. Такимъ образомъ, во всякомъ опредѣленіи, хотя бы самомъ общемъ и отвлеченномъ, всегда заключается извѣстное ограниченіе, различіе, а стало быть и отношеніе между опредѣляемымъ предметомъ и опредѣляющимъ признакомъ или различіемъ. Въ отношеніи мысли къ сущему, въ ихъ основномъ различіи заключается слѣдовательно потенциальное *множество* идеальныхъ опредѣленій. Мысль, отличая самое себя отъ сущаго, не можетъ понимать его какъ *отвлеченно единое*, иначе она придетъ къ раздвоенію съ нимъ: идеально возвышаясь надъ такимъ раздвоеніемъ, соединяя понятіе съ его предметомъ, мысль понимаетъ сущее какъ *конкретное единство*, заключающее въ себѣ возможное *множество* опредѣленій.

Въ отношеніи мысли къ сущему—въ тождествѣ и различіи—дано и мыслимое единство, и раздвоеніе, и конкретное единство во множествѣ. Сообразно тому, и сущее опредѣляется какъ *единое* (въ своей общей идеѣ), какъ *не-единое* (отрицаніе единства)—въ своемъ отличіи отъ мысли или идеи, какъ *многое*—въ совокупности своихъ реальныхъ отношеній и мыслимыхъ опредѣленій и какъ всеобщее или *всеединое*—въ идеальномъ синтезѣ этихъ опредѣленій и признаковъ.

Всѣ эти количественныя опредѣленія или категоріи равно *необходимы* и въ то же время равно отвлеченны и недостаточны, взаимно обуславливая и предполагая другъ друга. И въ то же время въ своемъ цѣломъ эти категоріи предполагаютъ отношеніе къ *конкретному* сущему, слѣдовательно,

къ такому, которое не исчерпывается одними количественными категориями.

Въ исторіи философіи мы находимъ системы монизма, дуализма, плюрализма, всеединства, которыя оперируютъ съ вышеуказанными категориями, причѣмъ нерѣдко историческая связь между отдѣльными ученіями соотвѣтствуетъ логическому взаимоотношенію этихъ категорій. Такъ, наприм., изъ элейской философіи единства развился материалистическій атомизмъ, понимавшій сущее, какъ безпредѣльное множество началъ, опредѣляющихся по своей реальной противоположности мысли (т.-е. какъ матеріальныя единицы или „атомы“). Съ другой стороны, Платонъ въ своихъ діалогахъ „Парменидъ“ и „Софистъ“ стремится показать внутреннюю діалектику отвлеченныхъ понятій „сущаго“ и „единаго“ и приходитъ къ понятію всеединства (единства во множествѣ). Правда, въ дѣйствительности не было и не могло быть системъ, исходившихъ исключительно изъ *количественныхъ* опредѣленій сущаго, за исключеніемъ развѣ *пифагорейцевъ*, которые сдѣлали такую попытку; но на ихъ ученіи всего яснѣе можно убѣдиться въ невозможности подобнаго построенія, ибо говоря о единствѣ, множествѣ, о числѣ (какъ единствѣ во множествѣ), они по необходимости разумѣли всегда *конкретныя* величины и приписывали своимъ числамъ матеріальность, нравственныя и физическія свойства. Количественныя опредѣленія сущаго, хотя и мыслимыя отвлеченно, предполагаютъ отношенія къ *конкретному* сущему, а слѣдовательно къ другимъ, не количественнымъ опредѣленіямъ его: единство есть единство чего-нибудь—точно такъ же, какъ и множество есть множество какихъ-либо единицъ, хотя бы условныхъ. „*Всеединство*“ или „конкретное всеединство“ есть либо понятіе, выходящее за предѣлы чистоколичественныхъ опредѣленій и заключающее въ себѣ возможность другихъ опредѣленій сущаго; либо же это понятіе совершенно бессодержательное: множество, которое въ своей безконечности есть множество нулей, и единство этого множества, равное нулю.

3. Количество во всѣхъ своихъ категоріяхъ есть количество чего-либо—точно такъ же, какъ реальность есть качество чего-либо, а ограниченіе — отношеніе чего-либо сущаго къ чему-либо другому. Сущее понимается нами *по закону достаточнаго основанія*, какъ то, что обосновываетъ свои опредѣленія: *оно есть ихъ основаніе* и въ тождествѣ, и въ различіи, и въ единствѣ, и во множествѣ.

Отношеніе основанія къ тому, что имъ обусловливается, опредѣляется по категоріямъ отношенія, какъ реальная зависимость субстанціальности или причинности, т.-е. какъ отношеніе признака къ субстанціи или слѣдствія къ причинѣ. Сущее въ своемъ тождествѣ мыслится какъ субстанція своихъ признаковъ или опредѣленій; въ своемъ различіи отъ мыслящаго субъекта оно опредѣляется какъ *причина* относительнаго или обусловленнаго бытія (явленія); иногда, наоборотъ, самый субъектъ или мыслящій разумъ понимается какъ дѣйствующая причина, въ отличіе отъ сущаго внѣ мысли — пассивной матеріи (какъ, наприм., у Аристотеля). Какъ ограниченное сущее, которому противолежитъ другое, также ограниченное сущее, оно мыслится во взаимодействіи съ нимъ: явленія понимаются какъ результатъ *взаимодѣйствія* многихъ частныхъ причинъ, въ концѣ концовъ, какъ результатъ взаимодействія субъекта и объекта. Наконецъ, сущее опредѣляется какъ безусловное начало, поскольку оно мыслится, какъ абсолютное основаніе своихъ опредѣленій въ отличіе отъ всего обусловленнаго. Эти понятія субстанціальности, причинности, взаимодействія, безусловнаго начала получаютъ, въ свою очередь, и количественныя опредѣленія. Мы можемъ мыслить одну субстанцію, какъ Спиноза, Парменидъ, стоики, или же множество субстанцій, какъ Лейбницъ, атомисты.

Всѣ эти способы пониманія сущаго не только мыслимы вообще, но нашли свое выраженіе въ дѣйствительности — въ различныхъ философскихъ ученіяхъ. Задача метафизики здѣсь, какъ и вездѣ, состоитъ въ ихъ систематической критикѣ, т.-е. въ раскрытіи ихъ неполноты, ихъ отвлечен-

ности, а также и ихъ внутренней логической связи. Конкретное взаимодействіе предполагаетъ понятіе *причинности* и понятіе существъ или *субстанцій*, находящихся во взаимодействіи; понятіе обусловленнаго, относительнаго предполагаетъ *понятіе* безусловнаго, безотносительнаго. Но каждое изъ этихъ понятій, взятое въ отдѣльности, въ отвлеченности, оказывается несостоятельнымъ, какъ давно показали скептики и критики. Прежде всего, взаимодействіе безъ причинности и субстанціальности оказывается логически невысказаннымъ, что составляетъ внутреннее противорѣчіе всякаго „феноменизма“. Понятіе субстанции *), взятое само по себѣ, оказывается совершенно безсодержательною отвлеченностью, заключающею въ себѣ внутреннія противорѣчія, надъ которыми размышляла человѣческая мысль, начиная съ до-сократовскихъ временъ и до временъ Локка и Канта. Дѣло въ томъ, что взятое въ своей отвлеченности понятіе субстанции исключаетъ всякія конкретныя отношенія; она существуетъ „о себѣ“ и „для себя“; по своему понятію она безусловно отлична отъ своихъ признаковъ и отношеній, отвлеченно она противопоставляется имъ. Съ другой стороны, если мы, подобно нѣкоторымъ мыслителямъ, будемъ видѣть въ понятіи субстанции лишь *способъ соединенія* отдѣльныхъ признаковъ или воспріятій въ представленіи единичной вещи, — мы разрѣшимъ самую субстанцію въ простое *отношеніе* признаковъ, что будетъ равносильно совершенному упраздненію нашего понятія о *субстанціальномъ* бытіи.

Вся исторія философіи иллюстрируетъ и подтверждаетъ эти отвлеченныя соображенія. Абстрактное понятіе субстанции вело къ отрицанію конкретнаго относительнаго бытія, измѣненія, причинности — въ системахъ древнихъ индусовъ, у элейскихъ философовъ; у Лейбница оно привело къ отрицанію взаимодействія. Съ другой стороны, въ системахъ

*) Per substantiam intelligo id quod in se est et in se concipitur,—говоритъ Спиноза; субстанція есть то, что существуетъ о себѣ и въ себѣ—ή μήτε καθ' ἑαυτοῦ τίς ἐστι, μήτε ἐν ἄλλῳ τίς ἐστι, по опредѣленію Аристотеля.

последовательного эмпиризма и релятивизма мы приходим не только къ признанію *непознаваемости* субстанціи, но прямо къ отрицанію самаго ея понятія: субстанція разрѣшается въ простое отношеніе признаковъ. Но дѣло въ томъ, что безъ этого понятія субстанціи самое отношеніе перестаетъ быть отношеніемъ: мысль по необходимости предполагаетъ основаніе подъ отношеніями; она не можетъ мыслить *сущаго* безъ этого понятія *субстанціи отношеній*. *Не выходя за предѣлы мысли, мы не можемъ отрицать ни понятія субстанціи, ни понятія отношеній.*

Повидимому, понятіе причинности болѣе конкретно. Однако, мыслимое отвлеченно, и оно приводитъ къ совершенно подобнымъ же противорѣчіямъ, ибо нельзя безъ противорѣчія мыслить отношенія, какъ нѣчто безотносительное. Въ самомъ дѣлѣ: если мы мыслимъ причину безъ отношенія къ дѣйствию, она перестаетъ быть причиной (какъ субстанція безъ отношенія къ признаку перестаетъ быть субстанціей); и, наоборотъ, дѣйствию, мыслимое безъ отношенія къ причинѣ, перестаетъ быть дѣйствиемъ (какъ признакъ безъ отношенія къ субстанціи перестаетъ быть признакомъ). Въ первомъ случаѣ причина обращается въ какое-то отвлеченное начало—иногда въ отвлеченную сущность; во второмъ—дѣйствию или само обращается въ мнимую причину или, при большей последовательности, разрѣшается въ безосновной процессъ случайнаго *слѣдованія во времени*. Въ исторіи философіи мы нерѣдко встрѣчаемся съ тою и другою формой отвлеченнаго пониманія сущаго—съ признаніемъ отвлеченныхъ (и постольку мнимыхъ) метафизическихъ причинъ и съ отрицаніемъ дѣйствующей причинности—съ отвлеченнымъ *феноменизмомъ*, который признаетъ міръ явленій за какое-то слѣдованіе безъ причины.

Гипотеза *безусловнаго начала*, какъ *дѣйствующей субстанціи*, обосновывающей конкретное взаимодействіе множества относительныхъ причинъ и субстанцій, есть необходимое логическое предположеніе, поскольку все обусловленное, относительное предполагаетъ нѣчто обусловливающее и

безотносительное. Нѣтъ нужды приводить историческіе примѣры ученій, въ которыхъ мы находимъ разработку и основаніе этой гипотезы. Но, какъ показалъ Кантъ, и эта гипотеза грѣшитъ тою же отвлеченностью и постольку заключаетъ въ себѣ общія противорѣчія. Ибо если относительное и обусловленное предполагаетъ нѣчто безотносительное и безусловное, то въ самомъ этомъ предположеніи заключается *отношеніе*; понятіе безусловнаго логически обусловливается этимъ отношеніемъ къ обусловленному. Напротивъ, изъ отвлеченнаго понятія безусловнаго начала, (понимаемаго какъ причина, субстанція, реальность и т. д.) мы никогда не придемъ безъ скачка къ условному, относительному: это оттого, что въ самомъ отвлеченномъ понятіи безусловнаго заключается противоположность всему условному.

4. *Понятіе безусловнаго сушаго логически обусловлено.* Отсюда мы приходимъ къ ряду новыхъ опредѣленій сушаго по *категоріямъ модальности*.

Сущее опредѣляется въ своемъ самомъ общемъ и отвлеченномъ отношеніи къ мысли, какъ *мыслимое* или *возможное*. Законность такого опредѣленія доказывается вполнѣ всѣмъ предшествующимъ рассужденіемъ, всѣми предшествующими логическими опредѣленіями сушаго: оно мыслимо во всѣхъ категоріяхъ, мыслимо, какъ отвлеченная *идея*. Это же доказываетъ и вся исторія философіи.

Съ другой стороны, какъ всѣ категоріи въ отдѣльности, такъ и самое общее опредѣленіе сушаго въ качествѣ мыслимой идеи—заключаютъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе по своей отвлеченности; поскольку идея о сущемъ отлична отъ сушаго, и поскольку всѣ категоріи относятся къ дѣйствительности, къ конкретному сущему,—онѣ не могутъ быть поняты безъ отношенія къ нему. Сущее въ своемъ отличіи отъ чисто-мыслимой возможности, отъ чистой идеи, понимается какъ *дѣйствительное*.

Но дѣйствительное сущее (то сущее, которое мы понимаемъ какъ дѣйствительность) не есть въ своемъ отношеніи

къ мысли что-либо абсолютно внѣшнее, чуждое и случайное для нея. Уже на первой своей ступени критической идеализмъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что дѣйствительность обусловлена логическими законами и понятіями, что связь явленій есть объективно-логическая связь (въ отличіе отъ субъективной, психологической ассоціаціи представленій). Дѣйствительное сущее не есть „вещь въ себѣ“, — оно *пони-мается* нами и постольку сознается нами какъ *необходимое*. Являющаяся намъ дѣйствительность мыслится нами не иначе, какъ въ категоріяхъ сущаго; мы можемъ мыслить міръ, какъ единое, какъ многое или всеединое, какъ единую сущность, какъ множество субстанцій, какъ явленіе причинности или взаимодействія, какъ необходимую связь явленій и т. д. Мы необходимо мыслимъ самыя явленія, какъ то, что есть, какъ сущее (хотя бы и относительное). И поэтому міръ представляется намъ какъ связанная совокупность вещей или существъ (*субстанцій*), какъ необходимая *причинная* связь явленій, подчиненныхъ въ своемъ *множествѣ* и *взаимодействіи* общимъ законамъ, *единому* порядку. Отсюда — всѣ наши понятія вещества, силы, дѣйствія, закона, понятіе цѣли, безъ котораго немислимо разумѣніе живыхъ психическихъ процессовъ. Подробная критика этихъ понятій завела бы насъ слишкомъ далеко: все это необходимыя понятія, при помощи которыхъ мы мыслимъ природу, и въ то же время въ нихъ несомнѣнно предполагаются всѣ перечисленные нами категоріи сущаго, ибо они заключаютъ въ себѣ онтологическія опредѣленія природы, какъ истинно-сущаго.

Такимъ образомъ, мы находимся какъ бы въ заколдованномъ кругу чистой мысли. Сущее есть идея, какъ бы мы его ни мыслили; оно есть идея уже потому, что мы его мыслимъ (т.-е. какъ объектъ мысли). Оно есть идея не только въ своей мыслимой возможности — въ своемъ отвлеченномъ понятіи, но и въ своей дѣйствительности, и въ самой своей необходимости. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ вмѣстѣ съ Гегелемъ дать ему послѣднее и окончательное опредѣ-

леніе, въ которомъ заключаются всѣ прочія: *сущее есть абсолютная идея*, поскольку вообще оно *мыслимо*.

3.

Мы исчерпали такимъ образомъ кругъ основныхъ отвлеченныхъ опредѣленій сущаго. Я не стану, разумѣется, настаивать на томъ, чтобы предлагаемый сводъ этихъ опредѣленій въ томъ порядкѣ, въ которомъ я ихъ привожу, не допускалъ какихъ-либо измѣненій и поправокъ. Быть можетъ, ихъ возможно классифицировать или располагать иначе. Такъ, напр., категоріи модальности, въ которыхъ выражается общее отношеніе мысли къ сущему, могутъ быть приняты за основаніе всѣхъ прочихъ категорій: сущее, какъ возможное, *тождественно съ идеей*, какъ дѣйствительное, оно есть *отличная отъ нея реальность*, какъ необходимое—оно выражаетъ въ себѣ тождество въ различіи. Отсюда могутъ выводиться всѣ категоріи качества, количества, реальной зависимости или обусловленности.

Всякая классификація всегда болѣе или менѣе искусственна, и метафизика должна всего болѣе чуждаться догматической схоластики. Я считаю, однако, возможнымъ настаивать на методѣ, которому я слѣдовалъ и который долженъ заключаться въ систематической критикѣ отвлеченныхъ концепцій сущаго. Съ одной стороны, эти концепціи разсматриваются отвлеченно: такъ, наприм., я пытался показать, что онѣ логически и безъ всякой натяжки выводятся изъ основного отношенія чистой мысли къ предполагаемому сущему (изъ мыслимаго отношенія къ сущему). Съ другой стороны, исторія философіи служитъ провѣркой этой отвлеченной идеологии, поскольку тѣ же основныя отвлеченныя концепціи сущаго могутъ быть получены посредствомъ критическаго анализа конкретныхъ философскихъ ученій. Я не думаю приписывать себѣ этого метода: въ общемъ ему слѣдовалъ уже Аристотель въ своей метафизикѣ, ему слѣдовалъ Гегель, ему слѣдовали многіе другіе мыслители, хотя не всегда сознательно и потому не вполнѣ послѣдовательно и систематично*).

*) Въ русской литературѣ мы имѣемъ капитальное сочиненіе Б. Н. Чиче-

Разрабатываемая такимъ образомъ, элементарная метафизика превращается въ формальную науку о сущемъ, въ науку о способахъ пониманія сущаго. Такая наука, какъ намъ кажется, послѣ всего предшествовавшаго развитія философіи становится необходимой дисциплиной для философовъ самыхъ различныхъ направленій, самыхъ различныхъ міросозерцаній. И какъ это ни кажется противнымъ принятымъ мнѣніямъ, именно она способна придать философіи научный характеръ, поскольку она внесетъ логическій порядокъ въ *совокупность* способовъ пониманія сущаго, его мыслимыхъ опредѣленій. Какъ мы думаемъ, здѣсь заключается единственный способъ положить нѣкоторый предѣлъ той беспорядочной анархіи мнѣній, которая до сихъ поръ господствуетъ въ метафизикѣ и превращаетъ ее въ какой-то *asylum ignoantiae* всевозможныхъ философствующихъ дилеттантовъ. Метафизика *должна* быть одной объективной наукой, хотя, разумѣется, единство въ этой сферѣ можетъ быть достигнуто съ еще большимъ трудомъ, чѣмъ въ другихъ наукахъ, поскольку выводы ея не допускаютъ никакой чувственной, фактической провѣрки.

Одно изъ самыхъ вѣскихъ и въ то же время самыхъ банальныхъ возраженій противъ такой метафизики состоитъ въ томъ, что она отвлеченна. Это возражение банально потому, что метафизика, несомнѣнно, *должна* быть отвлеченна и притомъ въ высшей степени: недостатокъ отдѣльныхъ метафизическихъ построеній, исходящихъ изъ тѣхъ или другихъ частныхъ концепцій или опредѣленій, состоитъ не въ томъ, что они отвлеченны, а въ томъ, что они

рина „Основанія логики и метафизики“, представляющее собою попытку систематической критики „способовъ пониманія сущаго“—по отвлеченнымъ категориямъ, но съ постоянными, иногда чрезвычайно мѣткими указаніями на конкретные историческіе примѣры. Отдѣльныя категории подвергаются весьма тщательному анализу въ „Положительныхъ задачахъ философіи“ Л. М. Лопатина. Наконецъ, широкую попытку *общей* систематической идеологии представляетъ въ своемъ родѣ и „Критика отвлеченныхъ началъ“ В. С. Соловьева, хотя по своему замыслу это сочиненіе не задается специально метафизическими задачами и потому изслѣдуетъ не отвлеченныя *категоріи* сущаго, а общіе принципы или идеи въ области этики и метафизики.

недостаточно отвлечены и общи, что они ложнымъ образомъ исключаютъ мыслимость противоположныхъ опредѣленій — мыслимость, доказанную умозрѣніемъ и историческимъ опытомъ. Но въ то же время указаніе на отвлеченность метафизики является вполнѣ достаточнымъ и правильнымъ возраженіемъ противъ тѣхъ мыслителей, которые, какъ бы забывая объ этой отвлеченности, принимаютъ метафизику за систему абсолютнаго знанія. Въ этомъ заключается основная ошибка многихъ мыслителей, которую можно сравнить съ ошибкой древнихъ пифагорейцевъ. Какъ эти послѣдніе, исходя изъ безусловной достовѣрности математическихъ знаній, думали найти въ математикѣ систему абсолютнаго вѣдѣнія, такъ и многіе новѣйшіе идеалисты, исходя изъ предполагаемой логической достовѣрности строяемой ими отвлеченной идеологии, думали найти въ метафизикѣ то самое, чего пифагорейцы искали въ математикѣ. И какъ пифагорейцы забывали объ условной отвлеченности математическихъ опредѣленій, такъ метафизики забывали объ еще большей отвлеченности своихъ формальныхъ опредѣленій. Критическая метафизика должна быть *сознательно отвлеченной*: исходя изъ самаго отвлеченнаго опредѣленія сущаго, она должна сознавать границы отвлеченной мысли.

Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что отвлеченная метафизика имѣетъ гипотетическій характеръ — точно такъ же, впрочемъ, какъ и математика, съ тою однако разницей, что основныя начала математики заключаются въ отвлеченномъ обобщеніи нѣкоторыхъ данныхъ чувственнаго опыта и находятъ себѣ провѣрку въ наглядномъ воспріятіи величинъ и ихъ отношеній. Метафизическія опредѣленія, напротивъ того, не допускаютъ никакой провѣрки, кромѣ отвлеченной мысли. Опредѣленіе, изъ котораго исходитъ Гегель: „сущее есть идея“ — представляется безусловнымъ: повидимому, оно ничего не предполагаетъ или, точнѣе, въ этомъ опредѣленіи мысль ничего не предполагаетъ, кромѣ себя самой. На самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, всякая мысль условна, ибо всякая мысль заключаетъ въ себѣ *предположеніе* сущаго,

къ которому она относится. Поэтому *всякая отвлеченность вдвойнѣ условна*, и метафизика, какъ наиболѣе отвлеченная наука, есть чистый продуктъ условнаго мышленія. Но поскольку все наше мышленіе неизбѣжно отвлеченно и потому условно, метафизика необходима; какъ самая чистая мысль; въ то же время въ своей сферѣ она вполне достовѣрна, предполагая лишь самое общее условіе мышленія вообще. Разбирая діалектику Гегеля, а затѣмъ разсматривая общія опредѣленія сущаго, мы убѣдились, что метафизика можетъ быть логичной и обоснованной только въ этомъ самомъ общемъ, основномъ предположеніи всего мышленія—въ предположеніи конкретнаго *сущаго*, къ которому существенно относится мысль.

Мыслимое или чувствуемое, умпостигаемое или являющееся—сущее подлежитъ общимъ логическимъ опредѣленіямъ, въ чемъ мы убѣдились еще при первой попыткѣ понять сущее какъ явленіе. Но исчерпывается ли метафизика такими чисто-формальными опредѣленіями? Поскольку сущее предполагается нами, какъ нѣчто отличное отъ этихъ мыслимыхъ опредѣленій, какъ ихъ общее конкретное подлежащее или основа, оно, очевидно, не исчерпывается ими и предполагаетъ особыя *реальныя опредѣленія*, которыхъ, повидимому, ни чувство, ни мысль сами по себѣ ему дать не могутъ. Помимо нашего чувства, нашего представленія, есть *мыслимое* сущее, отличное отъ нашего субъективнаго чувства и представленія; но мы признаемъ это сущее независимымъ точно такъ же и отъ нашего знанія и понятія, отъ понятія вообще,—поскольку самая мысль наша оказывается обоснованной и логичной лишь въ предположеніи этого *сущаго*. Пусть оно *сообразно* нашимъ логическимъ понятіямъ, пусть сущее отчасти тождественно съ нашею мыслью, *единственно* съ нею: тѣмъ не менѣе, оно *отлично* отъ нея и признается нами, какъ нѣчто безусловно *самобытное*.

До сихъ поръ въ нашей мысли и чувствѣ мы не выходили за предѣлы мысли и чувства—сознанія вообще: какъ же мы можемъ знать о чемъ-либо внѣ ихъ, или хотя бы даже

только предполагать внѣшнее имъ, самобытное сущее? Существуетъ ли какое либо „непосредственное воспріятіе“ этого реального сущаго, какъ особый, третій источникъ познанія наряду съ разумомъ и чувственностью? Каковы его функціи, его отношенія къ этимъ первымъ двумъ источникамъ? Какъ можетъ опредѣляться сущее въ такомъ непосредственномъ воспріятіи и какъ относятся такія опредѣленія къ тѣмъ, которыя мы только что разсматривали?

(Окончаніе слѣдуетъ).

Кн. С. Н. Трубецкой.

Понятіе о душѣ

ПО ДАННЫМЪ ВНУТРЕННЯГО ОПЫТА *).

I.

Между общими философскими предположеніями современной психологіи къ числу самыхъ популярныхъ нужно отнести то, по которому въ нашей душѣ мы знаемъ только явленія и ничего другого не можемъ знать. По этому взгляду, все, что мы можемъ воспринять и сознать о себѣ самихъ, тѣмъ самымъ неизбѣжно оказывается явленіемъ, а стало-быть и наша душевная жизнь, поскольку она наблюдается и понимается нами, должна представлять цѣпь явленій и ничего больше. Существуетъ ли какая-нибудь субстанція психическихъ феноменовъ? Этому мы не знаемъ навѣрное; во всякомъ случаѣ, мы не можемъ составить о ней никакого понятія по тѣмъ даннымъ, какія доставляетъ намъ опытъ. Въ явленіяхъ души не заключается никакого намека на свойства ея сущности. Что такое душа въ самой себѣ,—есть ли она самобытное, безтѣлесное существо, по своимъ признакамъ рѣзко противоположное всему матеріальному,—или носителемъ духовныхъ процессовъ является вещество, изъ котораго слагается нашъ тѣлесный организмъ,—или, наконецъ, подлинный субстратъ психическаго существованія представляетъ нѣчто среднее, возвышающееся надъ противоположною матеріальнаго и духов-

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Психологическаго общества 16 марта 1896 г.

наго, одинаково способное служить основой и того и другого? Эти вопросы могут интересовать метафизиковъ, но до нихъ нѣтъ дѣла настоящему психологу. Можетъ быть, и совсѣмъ нѣтъ душевной субстанции, а существуютъ только чистыя психическія явленія и событія, слѣдующія другъ за другомъ по неизмѣннымъ, однообразнымъ законамъ и образуящія своимъ теченіемъ то, что мы называемъ своею душою? Возможно и это, и даже многіе полагаютъ, что именно такое объясненіе и нужно считать самымъ вѣроятнымъ.

И вотъ мы могли убѣдиться въ прошломъ рефератѣ *), что всякіе подобные выводы опираются на простое злоупотребленіе логическими терминами. Для насъ стала во всей своей ясности истина *соотносительности явленій и субстанцій* **), и мы должны были признать необходимость распространить ее и на психическую сферу. Ея смыслъ можно формулировать въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: нѣтъ явленій внѣ субстанцій, какъ нѣтъ субстанцій внѣ ихъ свойствъ, состояній и дѣйствій; природа субстанции выражается въ законахъ и свойствахъ ея явленій, и наоборотъ, нельзя считать за природу субстанции то, что никакъ въ ней не проявляется. Иначе сказать, субстанція *не трансцендентна, а имманентна* своимъ явленіямъ,—каждое явленіе, въ своей подлинной дѣйствительности, есть сама субстанція въ данный отдѣльный моментъ своего бытія.

*) См. «Вопросы Фил. и Псих.» кн. 5, 1895 г. «Явленіе и сущность въ жизни сознанія».

**) Терминъ *субстанція* я употребляю въ самомъ общемъ и каждому доступномъ смыслѣ *подлежащаю явленій*, или того, чему они принадлежатъ и что въ нихъ является. Во многихъ случаяхъ этотъ терминъ съ удобствомъ можно было бы замѣнить понятіями *существа, вещи, предмета, сущности*. Несомнѣнно, съ понятіемъ субстанции, благодаря его долгому господству въ философіи, слились различныя ассоціаціи, затемняющія его первоначально простой смыслъ. Но, съ другой стороны, понятія *существа, предмета* и т. п. въ обыкновенномъ словоупотребленіи оказываются еще болѣе шаткими и притомъ ограниченными по своему значенію. Поэтому я все-таки предпочитаю терминъ *субстанція*, хотя и стараюсь, насколько могу, устранить отъ него всякія предвзятыя предположенія старинной метафизики.

Какъ мы знаемъ, эта истина—въ сущности своей, аналитическая—устанавливается самоочевиднымъ отношеніемъ входящихъ въ нее понятій; она оправдывается глубокою логическою несостоятельностью всякихъ попытокъ приписать дѣйствительность какимъ бы то ни было непроявимымъ сущностямъ или абсолютнымъ, безсубстратнымъ явленіямъ; она подтверждается наконецъ тѣмъ, что тамъ, гдѣ понятія *явленія и субстанціальной основы* употребляются плодотворно и безъ логическихъ противорѣчій, *истина соотносительности* находитъ себѣ полное и безспорное подтвержденіе: такъ, въ процессахъ физической природы говорить о движеніяхъ, происходящихъ внѣ вещества, или о веществѣ, которое пребываетъ гдѣ-то выше своихъ собственныхъ состояній движенія и покоя, до такой степени нелѣпо, что на это никто не рѣшится.

Истина *соотносительности* въ своемъ общемъ видѣ представляется настолько простою и очевидною, что, пожалуй, покажется лишнимъ и страннымъ такъ настаивать на ея несомнѣнности. Къ сожалѣнію, въ философскихъ разсужденіяхъ слишкомъ часто пренебрегаютъ самыми очевидными истинами,—лучшее доказательство того, въ какомъ еще несовершенномъ состояніи находится философія и до нашихъ дней. Еслибъ признали истину *соотносительности* во всей широтѣ ея смысла и во всѣхъ ея неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ,—сколько метафизическихъ идоловъ сразу разлетѣлось бы прахомъ! И прежде всего куда дѣвались бы внушительныя рѣчи объ абсолютно непостижимой сущности духа, къ которымъ такъ любятъ прибѣгать чуть не всѣ современные психологи? Во что вообще обратилось бы тогда столь дружно почитаемое философами подъ разными кличками понятіе о „вещахъ въ себѣ“? Вѣдь ему нигдѣ не останется мѣста,—ни въ нашемъ внутреннемъ, ни даже во внѣшнемъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, полная непригодность его и для пониманія этого послѣдняго можетъ быть показана путемъ очень простыхъ соображеній: наши воспріятія внѣшней дѣйствительности вызываются въ насъ извнѣ,—

еслибъ было иначе, у насъ не существовало бы никакихъ основаній признавать независимый отъ насъ внѣшній міръ въ какой бы то ни было формѣ, въ формѣ ли вещей въ себѣ или какой другой; итакъ, въ нихъ должна отражаться вызывающая ихъ внѣшняя сила: поскольку они—*ея* явленія, они должны быть соотносительны и *къ ней*, а не только къ нашему собственному воспринимающему субъекту; а это означаетъ, что въ нашихъ внѣшнихъ воспріятіяхъ не все субъективно,—въ нихъ долженъ присутствовать объективный элементъ ровно настолько, насколько они не отъ насъ однихъ зависятъ. И какъ бы ни опредѣляли мы въ подробностяхъ различіе между міромъ воспринимаемымъ и міромъ реальнымъ, едва ли, съ этой точки зрѣнія, можно было бы оправдать отрицаніе у реальныхъ вещей даже такихъ общихъ свойствъ, какъ множественность, причинность, послѣдовательность въ стадіяхъ развитія, строгая закономерность. Коротко говоря, вмѣсто прежняго: *мы знаемъ только явленія*, намъ вездѣ пришлось бы поставить: *разъ мы знаемъ явленія, мы знаемъ или, по крайней мѣрѣ, можемъ знать то, что въ нихъ является*. И когда мы это сдѣлаемъ, философское міросозерцаніе получитъ совсѣмъ другой видъ.

Впрочемъ, для насъ важны теперь не эти общепсихологическія послѣдствія, а приложеніе принципа соотносительности къ душевной жизни: если вообще нѣтъ безсубстратныхъ явленій, ихъ нѣтъ и въ нашемъ психическомъ существованіи, и если въ каждомъ явленіи неизбѣжно реализуется его субстанція, такъ должно быть и въ духѣ. Итакъ, въ нашихъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ мы должны непосредственно воспринимать наше подлинное существо. И это существо не должно являться намъ какъ что-то обособленное отъ своей жизни и спрятанное за нею въ своихъ независимыхъ отъ нея атрибутахъ и свойствахъ; напротивъ, въ силу того же начала *соотносительности* мы и для души, какъ вездѣ, должны признать *имманентность ея субстанціи своимъ явленіямъ*. А это значить, что въ положительныхъ свойствахъ ея явленій должны осуществляться ея свойства,

какъ субстанціи, и что, наоборотъ, то, что не выражается и не отражается ни въ какихъ психическихъ фактахъ, не должно и не можетъ принадлежать самой душѣ, какъ ея свойство. Какъ мы видѣли въ прошломъ рефератѣ, изъ этого съ неизбежностью вытекаетъ *имматериалистическій* взглядъ на наше внутреннее сознающее существо: въ психическихъ состояніяхъ нѣтъ никакихъ матеріальныхъ признаковъ, — въ этомъ мы убѣждаемся съ абсолютною достовѣрностью, когда переживаемъ каждое изъ нихъ; поэтому, ихъ не должно быть и въ психической субстанціи, которая испытываетъ эти состоянія и реализуетъ себя въ нихъ. Въ этомъ заключается сильнѣйшій аргументъ спиритуалистовъ всѣхъ вѣковъ.

Но, какъ мы знаемъ, изъ начала соотнесенности вытекаетъ и другое, не менѣе важное слѣдствіе: разъ въ душевной жизни непосредственно дана ея дѣйствительная субстанція, то въ свойствахъ, законахъ и всемъ строѣ явленій этой жизни должно непрерывно сказываться ея реальное присутствіе. Во всемъ, что происходитъ въ насъ и является нашему сознанию, должно наглядно воплощаться субстанціальное души подобно тому, какъ въ каждомъ процессѣ физической природы непремѣнно содержится и присутствуетъ вещество со всѣми своими свойствами. Этимъ вопросъ переносится на психологическую почву: нашъ основной выводъ мы должны провѣрить данными внутренняго опыта. Но какого рода данныхъ мы должны искать въ немъ? Чтобъ уяснить себѣ этотъ предварительный вопросъ, мы вынуждены опять на минуту остановиться на анализѣ понятій о *явленіи* и *субстанціи*, главнымъ образомъ имѣя въ виду ту область, гдѣ они примѣняются съ безспорною очевидностью и простотою своихъ взаимныхъ отношеній, — область физическихъ фактовъ.

II.

Явленіе и *субстанція* представляютъ соотнесенныя понятія, но все же это понятія различныя; мы обозначаемъ ими двѣ неразрывныя стороны одной и той же дѣйствительно-

сти, которыя могутъ быть отдѣлены одна отъ другой только въ разсудочной абстракціи, а не сами по себѣ,—но все-таки между ними нельзя утверждать тождества. Такъ, движенія нѣтъ помимо и отдѣльно отъ вещества, которое движется, какъ нѣтъ и вещества, которое не находилось бы въ какихъ-нибудь опредѣленныхъ состояніяхъ движенія или покоя,—но все же движеніе не есть вещество. Слѣдуетъ сказать даже больше: въ извѣстномъ отношеніи явленіе и субстанція, при всей ихъ соотносительности, очевидно, противоположны между собою, — такая противоположность замѣчается въ ихъ отношеніяхъ къ опредѣленіямъ времени. Субстанція есть то, что *пробываетъ*, — напротивъ, явленія проносятся и мѣняются въ каждое мгновеніе; это различіе коренится уже въ самомъ общемъ значеніи этихъ понятій, поскольку, по крайней мѣрѣ, они прилагаются къ предметамъ наблюдаемаго нами конечнаго міра.

Явленіе есть состояніе, измѣненіе, преходящій способъ бытія вещи; мы только то и называемъ явленіемъ, что начинается и кончается. Поэтому каждое явленіе неизбѣжно предполагаетъ процессъ, звено или рядъ звеньевъ котораго оно составляетъ. Другими словами, явленіе есть то, что выражаетъ *текущую сторону* дѣйствительности. Въ виду этого можно сказать, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда явленія представляются намъ *длящимися*, они всегда слагаются изъ цѣлаго ряда болѣе элементарныхъ явленій, причемъ каждый новый членъ ряда наступаетъ послѣ исчезновенія и *черезъ исчезновеніе* предшествующаго, чтобы немедленно уступить мѣсто послѣдующему члену. Такъ, движеніе тѣла въ одномъ какомъ-нибудь направленіи можно разсматривать какъ *одно* длящееся явленіе; и все-таки, на самомъ дѣлѣ, оно состоитъ изъ безконечнаго ряда перемѣнъ мѣста, причемъ, когда тѣло достигло извѣстнаго мѣста, его нѣтъ ни въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыя были имъ заняты прежде; и при этомъ въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ тѣло остается абсолютно неуловимый моментъ: еслибъ оно задерживалось въ каждой точкѣ даже на срокъ невообразимо ма-

мый, оно никуда не подвинулось бы, потому что для движенія даже на небольшое разстояніе нужно пройти *дѣйствительно* безконечное множество точекъ,—истина, которую такъ хорошо понимали еще древніе элейскіе философы. А вѣдь это должно значить, что *всякое* длящееся явленіе представляетъ собою серію явленій абсолютно мгновенныхъ. Дѣйствительно, здѣсь дѣло идетъ не только объ особой природѣ движенія,—повидимому, совершенно аналогичныя замѣчанія можно сдѣлать и о всякомъ другомъ видѣ явленій. Состояніе, переживаемое мною теперь, не есть состояніе мгновенія предшествующаго. Какъ бы ни были они похожи одно на другое, между ними все же остается существенная разница: одно только *было*, но его нѣтъ,—другое есть *сейчасъ*. Слишкомъ очевидно, что всѣ мои прошлыя состоянія, какъ бы ни были они близки къ настоящему моменту, уже не существуютъ совершенно такъ же, какъ нѣтъ вчерашняго восхода солнца, нѣтъ моей вчерашней прогулки, нѣтъ моего вчерашняго голода.

Разсмотрѣнное сейчасъ свойство можно назвать непрерывною *исчезаемостью* явленій. И довольно легко замѣтить, отъ чего оно зависитъ: оно коренится въ томъ общемъ фактѣ, что каждое явленіе или каждый рядъ явленій протекаютъ *во времени*. Загадочная природа времени издавна обращала на себя вниманіе философовъ: съ одной стороны, оно предносится человѣческому воображенію, какъ нѣкоторая положительная безграничная мощь, которая господствуетъ надъ всѣмъ существующимъ и беспощадно покрываетъ своимъ роковымъ законамъ всякія другія силы,—съ другой стороны, понятіе о немъ всегда изумляло мысль чисто отрицательнымъ характеромъ всего своего содержанія. Какъ я уже пытался показать въ другомъ мѣстѣ *), о времени съ полнымъ правомъ можно утверждать парадоксальное положеніе: дѣйствительность времени заключается въ его нереальности. Составныя части, изъ кото-

*) „Полож. задачи философіи“, ч. II, стр. 295.

рыхъ слагается время,—прошлое и будущее—очевидно, не обладаютъ реальнымъ бытіемъ: прошлаго *уже* нѣтъ. будущаго *еще* нѣтъ. Поэтому, какъ нѣчто реальное, намъ, по видимому, остается только нераздѣльное настоящее мгновение. Однако, во-первыхъ, это единственно реальное доказываетъ свою нереальность тотчасъ же, какъ только возникнетъ, своимъ немедленнымъ переходомъ въ прошлое, т.-е. нереальное; во-вторыхъ, въ настоящемъ моментѣ не оказывается самой коренной особенности времени—*продолженія*: онъ становится прошлымъ тогда же, когда наступитъ. И ясно, что время только и осуществляется черезъ постоянное исчезновение всего своего наличнаго состава: настоящее непрерывно исчезаетъ въ прошломъ, въ немъ же исчезаетъ и будущее, ставъ настоящимъ, — вся суть времени въ этомъ неудержимомъ вытѣсненіи предшествующихъ моментовъ послѣдующими. Напротивъ, отнимемъ у моментовъ времени это свойство слѣдовать другъ за другомъ, безостановочно обращаясь въ ничто,—предположимъ, что они даны всѣ заразъ, одинаково обладая полною реальностью,—и времени для насъ уже не будетъ: вмѣсто послѣдовательнаго ряда текучихъ моментовъ, мы получимъ рядъ неподвижно сосуществующій. Этимъ оправдывается выставленное мною *) утвержденіе: «время дѣйствительно лишь настолько, насколько нереально все, что его составляетъ, и еслибъ, наоборотъ, его составныя части получили реальность, оно потеряло бы всякую дѣйствительность».

Такимъ образомъ то, что мы назвали *исчезаемостью* явленій, *абсолютною миновенностью* ихъ составныхъ элементовъ, объясняется изъ того простаго условія, что явленія совершаются во времени и проходятъ вмѣстѣ съ нимъ. Если только мы допустимъ, что время представляетъ форму всякихъ явленій вообще (а спорить противъ этого значило бы идти противъ очевидности), мы тѣмъ самымъ должны будемъ признать, что абсолютная текучесть есть ихъ непре-

---

*) Ibid., стр. 296.

мѣнное и неотъемлемое свойство: въ немъ тогда наглядно схематизируется основная природа ихъ всеобщей формы. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя умѣститься во времени, какъ въ своей исчерпывающей формѣ, не подчинившись его основнымъ отношеніямъ,—не возникая вмѣстѣ съ наступающими моментами и не исчезая вмѣстѣ съ проходящими,—потому что въ самомъ времени ничего не дано, кромѣ непрерывнаго прехожденія моментовъ. Можетъ быть, еще точнѣе было бы сказать, что время есть лишь созданная нашею мыслью схема той неудержимой текучести явленій, которая только и дѣлаетъ ихъ явленіями.

Если коренное свойство *явленій* состоитъ въ непрерывномъ исчезновеніи всего, что въ немъ дано, *бытіе субстанціальное* характеризуется, напротивъ, *постоянствомъ своего пребыванія*. Явленія никогда не бываютъ одними и тѣми же,—каждый новый, самый неуловимый моментъ ихъ развитія неизбѣжно приноситъ новыя явленія, которыя становятся на мѣстѣ прежнихъ; напротивъ, все, что можно понять какъ субстанцію, всегда остается однимъ и тѣми же. Такъ, вещество, изъ котораго образована вселенная, въ настоящую минуту, совершенно то же, что и миллионы лѣтъ назадъ, хотя оно тогда было дано и въ иныхъ сочетаніяхъ, нежели теперь. Оно осталось тѣми же самымъ, къ нему ничего не прибавилось и ничего отъ него не было отнято,—оно всегда подлежитъ перемѣнамъ въ движеніи и расположеніи своихъ частицъ, но никогда не поглощается этими перемѣнами. Явленія, происходящія съ нимъ, составляютъ ему, въ этомъ отношеніи, рѣзкую противоположность: движеніе, происходящее сейчасъ, можетъ быть очень похоже на какое-нибудь прежнее движеніе, но оно никакъ не одно съ нимъ; прежняго движенія теперь уже абсолютно нѣтъ, разъ оно уже прошло, и то, которое совершается сейчасъ, есть движеніе новое. Скажемъ ли мы, что мысль о пребывающей субстанціи, во всѣхъ перемѣнахъ сохраняющей внутреннее тожество съ собою, есть произвольная гипотеза, безъ которой можно обойтись? Но пускай кто-нибудь попробуетъ вообразить, что вещество

міра, подобно отдѣльнымъ явленіямъ въ немъ, во всемъ своемъ составѣ цѣликомъ уносится съ каждымъ прошедшимъ мгновеніемъ, чтобы возникать вновь съ каждымъ новымъ моментомъ времени и опять немедленно исчезать, — что тогда выйдетъ? вмѣсто одного міра, онъ ихъ получитъ безконечное множество, и каждый изъ нихъ будетъ такимъ же мимолетно мелькнувшимъ призракомъ, какъ и всѣ другіе; всякая связь и зависимость для него пропали бы изъ вселенной, потому что между этими мгновенными мірами, въ которыхъ все заразъ образуется вновь, не оставалось бы ничего, что могло бы ихъ привязывать другъ къ другу. Въ подобномъ положеніи оказались нѣкоторые картезіанцы, которые, серьезно усвоивъ идею о полномъ тождествѣ сохраненія міра съ его повторнымъ твореніемъ, вздумали доказывать, что всѣ вещи, со всѣми ихъ свойствами и дѣйствіями, каждое мгновеніе создаются Божествомъ заново: въ послѣднемъ результатѣ имъ пришлось самого Бога обратити въ единственную субстанцію матеріальнаго міра, — безъ этого вселенная являлась сплошнымъ логическимъ абсурдомъ.

Итакъ, внутреннее единство субстанціальнаго бытія въ многообразіи переживаемыхъ имъ измѣненій не есть произвольная выдумка, — безъ него дѣйствительно немислимы никакія явленія. Поэтому истина *соотносительности* получаетъ для насъ новое освѣщеніе. Въдъ всякая дѣйствительность, которую мы познаемъ, все данное и въ насъ; и внѣ насъ воспринимается, представляется и понимается нами только въ формѣ какого-нибудь процесса. Между тѣмъ процессъ, какъ связанное цѣлое, только и возможенъ подъ условіемъ сочетанія феноменальнаго элемента съ элементомъ субстанціальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, процессъ тогда лишь мыслимъ и понятенъ для насъ, когда мы представляемъ себѣ, что предшествующія явленія не просто *исчезаютъ*, а *переходятъ* въ послѣдующія и сливаются съ ними, т.-е. когда мы думаемъ, что содержаніе предыдущаго не пропадаетъ въ безднѣ ничтожества все цѣликомъ, а что-то въ немъ оста-

ется и переносится въ послѣдующее, только измѣнивъ свою форму. Это что-то и есть субстанціальное въ вещахъ, *подлежащее* ихъ измѣненій. Насколько трудно обойтись безъ идеи о немъ, видно изъ того яснаго соображенія, что только при ея помощи мы можемъ мыслить причинную связь явленій, какъ *дѣйствительную зависимость* между ними. А что же останется въ явленіяхъ для нашего пониманія, если извлечемъ изъ нихъ всякія реальныя связи? Едва ли кто рѣшится утверждать, что въ мірѣ совѣмъ нѣтъ процессовъ, а даны только тѣ ихъ безконечно малые, абсолютно недѣлимые и лишенные всякой длительности элементы, на которые они распадаются для отвлеченнаго анализа, ищущаго содержанія для недѣлимаго настоящаго момента. Не думаю, напримѣръ, чтобы кто-нибудь сталъ доказывать, что въ природѣ вовсе не существуетъ движенія, а реальны въ ней лишь неуловимо моментальныя находенія тѣлъ въ разныхъ точкахъ, черезъ которыя проходятъ тѣла, когда мы говоримъ, что они движутся,—и выводилъ бы изъ этого, что въ дѣйствительности на свѣтѣ все неподвижно. Для всякаго очевидно, что эти недѣлимые элементы и моменты неподвижности въ движущемся представляютъ плодъ совершенно искусственной абстракціи отъ того единственнаго содержанія, съ которымъ постоянно обращается наша мысль,—отъ процессовъ и движеній реальной дѣйствительности. А не значить ли это, что пребывающее и субстанціальное въ жизни не менѣе существенно для ея пониманія, нежели то, что въ ней мѣняется и непрерывно проходитъ?

Субстанція пребываетъ въ своихъ измѣненіяхъ; она остается одною и тою же, тогда какъ ея явленія, дѣйствія, состоянія каждое мгновеніе становятся другими,—это означаетъ, что она имѣетъ бытіе *сверхвременное*: такъ, по крайней мѣрѣ, всего скорѣе слѣдуетъ опредѣлить его по сравненію съ текучимъ существованіемъ явленій. Очевидно, что внутреннее тожество субстанціи въ различные моменты ея бытія мыслимо только подъ тѣмъ условіемъ, что она не подчиняется основному закону времени,—закону непрерыв-

наго исчезновенія настоящаго въ прошломъ. Явленія всецѣло подлежатъ этому закону; напротивъ, глубочайшая характеристика всего субстанціального—въ томъ, что оно подъ нимъ возвышается и немислимо иначе. Это другое отношеніе къ закону времени, понятіе *сверхвременности*, мнѣ кажется, выражаетъ наиболѣе соотвѣтственнымъ образомъ.

Однако, понятіе о *сверхвременномъ* никакъ не нужно отождествлять съ понятіемъ *внѣвременнаго* или *безвременнаго*, которымъ обыкновенно обозначается *абсолютная непрічастность* временнымъ отношеніямъ и опредѣленіямъ. Такое смѣшеніе понятій находилось бы въ рѣшительномъ противорѣчій съ установленнымъ нами принципомъ *соотносительности*: субстанція дана не внѣ своихъ явленій, а въ нихъ, какъ пребывающій источникъ реализуемой въ нихъ энергіи; между тѣмъ явленія непрестанно протекаютъ и мѣняются, слѣдовательно и она сама не можетъ быть совсѣмъ чужда и безразлична къ отношеніямъ временной послѣдовательности. Но то, что во времени, взятомъ отвлеченно въ немъ самомъ, является какъ неудержимое исчезновеніе каждаго достигнутаго момента, то для субстанціи осуществляется, какъ ея *положительная длительность* или какъ ея дѣйствительное сохраненіе въ смѣнѣ разнообразныхъ состояній. Только черезъ это время становится формою *реальнаго процесса*, а не оказывается лишь чисто отрицательною силой, поглощающею всякую дѣйствительность, едва она появится на свѣтъ. Другими словами, *реальное* значеніе времени коренится въ бытіи *сверхвременномъ*. Это вполне отвѣчаетъ тому общему опредѣленію времени, которое я считаю единственно истиннымъ и которое я подробно старался обосновать въ моихъ „Положительныхъ задачахъ философіи“ *): время есть необходимая форма дѣятельности каждой конечной субстанціи и взаимодействія такихъ субстанцій между собою. Изъ этого опредѣленія прямо вытекаетъ, что субстанціальныя единицы бытія, будучи основою времен-

*) Ibid., стр. 305—309.

наго процесса, логически предшествуютъ ему и, стало-быть, не могутъ подпадать подъ его законы.

Что сверхвременность въ самомъ дѣлѣ неотдѣлима для нашего пониманія отъ субстанціальности, лучшее тому доказательство въ дѣйствительной невозможности ясно мыслить уничтоженіе какихъ бы то ни было субстанцій. Правда, мы легко представляемъ себѣ возникновеніе и уничтоженіе очень многихъ вещей и существъ, но несомнѣнно, что при этомъ мы имъ всегда приписываемъ сложную природу и рассматриваемъ ихъ возникновеніе, какъ постепенное сочетаніе составляющихъ ихъ элементовъ, а ихъ уничтоженіе, какъ распаденіе ихъ мельчайшихъ частицъ. Между тѣмъ тотъ или иной видъ сочетанія элементовъ обозначаетъ только способъ ихъ взаимнаго дѣйствія въ данную минуту, — иначе сказать, онъ выражаетъ лишь происходящее съ ними явленіе. Напротивъ, уничтоженіе послѣднихъ, далѣе неразложимыхъ элементовъ дѣйствительности (какъ бы мы ихъ ни мыслили, — въ формѣ ли матеріальныхъ атомовъ, внутренно духовныхъ монадъ или какой-нибудь другой) представляетъ въ нашихъ глазахъ величайшую несообразность, которую мы можемъ вообразить себѣ развѣ лишь въ качествѣ непостижимаго чуда. Мы понимаемъ уничтоженіе только того въ вещахъ, что принадлежитъ къ категоріи явленій, но уничтоженіе субстанціального въ нихъ кажется намъ абсурдомъ, возмущающимъ разумъ. Если нашъ взглядъ на нераздѣльность субстанціальности и сверхвременности правиленъ, то въ предположеніи уничтожимости какой-нибудь субстанціи дѣйствительно заключалось бы логическое противорѣчіе: субстанція выше времени, она возвышается надъ переходомъ изъ реального настоящаго въ нереальное прошлое, — между тѣмъ уничтоженіе есть именно реализація такого перехода.

III.

Полученные результаты такъ ясны и просты, повидимому, въ нихъ даже такъ много тавтологическихъ утверждений,

что, пожалуй, у читателя, какъ и по поводу принципа относительности, опять явится недоумѣніе: стѣбитъ ли говорить о такихъ простыхъ и очевидныхъ вещахъ? Стараться ихъ умозрительно обосновывать и доказывать не значить ли вступать въ область совершенно бесполезной схоластики? И я отвѣчу на это недоумѣніе такъ же, какъ и раньше: да, ихъ стоитъ доказывать и даже настоятельно нужно разсмотрѣть ихъ истинный смыслъ,—именно потому, что они такъ просты и ясны, а между тѣмъ мы безжалостно пренебрегаемъ ими, какъ скоро переходимъ къ болѣе конкретнымъ вопросамъ философскаго знанія. Мы какъ будто совсѣмъ забываемъ, что нелѣпое въ себѣ должно оставаться нелѣпымъ и въ своихъ приложеніяхъ къ частнымъ случаямъ. Что результаты, пріобрѣтенные нами сейчасъ, не такъ пусты, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, въ этомъ мы убѣдимся, если со вниманіемъ остановимся на вопросѣ: душевная жизнь, какъ она непосредственно предстаетъ нашему самосознанію и нашему внутреннему опыту, составляетъ ли простую сумму чистыхъ явленій, во всѣхъ послѣдствіяхъ этого понятія, или въ ея фактахъ прямо даны признаки субстанціального существованія?

Достаточно подумать надъ этимъ вопросомъ серьезно и безъ предубѣжденій,—и мы сразу поймемъ, куда съ неизбежностью склоняется его рѣшеніе. Мы непоколебимо убѣдимся, что мыслить духъ какъ простую серію чистыхъ психическихъ явленій или событій такъ же невозможно, какъ нельзя мыслить вещество въ видѣ простого преемства неупорядоченныхъ движеній. Одинаково мы убѣдимся, что субстанціальный элементъ душевной жизни не лежитъ гдѣ-то за предѣлами ея непосредственно сознаваемого содержанія, а выражается въ ней самой. Въ самомъ дѣлѣ, если мы даже отбросимъ теперь тѣ отвлеченныя логическія противорѣчія въ гипотезѣ чистыхъ, безсубстратныхъ явленій, на которыхъ останавливались раньше, во всякомъ случаѣ мы должны видѣть, что еслибы душевная жизнь состояла только изъ нихъ, она имѣла бы совсѣмъ

другой видъ и образъ. И прежде всего ясно, что ея конкретное содержаніе было бы тогда безусловно ограничено рамками настоящаго безъ малѣйшихъ перспективъ въ прошлое или будущее. Прошлыхъ явленій *уже нѣтъ*,—будущихъ *еще нѣтъ*,—а можетъ ли душевная жизнь слагаться изъ того, чего совѣсьмъ не существуетъ? Съ этой точки зрѣнія, все содержаніе нашего сознанія въ каждое данное мгновеніе должно абсолютно исчерпываться явленіями настоящаго момента, во всей его неуловимой мимолетности, и въ немъ не можетъ быть дано ничего *длѣющагося*. Еслибъ даже какое-нибудь явленіе *продолжалось* (т.-е., въ сущности, однообразно *повторялось* въ каждый новый моментъ сознанія, на примѣръ, ощущеніе боли, холода и т. д.),—сознаніе не могло бы этого замѣтить, потому что содержаніе пережитыхъ мгновеній для него абсолютно исчезало бы, и оно было бы постоянно обращено лишь къ тому, что дано теперь. Душевная жизнь дѣйствительно представляла бы только серію непрерывно пропадающихъ звеньевъ. Такъ было бы, еслибъ гипотеза духа, какъ чистаго явленія, была справедлива; но это ли мы видимъ въ дѣйствительности?

Здѣсь насъ съ самаго начала встрѣчаетъ тотъ безспорный фактъ, что ни одно психическое дѣйствіе или состояніе не бываетъ мгновеннымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова и не сознается, какъ мгновенное. *Длительность* психическихъ феноменовъ есть неизбѣжное условіе ихъ *сознаваемости*,—это одинаково можно сказать о всѣхъ операціяхъ души на всѣхъ ступеняхъ душевной жизни. Можно спорить о подробностяхъ формулы, выражающей это основное свойство всего психическаго, но несомнѣнно, что воспріятіе даже самаго элементарнаго ощущенія представляетъ изъ себя цѣлый процессъ, состоящій въ смѣнѣ (болѣе или менѣе быстрой) ряда моментовъ, причѣмъ всякая предшествующая ступень воспріятія въ общемъ процессѣ даетъ менѣе опредѣленное содержаніе, чѣмъ ступень послѣдующая *).

*) Ср. Н. Ланге: „Психологич. изслѣдованія“, стр. 1.

И все, что мы знаемъ о природѣ нашей чувственной воспримчивости, заставляетъ утверждать съ полною увѣренностью, что еслибъ въ насъ въ самомъ дѣлѣ промелькнуло ощущение, продолжавшееся одинъ безконечно малый, совершенно недѣлимый моментъ времени, мы бы его совсѣмъ и никогда не замѣтили. Очевидно, подобное же обобщеніе съ еще большимъ основаніемъ должно быть сдѣлано о всѣхъ болѣе сложныхъ психическихъ явленіяхъ: наша мысль, рѣшеніе нашей воли, каждое наше чувствованіе не сразу пріобрѣтаютъ свой опредѣленный обликъ, а развиваются въ извѣстной постепенности въ послѣдовательномъ рядѣ моментовъ. Въ настоящее время это можно считать экспериментально доказанными фактами. Оттого мгновенность психическихъ феноменовъ всегда лишь *относительна*: всякое воспринятое нами мгновенное содержаніе можетъ быть разложено при нѣкоторыхъ усиліяхъ внутренняго анализа на рядъ воспріятій еще болѣе мгновенныхъ, и во всякомъ случаѣ для его усвоенія нашимъ сознаніемъ необходимо, чтобы оно длилось извѣстное время. Въ этомъ лежитъ источникъ существеннаго различія между *временемъ абсолютнымъ*, или въ его отвлеченной идеѣ, и *временемъ психологическимъ*, т.-е. дѣйствительно нами воспринимаемымъ: время абсолютное слагается изъ непрерывно протекающихъ недѣлимыхъ моментовъ настоящаго; время психологическое состоитъ изъ моментовъ, которые сами *длятся*,—другихъ мы не могли бы замѣтить.

Что же выходитъ? Сдѣлаемъ ли мы то общее заключеніе, что абсолютнаго времени вовсе и нѣтъ, и что реальное время дѣйствительно состоитъ изъ длительныхъ моментовъ, въ силу чего явленія настоящаго момента сами должны имѣть длительность? Однако, такое объясненіе страдало бы явною несообразностью: длящійся моментъ есть или *contradictio in adjecto*, или просто обозначаетъ очень малый періодъ времени; а всякій періодъ времени, какъ бы коротокъ онъ ни былъ, долженъ подчиняться основному закону времени, т.-е. долженъ состоять изъ послѣдовательнаго ряда моментовъ, каждый изъ

которыхъ проходить, когда наступаетъ слѣдующій за нимъ. Точно такъ же и наши психическія состоянія, какъ бы неуловимо короткими они намъ ни казались,—разъ они вообще длятся,—должны дѣйствительно слагаться изъ постепенной смѣны состояній еще болѣе мгновенныхъ. Напримѣръ, если предположимъ, что для полнаго развитія зрительнаго ощущенія какого нибудь цвѣта нужно около трехъ десятыхъ секунды, то изъ этого будетъ вытекать, что когда пройдетъ одна десятая секунды, окончится и та стадія зрительнаго ощущенія, которая можетъ получиться въ этотъ срокъ, и наступитъ его дальнѣйшая стадія. Такимъ образомъ, и въ психической сферѣ общая природа времени остается одинаковою какъ для большихъ, такъ и для малыхъ его промежутковъ. Чтобы какой-нибудь психической феноменъ былъ усвоенъ нашимъ сознаниемъ, необходимо, чтобы онъ дѣйствительно длился, т.-е. состоялъ изъ ряда моментовъ, исключаящихъ другъ друга.

Какъ же это понять? Скажемъ ли мы, что тѣмъ не менѣе наше сознание всегда относится только къ *настоящему* во всей его мгновенности и неуловимости, что поэтому когда мы, напримѣръ, воспринимаемъ какое-нибудь ощущеніе, то непосредственнымъ предметомъ воспріятія является лишь самая послѣдняя стадія образующаго это ощущеніе процесса, а всѣ предшествующія его ступени воспроизводятся уже въ формѣ воспоминаній, которыя будучи сопоставлены съ тѣмъ, что воспринято прямо, сливаются съ нимъ въ одно ощущеніе даннаго нераздѣльнаго настоящаго момента? Однако, очевидна крайняя натянутость такого толкованія. Не говоря уже о томъ, что при немъ нужно допустить, что каждый протекшій моментъ слагающагося ощущенія оставляетъ о себѣ въ сознаниі отдѣльное воспоминаніе, сопоставленіе такихъ воспоминаній съ тѣмъ, что воспринимается непосредственно, въ силу основного свойства всѣхъ психическихъ явленій вообще, само должно представлять процессъ, прѣтекающій во времени. А потому для насъ поднимается новый вопросъ: какъ возможно въ насъ созна-

ніе совершившагося сопоставленія воспоминаемаго съ воспринимаемымъ? И очевидно, что въ отвѣтъ на него намъ остается только повторить прежнее объясненіе: мы сознаемъ совершившійся актъ сопоставленія черезъ сопоставленіе предшествующихъ ступеней этого акта съ его послѣднею ступенью. И это разсужденіе намъ придется повторять до безконечности по поводу все новыхъ предполагаемыхъ сопоставленій, которыя будутъ расти непрерывно. Мы тщетно будемъ биться надъ неразрѣшимою проблемою, — втиснуть въ рамки мгновеннаго настоящаго то, что явно въ нихъ не вмѣщается, потому что не можетъ не быть *длящимся*.

Изъ этихъ затрудненій, повидимому, остается лишь одинъ выходъ: признать фактъ, какъ онъ есть; согласиться, что всѣ психическія явленія, какими бы неуловимыми и элементарными они намъ ни казались, образуются непременно изъ ряда протекающихъ моментовъ, и что каждое психическое состояніе въ своемъ цѣломъ получается черезъ дѣйствительное объединеніе самихъ пройденныхъ ступеней, а не какихъ-нибудь воспроизводящихъ ихъ воспоминаній или психическихъ слѣдовъ. Но допустить что-нибудь подобное не значитъ ли утверждать очевидную несообразность? Что можетъ быть яснѣ той непререкаемой, даже тавтологической истины, что *прошлое* уже *прошло*? А думать, что прошедшія уже ступени душевныхъ состояній, въ этомъ своемъ качествѣ прошедшихъ, соединяются со ступенями, данными теперь, не означаетъ ли обращать эту истину въ ничто? Вотъ тутъ то и сказывается настойчивая необходимость признать субстанціальный элементъ даже въ самыхъ элементарныхъ фактахъ сознанія: уже всякое самое простое и кратковременное ощущеніе представляетъ изъ себя *актъ синтеза*, объединяющій въ себѣ настоящее съ прошлымъ. И совершенно ясно, что въ этомъ актѣ мы не можемъ опять видѣть только послѣдовательный рядъ моментовъ, каждый изъ которыхъ уже отсутствуетъ, когда наступилъ другой: этимъ допущеніемъ мы внесли бы въ понятіе синтеза ту

самую трудность, которую хотѣли устранить его помощью; и попали бы въ безконечный кругъ, — для каждаго акта синтеза мы были бы вынуждены подыскивать объясняющій его новый актъ синтеза. Поэтому намъ остается принять, что каждый такой синтезирующій актъ обладаетъ дѣйствительнымъ внутреннимъ единствомъ и лишь въ этомъ качествѣ *одной акта* связываетъ прошлое съ настоящимъ, относясь и къ тому, и къ другому, какъ къ вещамъ, одинаково для него реальнымъ. Другими словами, онъ не долженъ подчиняться основному закону времени, въ немъ что-то должно возвышаться надъ непрерывностью временнаго прехожденія и сохранять реальное тожество въ различные моменты. А мы знаемъ, что это значить: это можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что въ актахъ психическаго синтеза послѣдовательныхъ моментовъ прямо и непосредственно выражается субстанціальная сила душевной жизни. Здѣсь само собою напрашивается сравненіе: подобно тому, какъ въ природѣ физической всякій процессъ понятенъ лишь при томъ условіи, что состоянія, переживаемыя въ немъ матеріальными элементами, не исчезаютъ безслѣдно, но каждое состояніе приносить съ собою новое расположеніе и движеніе вещества, которыя впервые дѣлаютъ возможными дальнѣйшія звенья процесса, и такимъ образомъ звенья предшествующія отражаются въ послѣдующихъ и какъ бы идеально содержатся въ нихъ, — такъ и въ операціяхъ души отдѣльныя стадіи не только проходятъ, но сливаются и объединяются съ послѣдующими, потому что каждая изъ нихъ есть нѣкоторое положительное опредѣленіе сознающаго субъекта, а этотъ субъектъ остается и поэтому сохраняетъ въ себѣ каждое приобрѣтенное опредѣленіе, лишь дополняя и видоизмѣняя его новыми. Психическій синтезъ выражаетъ сверхвременныя отношенія только потому, что въ немъ непосредственно реализуется пребывающее единство нашего я, иначе самое понятіе о такомъ синтезѣ содержало бы глубокое логическое противорѣчіе. Но, съ другой стороны, безъ дѣйствительнаго психи-

ческаго синтеза нашъ внутренній опытъ былъ бы также совсѣмъ немислимъ *).

Однако, такое единство синтеза, какъ бы ни было оно хорошо обосновано отвлеченными доказательствами, во всякомъ случаѣ есть только наше предположеніе? Слѣдуетъ сказать совсѣмъ наоборотъ: это самый основной и безспорный фактъ нашего душевнаго существованія. Мы никогда не воспринимаемъ безконечно малыхъ звеньевъ психическаго ряда,—до предположенія о нихъ мы можемъ идти только путемъ окольныхъ соображеній,—во внутреннемъ опытѣ намъ всегда бываютъ даны процессы въ ихъ цѣломъ, въ ихъ длительности и завершенности. И тѣмъ не менѣе мы каждое наше ощущеніе признаемъ *однимъ* ощущеніемъ, каждое наше отдѣльное чувство *однимъ* чувствомъ, каждую нашу мысль *одною* мыслью. Не означаетъ ли это что *непосредственнымъ* предметомъ нашего сознанія и переживанія всегда является нашъ внутренно единый психическій синтезъ, а никакъ не тотъ предполагаемый текуцій процессъ непрерывной смѣны, который мы воображаемъ въ качествѣ матеріала для него? И эту постоянно происходящую въ насъ синтезирующую дѣятельность, на что бы она ни была направлена, мы всегда сознаемъ, какъ *свою*, и, наоборотъ, мы сознаемъ себя лишь настолько, насколько ощущаемъ, хотимъ, мыслимъ и совершаемъ другія психическія дѣйствія. Опять не значить ли это, что въ нашемъ душевномъ опытѣ намъ прямо раскрывается внутренняя соотносительность феноменальнаго и субстанціального въ насъ, и что въ единствѣ нашихъ дѣйствій мы узнаемъ и переживаемъ свое собственное тожество, какъ дѣятельнаго существа? Такимъ образомъ, то, что мы вывели, какъ аргюментъ необходимое, есть въ то же время *фактъ сознанія*; а напротивъ, всякія попытки объяснить и вывести этотъ фактъ изъ

---

*) Изъ аналогичныхъ соображеній исходитъ Allen Vannérus въ своей критикѣ ученія Вундта о чистой актуальности сознанія. (Archiv für systematische Philosophie, 1895). Ср. E. Caro, L'idée de Dieu, p. 155—167.

законовъ чистыхъ явленій опираются на предположенія, не состоятельность которыхъ для насъ теперь очевидна. Теперь, въ самомъ дѣлѣ, взамѣнъ общепринятаго: *мы сознаемъ въ себѣ только явленія*, мы должны признать прямо противоположное утвержденіе: *мы никогда не сознаемъ и не можемъ сознать однихъ явленій; постояннымъ и единственнымъ предметомъ нашего внутренняго опыта всегда оказывается субстанціальное тождество нашего сознанія въ его разнообразныхъ выраженіяхъ.*

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что роль психическаго синтеза далеко не исчерпывается областью элементарныхъ явленій души. Мы остановились на нихъ только потому, что въ нихъ она наименѣе замѣтна и оттого всего чаще игнорируется. Напротивъ, она тѣмъ шире признается во всѣхъ психологическихъ школахъ, чѣмъ болѣе сложныя отношенія явленій приходится подвергать психологическому анализу. Поэтому мы не будемъ долго останавливаться на значеніи психическаго синтеза для объясненія закона *относительности* душевныхъ явленій, т.-е. того ихъ свойства, что каждый психическій фактъ и возникаетъ и получаетъ свое содержаніе въ непремѣнной зависимости отъ другихъ фактовъ, которые уже даны въ сознаніи: каждое психическое явленіе развивается на фонѣ другихъ и въ связи съ ними. Напримѣръ, еслибы испытываемое мною теперь ощущение не находилось ни въ какомъ отношеніи къ предшествующимъ психическимъ фактамъ и начинало психическій рядъ совсѣмъ вновъ,—положимъ, было бы первымъ моимъ психическимъ состояніемъ въ жизни,—тогда оно было бы совершенно другимъ, чѣмъ теперь, когда я очень много испыталъ раньше, а можетъ быть, оно вовсе не было бы тогда ощущеніемъ или даже вообще дѣйствительнымъ психическимъ состояніемъ. Очевидно, тѣ самыя соображенія, которыя обосновываютъ необходимость сверхвременнаго психическаго синтеза явленій въ виду ихъ *длительности*, прилагаются и къ принципу ихъ *относительности*. Въ относительности душевныхъ состояній мы имѣемъ тотъ же фактъ неотдѣлимости частныхъ звеньевъ психическаго ряда отъ ихъ предшеству-

ющихъ и всецѣлой зависимости ихъ конкретнаго содержанія отъ этихъ послѣднихъ,—только въ увеличенномъ масштабѣ. Поэтому я прямо перейду къ разсмотрѣнію таинственнаго феномена, который лежитъ въ основѣ всей нашей личной жизни,—я разумѣю область явленій *памяти*.

IV.

Проблема памяти занимала психологовъ съ давнихъ временъ,—нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что для ея разрѣшенія сдѣлано уже очень много. Въ настоящее время, къ объясненію явленій нашей памяти подходятъ съ двухъ концовъ: психологи указываютъ ихъ источникъ и двигатель въ господствѣ надъ теченіемъ нашихъ идей законовъ ассоціаціи; физиологи ищутъ основы памяти въ устройствѣ мозговой коры, въ физиологическихъ связяхъ между отдѣльными центрами мозга и т. д. Не можетъ однако не показаться страннымъ, что во всѣхъ подобныхъ попыткахъ наиболѣе важная и загадочная сторона проблемы обыкновенно совсѣмъ игнорируется. Я говорю о нашемъ сознаніи *реальности нашего прошлаго*.

Положимъ, я вчера совершилъ отдаленную поѣздку, получилъ самыя разнообразныя впечатлѣнія, перевидаль много новыхъ лицъ, имѣлъ весьма интересныя бесѣды съ ними и вернулся. Сегодня я живо представляю себѣ все это и тѣмъ живѣе, чѣмъ сильнѣе были мои вчерашнія впечатлѣнія. Въ объясненіе этого факта, психологи ассоціативной школы справедливо отмѣчаютъ, что мои сегодняшнія воспоминанія о вчерашнемъ днѣ возникли въ результатѣ прямого дѣйствія законовъ ассоціаціи: мои воспоминанія о вчерашнихъ событіяхъ, въ силу закона смежности, сочетались въ одну стройную картину, и, въ силу того же закона, вслѣдствіе непрерывности впечатлѣній, примкнули къ моимъ воспоминаніямъ о сегодняшнемъ днѣ. Кромѣ того, воспроизведеніе вчерашнихъ впечатлѣній можетъ возбуждаться во мнѣ и по закону сходства: ощущенія, переживаемыя сегодня, могутъ мнѣ напомнить то, что я испыталъ вчера,

по сходству или контрасту. Съ своей стороны, физиологъ будетъ ссылаться на легкую возбудимость центровъ, только вчера воспринявшихъ сильныя и разнообразныя впечатлѣнія. Но для насъ теперь не въ этомъ дѣло,—я хотѣлъ бы сосредоточить вниманіе читателя на слѣдующемъ вопросѣ: почему я однако знаю, что все воспоминаемое мною *было дѣйствительно?*

Онъ не такъ неумѣстенъ, какъ можетъ показаться. Въдъ всѣхъ этихъ событій, пережитыхъ мною вчера, сейчасъ уже нѣтъ. Вчерашній день прошелъ, а съ нимъ прошло все, что его составляло. Правда, я о немъ сохраняю воспоминаніе. Но что же оно такое? Въдъ воспоминаніе есть мое представленіе или рядъ представлений, который сознается мною теперь, сейчасъ,—такъ же, какъ я, напримѣръ, сейчасъ вижу предъ собою горящую свѣчку. И сравнительно съ тѣмъ, что я теперь вижу, слышу и ощущаю другими чувствами, эти представленія оказываются неопредѣленными, тусклыми, сливающимися между собою; я усматриваю въ нихъ нѣчто субъективное, только воображаемое въ противоположность реальнымъ впечатлѣніямъ отъ обстановки и лицъ, окружающихъ меня теперь. Въ этомъ заключается непосредственно данная природа воспоминаній въ моемъ сознаніи въ настоящую минуту. Но этимъ дѣло, очевидно, не ограничивается. Воспоминаніями ихъ дѣлаетъ не ихъ тусклость и не ихъ субъективность,—тогда они могли бы вовсе не отличаться отъ совершенно произвольныхъ порожденій моей фантазіи,—а нѣкоторое другое обстоятельство: я вижу въ нихъ изображеніе того, что дѣйствительно было вчера и было уже не въ видѣ смутныхъ субъективныхъ представлений, а въ качествѣ реальныхъ впечатлѣній. И я опять спрашиваю: какъ это возможно?

Пускай представленія, изъ которыхъ слагаются мои воспоминанія, изображаютъ вчерашнія событія какъ нельзя болѣе вѣрно и точно. Но почему я могу объ этомъ знать? Вчерашнія событія прошли,—ихъ нѣтъ; а моихъ теперешнихъ представлений не было вчера. Въ чемъ же, когда и

какъ я могу ихъ сравнить? Почему эти мои представленія о вчерашней поѣздкѣ служатъ для меня копіей дѣйствительныхъ событій, вызывающею къ себѣ безусловное довѣріе? Сошлемся ли мы, вслѣдъ за Юмомъ, на болъшую *интенсивность* воспоминаемыхъ образовъ сравнительно съ простыми созданіями воображенія? Но правда ли, что воспоминаемые образы всегда интенсивнѣе воображаемыхъ? Да и чему здѣсь можетъ помочь интенсивность? Вѣдъ переживаемыя нами теперь ощущенія еще гораздо интенсивнѣе образовъ воспоминанія, но это нисколько не побуждаетъ насъ проецировать ихъ въ прошлое. Или мы будемъ объяснять нашу вѣру въ реальность прошлыхъ событій тѣмъ, что наши воспоминанія о нихъ составляютъ одну неразрывную цѣпь, которая, нигдѣ не прерываясь, тянется назадъ отъ настоящей минуты? Однако справедливо ли, что эта цѣпь неразрывна? Каждому извѣстно изъ собственнаго опыта, что даже въ воспоминаніяхъ о недавнихъ событіяхъ очень многія звенья выпадаютъ совсѣмъ, что этихъ выпавшихъ звеньевъ оказывается тѣмъ больше, чѣмъ болѣе воспоминаемая событія отступаютъ въ прошлое, и что когда дѣло идетъ о событіяхъ отдаленныхъ, наши воспоминанія скорѣе придется сравнивать съ немногими разрозненными свѣтлыми пятнами на совершенно темномъ фонѣ. Да еслибъ даже цѣпь нашихъ воспоминаній была дѣйствительно неразрывна, въ чемъ бы тутъ могло заключаться объясненіе? Вѣдъ эта цѣпь въ моемъ сознаніи во всякомъ случаѣ состоитъ изъ моихъ *теперешнихъ* представленій, а весь вопросъ въ томъ, какъ я могу знать, что *теперешнія мои представленія* изображаютъ *прошлую дѣйствительность*?

Несомнѣнно, этому вопросу можно дать еще болѣе общій и принципиальный видъ: какъ мы можемъ вообще сознать *время*? Почему наша мысль относится къ *прошлому* и *будущему*, какъ къ чему-то безспорно реальному? Если въ нашемъ сознаніи содержится только то, что дано теперь, то какъ мы сознаемъ то, чего теперь никоимъ образомъ не дано, а что или *уже прошло* или *еще не наступило*? Какъ для сознанія мо-

жетъ оказаться дѣйствительнымъ то, что недѣйствительно по всему своему составу? а таково, какъ мы знаемъ, время...

Какъ бы мы ни переворачивали эти вопросы и недоумѣнія, изъ нихъ, очевидно, нѣтъ выхода съ точки зрѣнія феноменистическихъ посылокъ. Мы вновь должны прибѣгнуть къ фактору, предположеніе о которомъ оказалось неизбѣжнымъ въ аналогичныхъ вопросахъ о *длительности* и *относительности* психическихъ состояній, — къ сверхвременному (и, стало быть, субстанціальному) субъекту нашего сознанія. Мнѣ уже однажды приходилось защищать тотъ тезисъ, что сознаніе реальности времени есть самое очевидное, самое точное, самое безспорное доказательство сверхвременной природы нашего я *). Если вспомнимъ, что было сказано раньше о природѣ явленій вообще, объ ихъ отношеніи къ времени и о природѣ самого времени, мы поймемъ неизбежность такого вывода. Для насъ теперь ясно, что еслибы душевная жизнь и сама душа представляли простую чреду состояній, то существованіе каждаго изъ нихъ должно было бы ограничиваться тѣмъ мгновеніемъ; въ которое оно дано, но не могло бы содержать моментовъ, уже протекшихъ или еще не возникшихъ. Для насъ далѣе должно быть ясно, что если, при отрицательной природѣ времени, все въ немъ данное непрерывно исчезаетъ, то само время для этого въ немъ даннаго не можетъ представить реальнаго объекта воспріятія, какъ нѣкоторое цѣлое, растянутое въ прошломъ и будущемъ. А это значитъ, что время не можетъ быть сознано и понято тѣмъ, что само временно. Для сознанія времени нужно, чтобы во временномъ процессѣ стояло нѣчто такое, что имъ не поглощается и въ немъ не исчезаетъ и что поэтому можетъ находиться въ положительномъ отношеніи къ его различнымъ моментамъ. Если можно такъ выразиться, сознаніе времени есть *субстанціальная функція* души.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ единую субстанціаль-

*) „Положит. задачи фил.“ ч. II, стр. 298.

ную силу, которая является постояннымъ источникомъ многообразныхъ дѣйствій, что вполне отвѣчало бы самому понятію о ней, потому что сила, не обнаруживающая себя ни въ какихъ дѣйствіяхъ, не была бы силою; эта сила, вслѣдствіе своей субстанціальной природы, очевидно, не можетъ истощаться и уничтожаться въ своихъ отдѣльныхъ актахъ, она должна постоянно переходить все къ новымъ проявленіямъ, и эти проявленія всего скорѣе придется мыслить въ формѣ разнообразныхъ отношеній и соприкосновеній съ внѣшними ей силами. Допустимъ далѣе, согласно принципу соотносительности, что эта сила существуетъ не внѣ своихъ состояній и дѣйствій, а пребываетъ въ каждомъ изъ нихъ, какъ въ положительномъ внутреннемъ опредѣленіи своего развитія, и перейдя къ новому опредѣленію, не перестаетъ быть пережившею, воспринявшею и видоизмѣнившеюся чрезъ предшествующее, и что, съ другой стороны, приобретенное ею новое опредѣленіе не есть для нея что-нибудь окончательное, но, вслѣдствіе присущей ей активности, она непрерывно стремится къ проявленіямъ все болѣе новымъ. Въ такихъ предположеніяхъ не только нѣтъ логическаго противорѣчія, но всякую причинность въ мірѣ мы, въ сущности, понимаемъ лишь по этой аналогіи *). Теперь вообразимъ, что эта индивидуально существующая субстанціальная сила воспринимаетъ сама себя такъ, какъ она есть: очевидно, у нея должна получиться и *память*, какъ сознаніе реальности прошлыхъ состояній въ ихъ истинномъ порядкѣ, и *воспріятіе времени*, какъ различіе между пережитымъ и тѣмъ, что переживается, и какъ постоянное предвосхищеніе будущаго и стремленіе къ нему. Другими словами, память и сознаніе времени суть а ргіогі необходимые атрибуты дѣятельной субстанціи, сознающей себя. И можно сказать наоборотъ, что для ея сознанія не оказалось бы никакого другого содержанія, кромѣ ея собственнаго тождества въ чредѣ разнообразныхъ состояній и актовъ.

*) „Положит. зад. фил.“, ч. II, гл. III.

Итакъ, мы опять возвращаемся къ той истинѣ, что единство нашего сознанія есть не производный, но основной фактъ психической жизни; это не продуктъ прихотливой игры явленій въ насъ, а коренное условіе самой возможности какихъ бы то ни было субъективныхъ явленій вообще. Значеніе этой истины глубоко понималъ Кантъ, когда создавалъ свою теорію *трансцендентальной апперцепціи*. Непрерывно воспринимая и переживая свое внутреннее тожество въ разнообразіи состояній, мы тѣмъ самымъ сознаемъ, что мы не только *есть*, но *были и будемъ*. Сознаніе этого длящагося тожества раскрывается для насъ въ каждомъ малѣйшемъ нашемъ актѣ, и самое сознаніе времени есть только его обобщенная форма. Несомнѣнно, на этомъ же корнѣ вырастаетъ и наше сознаніе своей личности. Поэтому, единство сознанія дѣйствительно можно назвать *трансцендентальнымъ фактомъ* внутренняго опыта.

Напротивъ, если мы отвергнемъ это сверхвременное единство нашего *я*, какъ реальное данное душевной жизни, то сознаніе времени окажется невозможнымъ даже въ качествѣ *иллюзіи*. Такой иллюзіи тогда просто неоткуда взяться. Я уже не говорю о томъ, что взглядъ на время, какъ на простую иллюзію, немедленно опровергаетъ самъ себя во всякой попыткѣ его продумать,—ибо каждый процессъ мысли въ насъ, самымъ своимъ совершеніемъ, тотчасъ же обнаруживаетъ свой длительный характеръ.

Такимъ образомъ, фактъ памяти, въ виду его наглядности, представляетъ какъ бы *ex regimento crucis* въ спорѣ между *феноменистическимъ* и *субстанціалистическимъ* взглядомъ на душу. Онъ явно невозможенъ, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе существенныхъ своихъ особенностяхъ,—при первомъ, онъ а ргіогі необходимъ при второмъ. Если для воззрѣнія на душу, какъ на сверхвременное существо, является какое затрудненіе при объясненіи феноменовъ памяти, то совсѣмъ съ другой стороны: оно заключается въ ограниченности нашей памяти и въ тѣсной зависимости ея процессовъ отъ весьма сложныхъ условій. Мы далеко не

все вспоминаемъ изъ нашего прошлаго и далеко не одинаково вспоминаемъ въ разные моменты нашей жизни,—наша способность воспроизводить пережитыя впечатлѣнія капризно мѣняется вмѣстѣ съ состояніемъ нашего здоровья, настроеніемъ, возрастомъ и т. д. Даже въ самыя свѣтлыя минуты воспоминаніе объ очень многихъ вещахъ окружено для насъ непобѣдимыми препятствіями. Правда, существуютъ весьма интересные рассказы о томъ, какъ нѣкоторые люди, въ моменты крайней опасности, припоминали всю свою прошлую жизнь въ малѣйшихъ подробностяхъ, и она вставала передъ ними вся, въ одной цѣльной картинѣ. Однако, о подобныхъ фактахъ мы знаемъ только изъ передачи лицъ, ихъ испытавшихъ, притомъ сдѣланной уже тогда, когда они сами не могли ясно воспроизвести для себя пережитаго ими чрезвычайнаго состоянія, и слѣдовательно могли дѣлать ему ошибочную оцѣнку. Наконецъ, кромѣ сейчасъ указанныхъ недостатковъ нашей способности воспоминанія въ ея обычной дѣятельности, слѣдуетъ имѣть въ виду многочисленные случаи *обмановъ* памяти, наблюдаемые не только у людей больныхъ, но и у вполне нормальныхъ.

Вообще нельзя не отмѣтить того весьма важнаго пункта, что явленія памяти имѣютъ характеръ *опосредствованный*, и въ этомъ ихъ существенное различіе отъ воспріятія длительныхъ психическихъ состояній каждаго въ отдѣльности. Соображенія, приведенныя раньше, заставляютъ думать, что эти отдѣльныя состоянія мы сознаемъ безъ всякихъ воспроизводящихъ посредствъ, прямо объединяя ихъ послѣдовательные моменты въ одно психическое цѣлое. Напротивъ, въ явленіяхъ памяти мы не воспринимаемъ прошлаго прямо, хотя и сознаемъ его реальность; мы его воспроизводимъ *чрезъ посредство* воспоминаній, которыя во всякомъ случаѣ представляютъ изъ себя факты текущей минуты. Мы только проецируемъ свои воспоминанія назадъ, но предъ нашимъ сознаніемъ не стоятъ самыя прошлыя событія. Какъ объяснить это различіе?

По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что при объясненіи

фактовъ памяти представляются три *гипотезы*: 1) Гипотеза *феноменистическая*. Если отвлечься отъ общихъ противорѣчій феноменизма, она до извѣстной степени объясняетъ механизмъ возникновенія воспоминаній въ каждый данный моментъ; но она совершенно бессильна объяснить наше сознание реальности прошлаго,—постоянно совершаемое нами *узнаніе* въ образахъ настоящаго дѣйствительно бывшихъ фактовъ. 2) Гипотеза *спиритуалистическая*, признающая душу за единую, неизмѣнную субстанцію, въ которой все ею испытанное остается навсегда въ томъ самомъ порядкѣ, какъ оно было пережито. Приблизительно такъ смотритъ на явленія памяти, наприм., Лотце. Эта гипотеза хорошо объясняетъ единство нашего сознания и факты узнанія прошлаго въ настоящемъ, но она совершенно неспособна дѣйствительно растолковать сейчасъ указанную ограниченность, связанность и условность явленій памяти. 3) Гипотеза *непрерывнаго взаимодействія души и тѣла*. Она могла бы слагаться изъ слѣдующихъ соображеній. Нашъ духъ въ самомъ дѣлѣ есть сверхвременное субстанціальное существо, и поэтому все, что имъ было пережито и воспринято, хранится въ немъ, объединенное въ стройную, послѣдовательную картину. Но эта картина отражается въ его самосознаніи только въ очень тускломъ, смутномъ и слитномъ,—такъ сказать *сжатомъ*,—видѣ. Собственно говоря, въ этомъ случаѣ мы даже имѣемъ не сознание въ строгомъ смыслѣ, а скорѣе только неопредѣленное общее чувство или *темный инстинктъ* прошлаго. Чтобы какое-нибудь воспоминаніе выдѣлилось изъ этого совершенно слитнаго состоянія, нужно, чтобы оно облеклось въ чувственно-наглядный образъ; а для этого необходимо, чтобы повторилось соответствующее ему впечатлѣніе, если не въ формѣ реальнаго ощущенія, то по крайней мѣрѣ въ формѣ его ослабленнаго и субъективнаго воспроизведенія. Тогда духъ инстинктивно угадаетъ реальное значеніе этого образа и оцѣнитъ его, какъ символъ прошлой дѣйствительности. Между тѣмъ все, что мы знаемъ о психическихъ процессахъ въ насъ, застав-

яеть думать, что для такого воспроизведенія впечатлѣній, — какъ въ ихъ прежней интенсивности, такъ и въ видѣ ихъ ослабленнаго повторенія въ субъективныхъ образахъ воспоминанія, — одинаково бывають нужны особыя физиологическія условія. Отсюда вытекають зависимость феноменовъ памяти отъ чисто внѣшнихъ и случайныхъ обстоятельствъ, возможныя въ нихъ aberrации и т. д. Черезъ это вообще вопросъ о психологическомъ и физиологическомъ механизмѣ нашихъ воспоминаній получаетъ первостепенное значеніе. Можно сказать, что въ явленіяхъ памяти наша душа болѣе наглядно подчинена физической организаціи, чѣмъ въ какихъ-нибудь другихъ.

Конечно, сейчасъ изложенный взглядъ есть только гипотеза, но повидимому ее должно признать за единственную гипотезу, въ которой дѣйствительно примиряются трансцендентальные факты сознанія нашего единства и реальности времени съ тѣсною зависимостью законовъ памяти отъ физиологическаго строенія организма. Объ этой гипотезѣ мнѣ придется гораздо подробнѣе говорить въ моемъ слѣдующемъ рефератѣ, — теперь укажу только, что ея болѣе трудный пунктъ заключается въ предположеніи темнаго и слитнаго сознанія, какъ очень важнаго фактора духовныхъ операций. Однако, можемъ ли мы совсѣмъ обойтись безъ этого предположенія, — даже и помимо вопроса о природѣ памяти? Психологи повидимому, слишкомъ ограничивають область сознаваемаго, останавливаясь только на томъ, что сознается ясно и отчетливо, и черезъ это даютъ явно одностороннее описаніе состава душевной жизни. Еслибъ мы настоящимъ образомъ оцѣнили огромную роль слитно чувствуемаго въ психическихъ процессахъ, мы убѣдились бы, что существуетъ гораздо больше степеней сознанія, чѣмъ мы привыкли думать. Обратимъ вниманіе хотя бы на то обстоятельство: въ каждую единицу времени въ насъ присутствуютъ очень немногія раздѣльныя представленія (многіе психологи и теперь увѣрены, что не болѣе одного), а между тѣмъ мы имѣемъ сознаніе о нашей

личности, о всей нашей прошлой жизни въ ея связныхъ и разнообразныхъ перипетіяхъ,—мы испытываемъ настроенія, отвѣчающія нашей общей оцѣнкѣ прошлаго, и составляемъ вытекающіе изъ нея планы о будущемъ. Или возьмемъ не менѣе краснорѣчивую область нашей отвлеченной мысли: въ каждомъ общемъ утвержденіи мы охватываемъ въ своемъ пониманіи неограниченное множество предметовъ, а многіе ли изъ нихъ ясно представляются нами? Куда было бы вставить эти факты, еслибы въ самомъ дѣлѣ вся жизнь сознанія всецѣло ограничивалась наличнымъ присутствіемъ немногихъ случайныхъ представлений въ каждую данную минуту? Скажемъ ли, что рядомъ съ весьма ограниченою областью сознанія существуетъ огромная область представлений, совсѣмъ безсознательныхъ, и что разсматриваемыя явленія относятся къ ней? Но вѣдь мы сознаемъ свою личность и свое прошлое и сознаемъ отвлеченный характеръ нашихъ мыслей,—въ чемъ же поможетъ намъ безсознательное, когда его единственный понятный намъ признакъ только въ томъ и состоитъ, что оно *не сознается*? Между тѣмъ въ психологіи вопросы этого рода едва лишь намѣчены.

V.

Итакъ, *единство сознанія* и связанное съ нимъ *сознаніе реальности времени* суть трансцендентальные факты нашего внутренняго опыта: въ нихъ мы непосредственно воспринимаемъ внутреннее тожество нашего сознающаго существа и они представляютъ нѣчто въ самомъ строгомъ смыслѣ первоначальное въ нашей душевной жизни. Они условіе опыта, а никакъ не его продуктъ: все, что входитъ въ нашъ опытъ, какъ его составной элементъ, неизбежно пропускается черезъ ихъ призму и иначе не могло бы принадлежать къ опыту. Поэтому нѣтъ болѣе ложнаго приѣма психологическаго анализа, какъ пытаться ихъ выводить изъ какихъ-нибудь простѣйшихъ данныхъ, каковы законы ассоціаціи идей, процессы абстракціи и т. д. Напротивъ, въ нихъ мы имѣемъ факты и самыя широкіе по свое-

му захвату, обнимающіе всѣ изгибы душевной жизни, и самые простые и элементарные, потому что они присутствуютъ уже въ самомъ простомъ ощущеніи, какъ его неустранимое условіе и основа.

Къ этимъ трансцендентальнымъ фактамъ слѣдуетъ прибавить еще одинъ: сознаніе нашей *активности*. Несомнѣнно, онъ тѣсно слитъ съ двумя первыми: мы только черезъ то и сознаемъ свое единство, что объединяемъ (синтезируемъ) многообразныя впечатлѣнія въ непрерывномъ внутреннемъ тождествѣ нашего сознанія, а такое объединеніе и синтезированіе, очевидно, представляютъ собою *дѣятельность* нашего субъекта. Что въ этой дѣятельности непосредственно выражается единая субстанціальная основа сознанія, ясно изъ того уже, что чрезъ нее только и реализуется ея единство: не будь въ насъ этой синтезирующей дѣятельности, у насъ не было бы и никакого единого сознанія. Вообще, какъ мы въ этомъ неоднократно могли убѣдиться, субстанція, по самому своему понятію, прежде всего есть дѣятельная сила своихъ явленій, которая въ нихъ многообразно осуществляется и связываетъ ихъ между собою. Слѣдовательно, если мы въ самомъ дѣлѣ воспринимаемъ субстанцію нашего духа, мы должны непосредственно воспринимать его дѣятельность.

Я не хочу здѣсь повторять много разъ высказанныхъ мною соображеній о томъ, что *активность* есть дѣйствительное свойство сознанія, котораго никоимъ образомъ нельзя растолковать, какъ простую иллюзію, выросшую на почвѣ чисто-пассивныхъ состояній. Роль дѣятельнаго синтеза въ возникновеніи даже простѣйшихъ психическихъ феноменовъ даетъ самое рѣшительное подтвержденіе такой оцѣнкѣ. Но область проявленій нашей активности, конечно, не ограничивается только этою способностью первоначальнаго синтеза. Не говоря уже о проявленіяхъ нашей волевой дѣятельности, я хотѣлъ бы теперь напомнить тѣ выводы о значеніи активности въ процессахъ мышленія, къ которымъ я пришелъ въ одномъ изъ моихъ рефератовъ про-

шлыхъ годовъ *): самодѣтельность нашего сознанія,—при этомъ непремѣнно сознаваемая и воспринимаемая, какъ такая,—есть основа и необходимый ингредиентъ нашего пониманія различій между прошлымъ и будущимъ, нашего противоположенія дѣйствительнаго возможному, нашего мышленія всякихъ отвлеченныхъ идей, наконецъ такихъ эмоцій, какъ ожиданіе, страхъ, надежда. Къ этому мы можемъ прибавить, что въ живомъ сознаніи пребывающаго единства нашего дѣятельнаго я мы имѣемъ всегда присущій нашему уму оригиналь наиболѣе важныхъ категорій нашей мысли—*субстанціальности и причинности*. Несомнѣнно, этимъ категоріямъ принадлежитъ исключительное значеніе въ построеніи объективной науки, и тѣмъ не менѣ ихъ психологическое происхожденіе и мотивы ихъ господства надъ нашимъ разумомъ до сихъ поръ составляютъ камень преткновенія для психологовъ.

Итакъ, наше я или наша душа раскрывается въ нашемъ опытѣ, какъ единая, пребывающая, дѣятельная субстанція, которая сознаетъ себя въ этихъ качествахъ. Эти свойства не приписываются нами ей по недоразумѣнію или невольной иллюзіи, — они представляютъ одновременно и условія, и неустранимые элементы содержанія нашей душевной жизни. Въ опытѣ нашего сознанія мы всегда имѣемъ дѣло съ его субстанціальнымъ носителемъ и, воспринимая явленія духа, мы воспринимаемъ самый духъ, поскольку онъ реализуется черезъ нихъ въ своихъ подлинныхъ признакахъ.

Но эти свойства—единство, пребываніе, активность—не представляются ли слишкомъ общими и отвлеченными? Не должны ли мы, рядомъ съ ними, допустить еще другія, о которыхъ мы уже не имѣемъ непосредственнаго знанія изъ опытныхъ данныхъ и которыя тѣмъ не менѣ такъ же реальны, какъ и тѣ, о которыхъ мы говорили? Не придется

---

*) „Подвижныя ассоціаціи представленій“. „Вопросы Филос. и Псих.“, 1893, сентябрь.

ли тогда утверждать вмѣстѣ съ Кантомъ, что духъ, какъ вещь въ себѣ, отъ насъ скрытъ, что для его представленія у насъ не оказывается никакой наглядной интуиціи и что поэтому мы приближаемся къ его пониманію только въ безсодержательныхъ абстракціяхъ?

Правы ли будутъ тѣ, кто сдѣлаетъ этотъ упрекъ? Ско-рѣе въ немъ можно видѣть примѣръ того, какъ иногда за-путываются самыя ясныя проблемы неосторожною поста-новкой неумѣстныхъ требованій. Если выводы, сдѣланные нами до сихъ поръ, справедливы, то мы можемъ съ полною увѣренностью сказать, что имѣемъ конкретную интуицію нашего духа,—она дана намъ во всей совокупности нашей душевной жизни и въ каждомъ ея отдѣльномъ актѣ. Но о духѣ, взятомъ отвлеченно отъ всѣхъ его проявленій, мы дѣйствительно не имѣемъ нагляднаго представленія, — по той простой причинѣ, что онъ и есть только *отвлеченность*. О наглядномъ образѣ здѣсь тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи, что всякій наглядный образъ есть уже опредѣленный психическій продуктъ, который не могъ бы явиться, еслибъ единство, сверхвременное пребываніе и активность нашего сознающаго субъекта не были уже даны, какъ условія его возникновенія.

Косвеннымъ подтвержденіемъ сейчасъ сдѣланныхъ замѣ-чаній можетъ служить тотъ фактъ, что, анализируя наши понятія о какомъ бы то ни было субстанціальномъ бытіи, мы найдемъ въ немъ признаки аналогичные тѣмъ, которые доставляетъ намъ наше самосознаніе, но не отыщемъ ни-какихъ другихъ. Съ перваго взгляда дѣло представляется иначе: наприм., когда вопросъ ставится хотя бы о матеріаль-номъ атомѣ, мы въ идеяхъ о непроницаемости, инерціи, про-тяженности, величинѣ, фигурѣ, повидимому, имѣемъ вполне наглядный матеріалъ для конкретной интуиціи. Однако, от-бросимъ въ этихъ идеяхъ то, что въ нихъ есть субъек-тивно-чувственнаго,—что останется тогда отъ нихъ, кромѣ предположенія о различныхъ способахъ дѣйствія силъ, устанавливающихъ бытіе атома: сопротивленія, стремленія

пребывать въ каждомъ пріобрѣтенномъ состояніи,—и о предѣлахъ проявленія этихъ силъ, потому что протяженность, величина, фигура обозначаютъ только границы постоянной сферы, въ которыхъ атомъ непроницаемъ для другихъ тѣлъ? Но эти изначальныя силы атома сами по себѣ, въ своихъ внутреннихъ опредѣленіяхъ, очевидно, уже не имѣютъ внѣшняго облика, потому что всякій такой обликъ выражаетъ форму ихъ дѣйствія на окружающій міръ и, слѣдовательно, представляетъ лишь относительное явленіе. Допустимъ гипотетически, что атомъ обладаетъ рудиментарнымъ самочувствіемъ и воспринимаетъ свою внутреннюю дѣйствительность: онъ будетъ сознавать себя, какъ пребывающій центръ многообразныхъ отношеній и дѣйствій, но все же о себѣ, какъ дѣятельномъ источникѣ внутреннихъ силъ, онъ не получитъ никакого нагляднаго, объективнаго образа, потому что, какъ мы сейчасъ видѣли, у него *и нѣтъ этого образа*. Не будемъ же требовать и отъ своей души того, чего не можемъ приписать даже въ отвлеченной схемѣ никакому сознающему центру.

Л. Лопатинъ.

Памяти Н. Н. Страхова *).

Къ характеристикѣ его философскаго міросозерцанія.

„Есть старинное ученіе, что та же дверь, которая ведетъ въ глубину нашего сердца, ведетъ и въ область божественныхъ силъ. Это—прекрасное и истинное ученіе; на этомъ пути нужно искать Бога, а не въ четвертомъ измѣреніи пространства“. (Страховъ „Вѣчныя истины“, стр. 56).

Крайне малочисленный еще кружокъ русскихъ философовъ, сплотившійся въ послѣдніе годы для общей работы въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“, понесъ недавно тяжелую и незамѣнимую утрату въ лицѣ скончавшагося въ Петербургѣ 24 января 1896 г., на 68 году жизни, Николая Николаевича Страхова.

Два года назадъ, по предложенію нѣкоторыхъ московскихъ философовъ, Психологическое Общество избрало Н. Н. своимъ почетнымъ членомъ, одновременно съ графомъ Л. Н. Толстымъ. Значеніе Н. Н. Страхова слѣдующимъ образомъ было охарактеризовано въ запискѣ московскихъ психологовъ: „Человѣкъ разносторонне и широко образованный, мыслитель тонкій и глубокій, замѣчательный психологъ и эстетикъ, Н. Н. Страховъ представляетъ и какъ личность выдающіяся черты — стойкостью своихъ убѣжденій, тѣмъ, что онъ никогда не боялся идти противъ господству-

---

*) Рефератъ, читанный въ Московскомъ Психологическомъ обществѣ.

ющихъ въ наукѣ и литературѣ теченій, возставать противъ увлеченій минуты и выступать на защиту тѣхъ крупныхъ философскихъ и литературныхъ явленій, которыя въ данную минуту подвергались гоненію и осмѣянію. Какъ писатель, Н. Н. Страховъ отличается выдающимися достоинствами: тщательная литературная отдѣлка его сочиненій, ясность стиля, осторожность приговоровъ и спокойное логически-последовательное изложеніе—таковы выдающіяся качества его, какъ литератора. Какъ философъ, Н. Н. является оригинальнымъ представителемъ особаго міросозерцанія, при-мыкающаго къ лѣвой фракціи гегеліанства,—міросозерцанія, въ которомъ онъ съ замѣчательной своеобразностью и тонкостью логическаго анализа старается примирить начала современнаго научнаго реализма съ идеалистическими принципами отвлеченной философіи. Какъ политическій мыслитель, Н. Н. всегда писалъ въ духѣ и въ защиту славянофильства“.

Думаемъ, что въ этихъ немногихъ словахъ правильно были выражены выдающіяся черты личности покойнаго Н. Н. Страхова. При мягкомъ и необыкновенно уравновѣшенномъ характерѣ, Н. Н. былъ настоящимъ философомъ не только въ писаніяхъ своихъ, но и въ скромной своей жизни, и потому можно было рассчитывать еще на продолженіе его плодотворной 40-лѣтней литературной дѣятельности. Но въ послѣдніе два года Н. Н. Страховъ началъ серьезно хворать, вынесъ весною 1895 г. тяжелую операцію и осенью чувствовалъ себя уже „не тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ прежде“.

Въ ноябрѣ Н. Н. началъ писать для нашего журнала давно обѣщанную имъ статью „О естественной системѣ съ логической стороны“, гдѣ думалъ выразить самыя интимныя свои убѣжденія, касающіяся философіи природы, но 8 декабря 1895 г. онъ писалъ намъ: „Прежде всего долженъ просить у васъ прощенія: я не могу приготовить своей статьи и къ слѣдующей (январьской) книгѣ журнала. Статья начата и я пишу ее съ большимъ стараніемъ; но не могу преодолѣть какой-то

тяжести головы и пера,—ну, однимъ словомъ, статья не будетъ вамъ послана къ 15 декабря. Однако, я ее допишу и *твердо* обещаю прислать ее къ мартовской книжкѣ, то-есть въ концѣ января. Она будетъ *меньше* двухъ листовъ (и это *твердо*)“. Н. Н.—чу не суждено было исполнить своего твердаго обѣщанія; статья его, можетъ быть, уже почти готовая, вѣроятно, не попадетъ въ тотъ журналъ, для котораго она была предназначена—Н. Н. такъ быстро заболѣлъ и такъ неожиданно скончался, что не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій на случай смерти. Про Страхова можно сказать почти то же, что Цицеронъ (на основаніи древнихъ біографовъ) рассказываетъ о Платонѣ: *scribens est mortuus* (онъ умеръ во время писанія); предъ смертью ему стало немного легче и послѣднія слова его были: „ну, теперь я отдохнулъ и пойду писать“.

Н. Н. Страховъ былъ *писателемъ* по преимуществу—писателемъ-художникомъ, любившимъ и глубоко чтившимъ слово, какъ орудіе мысли и творчества. Онъ не былъ самъ художникомъ-творцомъ, но за то—кто лучше Страхова понималъ красоты художественныхъ произведеній, красоту поэзии и творчества? Въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ и книгахъ „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“, „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“ и др., Страховъ обнаружилъ рѣдкое умѣнье правдиво оцѣнивать художественное значеніе старыхъ и новыхъ, еще никѣмъ не отмѣченныхъ произведеній изящной литературы, ставить ихъ сразу на надлежащее мѣсто, точно опредѣлять своеобразное значеніе художника-писателя, выяснять особый родъ его таланта и растолковывать его сильныя и слабыя стороны. Въ этихъ своихъ критико-литературныхъ трудахъ Страховъ всего извѣстнѣе и доступнѣе большой публикѣ, но сколько нужно было и собственныхъ дарованій, и философскаго и научнаго развитія, чтобы стать такимъ чуткимъ и глубокимъ критикомъ, какимъ былъ Н. Н!

По роду своего таланта Страховъ былъ именно и по пре-

имуществу писателемъ-критикомъ,—критикомъ не только въ области поэзіи и изящной литературы, но и въ области философіи, точной науки и доктринъ политическихъ, повсюду почти одинаково компетентнымъ, тонкимъ и проницательнымъ. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ еще полной свободы слова, всякому критику, съ какимъ бы ни было міросозерпаніемъ, живется тяжело: ремесло его неблагодарное. Онъ создаетъ себѣ часто враговъ только вслѣдствіе неизбѣжныхъ недомолвокъ, умолчаній и предосторожностей. И несомнѣнно, что Страховъ раздѣлялъ участь всѣхъ русскихъ писателей—невозможность иногда высказаться вполне, до конца—и долженъ былъ терпѣливо выносить происходившія отсюда недоразумѣнія, видѣть непониманіе своихъ намѣреній и замысловъ, терпѣть упреки въ двуличіи и политическое заподозриваніе—иногда даже въ ретроградныхъ тенденціяхъ. Но кто зналъ Страхова ближе и внимательно слѣдилъ за его литературною дѣятельностью въ разныя эпохи, долженъ признать, что эти упреки несправедливы уже потому, что Страховъ оставался вѣренъ своему основному міросозерпанію въ теченіе всей своей жизни, каковы бы ни были въ данную эпоху литературныя, философскія и политическія вѣянія. И замѣчательно, что Страхову приходилось быть всегда въ оппозиціи именно къ тѣмъ теченіямъ мысли, которыя были въ данное время наиболѣе модными, властными. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ онъ велъ борьбу и полемику съ Писаревымъ, Лавровымъ, Антоновичемъ, Чернышевскимъ, Герценомъ, въ 80-хъ и 90-хъ—съ дарвинистами, Вл. С. Соловьевымъ и съ противниками философскаго и религіознаго міросозерпанія Л. Н. Толстого, хотя отлично зналъ, что извѣстная его статья „Толки объ Л. Н. Толстомъ“*), въ періодъ самаго горячаго гоненія на этого писателя со стороны консервативной прессы, не могла понравиться и въ официальныхъ кругахъ. По поводу этой статьи онъ писалъ намъ 30 мая 1891 года слѣдующее: „У меня есть статья

*) „Вопросы Философіи и Психологіи“, 1891 г., кн IX, стр. 98—132 (II отдѣла).

«Толки объ Л. Н. Толстомъ», которую я напрасно пытался напечатать въ разныхъ журналахъ. Хотя она написана вполнѣ цензурно, редакторы боялись привязки цензуры... Не возможно ли будетъ напечатать ее въ *Вопросахъ*? Собственно, *Вопросы* обязаны употребить всѣ усилія для напечатанія этой статьи... Точный взглядъ на нашего великаго писателя, изложенный у меня, долженъ быть принятъ въ журналъ, какъ исполненіе неотложной обязанности... Мнѣ было бы очень пріятно помѣщеніе ея въ *Вопросахъ*, у которыхъ есть публика довольно хорошая... Самое почтенное для моей статьи мѣсто—вашъ журналъ“... Конечно, редакція «Вопросовъ Филос. и Психол.» съ удовольствіемъ согласилась на напечатаніе талантливой статьи Н. Н. и употребила всѣ усилія для помѣщенія ея въ надлежащемъ видѣ.

Во многихъ письмахъ къ намъ Н. Н. Страховъ жаловался, что всю жизнь ему приходилось вести борьбу съ редакторами журналовъ *) и съ цензурой изъ-за точной печатной передачи его мыслей, и въ 1890 году (въ письмѣ отъ 27 ноября) онъ написалъ намъ слѣдующія характерныя признанія: „Тридцать пять лѣтъ я пишу подъ цензурой и, можно сказать, ежеминутно чувствую отъ нея стѣсненіе... Съ цензурой нужно бороться, но переносить ее необходимо. Всѣ мы ее терпимъ и должны сказать себѣ, что будемъ работать, что бы она съ нами ни дѣлала... Хуже будетъ, если перестанемъ писать“ **). Какъ политическій мыслитель, Н. Н. Страховъ принадлежалъ, въ общемъ, какъ было сказано, къ лагерю славянофиловъ, вслѣдствіе чего могъ сравнительно свободно высказываться, но и тутъ ему приходилось мно-

*) „Еще недавно пострадали: моя статейка объ Ап. Григорьевѣ и письмо объ Аеонѣ... Всегда я съ этимъ боролся и всегда немножко обижался“, писалъ онъ намъ въ сентябрѣ 1891 г.

***) Конечно, Н. Н. разумѣлъ, главнымъ образомъ, ту бѣду, которая произошла съ нимъ въ самую либеральную эпоху—въ 1863 г., когда за статью его „Роковой вопросъ“ подверглось запрещенію „Время“, послѣ чего московская цензура нѣкоторое время не пропускала ни одной строки Страхова (см. письмо Каткова, напечатанное во 2-мъ изданіи I части соч. „Борьба съ западомъ“, стр. 134). См. упоминаемую ниже статью Я. Н. Колубовскаго.

гаго не договаривать. По поводу одного письма къ нему объ этомъ предметѣ онъ выразился такъ *): „Одной только черты вы, къ сожалѣнію, не помянули въ мою защиту, и я рѣшаюсь самъ ее заявить—на всякій случай. Всякаго славянофила подозрѣваютъ въ томъ, что онъ сочувствуетъ деспотизму и питаетъ ненависть къ иноземцамъ. И вотъ я хочу сказать, что я, какъ бы ни былъ грѣшенъ въ другихъ отношеніяхъ, отъ этихъ грѣховъ свободенъ. У меня нѣтъ ни одной страницы антилиберальной, ни одного слова ненависти къ евреямъ, католикамъ и т. п. Не отличался я горячею проповѣдью любви и терпимости, но самъ уберегся отъ ихъ нарушенія“. Говоря въ другомъ письмѣ (20 сент. 1890 г.) о нѣкоторыхъ писателяхъ, рѣзко нападавшихъ на Л. Н. Толстого, Н. Н. писалъ: „О, избавь Господь православіе отъ такихъ защитниковъ! Они стоятъ за вѣру, а потому разрѣшаютъ себѣ всякое извращеніе и неуваженіе чужихъ мнѣній; они стоятъ за нравственность, а потому считаютъ долгомъ быть рѣзкими и грубыми...“ И если 5 февраля 1894 года, узнавъ объ избраніи его въ почетные члены Московскаго Психологическаго Общества, которое его очень утѣшило, Н. Н. Страховъ писалъ намъ: „На моей могилѣ можно будетъ, конечно, написать: *одинъ изъ трезвыхъ между угорьлыми*, но дальнѣйшія похвалы подлежатъ еще большому вопросу“,—то въ этой самооцѣнкѣ едва ли кто-нибудь усмотритъ излишнее самохвальство.

Выражая крайнее свое негодованіе по поводу статьи одного умершаго уже писателя о нравственномъ ученіи Л. Н. Толстого, Страховъ пишетъ (27 сент. 1890 г.): „Ну, какъ дойти до мысли, что любовь къ людямъ, проповѣдуемая Толстымъ, ни съ какою нравственностью ничего общаго не имѣетъ? Что его критика *всего нашего бытія* (быта—что ли?) *представляетъ совершенное отсутствіе оснований?*—Слова: *зло, дикость, негодованіе* и т. п., прилагаемая къ ученію Толстого, меня возмутили, особенно когда тутъ же упоминается о множествѣ *превос-*

*) Въ письмѣ отъ 13 марта 1894 г.

ходныхъ статей, остроумныхъ мыслей, глубокихъ мыслителей, идущихъ противъ Толстого... О томъ, что проповѣдь Толстого имѣеть христіанскій характеръ, ни слова не сказано. А выходитъ, что статья г. Н написана прямо противъ христіанства, предписывающаго именно самоотверженіе, подавленіе эгоизма... Въ коротенькомъ письмѣ трудно высказать мою мысль вполнѣ. У Толстого такое страшное обиліе содержанія—если не рѣшеній, то вопросовъ, что сводить его ученіе на бессмыслицу нѣтъ ничего похвальнаго“...*) По поводу статьи Л. Н. Толстого «Первая ступень», напечатанной въ *Вопросахъ*, Н. Н. Страховъ писалъ черезъ 2 года (6 мая 1892 г.): „Статья Л. Н. Толстого удивительна. Несмотря на разныя крайности и парадоксальности, вы чувствуете такое живое нравственное стремленіе, что оно заражаетъ васъ. Серьезность и чистота мысли—великое, незамѣнимое дѣло“.

Мы нарочно привели всѣ эти отрывки изъ писемъ Н. Н. Страхова, чтобы охарактеризовать прежде всего внутреннюю, интимную сторону его писательской дѣятельности, и теперь намъ легче будетъ, опираясь на слова самого покойнаго писателя, дать общую характеристику его личности, міросозерцанія и значенія его литературной дѣятельности.

Н. Н. Страховъ происходилъ изъ духовнаго званія: сынъ протоіерея и преподавателя словесности въ бѣлгородской семинаріи, Н. Н. родился 16 октября 1828 г. въ Бѣлгородѣ, Курской губ. Девяти лѣтъ онъ потерялъ отца и жилъ затѣмъ у дяди, ректора семинаріи, сначала въ Каменецъ-Подольскѣ, а потомъ въ Костромѣ, гдѣ и окончилъ курсъ семинаріи (философское отдѣленіе), послѣ чего въ 1844 г. поступилъ сначала въ Петербургскій университетъ на факультетъ камеральныхъ наукъ, а затѣмъ оттуда перешелъ черезъ два года, по недостатку средствъ, въ главный педагогическій институтъ, гдѣ кончилъ курсъ по физико-математическому отдѣленію въ 1851 году. Послѣ этого, въ тече-

---

*) Всѣ курсивы принадлежатъ самому Н. Н.

ніе 10 лѣтъ, Н. Н. былъ учителемъ физики и математики сначала въ Одессѣ, а затѣмъ во 2-й Петербургской гимназіи. Въ 1857 г. Н. Н. приобрѣлъ степень магистра зоологіи, а съ 1861 г. вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя литературной дѣятельности, сотрудничалъ въ *Эпохѣ*, *Времени*, потомъ въ *Библиотекѣ для чтенія*, *Отечественныхъ Запискахъ*, *Зарѣ*, позднѣе въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Руси*, *Новомъ Времени*, *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ *Вопросахъ Философіи* и *Психологіи* и многихъ другихъ изданіяхъ.

Всѣ свои статьи, разсѣяныя въ журналахъ, Н. Н. тщательно собиралъ, пересматривалъ и печаталъ затѣмъ въ формѣ сборниковъ и отдѣльныхъ сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторые успѣли уже выдержать 2—3 изданія. Служба Н. Н.—сначала библиотечаремъ въ Императорской публичной библиотекѣ (съ 1873 по 1885), потомъ въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія (съ 1874 г. и до смерти),—имѣла для Н. Н., главнымъ образомъ, то значеніе, что давала ему необходимыя средства къ жизни, обезпечивала ему должный досугъ для его литературныхъ работъ и свободу отъ ненавистнаго ему по натурѣ срочнаго и спѣшнаго литературнаго труда.

Н. Н. умеръ старымъ холостякомъ, жилъ скромно на пятомъ этажѣ большого петербургскаго дома и всѣ свои сбереженія тратилъ на пополненіе превосходной своей философской и литературной библиотеки *). Тѣсныя дружескія отношенія Н. Н. съ покойнымъ Н. Я. Данилевскимъ, съ авторомъ извѣстной книги „Освобожденіе крестьянъ“ Н. П. Семеновымъ, поэтомъ А. А. Фетомъ и особенно съ Л. Н. Толстымъ, и пріятельскія связи и переписка съ нѣкоторыми молодыми петербургскими и московскими философами наполняли его досуги. Почти всегда спокойный, кроткій и добродушный въ обхожденіи, Н. Н. вносилъ какой-то осо-

*) Судьба этой библиотеки насъ очень занимаетъ; ее не слѣдовало бы разрознивать. Она должна была бы войти особымъ отдѣломъ въ одно изъ правительственныхъ или общественныхъ книгохранилищъ. У насъ такъ мало хорошихъ философскихъ библиотекъ.

бенный тихій свѣтъ въ то общество, въ которомъ появлялся и среди котораго жилъ. Злобы къ людямъ въ немъ не было, и онъ всегда готовъ былъ мириться даже съ самыми серьезными своими литературными обидчиками, а другихъ враговъ у него не было и не могло быть.

Главнѣйшія сочиненія Страхова мы считаемъ необходимымъ здѣсь перечислить. Число же статей его въ журналахъ такъ велико (болѣе 100 названій), что мы отсылаемъ для подробнаго ознакомленія съ ихъ хронологическою послѣдовательностью къ статьѣ Я. Н. Колубовскаго, напечатанной въ „Матеріалахъ для исторіи философіи въ Россіи“ *).

Важнѣйшіе труды Страхова, въ которыхъ собраны наиболѣе замѣчательныя его статьи, слѣдующіе: 1) Миръ какъ цѣлое (Изд. 2-е, испр. и дополн., Спб. 1892), 2) Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физиологіи (Изд. 2-е, Сп. 1894), 3) Философскіе очерки (Спб. 1895), 4) О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ) (Спб. 1887), 5) Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ (Кн. 1, 2 и 3-я. Спб. 1887, 90—96), 6) Изъ исторіи литературнаго нигилизма (Спб. 1890), 7) Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ (Спб. 1888), 8) Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (Изд. 3-е. Спб. 1895), 9) Воспоминанія и отрывки (Спб. 1892). Мы перечислили ихъ въ томъ порядкѣ, какой опредѣляется ихъ значеніямъ для характеристики философскаго міросозерцанія Н. Н. Страхова **).

Сочетаніе такихъ факторовъ, какъ происхожденіе изъ званія духовнаго, строго философская школа старыхъ семинарій, прохожденіе полнаго курса физико-математическихъ наукъ, настолько серьезное, что оно увѣнчалось пріобрѣтеніемъ ученой магистерской степени по предмету зоологіи,

*) „Вопросы Философіи и Психологіи“, мартъ 1891, кн. 7-я, Приложение, гл. IX. Ср. очеркъ Я. Н. Колубовскаго въ „Исторіи новой философіи Ибервега-Гейнце“. Сп. 1890, § 52. Философія у русскихъ.

**) Относительно перваго изъ перечисленныхъ сочиненій своихъ, Н. Н. пишетъ въ предисловіи ко 2-му изданію: „На половину съ отрадой, на половину съ грустью, мнѣ пришлось убѣдиться, что лучше я ничего не писалъ“. (XIII стр.).

десятилѣтняя дѣятельность педагогическая, служба библиотечарская, редакторская и учено-критическая, наконецъ, разносторонняя дѣятельность литературная,—какъ философа, публициста, художественнаго критика, ученаго издателя (сочиненій Н. Я. Данилевскаго) и переводчика капитальныхъ философскихъ и научныхъ сочиненій *)—сочетаніе такихъ факторовъ въ единствѣ цѣльнаго, логически послѣдовательнаго ума и въ соединеніи съ большимъ литературнымъ дарованіемъ, дало именно ту личность — разносторонняго, логически тонкаго, глубоко просвѣщеннаго и оригинальнаго по приѣмамъ мыслителя-критика, какимъ былъ Н. Н. Страховъ. Стремясь къ идеалу *простоты, добра и правды* (см. заключительныя слова Н. Н. въ разборѣ „Войны и мира“ Л. Н. Толстого), Н. Н. мыслилъ строго логически и чрезвычайно отчетливо и старался писать, какъ онъ выражается въ одномъ письмѣ къ намъ, „взвѣсивая каждое слово и каждую запятую, *какъ можно короче и какъ можно яснѣе*“. И несомнѣнно, что философскія произведенія Страхова останутся однимъ изъ самыхъ прочныхъ и прекрасныхъ памятниковъ русскаго философскаго писательства въ XIX вѣкѣ.

Чтобы уяснить себѣ міросозерцаніе Н. Н. Страхова, нужно знать его корни. Въ апрѣлѣ 1893 года Н. Н. писалъ намъ: „Я гегельянецъ, и чѣмъ долѣе живу, тѣмъ тверже держусь діалектическаго метода; между тѣмъ никто его себѣ не усвоилъ, и потому не понимаетъ, чего я хочу и на чемъ стою. Всѣ становятся куда попало, на точки очень частныя и очень низменныя,—мнѣ это и скучно и трудно, когда приходится мѣняться мыслями. Вы, напримѣръ, объявили меня картезіанцемъ **). Почему же? Вѣдь я исповѣдую, что вся-

*) Упомянемъ только переводы многотомной „Исторія новой философіи“ Куно-Фишера, „Исторія матеріализма“ Ланге, соч. Тэна „Объ умѣ и познаніи“, Брема „Жизнь птицъ“.

**) Здѣсь Страховъ разумѣетъ наше замѣчаніе въ статьѣ о Декартѣ („Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. IX,—ср. Основные моменты въ развитіи новой философіи. М. 1894, стр. 48). Въ предисловіи ко 2-му изд. соч. „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и фізіологіи“ (стр. XIII) Страховъ поясняетъ, что, приводя разсужденіе Декарта, онъ „видѣлъ въ немъ не какой-либо оконча-

кая философія есть степень или моментъ въ той, которой я держусь. Декартъ больше кого бы то ни было подходитъ подъ это понятіе; только для того и стбитъ его изучать. Еслибъ вы заглянули въ Куно Фишера „Logik und Metaphysik“ и въ Chalybaeus „Entwicklung der neueren Philosophie“, то нашли бы тамъ элементы моего философствованія. Истину нашель уже Платонъ: *она состоитъ въ томъ, что есть Богъ и что высшее дѣйствіе нашей мысли—подниматься къ Богу*“.

О тѣсной связи своего міросозерцанія съ философіей Гегеля Страховъ высказывался неоднократно и въ своихъ сочиненіяхъ. Въ статьѣ „О значеніи Гегелевой философіи въ настоящее время“ (Свѣточъ, 1860) Н. Н. выражаетъ убѣжденіе, что „вмѣстѣ съ Гегелемъ конченъ раздоръ между философами; онъ возвелъ философію на степень науки, поставилъ ее на незыблемомъ основаніи...“ „Въ самой сущности Гегелева взгляда лежитъ примиреніе всѣхъ взглядовъ, ученій, ихъ взаимное пониманіе, ихъ слияніе воедино“. Но весьма цѣнно то, что связь своего міровоззрѣнія съ гегелевскою философіей Страховъ открыто подтвердилъ и въ письмѣ 1893 г., и затѣмъ въ 1895 г. въ предисловіи къ своимъ „Философскимъ очеркамъ“, гдѣ перепечатана упомянутая статья о гегелевской философіи. Въ этомъ предисловіи Страховъ говоритъ: „Уже въ первой статьѣ (о значеніи Гегеля), которую я считаю наиболѣе слабою по выполненію, высказаны многія положенія, отъ которыхъ я и теперь не отступаю, которыя часто составляли темы послѣдующихъ статей...“ (V).

Но что же именно взялъ у Гегеля Страховъ? Нельзя никакъ назвать его приверженцемъ философской системы Гегеля въ ея цѣломъ. Онъ самъ допускаетъ „несовершенство“ этой системы, „ошибочность“ нѣкоторыхъ ея положеній *). Но онъ считаетъ „безукоризненной“ ея *форму*,

тѣльный выводъ, или уже готовое ученіе, а только чрезвычайно ясную и отчетливую ступень, чрезъ которую долженъ пройти каждый, кто разсуждаетъ о душѣ“. Это разъясненіе чрезвычайно существенно.

*) Философскіе очерки, упом. статья, стр. 19—20.

„устойчивымъ“ ея духъ, „неопровержимымъ“ ея диалектической методъ, „неприкосновенною“ ея сущность *). А сущность ея, по Страхову, въ томъ, что она „даётъ ключъ къ пониманію всѣхъ другихъ системъ, совмѣщаетъ ихъ въ себѣ, что къ ней съ равнымъ правомъ можно примѣнить всевозможныя названія: она и эмпиризмъ, и скептицизмъ, и абсолютный идеализмъ, а главное—истинный рационализмъ. Важно то, что „Гегель признаетъ всю философію, какая ни была,—что Гегель первый понялъ идею развитія и то, что всѣ философы стоятъ на общей неизмѣнной почвѣ“, что „какая угодно философія есть все-таки, по Гегелю, философія, и послѣдователь ея будетъ посвященъ въ тайны ума“ **).

Уже изъ этихъ цитатъ ясно, въ какой мѣрѣ Страховъ послѣдователь философіи Гегеля: онъ—послѣдователь гегелевскаго *диалектическаго* метода въ объясненіи дѣйствительности, причемъ вполне раздѣляетъ основное положеніе Гегеля, что „нѣтъ никакой возможности различить мыслимое бытіе отъ бытія *дѣйствительнаго*, что приписывая предметамъ бытіе, мы приписываемъ имъ не что-нибудь воображаемое, а то, что дѣйствительно есть, что мысля бытіе вообще, мы *внѣ всякаго сомнѣнія*, безъ всякой возможности ошибки, мыслимъ нѣчто дѣйствительное, такъ что мысль и то, что не есть мысль, (т.-е. бытіе) — совпадаютъ, тождественны“ ***), что „нѣтъ дѣйствительности внѣ мысли“. „Всѣ попытки опровергнуть Гегелеву систему указываютъ на желаніе—выйти за предѣлы ума и, слѣдовательно, за предѣлы мышленія, основываются на различеніи между мышленіемъ и дѣйствительностью, между знаніемъ и бытіемъ, между субъектомъ и объектомъ“ ****), но именно потому онъ и не имѣютъ подъ собою почвы.

Чтобы иллюстрировать истинное значеніе своего положенія о нерасторжимости мысли и бытія, разума и истины,

*) Тамъ же, стр. 15, 17, 19 и др.

**) Тамъ же, стр. 10—20.

***) Тамъ же, стр. 32.

****) Тамъ же, стр. 20.

которое Страховъ беретъ у Гегеля, Н. Н. рассказываетъ басню о томъ, какъ солнцу донесли, что на землѣ не все благополучно, что во многихъ мѣстахъ и въ нѣкоторые часы дня и времена года темно: солнце пошло осматривать землю и куда ни являлось, все оказывалось ярко освѣщеннымъ; тогда солнце не повѣрило доносу, успокоилось и стало свѣтить по-прежнему. „Точно такъ же стѣбитъ только разуму указать на что-либо «темное», и самый взглядъ разума будетъ уже озареніемъ этого темнаго. Разуму, какъ солнцу, не нужно измѣнять своего образа дѣйствія, потому что онъ не виноватъ, если темно тамъ, гдѣ его нѣтъ, или, еще лучше, куда онъ не глядитъ... Поэтому, что бы вы ни признавали внѣ разума,—какой-нибудь неразрѣшимый субстратъ, допредметный міръ, что-нибудь невысказанное, неслышимое,—это ни мало не касается до разума, не касается и до системы Гегеля. Вы признаете что-нибудь невысказанное, невысказанное,—вы имѣете полное право признавать, что вамъ угодно. Но если это — невысказанное, такъ не мыслите же о немъ; если это—невысказанное, то не говорите объ немъ“... *).

Изъ всей приведенной страховской характеристики значенія основаній философіи Гегеля ясно, что слѣдуетъ разумѣть подъ гегелианствомъ, идеализмомъ и рационализмомъ Страхова. Безусловное довѣріе къ абсолютному человѣческому разуму, могущему все познать **), къ истинѣ и силѣ идеи, какъ „единственнаго критерія существующаго“ и „двигателя истинно-человѣческой дѣятельности ***“) — въ этомъ довѣрїи и заключается гегелевскій рационализмъ и абсолютный идеализмъ страховскаго міросозерпанія, источникъ вѣры въ философію, увѣренности его въ возможности ея дальнѣйшаго безконечнаго развитія въ „гегелев-

*) Тамъ же, стр. 20—21.

**) „Истина доступна человѣку во всемъ ея величїи, во всемъ сіяніи. Мы живемъ не половиною, но полною жизнью, мы—центръ и мѣра вселенной, во всемъ ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ“. Тамъ же, стр. 50.

***) См. критику „Очерковъ“ Лаврова въ Свѣточѣ, стр. 11.

скомъ смыслѣ“, критерій для признанія ея главенства надъ всѣми частными науками и для распознаванія въ ихъ частныхъ ученіяхъ истиннаго отъ ложнаго. „Частныя науки,— по убѣжденію Страхова,— не что иное, какъ часть самой философіи, какъ отдѣлъ ея, и, слѣдовательно, и философія должна имѣть на нихъ вліяніе, и сами науки при своей самостоятельности, должны имѣть вліяніе на философію“ *)... Такъ, наприм., „прямая и положительная польза отъ философіи для естественныхъ наукъ будетъ состоять именно въ разъясненіи тѣхъ понятій, которыя постоянно встрѣчаются въ этихъ наукахъ, въ уясненіи смысла ихъ *категорій*. Натуралисты постоянно употребляютъ слова: *сила, причина, атомъ, сходство, различіе* и пр.,—словомъ, употребляютъ множество „категорій“, подъ которыя и подводятъ всѣ свои предметы; а между тѣмъ они и знать не хотятъ о логикѣ, хотя логика и есть именно наука объ этихъ самыхъ категоріяхъ. Зато и слова эти сдѣлались у натуралистовъ пустыми словами, о которыхъ они сами не знаютъ, какъ и думать. Въ физикѣ и химіи вы встрѣчаете, наприм., фразу: *сущность вещества неизвѣстна*. А спросите: что же разумѣется подъ *сущностью* вещества?—Тоже неизвѣстно“ **).

Теперь намъ станетъ понятно, въ чемъ Страховъ видѣлъ свое назначеніе какъ философа и какъ мыслителя-критика, почему и съ какой точки зрѣнія онъ писалъ „объ основныхъ понятіяхъ психологіи и философіи“, о простыхъ тѣлахъ, объ атомистической теоріи, — почему онъ такъ нападалъ на дарвинизмъ, такъ увлекался логическою критикою его основаній въ извѣстномъ сочиненіи Н. Я. Данилевскаго, что его заставляло такъ горячо защищать теорію Данилевскаго „о культурно-историческихъ типахъ“ (Россія и Европа), теорію опять чисто-логическую и несомнѣнно имѣющую связь съ началами его философіи исторіи, — почему Страховъ съ такой энергіей нападалъ на *спиритизмъ*, какъ ученіе, противорѣчащее всему строю добытыхъ человѣческимъ опытомъ

*) Тамъ же, стр. 45.

***) Тамъ же, стр. 49.

и наукою „понятій разума“ о природѣ и дѣйствительности,—почему, наконецъ, онъ не одобрялъ ни крайнего „материализма“, ни крайняго „спиритуализма“, такъ что материалисты ошибочно считали его спиритуалистомъ, а нѣкоторые спиритуалисты—тайнымъ материалистомъ, мониеты—дуалистомъ, а дуалисты—монистомъ.

Мы намѣрены выяснитъ въ этой краткой и, конечно, далеко не полной характеристикѣ міросозерцанія Н. Н. Страхова именно еще этотъ основной пунктъ его положительныхъ воззрѣній, имѣющій существенное значеніе для всей его философіи, такъ какъ тутъ уже Страховъ мыслитъ не по Гегелю, а вполне самостоятельно, сообразуясь только съ общими правилами *діалектическаго метода*, т.-е. метода строгой критики понятій. Вопросъ въ томъ: какъ смотрѣлъ Страховъ на отношеніе понятій „духа“ и „матеріи“, такъ какъ только объ отношеніи этихъ „понятій“ (а не сущностей внѣ понятій) для него и могла быть рѣчь?

Вопросъ этотъ очень интересный, но и чрезвычайно трудный, такъ какъ Страховъ высказывался о проблемѣ души всегда очень осторожно, какъ о такой трудной проблемѣ, которая далеко еще не вполне разрѣшима для истинной науки. Тѣмъ не менѣе, мы, кажется, имѣемъ достаточный матеріалъ для освѣщенія взгляда нашего философа на означенный предметъ.

Прежде всего интересенъ вопросъ, считалъ ли себя Страховъ самъ „спиритуалистомъ“? Въ одномъ письмѣ къ намъ (отъ II апрѣля 1893 г.) онъ писалъ по поводу воззрѣній уже упомянутого нами выше, нынѣ покойнаго, русскаго писателя: „Философскаго въ его статьяхъ я почти ничего не нахожу. Это какое-то изверженіе словъ, которыхъ у него полонъ ротъ; все имѣетъ видъ и полетъ философскаго разсужденія, но нѣтъ ни единого строго поставленнаго понятія, никакого опредѣленнаго метода. Боже мой! мы такъ привыкли къ болтовнѣ зря, безъ обдумыванія и съ желаніемъ наговорить какъ можно больше. Онъ это недурно выдумалъ, что хочетъ быть спи-

ритуалистомъ; тутъ можно разыгрывать вариации на самыя благонамѣренныя темы, — что вѣдь теперь и требуется. Но гдѣ же у него настоящая работа, т.-е. установленіе точнаго понятія о спиритуализмѣ? Такъ писать можно безъ конца и все-таки ничего не сказать“.

Въ другомъ письмѣ (отъ 23 января 1894 г.) Н. Н. пишетъ намъ, по поводу нашей статьи «О значеніи идеи параллелизма въ психологіи»: «я еще не совсѣмъ понимаю вашу точку зрѣнія. *Матерія*, по-моему, есть только поприще духовныхъ явленій, ихъ поле, тѣлѣса и лѣстницы, по которымъ *духъ* движется. Параллельность выходитъ такъ же, какъ ступени лѣстницы параллельны шагамъ поднимающагося или спускающагося человѣка. Ступени не только не производятъ этого движенія, но даже должны быть совершенно неподвижны“.

Изъ сопоставленія этихъ двухъ заявленій ясно видно пока одно, что Н. Н. Страховъ не считалъ себя „спиритуалистомъ“ въ обычномъ, шаблонномъ значеніи этого слова, но тѣмъ болѣе не былъ и „материалистомъ“. — Въ „Предисловіи“ ко второму изданію „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физиологіи“ (стр. XI—XII), Н. Н. говоритъ: „О душѣ часто мыслятъ такъ, что она есть нѣкоторое существо, заключенное внутри тѣла, какъ бы въ оболочкѣ, и что потомъ, въ минуту смерти, она покидаетъ тѣло, вылетаетъ изъ какого то внутренняго мѣста тѣла. Для многихъ такое понятіе кажется несомнѣннымъ, и отрицаніе его они готовы принять за отрицаніе самаго существованія души. Между тѣмъ ясно, что здѣсь мы овеществляемъ душу, представляемъ ее себѣ въ видѣ какого-то тонкаго вещественнаго предмета и сообразно съ этимъ воображаемъ себѣ ея отношеніе. Она имѣетъ механическую отдѣльность отъ тѣла и механическое соединеніе съ нимъ. Но эту отдѣльностью мы вѣдь хотимъ только выразить, что душа *отлична* отъ тѣла, и выражаемъ это очень несовершенно. Точно такъ, представляя, что душа со всѣхъ сторонъ окружена тѣломъ, мы хотимъ выразить ея *связь* съ тѣломъ, и опять выражаемъ

очень слабо. И такъ, отрицая эти понятія, мы можемъ прийти къ лучшему пониманію души. Различіе между душою и тѣломъ гораздо глубже, чѣмъ полагается въ обыкновенныхъ представленіяхъ; оно состоитъ не во внѣшней отдѣльности, а въ *существенной противоположности*, которую намъ и слѣдуетъ изучать. Точно такъ и связь между душою и тѣломъ гораздо глубже, чѣмъ простое соприкосновеніе одного вещественнаго предмета съ другимъ, въ которомъ онъ заключенъ. Тѣло—не существо чуждое душѣ, въ которое она какъ бы насильственно вложена, а составляетъ нѣкоторое ея *непрерывное созданіе* или, какъ говорится, воплощеніе“.

Конечно, въ этихъ воззрѣніяхъ Страхова на отношеніе души и тѣла отчасти слышится откликъ ученія Гегеля о „природѣ“, какъ „идеѣ“ *въ формѣ инобытія или отчужденія*, о „тѣлѣ“ какъ формѣ „инобытія души“, о „смерти“—какъ „возвращеніи идеи въ себя“ изъ своего инобытія. Но способъ выраженія этихъ воззрѣній совершенно свободенъ отъ своеобразной Гегелевской терминологіи и, вообще во всѣхъ писаніяхъ Страхова мы находимъ языкъ самый простой, общепонятный и общепринятый, чуждый условностямъ Гегелевскаго философскаго языка. Тѣ воззрѣнія, которыя мы только-что привели, по существу были свойственны всѣмъ идеалистамъ, начиная съ Платона и Аристотеля *). Но способъ ихъ выраженія, т. - е. *постановки понятій*, у Страхова совершенно оригинальный.

Чтобы выяснить полнѣе взгляды Страхова на отношеніе матеріальнаго и духовнаго въ мірѣ и въ человѣкѣ, мы приведемъ здѣсь рядъ весьма важныхъ заявленій и замѣчаній Страхова изъ его двухъ капитальныхъ сочиненій: «Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и фізіологіи» и изъ книги «О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ)».

Прежде всего чрезвычайно важно для міросозерцанія Н. Н., какъ онъ смотрѣлъ на отношеніе между собою по-

---

*) Душа, по Платону,—вмѣстилище идей, а по Аристотелю — творческое начало, *principium formans* тѣла.

знанія міра духовнаго и познанія міра матеріальнаго и какъ рѣзко противуполагаль то и другое.

Вотъ что онъ говоритъ по этому предмету въ «Основныхъ понятіяхъ психологіи»:

„Величайшую ошибку, по нашему мнѣнію, дѣлають тѣ, которые ставятъ въ познаніи душу и тѣло на одну доску и говорятъ, на примѣръ, что сущность того и другого намъ одинаково неизвѣстна, что понятіе вещества такъ же трудно, какъ понятіе духа, или еще труднѣе, или что, признавая неизвѣстное намъ начало электричества, мы должны съ неменьшею ясностью и достовѣрностью признать и особое начало душевныхъ явленій и т. п. Послѣ Декарта, на основаніи его удивительнаго анализа, подобныя сопоставленія духовнаго и вещественнаго міра стали очень обыкновенны. Тотчасъ появились и существуютъ до сихъ поръ такъ-называемые *матеріалисты* и *спиритуалисты*. Первые стали утверждать и утверждаютъ до сихъ поръ, что существуетъ лишь объективный міръ, состоящій изъ мертваго Декартовскаго вещества; вторые же, что, сверхъ того, рядомъ съ этимъ вещественнымъ міромъ и въ немъ, внутри его, существуетъ міръ духовный, другой разрядъ существъ, имѣющихъ другія свойства,—на примѣръ, невидимыхъ, неосязаемыхъ, но проявляющихъ себя извѣстными дѣйствіями въ вещественномъ мірѣ и доступныхъ для внутренняго наблюденія, такъ что ихъ можно подводить подъ тѣ же общіе формы и законы мысли, какъ и вещественные предметы. Отсюда безконечные споры и усилія, въ которыхъ спиритуалисты старались обыкновенно или подвергнуть сомнѣнію твердость чисто-объективныхъ познаній, или доказать, что познанія о духовныхъ существахъ имѣють такую же прочность и ясность, какъ познанія о матеріальныхъ предметахъ“ (стр. 33—34).

„Для спиритуализма часто употребляется болѣе общее названіе *дуализма*, въ томъ смыслѣ, что этотъ взглядъ признаеть два элемента въ мірѣ, два рода существъ. Точно такъ для матеріализма употребляется названіе *монизма*, такъ

какъ тутъ признается одно начало, однородность всего существующаго. И не мало дѣлалось и дѣлается усилій понять эту однородность какъ возможно шире, придумать такую коренную первобытную сущность, которая совмѣщала бы въ себѣ духъ и вещество, такъ чтобы изъ этого монизма вытекалъ самъ собою дуализмъ“ (34 стр.).

Но всѣ эти попытки свести матеріальное и духовное къ извѣстной „однородности“ для Страхова не имѣютъ цѣны, и въ ученіи спиритовъ его возмущало, главнымъ образомъ, ихъ стремленіе овеществить духъ, доказать, что онъ есть своего рода „физическая сила“, могущая принимать матеріальныя формы (материализоваться) и совершать, вопреки всѣмъ извѣстнымъ физическимъ законамъ природы, различныя матеріальныя дѣйствія (стучать, писать и т. п.). „Вы считаете душу нѣкоторою физическою силой! Развѣ это не густѣйшій туманъ, какой только возможенъ?“, пишетъ онъ въ отвѣтъ Бутлерову въ ноябрѣ 1885 г. *). „Вы спрашиваете меня, съ большою увѣренностью въ побѣдѣ: «считаю ли я духъ силою?»... Всякая физическая сила опредѣляется количествомъ вещества и размѣрами его движенія. Но вы, отвергая настоящее значеніе вещества, вѣроятно, принимаете (неправильно) существованіе силъ, независимыхъ отъ вещества, какихъ-то самостоятельныхъ причинъ движенія. Все равно, и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ отвѣчаю вамъ, что не считаю духа *силою* и даже не нахожу *ничего общаго* между этими понятіями“.

„Конечно, вы признаёте, — пишетъ Страховъ далѣе, — что въ человѣкѣ присутствуетъ духъ. Если такъ, то вотъ вамъ опытъ, который доказываетъ, что духъ человѣческой не только не есть физическая сила, но и никакой доли физической силы не имѣетъ. Если живой человѣкъ оборвется съ вышины и будетъ падать, или если мы подбросимъ его вверхъ, прямо или наклонно, то, во всѣхъ этихъ случаяхъ, центръ тяжести его тѣла будетъ съ математическою точ-

*) См. „Вѣчныя истины“, стр. 125—126.

ностью совершать тѣ самыя движенія, проходить тѣ самыя линіи и въ тѣ самыя времена, какъ и центръ тяжести падающаго или подброшеннаго камня. — Еслибы духъ былъ въ какой-нибудь долѣ *физическою силой*, то вотъ случай, гдѣ кстати было бы все напряженіе этой силы. Между тѣмъ, никакія духовныя напряженія не могутъ нисколько, ни на какую малѣйшую величину, измѣнить движенія человѣческаго тѣла въ этихъ случаяхъ, и оно непременно разбивается съ ударомъ, пропорціональнымъ его вѣсу и паденію. „Духъ точно такъ же не можетъ быть силою въ физическомъ смыслѣ, какъ не можетъ онъ быть краснымъ или зеленымъ, треугольнымъ или квадратнымъ“. „Духъ и физическая сила суть понятія несоизмѣримыя, не имѣющія ничего общаго“ *).

Но если духъ и физическая сила, какъ основа вещества и его явленій, суть „понятія несоизмѣримыя“, по мнѣнію Н. Н. Страхова, то что же такое духъ, что такое душа, съ его точки зрѣнія, — въ ихъ противоположности къ веществу и тѣлу? На этотъ вопросъ Н. Н. слѣдующимъ образомъ отвѣчаетъ въ своей книгѣ «Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физиологіи»:

„Вещество есть чистый объектъ, то-есть нѣчто вполне познаваемое, но ни мало не познающее. Вещество не имѣетъ въ себѣ ничего субъективнаго, ни познаній, ни чувствъ, ни желаній. Въ немъ нѣтъ ничего внутренняго, для нашего познанія, а все въ немъ — наружное, познаваемое. Духъ, напротивъ, есть чистый субъектъ, то-есть, нѣчто познающее, но ни мало не доступное для объективнаго познанія. Духъ не имѣетъ въ себѣ ничего общедоступнаго, ничего внѣшняго, подлежащаго такому познанію, какъ объективный міръ; въ немъ все внутреннее, закрытое для *чужого* взгляда“ (стр. 26).

Изъ такого противоположенія ясно, что для Страхова вещество съ своими законами есть нѣчто несравненно бо-

*) «О вѣчныхъ истинахъ», стр. 125—127.

лѣе доступное для человѣческаго познанія, нежели духъ. И дѣйствительно, въ той же книгѣ онъ говоритъ далѣе:

„Была нѣкоторая ошибка въ мысли о положеніи психическихъ явленій въ отношеніи къ познанію. Изъ того, что эти явленія для насъ всего несомнѣннѣе и достовѣрнѣе, вовсе не слѣдуетъ, что они всего доступнѣе для познанія и, даже, что они вообще для него доступны. Точно также, изъ того, что вещественный міръ можетъ быть подвергаемъ сомнѣнію, не слѣдуетъ, что онъ познается труднѣе или слабѣе, чѣмъ міръ субъективный. Напротивъ того, очевидно, объективный міръ есть настоящій предметъ нашего познанія, настоящій нашъ объектъ, къ которому свободно и правильно могутъ быть приложены всѣ наши познавательные способы и силы, тогда какъ субъективный міръ ускользаетъ отъ простыхъ приемовъ познанія; и требуетъ какихъ-то обратныхъ приемовъ и особенныхъ усилій, необычайной постановки нашей мысли. А ргіогі нѣтъ никакого основанія полагать, что эти два міра составляютъ *одинаковый* предметъ для познанія; а если они имѣютъ къ познанію различное отношеніе, то слѣдуетъ ясно и отчетливо указать это различіе и твердо его держать“ (стр. 32—33).

Разбирая ближе вопросъ о томъ, *какъ* слѣдуетъ познавать міръ духовный, Страховъ говоритъ:

„Въ сравненіи со свѣтлымъ міромъ вещественной природы душа есть область темная и таинственная, которая едва ли допускаетъ для изслѣдованія тѣ же самые приемы. Мы убѣдимся въ этомъ вполне, если приступимъ къ субъективному міру ближе и попробуемъ стать къ нему лицомъ къ лицу“ (стр. 36).

Признавая, что „въ физическихъ наукахъ понятія, подъ которыя слѣдуетъ подводить изучаемыя явленія, заранѣе даны“ (это—понятія математическія, формы и законы пространства и времени, и понятія механическія), Страховъ указываетъ на то, что въ психологіи, напротивъ, требуется *намъ самимъ* установить и опредѣлить „категоріи“, необходимые для пониманія душевныхъ явленій (тамъ же, стр. 37).

„Если мы не имѣемъ въ запасѣ цѣлой готовой метафизики или такъ-называемой онтологіи, если мы прямо начинаемъ съ изученія психическихъ явленій (какъ это очень обыкновенно и естественно дѣлается, какъ сдѣлалъ Декартъ), если мы, напротивъ, отъ этого изученія думаемъ подняться до нѣкоторой метафизики, то мы, очевидно, должны заранѣе быть готовы къ тому, что намъ не достанетъ нашихъ обыкновенныхъ понятій, что мы вынуждены будемъ устанавливать *новыя категоріи* и переходить отъ одной изъ нихъ къ другой, пока не исчерпаемъ всей изслѣдуемой области. А такъ какъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ мыслить дѣйствительно новое понятіе, и нѣтъ большаго соблазна для ума, какъ подведеніе новыхъ явленій подъ старыя, давно знакомыя понятія, то тутъ мы беремъ за дѣло трудное и небезопасное“ (стр. 38).

Основой изученія душевныхъ явленій служить для Стрехова, конечно, *внутреннее наблюденіе*. И вотъ какъ онъ изображаетъ характеръ и значеніе этого процесса:

„Міръ души, какъ мы сказали, есть міръ темный и таинственный. Для того, чтобы наблюдать его, чтобы устремить свой взоръ внутрь себя (какъ обыкновенно выражаются), мы, очевидно, должны сдѣлать усиліе, дать нашимъ мыслямъ непривычный ходъ, обратный ихъ обыкновенному ходу, и понятно, что не можемъ видѣть въ этомъ случаѣ такъ же ясно, какъ при обыкновенномъ порядкѣ нашего познанія“ (стр. 39).

Сдѣлавъ далѣе длинную выдержку изъ „*Meditationes*“ Декарта, гдѣ Декартъ изображаетъ условія уединенія себя отъ внѣшняго міра для цѣлей внутренняго наблюденія, Стреховъ продолжаетъ:

„Вотъ описаніе такъ-называемаго внутренняго наблюденія и тѣхъ результатовъ, къ которымъ оно приводитъ. Главное здѣсь заключается не въ стараніи закрыть себя отъ внѣшняго міра, а въ томъ особенномъ поворотѣ мысли, который Декартъ выражаетъ словами: *«Буду считать всѣ образы вещественныхъ предметовъ пустыми и ложными, буду смотрѣть на*

свои ощущенія и образы только какъ на виды своего мысленія». Очевидно, я могу и долженъ умѣть это сдѣлать, и не закрывая глазъ и не затыкая ушей. Для меня, на этой точкѣ моего разсужденія, нѣтъ никакой разницы между *ощущеніями*, происходящими въ присутствіи внѣшнихъ предметовъ, и такъ-называемыми идеями или *представленіями*, то-есть образами, которые я могу имѣть при отсутствіи соотвѣствующихъ имъ предметовъ“ (стр. 40).

Подводя далѣе итоги своему анализу внутренняго наблюденія и объективированія психическихъ явленій, а также анализу основныхъ категорій психологическаго познанія, Страховъ высказываетъ, въ заключеніи, слѣдующія мысли:

„Жизнь души есть для насъ непосредственнѣйшая дѣйствительность, какъ о томъ училъ и Декартъ. Метафизики стремятся объективировать душу; они разсматриваютъ ее какъ нѣкоторое существо, которому свойственны познаніе, чувство и воля, и потому предлагаютъ вопросъ: есть ли какой-нибудь смыслъ въ этихъ дѣятельностяхъ души? Но для того, кто станетъ на точку зрѣнія психологіи, сущность душевной жизни заключается именно въ познаніи, чувствѣ и волѣ, такъ что еслибъ мы стали отрицать ихъ реальность, то не о чемъ было бы намъ и говорить“ (стр. 86).

„Что касается до психологіи, то различіе между субъектомъ и объектомъ и, далѣе, различіе между субъективнымъ и реальнымъ значеніемъ явленій, суть главныя черты ея предмета, и кто не понялъ этого различія, какъ слѣдуетъ, тотъ, сколько бы ни разсуждалъ, будетъ мыслить и говорить лишь о вещахъ, касающихся души, но не о самой душѣ“ (стр. 87).

Однако, этими словами Страховъ не хочетъ сказать, что „явленіями“ познанія, чувства и воли (въ чисто-эмпирическомъ смыслѣ), исчерпывается сущность нашего духовнаго я, нашей души.

„Я,—говоритъ онъ,—не только не входитъ въ область эмпирической психологіи, но составляетъ то неизбѣжное условіе, подъ которымъ намъ дается эта область“ (стр. 70).

Какъ же подойти къ пониманію особенной природы нашего духовнаго я? Вотъ своеобразный, такъ сказать, *этико-психологической* методъ, который онъ рекомендуетъ въ этомъ случаѣ:

„Душевная жизнь, — говоритъ онъ, — подобно свѣту, можетъ имѣть безчисленныя степени, отъ яркаго солнечнаго сіянія до сумерекъ, граничащихъ съ тьмою. Истинная ея природа обнаруживается, конечно, *при полномъ ея раскрытіи* — слѣдовательно, въ *человѣкѣ*, — и въ тѣ минуты *полной душевной энергіи*, которая иногда испытываетъ *человѣкъ*. Разсматривая эту полную душевную жизнь, мы видимъ, что признаніе *истины, блага и свободы*, то-есть признаніе за нашею душевною жизнью *реальнаго значенія, дѣйствительнаго содержанія*, составляетъ то необходимое условіе, при которомъ только и можемъ мы жить, безъ котораго мы видимъ передъ собою пустоту, ничтожество и безсмысліе. Поэтому можно, кажется, начинать психологію прямо *съ этихъ понятій*, *которыхъ ни откуда нельзя вывести и безъ которыхъ нельзя имѣть представленія о душѣ и ея жизни*. Установивъ эти понятія, можно затѣмъ дѣлать постепенныя отвлеченія. Напримѣръ, анализируя истину, благо и свободу, мы найдемъ, что тутъ вездѣ предполагается *нѣкоторый субъектъ, наше я*, для котораго только и могутъ существовать и истина, и благо, и свобода“ (стр. 84—85)*).

Но „истина, благо и свободная дѣятельность суть понятія, стоящія выше обыкновенныхъ формъ познанія, требующія какъ бы особаго рода мышленія, и въ то же время непрестанно намъ присущія, составляющія главное содержаніе нашей душевной жизни“ (стр. 84).

При такомъ взглядѣ на методъ познанія духовнаго міра и сущности душевной жизни, не удивительно, если Страховъ такъ негодуетъ противъ попытокъ спиритовъ „поймать душу руками“. Во „вступленіи“ къ книжкѣ «О вѣчныхъ истинахъ», сопоставляя ученіе спиритовъ съ настоящимъ идеализмомъ, Страховъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

*) Курсивы въ этомъ отрывкѣ *наши*.

„Платонъ поднялся въ болѣе высокую сферу ума, а ученые спириты, наоборотъ, совлекли самый міръ идей въ свою низменную сферу, пытались овеществить духовное, поймать его руками или инструментами. Эту жестокою грубость понятій они выдавали за величайшую мудрость и видѣли въ ней свое спасеніе“ (стр. XXVIII).

Но если для Н. Н. Страхова, какъ истиннаго идеалиста, легко было провести опредѣленную и отчетливую грань между міромъ духовнымъ и матеріальнымъ, какъ предметами познанія,—между *понятіями* о духовныхъ и матеріальныхъ явленіяхъ и ихъ законахъ, то именно съ этой идеалистической точки зрѣнія ему не легко было отвѣтить на другой вопросъ—о томъ, что же такое духъ, какъ *реальность*, какъ *бытіе* въ мірѣ дѣйствительномъ, помимо *идей* о немъ. А между тѣмъ, несмотря на свое гегеліанство, несмотря на признаніе тождества идеи и бытія, Страховъ сознавалъ необходимость такъ или иначе разрѣшить этотъ вопросъ. По этому поводу онъ высказываетъ нѣсколько любопытныхъ мыслей въ своемъ спорѣ съ Бутлеровымъ:

„Вы спрашиваете или готовы спросить: *какъ же существуетъ въ мірѣ духовное?* Если оно не проявляется въ спиритическихъ чудесахъ, то гдѣ же и какъ оно дѣйствительно проявляется? Странные вопросы! Все, что имѣетъ для насъ высокую цѣну, все истинное, прекрасное, великое, существенное, всегда кажется намъ далеко отъ насъ. Мы вѣчно думаемъ, что оно скрыто отъ насъ на недоступныхъ высотахъ и глубинахъ, что оно существуетъ за дальними морями, во тѣмъ давно минувшихъ временъ, или же въ особыхъ избранныхъ людяхъ, въ таинственныхъ и непонятныхъ явленіяхъ, нисколько не похожихъ на тѣ простыя и регулярныя явленія, среди которыхъ мы проводимъ нашу будничную и пошлую жизнь. Между тѣмъ, и истина, и духъ, и всякое высшее благо—все это доступно каждому, всегда и вездѣ; все это близко къ намъ, все это было бы прямо передъ нашими глазами, если бы мы упорно не отворачивались и сами не создавали себѣ того густого тумана, кото-

рый закрываетъ отъ насъ свѣтъ... Можетъ-быть, я скоро вернусь къ этой темѣ: какъ существуетъ въ мірѣ духовное?“ (О вѣчныхъ ист., стр. 81).

Возвращаясь къ тому же вопросу въ другомъ письмѣ къ Бутлерову, онъ говоритъ:

„Вы съ настойчивостью и съ недоумѣніемъ спрашиваете меня: какъ же существуетъ въ мірѣ духовное? Вполнѣ ясно, вполнѣ очевидно то, по крайней мѣрѣ, что оно существуетъ не такъ, какъ вы себѣ его представляете. Спиритизмъ, со всѣми его попытками вообразить духовное и поймать его въ дѣйствительности, есть превосходный и поразительный примѣръ того, какъ не слѣдуетъ понимать духовное“ (тамъ же, стр. 127).

Положительнаго и окончательнаго отвѣта на вопросъ: „какъ существуетъ въ мірѣ духовное?“—Н. Н. Страхову такъ и не удалось дать; но кто же до сихъ поръ разрѣшилъ эту проблему строго научно, какъ этого желалъ Страховъ? Поставлена же она имъ совершенно отчетливо: „Нужно найти силу въ полномъ смыслѣ живую, т.-е. внутреннюю, не механическую; нужно открыть ея законъ, не математическій, но служащій основой всѣмъ математическимъ законамъ“ (Міръ какъ цѣлое, стр. 474).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Страховъ совершенно справедливо говоритъ, что „съ успѣхами естественныхъ наукъ мы все больше и больше узнаемъ (не столько то, что такое духъ есть, сколько то), что такое духъ *не есть*, и если взглянуть на дѣло съ этой стороны, то нельзя не видѣть, какой это громадный и существенный успѣхъ. Вѣдь *кто* себя стремится такъ рѣзко отличить отъ остального бытія?—Конечно, *духъ*. Кто снимаетъ съ себя оболочку за оболочкою, кто устанавливаетъ и отрицаетъ отъ себя понятія механики и физики, кто проносится по всѣмъ небесамъ и не находитъ себѣ подобія въ ихъ однообразіи и мертвомъ механизмѣ?—Конечно, *духъ*. Иногда мы готовы жаловаться, что передъ взоромъ науки все мертветъ, всюду являются неизмѣнныя стихіи и неизмѣнныя законы. Но вѣдь все это есть прямая

работа духа, и смыслъ ея въ томъ, что онъ не хочетъ признавать живымъ то, что не заслуживаетъ этого названія, что онъ истинную жизнь признаетъ только *за собою*. Познаніе есть, въ извѣстномъ смыслѣ, отрицаніе, пониженіе, удаленіе отъ себя того, что познается. Познаніе есть дѣятельность духа; но мы не замѣчаемъ, что тутъ совершается нѣчто духовное; мы такъ погружаемся въ созерцаемые предметы, что забываемъ о своемъ зрѣніи, о свѣтѣ и глазѣ, и часто упорно думаемъ, что даже никакого свѣта и глаза не существуетъ?" (Вѣчныя истины, стр. 127—128).

Къ вопросу объ отношеніи души и тѣла, какъ реальныхъ началъ, съ точки зрѣнія нашего философа, относятся, несомнѣнно, слѣдующія его слова въ книгѣ «Объ основныхъ понятіяхъ»: „Вотъ почему мы говоримъ, что душа наша заключена въ нашемъ тѣлѣ, или окружена имъ, какъ оболочкой. Это значить, что тѣло есть та часть объективнаго міра, которая въ своихъ явленіяхъ постоянно отражаетъ явленія нашей души и помимо которой душа ничего не можетъ выразить и не можетъ воспринять никакого чужого выраженія. Только въ такомъ смыслѣ нужно разумѣть связь души и тѣла. То-есть, вслѣдствіе этой неизмѣнной связи ни тѣло не становится субъективнымъ, ни душа не получаетъ объективности; эти два міра остаются строго разграниченными; но одинъ служитъ для выраженія другого, подобно тому, какъ буквы выражаютъ звуки и звуки выражаютъ мысли“ (стр. 29).

Изъ сдѣланнаго нами очерка воззрѣній Страхова на отношенія духа и вещества, души и тѣла, съ достаточной ясностью вытекаетъ, что воззрѣнія эти были совершенно оригинальными и самостоятельными, и что подвести ихъ подъ какую-либо изъ извѣстныхъ схемъ философскихъ ученій объ этомъ предметѣ едва ли возможно. Страховъ былъ, несомнѣнно, *идеалистомъ*, но совершенно своеобразнаго вида. Въ анализѣ его взглядовъ на отношенія духа и вещества это скажется особенно ярко. Онъ не отрицаетъ реальности веще-

ства и даже объективности пространства и времени, какъ формъ его существованія (это видно изъ другихъ мѣстъ его сочиненій), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ высшую реальность за идеальнымъ, духовнымъ началомъ. Отсюда его глубокое сочувствіе къ ученіямъ Платона, Декарта и Гегеля. Но въ вопросѣ о томъ, можно ли уяснить себѣ, какъ въ дѣйствительности существуетъ духъ и что такое идея, какъ бытіе, Н. Н. является почти скептикомъ—мыслителемъ, наклоннымъ къ нѣкоторому особому, если такъ можно выразиться, *раціональному мистицизму*,—къ признанію, что въ этой высшей области знанія мы стоимъ лицомъ къ лицу съ нѣкоторою тайной, съ непостижимымъ. Поэтому онъ неоднократно говоритъ о границахъ „раціонализма“, о невозможности провести его до конца, о предѣлахъ самой науки, и по этой же причинѣ Н. Н. Страховъ не только вполне вѣруетъ въ Высшее начало, въ Бога, но даже остается христіаниномъ, сочувствующимъ православію—не въ узкомъ значеніи „церковника-ритуалиста“, а въ самомъ широкомъ философскомъ смыслѣ, въ которомъ многіе крупные мыслители и философы считали себя христіанами и признавали особый смыслъ за тѣмъ вѣроисповѣданіемъ, которое стало для нихъ „національною формою“ религіознаго богопочитанія.

О предѣлахъ науки и научнаго раціонализма Страховъ говоритъ неоднократно. Вотъ какъ онъ рассуждаетъ въ сочиненіи «О вѣчныхъ истинахъ» относительно предѣловъ науки *спеціальной*:

„Наука есть дѣло великое, хотя и не наилучшее и не наивысшее изъ человѣческихъ дѣлъ. Но та наука вообще, на которую такъ любятъ ссылаться, есть истинный идолъ, фантастическое понятіе ученыхъ. Каждый спеціалистъ—математикъ, физикъ, фізіологъ—думаетъ, что имѣетъ право говорить во имя науки, тогда какъ наукою вообще могла и можетъ быть, стремилась и стремится стать только философія, о которой такіе спеціалисты обыкновенно и слышать не хотятъ. Философія рѣшаетъ вопросы о границахъ и свойствахъ познанія, она старается указать точную мѣру его

авторитета, тогда какъ спеціалистъ, поклоняющійся своему кумиру, обыкновенно приписываетъ ему безпредѣльное могущество“ (тамъ же, стр. XXVIII).

Но не только спеціальная наука, а и вообще наука далеко не исчерпываетъ всѣхъ нашихъ духовныхъ потребностей:

„Наука не объемлетъ того, что для насъ всего важнѣе, всего существеннѣе,—не объемлетъ жизни. Въ науки находится главная сторона нашего бытія—то, что составляетъ нашу судьбу, то, что мы называемъ Богомъ, совѣстью, нашимъ счастьемъ и достоинствомъ. Все это не гдѣ-нибудь далеко отъ насъ, не за предѣлами звѣздъ, а все это вокругъ насъ, прямо передъ нами, во всемъ этомъ мы движемся и существуемъ, какъ въ прямой стихіи нашей жизни. Поэтому не только созерцаніе этихъ предметовъ въ дѣйствительности, не только высокія отраженія ихъ у великихъ мыслителей и художниковъ, а даже иной плохой романъ, иная грубо придуманная сказка могутъ заключать въ себѣ болѣе общедоступный и сильный интересъ, чѣмъ превосходнѣйшій курсъ физики или химіи. Каждый изъ насъ—не простое колесо въ огромной машинѣ; каждый, главнымъ образомъ, есть герой той комедіи или трагедіи, которая называется его жизнью“ (тамъ же, стр. 54—55).

Про попытки достигнуть *чисто рациональнаго, научнаго* объясненія всего существующаго Страховъ въ другомъ мѣстѣ книги выражается такъ:

„Если мы чувствуемъ недовольство этимъ взглядомъ, если онъ въ насъ что-то затрагиваетъ и чему-то противорѣчить, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что источникъ такого разногласія заключается не въ умѣ, а въ какихъ-нибудь *друихъ требованіяхъ души человеческой*. Человѣкъ постоянно почему-то *враждуетъ противъ рационализма*, и эта вражда упорно ведется всѣми, спиритуалистами и матеріалистами, вѣрующими и скептиками, философами и натуралистами. Отдать себѣ отчетъ въ этой враждѣ есть величайшая задача мысли“ (стр. V—IX).

А вотъ какія мысли высказываетъ Страховъ о предста-

вителяхъ науки, *ученыхъ*, — о спеціалистахъ точнаго знанія и объ ученыхъ вообще, стремящихся достигнуть вполне рациональнаго міропониманія:

„Они думаютъ, что могутъ все познать и что все подлежитъ ихъ изслѣдованію, тѣмъ самымъ приемамъ изысканія, какіе приняты въ естественныхъ наукахъ. Другого познанія, кромѣ научнаго, они не допускаютъ, а научнымъ считаютъ только то, что дознано естественно-научными приемами. Если имъ говорятъ, что есть области вѣдѣнія, дающія болѣе важныя и существенныя понятія, чѣмъ естественныя науки, они отвѣчаютъ, что наука одна и другой быть не можетъ“ (стр. 53).

„Ученые, такъ называемые жрецы науки, не имѣютъ права на какой-нибудь особенный, высшій авторитетъ. Наука не есть еще мудрость, и, вообще говоря, ученые несколько не мудрѣе, чѣмъ остальные смертныя. Они суть такіе же люди, какъ и всѣ мы; они точно также подвержены слабостямъ, ошибкамъ, заблужденіямъ и предрасудкамъ. Конечно, занятія науками способствуютъ облагороженію характера и изошренію ума; но, съ другой стороны, при этихъ занятіяхъ, какъ при всякой трудной и выходящей изъ ряду дѣятельности, люди часто становятся въ фальшивое положеніе. Притязанія ученыхъ обыкновенно выше ихъ силъ, а предрасудки тѣмъ упорнѣе, чѣмъ выше притязанія. Каждая спеціальность ограничиваетъ кругозоръ челоѣка и внушаетъ ему особыя предубѣжденія, такъ что едва ли не легче представить себѣ простаго челоѣка безъ предрасудковъ, чѣмъ ученаго“ (тамъ же, стр. 9—10).

Въ сочиненіи своемъ „Міръ какъ цѣлое“ Н. Н. пытается установить самыя общія начала своего собственнаго міропониманія и подробно развиваетъ свои философскіе взгляды на природу. Здѣсь онъ также энергически протестуетъ противъ узкаго и односторонняго научнаго эмпиризма и рационализма и ясно устанавливаетъ свой методъ философствованія:

„Эмпиризмъ, говоритъ онъ, — отрицаніе умозрѣнія — вотъ

разгадка всякихъ остановокъ и ненормальныхъ развитій (въ судьбѣ науки). Нашъ вѣкъ хочетъ познавать, но упорно отказывается мыслить, какъ будто боясь, что мышленіе разрушитъ начада, на которыхъ онъ строить свою жизнь, и возложить на него слишкомъ трудныя задачи и обязанности. Все значеніе моей книги состоитъ въ томъ, что она идетъ противъ эмпиризма, пытается вносить мышленіе въ приемы изученія природы.

„Я желаю стоять за одно въ моей книгѣ: за философскій методъ *ставитъ и развивать понятія*. Въ этомъ методѣ вся тайна умозрѣнія. Чѣмъ кто способнѣе имъ владѣть, тѣмъ больше онъ заслуживаетъ имени человека философствующаго. Чѣмъ точнѣе и правильнѣе этотъ методъ прилагается, тѣмъ несомнѣннѣе озаряется всякій предметъ изслѣдованія“ (стр. XIX).

Выражая въ общихъ положеніяхъ свое философское міропониманіе, Страховъ опредѣляетъ понятіе „міра“ слѣдующими признаками:

„*Миръ есть цѣлое*; то-есть онъ связанъ во всѣхъ направленіяхъ, въ какихъ только можетъ его разсматривать нашъ умъ.—*Миръ есть единое цѣлое*, то-есть онъ не распадается на двѣ, на три, или, вообще, на нѣсколько сущностей, связанныхъ независимо отъ ихъ собственныхъ свойствъ. Такое единство міра можно получить не иначе, какъ одухотворивъ природу, признавъ, что истинная сущность вещей состоитъ въ различныхъ степеняхъ воплощающагося духа. *Миръ есть связанное цѣлое*, то-есть всѣ его части и явленія находятся во взаимной зависимости. Въ немъ нѣтъ ничего самобытнаго, никакихъ особыхъ началъ, никакихъ простыхъ тѣлъ, никакихъ атомовъ; нѣтъ самостоятельныхъ, отъ вѣка различныхъ силъ, нѣтъ ничего неизмѣннаго, само по себѣ существующаго. Все въ зависимости и все течетъ, какъ говорилъ еще Гераклитъ. *Миръ есть стройное цѣлое*, или—какъ говорятъ,—гармоническое, органическое цѣлое. То-есть части и явленія міра не просто связаны, а соподчинены, представляютъ правильную лѣстницу, пирамиду, всего лучше

сказать—іерархію существъ и явленій. Міръ, какъ организмъ, имѣетъ части менѣе важныя и болѣе важныя, высшія и низшія: и отношеніе между этими частями таково, что онѣ представляютъ гармонію, служатъ однѣ для другихъ, образуютъ одно цѣлое, въ которомъ нѣтъ ничего ни лишняго, ни бесполезнаго. *Міръ есть цѣлое, имѣющее центръ*, именно онъ есть сфера, средоточіе которой составляетъ человѣкъ. Человѣкъ есть вершина природы, узелъ бытія. Въ немъ заключается величайшая загадка и величайшее чудо мірозданія. Онъ занимаетъ центральное мѣсто по всѣмъ направленіямъ связей, соединяющихъ міръ въ одно цѣлое; онъ есть главная сущность, главное явленіе и главный органъ міра“ (стр. VII—VIII).

Этотъ своеобразный съ научной точки зрѣнія, но неизбѣжный при гегелевской традиціи взглядъ на человѣка—какъ на центръ реального міра, Страховъ оправдываетъ въ своей книгѣ подробно и до извѣстной степени убѣдительно:

„Рѣдко кто хочетъ признать *центральное* положеніе человѣка“ (стр. X) говорить онъ.

„Между тѣмъ, когда и гдѣ было найдено въ природѣ существо или явленіе болѣе *загадочное*, болѣе *высокое*, болѣе *таинственное*, болѣе *сложное*, чѣмъ человѣкъ? Не составляютъ ли явныхъ мечтаній всѣ попытки отыскать въ мірѣ (т.-е. въ природѣ внѣ человѣка) тайныя силы, ирраціональныя явленія,—попытки, которыя тянутся черезъ всю исторію человѣчества? Солнце со своими огненными дождями и изверженіями,—которыя когда-то воспѣвалъ Ломоносовъ,—не есть ли *простѣйшая вещь* въ сравненіи съ тѣмъ, что совершается въ человѣкѣ?

„Дѣйствительно, міръ вовсе не такъ великолѣпенъ и дивенъ, чтобы человѣкъ не могъ считаться его центромъ. Всѣ открытія, всѣ изслѣдованія только упрощаютъ наше понятіе о мірѣ, снимаютъ съ него фантастическія краски, а никакъ не увеличиваютъ того разнообразія и той загадочности, которую мы такъ охотно желали бы перенести съ себя на внѣшніе предметы. Человѣкъ — *вотъ величайшая загадка, узелъ мірозданія*“ (стр. X—XI).

Развивая эту мысль подробнѣе, Страховъ старается доказать фактами (анализомъ органовъ чувствъ, мышленія человѣка и проч.), что организація человѣка такъ совершенна и полна, что нельзя себѣ представить, чтобы на другихъ планетахъ жили обитатели съ болѣе совершенной организаціей *). И само собою понятно, что Страховъ во взглядѣ на природу, и особенно на органическій міръ и на устройство человѣка, является *телеологомъ*, вѣрящимъ въ высшую идейную *цѣлесообразность* всего устройства и развитія міра, и въ особенности организмовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ и враждуетъ такъ упорно противъ ученія Дарвина и его послѣдователей,—противъ воззрѣнія, что цѣлесообразность въ природѣ есть продуктъ *случайнаго* равновѣсія обрѣющихся силъ. Про устройство организмовъ, въ которыхъ каждая часть приспособлена къ задачамъ цѣлаго, онъ говоритъ:

„Для дарвиниста это — случайная цѣлесообразность, не имѣющая отношенія къ внутреннему развитію организма; истинный же телеологъ видитъ здѣсь то, какъ организмъ стремится осуществить свою общую цѣль, видитъ отвѣтъ самостроющагося существа на внѣшнія возбужденія и обстоятельства. Такимъ образомъ, изученіе цѣлесообразностей становится изученіемъ органическаго творчества, ведетъ насъ къ пониманію его средствъ, законовъ и сущности“ (стр. XVII).

Попытка свести все существованіе міра къ механическимъ законамъ и видѣть во всѣхъ явленіяхъ міра простое осуществленіе законовъ сохраненія вещества и сохраненія энергіи возмущаетъ Страхова своей односторонностью. Въ

*) Съ этой точки зрѣнія, для Страхова нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что человѣкъ есть не только духовное существо, но и высшее мыслимое животное: „на дѣлѣ оказывается, что не только животность не противорѣчитъ духовности, но даже что для духа необходима самая высшая степень животности. Человѣкъ есть совершеннѣйшее животное не потому, что въ немъ проявляется духъ, который подавляетъ животныя свойства, — нѣтъ, человѣкъ, и просто какъ животное, представляетъ намъ осуществленіе высочайшаго развитія животности (стр. 19).

статьѣ «О законѣ сохраненія энергіи», напечатанной въ нашемъ журналѣ и перепечатанной во второмъ изданіи «Міръ какъ цѣлое», Н. Н. говоритъ, между прочимъ:

„Знаніе закона энергіи безмѣрно увеличиваетъ нашу возможность распоряжаться вещественными явленіями. Но чѣмъ выше значеніе этого закона въ указанныхъ областяхъ, тѣмъ меньше онъ отвѣчаетъ на наши другіе запросы. Онъ какъ будто вовсе не подвигаетъ насъ въ дѣйствительномъ познаніи природы, въ постиженіи того бытія, съ которымъ мы связаны всѣмъ существомъ своимъ. Разнообразіе явленій и существъ міра, ихъ гармоническое соотношеніе, ихъ различная существенность и правильная іерархія—все это ничуть не проясняется. Напротивъ, законъ энергіи указываетъ въ природѣ нѣкоторую черту однообразія, сглаживаетъ всякія различія, утверждаетъ единое правило, которому въ извѣстномъ отношеніи неизбѣжно подчинены *всѣ вещественныя явленія*“ (стр. 580—581).

Гдѣ же искать высшей разгадки мірового бытія, источника объясненія міровой гармоніи, цѣлесообразности организмовъ, смысла человѣческой жизни? На это Страховъ отвѣчаетъ совершенно опредѣленно:

„Хотя бы мы и не стали приписывать Богу всякое наблюдаемое разнообразіе вещей, однако же дѣйствительное познаніе, удовлетворяющее всѣмъ нашимъ запросамъ, должно исходить изъ этого разнообразія и необходимо приведетъ насъ къ Богу, укажетъ, что только въ Немъ содержится смыслъ всякаго бытія“ (М. к. Ц., стр. 582).

„Понятіе о Богѣ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ книги,—есть понятіе по преимуществу, т. е. менѣе, чѣмъ что-либо другое, доступно представленію. По самому обыкновенному пониманію отъ Бога все зависитъ, все отъ Него происходитъ, Онъ есть начало и смыслъ всего существующаго. Слѣдовательно, для мышленія Онъ представляетъ глубочайшую глубину, *крайнюю точку, до которой оно можетъ достигнуть*. Матеріалистическое мышленіе, слѣдуя своему обыкновенному ходу, стремится представить себѣ

Бога, и потому впадаетъ въ неисчислимыя затрудненія“ (стр. 475).

„Такъ какъ понятіе о Богѣ есть центральное понятіе, на которое мы сводимъ всѣ другія, такъ какъ міръ вполнѣ опредѣляется творческою волей Бога, то всѣ вопросы сводятся на то, чтобы понять, какъ вещи зависятъ отъ Бога. Въ сравненіи съ этимъ—считать субстанціи по пальцамъ есть дѣло пустое. Множество субстанцій есть прямой признакъ слабаго познанія, потому что мышленіе, какъ я уже сказалъ, есть сведеніе многаго на одно“ (стр. 244).

Интересно сопоставить съ изложенными *теоретическими* воззрѣніями Страхова на міръ и его устройство, на мѣсто, которое занимаетъ въ немъ человѣкъ, и на роль Бога въ мірѣ,—практическіе взгляды нашего мыслителя на жизнь человѣческую и ея значеніе. Вотъ его мысли по этому предмету:

„Жизнь есть не только самоудовлетвореніе, но и саморазрушеніе, самонедовольство“ (стр. 186).

„Пока есть задача, которая не рѣшена, пока есть замысль, который не исполненъ, пока есть цѣль, которая не достигнута,—до тѣхъ поръ возможна дѣятельность. И, слѣдовательно, муки души побуждаютъ насъ впередъ, къ неразгаданному и несовершенному. Онѣ суть муки рожденія. То новое, что приходитъ въ міръ,—таинственное будущее, которое наступаетъ,—оно приходитъ не помимо насъ, мы сами его раждаемъ“ (стр. 188).

„Жизнь часто бываетъ комедіею, но въ сущности она—глубочайшая драма. Мы не сочиняемъ этой драмы, но сами въ ней дѣйствуемъ, сами поглощены ея завязкою. Эта драма потеряла бы для насъ всю свою цѣну, еслибы развязка зависѣла отъ нашего произвола, или еслибы мы ее знали напередъ. Жизнь есть дѣйствительное обновленіе, *дѣйствительная загадка*, и потому великая черта ея открывается въ томъ, что какъ неизвѣстно будущее, такъ и совершенно неизвѣстно, что выходитъ изъ жизни каждаго изъ насъ“ (стр. 188—189).

При такомъ взглядѣ на жизнь человѣческую, вынесенномъ изъ житейскаго опыта, а не изъ одного только теоретическаго размышленія, едва ли кто-нибудь усомнится въ томъ, что Н. Н. Страховъ имѣлъ вполнѣ законное право пытаться совмѣстить въ своемъ міросозерцаніи прирожденный и свойственный его уму свѣтлый *раціонализмъ* съ естественною для каждаго, не только серьезно мыслящаго, но и глубоко чувствующаго человѣка вѣрою въ непостижимость коренной основы жизни, — философскую трезвость мысли и діалектической методъ мышленія съ искреннею, но своеобразною религіозностью.

Дуализмъ Страхова былъ только особымъ проявленіемъ неустраимаго дуализма человѣческой природы и мысли, а онъ, какъ мы видѣли, исповѣдывалъ этотъ дуализмъ не только практически, но и теоретически, хотя и стремился разрѣшить его въ высшемъ идеалистическомъ монизмѣ. Сама жизнь Страхова была нѣкоторою душевною драмой, которая вела къ такому дуализму. Искренне и всецѣло преданный литературѣ, несомнѣнно даровитый, *исключительно* разносторонне (для нашего общества) образованный и просвѣщенный, онъ встрѣчалъ въ своей литературной дѣятельности до самаго зрѣлаго возраста однѣ только помѣхи, — грубое непониманіе, часто насмѣшки, или полное игнорированіе. Онъ не сразу привыкъ къ такому положенію, и вотъ какъ онъ, уже въ зрѣлые годы, характеризуетъ самъ свое положеніе, какъ писателя:

„Что наша литература есть литература фанатическая, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Разсужденіе, правильное развитіе мыслей, логически послѣдовательные споры у насъ не существуютъ, почти невозможны по натурѣ нашихъ пишущихъ и по натурѣ нашей публики. У насъ возможны и имѣютъ ходъ, почти исключительно, только всякія вѣры и ненависти, всякія идолопоклонничества и затоптанія въ грязь, всякіе свисты и боготворенія. Вашъ покорный слуга тѣмъ больше имѣетъ право это говорить, что самъ принадлежитъ къ числу затоптанныхъ въ грязь. Вы

пожалуй, не предполагали, что дѣло дошло до подобной крайности, и что я нахожусь въ такомъ ужасномъ положеніи; но фактъ уже заявленъ тѣми, кого можно считать въ такихъ дѣлахъ вполне свѣдущими. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1874 года, отъ 27 ноября, г. Михайловскій, на половину съ торжествомъ, на половину съ сожалѣніемъ, говорить: „мы втоптали въ грязь г. Страхова, человѣка... и пр.“ Пожалуйста, не подумайте, что я принимаю все происшествіе въ шутку; старанія этихъ „мы“ не всегда оставались безуспѣшными...“ („О вѣчн. истинахъ“, стр. 13).

Въ своихъ частныхъ разговорахъ и письмахъ Н. Н. иногда трогательно, по чрезвычайной скромности выражений, изъявлялъ благодарность за то, что, наконецъ, его читаютъ, понимаютъ и цѣнятъ: „Покорно васъ благодарю за ваше письмо,—писалъ онъ намъ въ апрѣлѣ 1887 г.,—и за то, что хвалите мою книгу (Объ основныхъ понятіяхъ), и за то, что просите моего совѣта. Очень мнѣ пріятно ваше вниманіе, и признаюсь, не разъ васъ корилъ за то, что до сихъ поръ вы меня не читали“. Послѣ выхода первой книги журнала «Вопросы философіи и психологіи» въ 1889 году, Н. Н. Страховъ писалъ: „Душевно благодарю васъ за то, что упомянули обо мнѣ и съ такимъ почетомъ въ вашемъ вступленіи—эта честь мнѣ еще *вновь*“. Черезъ годъ, въ 1890 г., Н. Н. писалъ между прочимъ: „Какъ-то вы мнѣ писали: «у васъ много враговъ». Это меня очень огорчило и заставило задуматься. За что же? Они зачинщики, они осыпаютъ меня бранью, а потомъ я же выхожу и злымъ, и бранчивымъ“.

Да, много было литературныхъ враговъ у Н. Н. Страхова, которые его часто напрасно бранили за откровенное и искреннее слово убѣжденія по вопросамъ, иногда совершенно теоретическимъ, и совершенно правъ былъ Н. Н., когда говорилъ, что у насъ въ Россіи не умѣютъ спорить и разсуждать; а между тѣмъ мыслитель онъ все-таки былъ изъ ряда выходящій, сколько бы его ни бранили. Вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію нашего уважаемаго коллеги, профессора С.-Петербургскаго университета, Александра Ива-

новича Введенскаго, что „значеніе дѣятельности покойнаго Н. Н. Страхова для нарождающейся русской философіи состоитъ въ томъ, что онъ написалъ нѣсколько книгъ, при помощи которыхъ въ Россіи еще долгое время будутъ охотно начинать учиться мыслить и которыя столь же долгое время будутъ считаться образцами философскаго изложенія...“ („Образованіе“, мартъ 1896 г., стр. 8: статья «Значеніе философской дѣятельности Н. Н. Страхова»).

Страховъ не былъ творческимъ гениемъ, создателемъ новой философской системы, могущей имѣть мировое значеніе. Но мы еще и не дожили до своихъ Платоновъ и Аристотелей: слишкомъ неблагоприятна и убога для этого наша общественно-интеллектуальная почва. Страхову великое спасибо за то, что онъ одинъ изъ первыхъ особенно энергично и ясно призывалъ русскихъ людей *мыслить самостоятельно*, не отрѣшаясь однако отъ науки и отъ исторіи западной европейской мысли. Это былъ не узкій славянофилъ, но истинно русский человекъ, вѣрившій, подобно Данилевскому, что мы призваны внести въ общеевропейскую культуру свой особый цѣнный вкладъ и упразднить нѣкоторыя ея противорѣчія. Какъ мыслитель-діалектикъ, онъ допускалъ необходимость „тезиса“ и „антитезиса“ (въ духѣ Гегеля), но стремился самъ своеобразно осуществить послѣднюю задачу мысли — *синтезъ*. Много ли у насъ въ литературѣ людей, правильно сознающихъ широту этой задачи?

Мы глубоко убѣждены, что образъ Страхова, какъ своеобразнаго русскаго мыслителя, будетъ все болѣе и болѣе расти, и что его произведенія станутъ скоро философскою хрестоматіей для всякаго русскаго читателя, желающаго сдѣлать первый серьезный шагъ къ самостоятельному мышленію.

Къ сожалѣнію, немногіе внимательно изучали у насъ его философскія и литературныя произведенія.

Николай Гротъ.

Христіанская гармонія духа.

Этико-психологическій этюдъ ¹⁾).

(Посвящается Хрестовоздвиженскому Первому Трудовому Братству).

„Не придетъ Царствіе Божіе при-
мѣтнымъ образомъ“.

Ев. отъ Луки, гл. XVII, ст. 20.

Что значатъ слова: «Царствіе Божіе»? Для истинно вѣрующаго—осуществленіе всѣхъ завѣтныхъ желаній сердца его; для людей, воображающихъ себя вѣрующими, не понимая, въ Кого

1) Печатаемая настоящую статью Николая Николаевича Неплюева, извѣстнаго русскаго филантропа, организатора христіанскихъ Трудовыхъ Братствъ, преимущественно на югѣ Россіи, человѣка, безкорыстно отдавашаго всю свою жизнь и дѣятельность благоустроению народнаго быта и возвышенію нравственнаго уровня и самостоятельности въ крестьянскихъ массахъ, редакція исходитъ изъ того убѣжденія, что духовно-нравственное міросозерцаніе такого человѣка не можетъ не представлять глубокаго интереса для русскаго общества. Настоящая статья не есть ни ученое изслѣдованіе, ни строго философское или богословское разсужденіе, но она представляетъ собою интересный психологическій документъ—исповѣдь человѣка, всецѣло проникнутаго христіанскимъ духомъ и стремящагося строго согласовать всю свою жизнь и общественную работу съ тѣмъ міросозерцаніемъ, которое онъ выработалъ путемъ непосредственнаго изученія Священнаго Писанія. Попытка ясно сформулировать это міросозерцаніе со стороны дѣятеля, доказавшаго непоколебимую устойчивость своихъ убѣжденій, не могла не встрѣтить сочувствія въ средѣ людей мыслящихъ и съ уваженіемъ относящихся ко всякому искреннему и независимому мышленію. Н. Н. Неплюевъ напечаталъ цѣлый рядъ религіозныхъ статей и сочиненій за границей (въ Лейпцигѣ), но передъ русскою публикой и въ русскою печати онъ появляется впервые. Настоящая статья есть общее введеніе къ болѣе обширному труду.

Редакція.

Вопросы Философіи, кн. 32.

1

вѣруютъ,—грозное торжество враждебной ихъ волѣ воли Божіей, для невѣрующаго и человѣка, воображающаго себя таковымъ,—безсмысленное сочетаніе словъ, безъ всякаго внутренняго содержанія.

Въ дѣйствительности, нѣтъ и быть не можетъ такого живого и разумнаго существа, которое могло бы не жаждать осуществленія Царствія Божія въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его Откровеніе, въ какомъ не можетъ не понять его сознательно вѣрующей.

Благой и разумный Творецъ всего, Первопричина всего сущаго, все создалъ для благой и разумной конечной цѣли. Царствіе Божіе и есть осуществленіе того высшаго блага, для котораго и сотворено все существующее. Воля Божія не можетъ расходиться съ благомъ Его созданій, а заключаетъ въ себѣ благо, безконечно превосходящее самыя смѣлыя желанія сердца нашего: «Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ»... 1).

Богъ—Единый Творецъ человѣка, притомъ всего человѣка, со всѣми свойствами духа его и всѣми, соотвѣтствующими этимъ свойствамъ, органами тѣла его. Не можетъ быть въ человѣкѣ такой потребности, такого желанія, которое бы не получило не только полнаго, но и безконечно превосходящаго его пониманія и его пожеланія, удовлетворенія въ Царствѣ Божіемъ, когда осуществится въ торжествѣ воли Божіей конечная цѣль Его творенія.

Если какія-либо желанія сердца нашего будутъ удовлетворены не такъ, какъ мы того желаемъ, то только потому, что мы желаемъ себѣ меньшаго, чѣмъ желаетъ для насъ Богъ. «Я знаю и увѣренъ въ Господѣ Иисусѣ, что нѣтъ ничего въ себѣ самомъ нечистаго» 2), и быть не можетъ, потому что все имѣетъ одну Первопричину—Единаго Творца. Всѣ желанія сердца нашего найдутъ полное удовлетвореніе въ Царствѣ Божіемъ—только возвышенными, освященными и притомъ безконечно превзойденными.

Сознательно вѣрующей христіанинъ, понимающей христіанское міровоззрѣніе, не можетъ думать иначе. Для него Царствіе Божіе есть полное, абсолютное удовлетвореніе всѣхъ потребностей

1) I Посланіе къ Коринѳ., гл. II, ст. 9.

2) Посл. къ Римлян., гл. XIV, ст. 14.

вѣчнаго духа его. Какое же разумное, живое существо можетъ не желать для себя того же?

Человѣкъ, воображающій себя вѣрующимъ, не понимая въ Кого вѣруетъ, можетъ равнодушно произносить слова: «да придетъ Царствіе Твое»—и воображать, что счастье его болѣе зависитъ отъ успѣховъ на ярмаркѣ жизни, нежели отъ осуществленія воли Творца его въ Царствѣ Божіемъ; такъ думать онъ можетъ только потому, что ничего не продумалъ и не научился даже азбукѣ христіанства. Онъ не понимаетъ, что Богъ есть Любовь, не понимаетъ, что воля Бога-Любви не можетъ противѣчить его счастью, что Царство Бога-Любви и есть осуществленіе всѣхъ завѣтныхъ желаній сердца его, не понимаетъ, что Богъ-Любовь безконечно больше любитъ его, чѣмъ самъ онъ умѣетъ любить себя, и уготовалъ ему вѣчное блаженство, безконечно превосходящее самыя упоительныя мечты сердца его.

Въ дѣйствительности и его сердце жаждетъ именно того блаженства, которое испытать онъ можетъ только въ Царствѣ Божіемъ, котораго замѣнить не могутъ «скупныя пѣсни земли».

Человѣкъ невѣрующій или воображающій себя таковымъ, въ сущности, живетъ тѣмъ же желаніемъ полнаго удовлетворенія всѣхъ потребностей страждущаго человѣчества, — болѣе того, живетъ тою же вѣрою въ конечную побѣду добра и счастья, тою же вѣрою въ осуществленіе общаго блага путемъ «прогресса», «эволюціи», «борьбы за существованіе», хотя вѣра эта, безъ вѣры въ Бога Творца, благого, разумнаго и всемогущаго, и не имѣетъ никакого разумнаго основанія. Такъ силенъ инстинктъ счастья, предчувствіе той благой, конечной цѣли, для которой и сотворилъ насъ Богъ-Любовь, которая и осуществится въ Царствіи Божіемъ!

Насколько разнообразно пониманіе Бога, первопричины бытія, настолько разнообразно и пониманіе Царства Божія, конечной цѣли творенія и путей, ведущихъ къ высшему благу. Люди невѣрующіе или воображающіе себя таковыми, когда они логичны, естественно впадаютъ въ мрачный пессимизмъ, понимая беспочвенность всякой надежды, при отрицаніи Творца благого, разумнаго и всемогущаго, при отрицаніи Высшаго Разума, направляющаго міровой организмъ къ благой конечной цѣли; когда они не логичны, отказываясь отъ вѣры, они впадаютъ въ суевѣріе, строя свои оптимистическія надежды на безосновательной

гипотезѣ о томъ, что дурная машина сама себя исправитъ, что изъ зла путемъ эволюціи выйдетъ добро и злые демоны путемъ борьбы за существованіе превратятся въ свѣтлыхъ ангеловъ.

Люди вѣрующіе, когда они не знаютъ, въ кого вѣруютъ, когда умы и сердца ихъ не озарены свѣтомъ отъ Свѣта небеснаго, абсолютной истины Откровенія, представляютъ тоже изумительное разнообразіе въ опредѣленіи путей, ведущихъ къ Царствію Божію, сообразно безконечному разнообразію ихъ представлений о Богѣ. Очень ошибочно думать, что всѣ люди, называющіе себя христіанами, вѣруютъ въ одного и того же Бога. Совершенное незнакомство съ первоисточниками Откровенія и воищющій разладъ между вѣрою и рутиною жизни дѣлаютъ возможнымъ—даже зауряднымъ—то, что люди, одинаково убѣжденные въ неукоснительности своего правовѣрія, поклоняются совершенно разнымъ богамъ, не имѣющимъ съ истиннымъ Богомъ Пророковъ, Христа и Апостоловъ ничего общаго.—Одинъ воображаетъ себѣ Бога грознымъ и гордымъ властелиномъ міра и считаетъ лучшимъ способомъ быть допущеннымъ въ Царствіе Божіе заручиться покровительствомъ тѣхъ, кто имѣетъ доступъ къ ступенямъ Его престола; другіе вѣруютъ въ злого бога, мрачнаго человѣконенавистника, непріязненно слѣдящаго за каждымъ шагомъ своихъ созданій, всегда готоваго обличить и казнить,—въ мрачное божество, для котораго всякая радость есть оскорбленіе, умиловитъ котораго можно, только услаждая его видомъ непрерывныхъ самоистязаній; третьи вѣруютъ въ корыстное и чванливое божество, котораго легко подкупить дарами и лестью на благодушную уживчивость со злобою и кривдою; четвертые вѣрятъ въ божество, боящееся свѣта разума, благоволящее исключительно къ благочестивымъ упражненіямъ, къ многословію безчисленныхъ молитвъ, къ благочестивому битію поклоновъ. Всѣ они сходятся въ одномъ: въ совершенномъ непониманіи Бога Истиннаго, Бога Откровенія, Любвеобильнаго и Мудраго Отца Небеснаго, въ совершенномъ непониманіи того, что Богъ-Любовь не можетъ благодушно уживаться съ злыми демонами, что бы эти демоны ни дѣлали, что единственный способъ заслужить Его благоволеніе и быть допущенными въ Царство Его перестать быть демонами по настроенію, покаяться и сотворить плоды достойные покаянія,—покаяться не только въ злобѣ, но и въ холодности сердца своего,—сотворить плоды достойные покаянія, не въ смыслѣ жертвы,

тяжелаго долга, самодовольной благотворительности, не съ ожесточеніемъ и скрежетомъ зубовнымъ, а въ смыслѣ насущной потребности любящаго сердца, естественнаго плода торжествующей любви, смиреннаго братолюбія, достигшаго мощи вдохновенія, дѣятельной любви.

Именно это перерожденіе въ новаго человѣка выставлялъ Христось Спаситель и проповѣдовали Его Апостолы, какъ непрѣмѣнное условіе примиренія съ Богомъ, возможности быть допущеннымъ въ Царствіе Божіе.

Торжествующая, дѣятельная любовь—вотъ что дѣлаетъ насъ родными по духу Богу-Любви, ради вѣчнаго блаженства причастія Его создавшему насъ, любвеобильному Отцу нашему Небесному, вотъ что дѣлаетъ насъ братьями по духу, причастниками Великаго Братства Ангеловъ и Святыхъ Церкви Божіей, Царства Божія!

Вотъ почему сказалъ Господь: «Не прійдетъ Царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ», потому что не можетъ осуществить Царствія Божія на землѣ никакое учрежденіе, никакая организация, никакія дѣла.

Вотъ почему сказалъ Господь: «Царство Божіе внутри васъ есть», въ тайникѣ ума, въ тайникѣ сердца вашего. Если по настроенію духа вы чужды Богу и Святымъ Его,—напрасны всѣ жертвы, напрасны всякія дѣла: «Если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю—нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы» ¹⁾. Итакъ, безъ соотвѣтствующаго настроенія не имѣютъ никакого значенія никакая организация, никакія дѣла. Во всякую организацию, и въ Церковь помѣстную, и въ Братство, повсюду могутъ проникнуть люди, настроенію духа которыхъ не соотвѣтствуютъ организация и дѣла, въ ней совершаемая; причемъ не будетъ Царствія Божія внутри ихъ, не будутъ они причастниками Царствія Божія, и такимъ образомъ и самая организация можетъ быть только болѣе или менѣе вѣрнымъ отображеніемъ Царствія Божія внутри большинства своихъ сочленовъ, а не видимымъ осуществленіемъ самого Царствія Божія на землѣ.

Слѣдуетъ ли изъ этого, какъ думаетъ графъ Л. Н. Толстой, чтобы всякая организация была не нужна? Тѣ же дѣла, которыя, безъ соотвѣтствующаго настроенія, не имѣли бы никакого

¹⁾ Ап. Павелъ, I посл. къ Коринѣ., гл. XIII, ст. 3.

спасительнаго значенія, становятся неизбѣжными проявленіями Царства Божія внутри человѣка съ той минуты, когда они являются естественнымъ плодомъ дѣятельной, торжествующей любви. Такъ и въ дѣлѣ всякой организаціи; организація сама по себѣ, безъ соотвѣтствующаго настроенія участниковъ въ ней, не только не можетъ имѣть никакого спасительнаго значенія, но даже фатально предназначена къ вырожденію до уровня настроенія большинства, созидающаго въ ней жизнь; та же организація, при наличности соотвѣтствующаго ей настроенія участниковъ, является естественнымъ, неизбѣжнымъ проявленіемъ этого настроенія.

Отсутствіе всякой организаціи есть анархія, совсѣмъ не соотвѣтствующая ни мудрой волѣ Мудраго Творца, ни Царствію Божію внутри человѣка. Не организовать добра среди организованнаго зла и не разумно, и жестоко по отношенію къ кроткимъ овцамъ, блуждающимъ по одиночкѣ среди волковъ хищныхъ. Нельзя служить неразумно разумному дѣлу Божію. «Богъ не есть Богъ неустройства» ¹⁾. Нельзя съ сердцемъ, исполненнымъ братолюбія, не желать реальнаго братскаго общенія, не желать ревниваго обособленія братьевъ отъ зла и соотвѣтствующей тому организаціи. «Покажите... въ благочестіи братолюбіе, въ братолюбіи любовь» ²⁾.—«Братство любите» ³⁾.—«Какъ хорошо и какъ приятно жить братьямъ вмѣстѣ» ⁴⁾.—«Блаженъ мужъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ, и не стоитъ на пути грѣшныхъ, и не сидитъ въ собраніи развратителей» ⁵⁾.—«Не обманывайтесь; худыя сообщества развращаютъ добрые нравы» ⁶⁾.

Итакъ, единственный путь спасенія—это рожденіе свыше, перерожденіе въ новаго человѣка, опредѣленное настроеніе духа, при которомъ Царствіе Божіе внутри насъ водворилось, при которомъ естественнымъ плодомъ живой вѣры нашей является жизнь по вѣрѣ и стройная организація этой жизни по образу и подобию Царствія Божія.

1) I Посл. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. XIV, ст. 33.

2) II Посл. Ап. Петра, гл. I, ст. 7.

3) I Собор. Посл. Ап. Петра, гл. II, ст. 17.

4) Псаломъ 132.

5) Псаломъ 1.

6) I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. XV, ст. 33.

Въ настоящемъ трудѣ моемъ я стараюсь убѣдить въ томъ, что Откровеніе даетъ намъ возможность не только вполне ясно понять, какое настроеніе соотвѣтствуетъ Царствію Божию внутри человѣка, но и выразить въ удобоусвояемой, краткой формулѣ эту святую гармонию истинно христіанскаго настроенія духа.

1. Духъ и тѣло.

Матеріалисты отрицаютъ существованіе духа, приписывая матеріи всѣ свойства, которыя спиритуалисты признаютъ за духомъ, неизмѣнно пребывающимъ—въ то время какъ матерія, прахъ земной, вихремъ переносится изъ одного аггломерата въ другой, лишь на мгновеніе вступая въ составъ даннаго живого организма, что подтверждаютъ новѣйшія научныя открытія и чего не отрицаютъ самые крайніе матеріалисты.

Вопросъ о томъ, что подчиняется одно другому, сила матеріи или матерія силѣ, и составляетъ основную разницу двухъ противоположныхъ міровозрѣній: матеріалистическаго и спиритуалистическаго. Матеріалистъ приписываетъ всѣ жизненныя явленія проявленію свойствъ матеріи и не можетъ, не измѣняя матеріализму, допустить ни при какихъ обстоятельствахъ существованія духовнаго начала, независимаго отъ матеріи. Не только ощущенія, но и сознаніе и любовь онъ долженъ признавать за свойства живой матеріи, постоянно возобновляемой поглощаемою нами пищей. Еслибъ онъ призналъ въ чемъ-либо проявленіе свойства пребывающаго духовнаго «я», отдѣльнаго отъ вихря матеріи, то тотчасъ ускользнула бы изъ-подъ его ногъ самая почва матеріализма, и всякія разсужденія, выводы и обобщенія матеріалистическаго характера потеряли бы всякую доказательность; самая основа матеріалистическаго міровозрѣнія была бы нарушена и, приписавъ одно проявленіе активной жизни духу, онъ не имѣлъ бы никакого разумнаго основанія не видѣть проявленій духовнаго начала и во всѣхъ прочихъ аналогичныхъ явленіяхъ.

Такъ и спиритуалистъ не можетъ, не дѣлаясь матеріалистомъ, приписать матеріи какое-либо изъ свойствъ живого духа. Для него матерія только пассивно подчиняется физическимъ законамъ природы, но никакихъ активныхъ свойствъ, а слѣдовательно и никакихъ потребностей, никакихъ желаній имѣть не можетъ. Достаточно допустить существованіе живой матеріи,

хотя бы приписавъ матеріи свойство ощущать, чтобъ ускользнула изъ-подъ ногъ самая почва спиритуализма и потеряли тотчасъ всякую доказательность и логичность разсужденія, выводы и обобщенія спиритуалистическаго характера.

Крайніе спиритуалисты доходятъ до отрицанія самаго существованія матеріи. Это явленіе можетъ быть названо отпаднымъ только въ смыслѣ возстановленія гармоніи, какъ явленіе симметричное матеріализму.

Откровеніе научаеъ насъ признавать за истину среднее между этими двумя крайностями. Оно не отрицаетъ существованія матеріи, но смотритъ на нее, какъ на безразличный прахъ земной, брѣнную оболочку, сбрасываемую духомъ въ минуту смерти. Признавая свободу воли и неразрывно связанную съ нею отвѣтственность живого духа абсолютной истиной, краеугольнымъ камнемъ христіанской нравственности, нельзя допускать раздвоенія человѣка на два, совмѣстно въ немъ пребывающія живыя существа, нельзя смѣшивать сопутствующія физическія и химическія явленія организма со свойствами живого духа и ихъ проявленіями.

Тутъ никакой компромиссъ невозможенъ. Допустите, что ощущенія не суть проявленіе вѣчнаго свойства вѣчнаго духа,—и вы не будете имѣть никакого разумнаго основанія утверждать, что матерія, способная ощущать, не способна сознать и любить, вы логично придете къ сомнѣнію въ существованіи духовнаго «я», отдѣльнаго отъ матеріи тѣла.

Съ другой стороны, если ощущенія—не свойства духа, а свойства матеріи тѣла, вся стройная система христіанской нравственности рушится до основанія. Дѣйствительно, что останется съ христіанскою нравственностью, что останется отъ нея, если мы усомнимся въ высшей правдѣ побѣды любви и разума надъ грубою чувственностью? Предположимъ, что ощущенія присущи не духу, а матеріи тѣла; съ этой минуты человѣкъ перестаетъ быть однороднымъ существомъ, онъ раздвояется на два живыхъ существа: любящій, мыслящій духъ и ощущающее «животное тѣло». Для всякаго здравомыслящаго человѣка очевидно, что мое «я», свободное и потому отвѣтственное, не можетъ быть одновременно тѣмъ и другимъ живымъ существомъ, не превращаясь въ пустую фикцію. Кто же отвѣтственное «я»: духъ, имѣющій свойство любить и сознать, или тѣло, имѣющее свойство ощу-

шать? Если «я» — ощущающее тѣло, то любовь и сознание мнѣ чужды, и я могу только пассивно подчиняться ихъ воздѣйствию; тогда всякая активная роль въ дѣлѣ подчиненія имъ единственного свойства моего, а слѣдовательно и единственно доступной мнѣ области проявленія личной жизни моей—жизни осязаемой, чувственности—становится бессмысленнымъ для меня самоубійствомъ, лишеннымъ, при отсутствіи любви и сознанія, всякаго ореола идейности, всякаго нравственного достоинства.

Если «я» — любящій, сознающій духъ, не способный ощущать—являюсь только сожителемъ осязающаго тѣла, мнѣ недоступна никакая чувственность, и въ самомъ грубомъ развратѣ не было бы ни іоты эгоизма. Сознающее «я» только безстрастно отмѣчало бы явленія животной жизни моего сожителя, осязающаго тѣла. Любящее «я» только и могло бы жалѣть и прощать это безотвѣтственное Божіе созданіе—ощущающее тѣло, лишенное способности любить и сознать. При такихъ обстоятельствахъ борьба и побѣда присущихъ мнѣ свойствъ любви и сознанія надъ единственнымъ источникомъ счастья моего сожителя не только были бы лишены всякаго нравственного достоинства, но даже приобрѣли бы характеръ грубаго истязанія и безславнаго убійства невмѣняемаго существа, вся радость и жизнь котораго заключаются именно въ ощущеніяхъ.

При такомъ раздвоеніи не только отъ христіанской нравственности, но и отъ всего христіанскаго міровоззрѣнія не остается и слѣда.

Всякій здравомыслящій человѣкъ ясно сознаетъ, что этого раздвоенія въ немъ нѣтъ, что то же «я», которое способно любить и сознать, способно и ощущать, что слѣдовательно и любовь, и сознание, и ощущенія—свойства того же «я», свободнаго болѣе или менѣе сосредоточивать свое вниманіе на томъ или другомъ кругѣ доступныхъ ему жизненныхъ явленій, свободнаго болѣе или менѣе активно проявлять то или другое присущее ему свойство, жить преимущественно любовію, разумомъ или ощущеніями, и только потому отвѣтственнаго за свое настроеніе и свои поступки.

Впрочемъ, я не задаюсь цѣлью доказывать ложность матеріалистическихъ воззрѣній и правду воззрѣній спиритуалистическихъ. Христіанинъ не можетъ вступать ни въ какіе компромиссы съ матеріализмомъ, и главною цѣлію настоящей главы было показать въ-

рующимъ христіанамъ, къ какому абсурду неизбѣжно приведетъ ихъ столь распространенное заблужденіе чисто матеріалистическаго характера, по которому ощущенія не считаются свойствомъ духа и относятся къ области жизни тѣла—не только чуждой, но даже враждебной жизни духа.

Заблужденіе это отчасти зависитъ отъ преступнаго равнодушія въ дѣлѣ согласованія всего склада ума съ вѣрою, причемъ многое остается не продуманнымъ и не согласованнымъ—отчасти отъ узкаго, буквальнаго пониманія нѣкоторыхъ текстовъ писанія, при полномъ забвеніи самыхъ ясныхъ предостереженій: «Духъ животворить... Слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь» ¹⁾. «Онъ далъ намъ способность быть служителями Новаго Завѣта, не буквы, но духа, потому что буква убиваетъ, а духъ животворить» ²⁾. «Гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода» ³⁾.

Одинъ изъ такихъ узко, буквально и потому невѣрно понимаемыхъ текстовъ Писанія встрѣчается у того же Апостола Павла, такъ заботливо предостерегавшаго насъ отъ увлеченія буквою мертвящею. Въ посланіи къ Галатамъ Апостоль говоритъ: «Плоть желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти» ⁴⁾. Если мы не захотимъ позволить себѣ обвинить Ап. Павла въ проповѣди матеріализма, то мы поймемъ, что краткимъ словомъ «плоть» Апостоль обозначаетъ многообразныя проявленія жизни духа, соприкосновенныя съ поддержаніемъ благосостоянія организма тѣла, съ огражденіемъ духа отъ неприятныхъ ощущеній, неизбѣжныхъ для воплощеннаго духа при всякомъ разстройствѣ сложной машины тѣлеснаго организма, который самъ по себѣ ничего не ощущаетъ, но при всякомъ нарушеніи стройной гармоніи своихъ отправленій, доставляетъ духу неприятныя или болѣзненныя ощущенія. Поймемъ, что краткимъ словомъ «духъ» Апостоль противопоставляетъ области ощущеній, столь тѣсно связанныхъ съ жизнью духа во плоти, всѣ остальные области жизни духа, способнаго любить и сознать, признавая эти области высшими, сравнительно съ жизнью ощущеній, и такимъ образомъ утверждая великую истину, что *не всть свой-*

¹⁾ Ев. отъ Иоанна, гл. VI, ст. 63.

²⁾ II Посл. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. III, ст. 6.

³⁾ II Посл. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. III, ст. 17.

⁴⁾ Посл. Ап. Павла къ Галатамъ, гл. V ст. 17.

ства духа равноправны и что для святой гармоніи духа необходимо господство высшихъ свойствъ духа надъ низшими.

Считать, что Апостоль, говоря: «плоть желаетъ»,—признаетъ ощущенія за свойство живой матеріи, а не духа, было бы такъ же неосновательно, какъ и сказать, понимая' буквально слова книги Бытія о грѣшникахъ допотопныхъ: «потому что они плоть»¹⁾,—что Господь Богъ предписалъ намъ исповѣдывать материализмъ по отношенію къ грѣшникамъ.

Итакъ, весь человѣкъ—однородный духъ, одаренный Творцомъ многоразличными свойствами и свободой воли, позволяющею ему по произволу направлять энергію свою на проявленіе того или другого свойства духа.

Въ слѣдующихъ главахъ я постараюсь доказать словами Откровенія при свѣтѣ животворящаго духа вѣры, что всѣ свойства духа можно свести къ тремъ категоріямъ, что каждая изъ этихъ категорій имѣетъ свое опредѣленное мѣсто въ стройной гармоніи христіанскаго настроенія духа и что именно отъ взаимнаго ихъ соотношенія въ настроеніи и жизни человѣка и зависитъ степень грѣховной дисгармоніи или святой гармоніи духа человѣческаго, адъ или рай внутри насъ.

2. Любовь.

Изъ всѣхъ свойствъ духа Откровеніе настойчиво выдѣляетъ любовь, настойчиво отводя любви мѣсто первое, настойчиво вознося любовь на такую высоту, съ которой она, какъ свѣточъ, озаряла бы и общее настроеніе, и всю жизнь вѣрныхъ чадъ Отца Небеснаго, нелицемѣрныхъ, честныхъ христіанъ.

Откровеніе такъ богато мѣстами, отмѣченными печатью вѣчнаго закона главенства любви надъ всѣми прочими свойствами духа, что привести здѣсь всѣ изреченія, проникнутыя духомъ этого закона, невозможно, выбрать изъ нихъ самыя яркія и сильныя—затруднительно: такая сила, такой божественный огонь, такое парящее вдохновеніе проникаютъ слова избранныхъ Божиихъ каждый разъ, какъ имъ приходится исповѣдовать значеніе любви въ экономіи жизни міра.

Любимый ученикъ Христа Спасителя, тотъ, кого до нѣжной ласки любилъ Спаситель міра, Апостоль и Евангелистъ Іоаннь

Кн. Бытія гл. VI, ст. 3.

Богословъ, по справедливости можетъ быть названъ пѣвцомъ любви, великимъ исповѣдникомъ первенствующаго значенія любви въ гармоніи христіанскаго настроенія, въ гармоніи христіанской жизни по вѣрѣ.

Но не одинъ онъ проникнуть сознаниемъ первенствующаго значенія любви,—всѣ Апостолы громко исповѣдуютъ этотъ великій, вѣчный законъ правды Божіей, и самый послѣдній изъ прикнувшихъ къ семьѣ апостольской, ученикъ Гамаліила, ученый фарисей, Апостоль Павелъ,—ставъ христіаниномъ и получивъ благодать апостольства, когда Духъ Святой «научилъ его всему и напомнилъ ему все»,—былъ вознесенъ до высоты разумнѣннн значенія любви, не уступающей высотѣ вдохновеннаго прозрѣннн самого божественнаго Іоанна. Тринадцатая глава перваго посланія Ап. Павла къ Коринѣянамъ по справедливости можетъ быть поставлена рядомъ съ первымъ соборнымъ посланіемъ Ап. Іоанна; обѣ эти дивныя страницы Откровенія, полныя трепетомъ торжествующей, всепобѣждающей любви, являются самыми свѣтлыми лучами той безпредѣльной любви, которую завѣщаль Господь Іисусъ Христосъ въ послѣдней бесѣдѣ съ Апостолами, записанной въ главахъ XIII—XVII Евангелія отъ Іоанна.

«Богъ есть любовь» ¹⁾. Въ этихъ словахъ—все Евангеліе правды Божіей; въ этихъ словахъ, дважды повторенныхъ въ одномъ посланіи, разумный смыслъ творенія, откровеніе безмѣрной жертвы воплощенія Сына Божія ради нашего спасенія, твердое основаніе разумной надежды на блаженство вѣчное—конечную цѣль бытія всего сущаго.

«Богъ есть любовь». Въ этихъ словахъ—краеугольный камень радостной вѣры, санкція высшей разумности беззавѣтной любви, любви до самопожертвованія, любви до смерти крестной. Въ этихъ словахъ источникъ пониманія святой гармоніи Духа Божія, путь возстановленія святой гармоніи мятущагося духа человѣка, созданнаго по образу и подобию Божію. Апостоль не называетъ Бога «Разумъ», не называетъ Бога «Всемогушество», не называетъ Бога «Вѣчность»,—онъ говоритъ: «Богъ есть любовь»—и тѣмъ самымъ исповѣдуетъ, что первое мѣсто въ вѣчной, неизмѣнной, святой гармоніи Духа Божія занимаетъ любовь, что ей подчинены и мудрость, и всемогушество, и всѣ прочія свойства Божіи;

¹⁾ I Пос. Ап. Іоанна, гл. IV, ст. 8 и ст. 16.

исповѣдуетъ, что и въ человѣкѣ, созданномъ по образу и подобію Божію, любовь должна занять мѣсто первое и въ духѣ, и въ жизни, что безъ этого не могутъ быть восстановлены въ немъ извращенные грѣхомъ образъ и подобіе Творца, не можетъ быть достигнуто единодушіе блуднаго сына съ любвеобильнымъ Отцомъ Небеснымъ, не можетъ быть примиренія, не можетъ быть мира духовнаго, не можетъ быть Царства Божія внутри насъ.

«Богъ есть любовь». Этими словами навѣки осуждены ересь изъ ересей, безумное заблужденіе тѣхъ, которые осмѣливаются называть себя христіанами и даже кичиться своимъ правовѣріемъ, оставаясь холодными, черствыми, сухими сердцемъ, не признавая любви своею первою, основною обязанностью, не цѣня любви въ другихъ, мирясь со строемъ жизни, основаннымъ на корысти или насиліи, не вѣря въ высшую разумность любви, считая за наивную утопію самую возможность стройной организациі жизни на основахъ любви.

«Кто не любитъ, тотъ не знаетъ Бога, потому что Богъ есть любовь» ¹⁾. Напрасны всѣ старанія избѣгнуть этого основного закона христіанства, подмѣнить какою-либо фальшивою монетою чистое золото живой, дѣятельной, торжествующей любви. Елейность языка и льстивыя рѣчи не обманутъ и не удовлетворятъ Бога-Любовь. «Приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими и чтутъ меня языкомъ; сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Но тщетно чтутъ меня» ²⁾. Не поможетъ и ссылка на освященный давностью обычай, переданный отъ отцовъ: «Вы устранили заповѣдь Божію преданіемъ вашимъ! Лицемѣры!» ³⁾. Не поможетъ и увѣреніе въ любви, скромно скрытой въ глубинѣ вѣрующаго сердца: «Отъ избытка сердца говорятъ уста» ⁴⁾ «Хочешь ли знать, неосновательный человѣкъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва» ⁵⁾.

«Богъ есть любовь и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ» ⁶⁾. Любовь—непремѣнный признакъ истин-

1) I Посл. Ап. Иоанна, гл. IV, ст. 8.

2) Ев. отъ Маттея, гл. VIII, ст. 9.

3) Ев. отъ Маттея, гл. VIII, ст. 6.

4) Ев. отъ Маттея, гл. XII, ст. 34.

5) Пос. Ап. Іакова, гл. II, ст. 20.

6) I Пос. Ап. Иоанна, гл. IV, ст. 16.

наго христіанства, необходимый признакъ неукоснительности правовѣрія,—притомъ любовь, доходящая до нѣжности: «Будьте братолюбивы другъ къ другу съ нѣжностію» ¹⁾ до ревности, по примѣру Божію: «До ревности любить духъ, живущій въ насъ» ²⁾, до самопожертвованія, до смерти крестной: «Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ» ³⁾.

«Богъ любви и мира» ⁴⁾ не можетъ предпочесть дѣятельной, живой, нѣжной любви ни богословскія знанія, ни подвижничество непрестаннаго самоистязанія или самой широкой благотворительности, ни самое неукоснительное соблюденіе правовѣрной ритуальности: «Во Христѣ Иисусѣ не имѣтъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра, дѣйствующая любовію» ⁵⁾.

Безъ самоотверженной, живой, дѣятельной, нѣжной любви, властно господствующей въ духѣ нашемъ, проникающей собою весь складъ ума и весь строй жизни нашей, непрестанно торжествующей во всѣхъ отношеніяхъ нашихъ къ Богу и ближнимъ, нѣтъ христіанства: «Потому узнають всѣ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою» ⁶⁾.

Безъ такой любви нѣтъ никакой заслуги въ глазахъ Божіихъ, нѣтъ возможности примиренія съ Отцомъ Небеснымъ, нѣтъ спасенія: «Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая или кимваль звучащій. Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны и имѣю всякое познаніе и всю вѣру такъ, что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто. И если я роздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы» ⁷⁾.

Нѣтъ заслуги ни въ самомъ увлекательномъ краснорѣчій, ни въ самыхъ обширныхъ познаніяхъ, ни въ самой непоколебимой вѣрѣ, ни въ чудесахъ, порождаемыхъ вѣрою, ни въ самой разорительной благотворительности, ни даже въ добровольномъ

¹⁾ Пос. Ап. Павла къ Римлянамъ, гл. XII, ст. 10.

²⁾ Пос. Ап. Іакова, гл. IV, ст. 5.

³⁾ Ев. от. Іоанна, гл. XIII, ст. 34.

⁴⁾ II Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. XIII, ст. 11.

⁵⁾ Пос. Ап. Павла къ Галатамъ, гл. V, ст. 6.

⁶⁾ Ев. отъ Іоанна, гл. XIII, ст. 35.

⁷⁾ I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. XIII, ст. 1—3.

мученичествѣ, если все это не имѣетъ любви своимъ источникомъ—не является естественнымъ плодомъ любви.

Одна любовь и, притомъ, любовь исключительная, даетъ право быть служителемъ на дѣло Божіе, посредникомъ-миротворцемъ между грѣшнымъ человѣчествомъ и Отцомъ небеснымъ, даетъ право пасти овецъ стада Христова. «Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня больше, нежели они?... паси агнцевъ Моихъ» ¹⁾.

Именно любовь и ничто иное, какъ любовь, должна быть конечною цѣлью церковной проповѣди, всякаго назиданія, всякой благочестивой бесѣды: «Цѣль же увѣщанія есть любовь отъ чистаго сердца» ²⁾.

Любовь важнѣе вѣры потому, что включаетъ ее въ себя, какъ составную часть: нельзя любить ближнихъ, не любя Творца ихъ, нельзя любить Бога, не вѣруя въ Него, нельзя любить человѣчество, не вѣруя въ возможность его преображенія до свѣтлаго идеала, достойнаго любви, нельзя надѣяться на это преображеніе, не вѣруя въ любвеобильнаго, мудраго и всемогущаго Творца, предопредѣлившаго вѣчное бытіе любви, свѣту, гармоніи и красотѣ. «Если имѣю... всю вѣру..., а не имѣю любви, то я ничто» ³⁾. «И бѣсы вѣруютъ и трепещутъ» ⁴⁾, но не любятъ. «Теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше» ⁵⁾.

Любовь важнѣе знаній и потому должна господствовать надъ разумомъ, а не ему подчиняться; разумъ можетъ и не привести къ любви, а напротивъ, приведя къ гордости, иссушить сердце, угасить любовь. Любовь не можетъ отказаться отъ разума, не можетъ не желать разумно понять волю Божію, не можетъ не желать разумно сдѣлать наибольшее добро ближнему, не можетъ не любить разума, какъ дорогой талантъ, ввѣренный горячо любимымъ Отцомъ на пользу горячо любимыхъ братьевъ. «Знаніе надмеваетъ, а любовь назидаетъ» ⁶⁾. «Кто любитъ Бога, тому дано знаніе» ⁷⁾.

1) Ев. отъ Іоанна, гл. XXI, ст. 15.

2) I Пос. Ап. Павла къ Тимоѳею, гл. III, ст. 5.

3) I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. XIII, ст. 2.

4) Собор. Пос. Ап. Іакова, гл. II, ст. 19.

5) I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. XIII, ст. 13.

6) I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. VIII, ст. 1.

7) I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. VIII, ст. 3.

«Кто любитъ Бога»... Вѣрующій христіанинъ не можетъ любить безъ Бога, не можетъ отнять у Бога мѣсто первое въ сердцѣ своемъ, не дѣлаясь тотчасъ язычникомъ, сотворившимъ себѣ кумиръ, все равно будетъ ли этимъ кумиромъ отецъ, мать, сынъ, дочь, жена или другъ, наука, искусство, богатство, власть, или, что всего чаще случается, «я»—«чрево», по выраженію Писанія. «Кто любитъ отца или мать... сына или дочь болѣе, нежели Меня, тотъ недостоинъ Меня»¹⁾).

Именно любовь къ Богу и претворяетъ эгоистичную языческую похоть въ разумную, христіанскую любовь, научаешь, какъ любить, возносить любовь на высоту святая святыхъ міра, научаешь понимать, что любовь — вѣнецъ мудрости, первопричина бытія, конечная цѣль творенія, нерушимая основа блаженства вѣчнаго въ Царствѣ Божіемъ.

Какъ любовь должна господствовать надъ разумомъ, такъ любовь къ Богу должна господствовать надъ всякою другою любовью, проникая ее насквозь, очищая ее до святости. «Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всѣмъ разумніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюби ближняго твоего».

Одна любовь изъ корыстныхъ, трепещущихъ рабовъ возноситъ насъ до высоты свободныхъ чадъ Божіихъ. «Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершенъ въ любви». ²⁾ «Страхъ наказанія не есть спасительный, христіанскій страхъ Божій; страхъ ревнивой любви, страхъ оскорбить Того, Кого до ревности любишь, страхъ отдалиться отъ Него, стать недостойнымъ Его—вотъ спасительный, христіанскій страхъ Божій, который воистину есть «начало мудрости»³⁾. «Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ»⁴⁾. «А гдѣ духъ Господень, тамъ свобода»⁵⁾. «Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить въ страхѣ, но приняли духа усыновленія»⁶⁾. «Сама тварь будетъ

1) Ев. отъ Матвея, гл. X, ст. 37.

2) Посл. Ап. Іоанна, гл. IV, ст. 18.

3) Книга Притч. Соломона, гл. I, ст. 7.

4) I Пос. Ап. Іоанна, гл. IV, ст. 12.

5) II Пос. Ап. Павла къ Коринь., гл. III, ст. 17.

6) Посл. Ап. Павла къ Римл., гл. VIII, ст. 15.

освобождена отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ» ¹⁾.

Только такая любовь, свободная, сознательная до мудрости, изъ страха оскорбить любимаго до ревности Отца Небеснаго, и водворяетъ Царство Божіе внутри насъ, даетъ тотъ миръ душѣ, котораго никто не отниметъ у насъ, даетъ разумѣніе, возстановляющее единомысліе между нами, причастниками Царства Божія.

«Да дастъ вамъ по богатству славы Своей крѣпко утвердиться духомъ Его во внутреннемъ человѣкѣ, вѣрою вселиться Христу въ сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные въ любви, могли постигнуть со всѣми святыми, что широта и долготы, и глубина, и высота» ²⁾.

Предупреждаю читателя, что въ послѣдующемъ изложеніи моихъ разсужденій о христіанской гармоніи духа въ краткое слово «любовь» я всегда буду вкладывать именно тотъ смыслъ, который вкладываетъ въ него Откровеніе: любви живой, дѣятельной, нѣжной до ласки, самоотверженной до смерти крестной, подразумевающая, что вѣра въ Бога составляетъ неотъемлемую составную часть этого главнаго свойства вѣчнаго духа и что разумъ не только не враждебенъ любви, но является ея естественнымъ слугою, только подъ ея державою достигающимъ достоинства мудрости.

Любови Откровеніе не только отводитъ мѣсто первое въ экономіи жизни міра и христіанской нравственности, но даже прямо признаетъ, что въ ней весь смыслъ бытія, совокупность совершенства, вѣчная основа блаженства вѣчнаго.

«Покажите въ вѣрѣ вашей добродѣтели, въ добродѣтели разсудительность, въ разсудительности воздержаніе, въ воздержаніи терпѣніе, въ терпѣніи благочестіе, въ благочестіи братолюбіе, въ братолюбіи любовь» ³⁾.

«Любящій другого исполнилъ законъ» ⁴⁾. «Болѣе же всего облекитесь въ любовь, которая есть совокупность совершенства» ⁵⁾.

¹⁾ Посл. Ап. Павла къ Римл., гл. VIII, ст. 21.

²⁾ Посл. Ап. Павла къ Ефес., гл. III, ст. 16—18.

³⁾ II Собор. Посл. Ап. Петра, гл. I, ст. 5—7.

⁴⁾ Посл. Ап. Павла къ Римлянамъ, гл. VIII, ст. 8.

⁵⁾ Посл. Ап. Павла къ Колоссян., гл. III, ст. 14.

«Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знанія упряднятся» ¹⁾.

«Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ *любящимъ Его*» ²⁾.

По примѣру Христа Спасителя, сказавшаго: «По тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою» ³⁾, избранники Божіи настойчиво повторяютъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ любви,—болѣе того, гдѣ любви не отведено мѣсто первое, гдѣ любовь не составляетъ основы жизни и отношеній къ Богу и ближнимъ, тамъ нѣтъ правотѣря, нѣтъ христіанства, тамъ худшая изъ ересей, худшая форма грубаго язычества, тамъ мракъ и смерть, тамъ нѣтъ надежды на «вѣнецъ жизни, который обѣщалъ Господь любящимъ» ⁴⁾. «Дѣти Божіи и дѣти діавола узнаются такъ: не есть отъ Бога... не любящій брата своего» ⁵⁾.

«Мы знаемъ, что мы перешли изъ смерти въ жизнь потому, что любимъ братьевъ; не любящій брата пребываетъ въ смерти» ⁶⁾.

«Кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ въ свѣтѣ и нѣтъ въ немъ соблазна» ⁷⁾.

Послѣ всего сказаннаго, послѣ всѣхъ приведенныхъ мною текстовъ Писанія, я считаю себя вправѣ надѣяться, что животворящій духъ Откровенія по вопросу о главенствѣ любви въ христіанской гармоніи духа, жизни по вѣрѣ и экономіи жизни міра вполне ясенъ и несомнѣненъ, что первенствующее значеніе любви вполне доказано.

«Достигайте любви» ⁸⁾. «Дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною» ⁹⁾. «Мы должны души свои полагать за братьевъ» ¹⁰⁾. «Будучи сынами свѣта да трезвимся, облекшись въ броню вѣры и любви» ¹¹⁾. «Возлюбленные, будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога

1) I Посл. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. XIII, ст. 8.

2) Посл. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. II, ст. 9.

3) Ев. отъ Іоанна, гл. XIII, ст. 35.

4) Посл. Ап. Іакова, гл. I, ст. 12.

5) I Соб. Посл. Ап. Іоанна, гл. III, ст. 10.

6) I Соб. Посл. Ап. Іоанна, гл. III, ст. 14.

7) Соб. Посл. Ап. Іоанна, гл. II, ст. 10.

8) I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. XIV, ст. 1.

9) I Соб. Пос. Ап. Іоанна, гл. III, ст. 18.

10) I Соб. Пос. Ап. Іоанна, гл. III, ст. 16.

11) I Пос. Ап. Павла къ Фессалон.; гл. V, ст. 8.

и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога» ¹⁾. «Постоянно любите другъ друга отъ чистаго сердца» ²⁾. «Будьте братолюбивы другъ къ другу—съ нѣжностію» ³⁾.

3. Разумъ.

Доказавъ въ предшествующей главѣ, что Откровеніе отводитъ и въ гармоніи духа, и въ жизни по вѣрѣ—любви мѣсто первое, мнѣ не трудно будетъ доказать, что высшее значеніе, второе мѣсто послѣ любви—и въ экономіи жизни міра, и въ жизни по вѣрѣ, и въ христіанской гармоніи духа—Откровеніе отводитъ разуму, понимая подъ этимъ словомъ какъ самую способность духа сознать, сравнить, обобщать, творить, такъ и всю вытекающую изъ этой способности умственную дѣятельность и знанія, какъ результатъ этой дѣятельности.

Съ порицаніемъ, съ горячимъ негодованіемъ говоритъ Откровеніе только о разумникахъ «міра сего», объ умѣхъ «осутившихся», понимая подъ этими выраженіями людей, умъ которыхъ, за мелочами земной жизни, не помышляетъ о вѣчномъ, о волѣ Разумнаго Творца, о мудромъ планѣ домостроительства Божія, — тѣхъ, кто нарушаетъ святую гармонію духа, отводя разуму мѣсто, по праву принадлежащее любви—мѣсто первое, — тѣхъ, въ комъ разумъ отрицаетъ высшія права вѣры и любви.

Пока умъ остается строго вѣрнымъ любви, Откровеніе высоко цѣнитъ умственную дѣятельность, окружая ореоломъ почтенія и восторженнаго сочувствія соотвѣтствующія ей слова: мудрость, свѣтъ, слово, правда и истина.

Даже не заглядывая въ Писанія, мы могли бы принципиально рѣшить, что именно такъ это и быть должно, что иначе и быть не можетъ, что врагами разума, умственнаго развитія, философіи христіанства могутъ быть только или люди, не вѣрующіе въ Мудраго Творца, являющагося Высшимъ Разумомъ міра, или невѣжды въ вѣрѣ, не понимающіе, въ Кого вѣрують, или лицемеры, желающіе сдѣлать вѣру орудіемъ для достиженія цѣлей, совершенно чуждыхъ торжеству мудрой воли Бога Разумнаго.

Дѣйствительно, послѣ отрицанія любви, худшая ересь—отри-

1) I Собор. Пос. Ап. Іоанна, гл. IV, ст. 7.

2) I Собор. Пос. Ап. Петра, гл. I, ст. 22.

3) Посл. Ап. Павла къ Римл., гл. XII ст. 10.

цаніе разума. Послѣ еретиковъ, враговъ любви, самые опасные для истиннаго христіанства, для истиннаго правовѣрія еретики—враги разума. Послѣ страха любви лучшее доказательство отпаденія отъ правовѣрія—страхъ разума; послѣ грубаго кощунства, глумленія надъ «несбыточною утопій» стройной организаціи жизни на основахъ любви и братства, худшее кощунство—отрицаніе необходимости сознательной вѣры, разумнаго пониманія мудрой воли Высшаго Разума міра, разумнаго служенія разумному дѣлу Мудраго Творца.

Нельзя любить, не *зная*, кого любишь, не *понимая*, за что любишь. Нельзя не только любить, но и вѣровать въ Бога, не понимая, въ Кого вѣруешь, тѣмъ болѣе нельзя служить разумному дѣлу Божію, не любя Бога всѣмъ разумѣніемъ; во всякомъ случаѣ, нельзя такъ вѣрить, такъ любить и такъ служить, какъ того желаетъ Мудрый Творецъ, Высшій Разумъ міра.

Господь не отринетъ слабыхъ умомъ, простыхъ вѣрою, если они не по собственной винѣ слабы и просты. Если эти слабые умомъ, простые вѣрою люди любовію вознесены на высоту христіанскаго настроенія, водворившаго Царство Божіе внутри ихъ, Господь не поставитъ имъ въ вину ни суевѣрія, ни недомыслія. Но горе вамъ, умные, не возлюбившіе Бога всѣмъ разумѣніемъ своимъ, не полагающіе всѣ силы разума на познаніе воли Божіей, на озареніе темныхъ умовъ свѣтомъ разумѣнія, на стройную организацію жизни по вѣрѣ!

Громадное значеніе разума въ дѣлѣ познанія воли Божіей и согласованія съ нею всего строя ума, всего склада симпатій, всего уклада жизни, невозможность умственнаго застоя при наличности любви живой къ Богу и ближнему, при искреннемъ желаніи угодить Богу и сдѣлать добро ближнему, все это ясно указываетъ на почетное мѣсто разума въ святой гармоніи христіанскаго настроенія духа, на важное значеніе умственной дѣятельности въ христіанской жизни по вѣрѣ.

Откровеніе громко подтверждаетъ наши выводы, логично вытекающіе изъ вѣры въ Бога Разумнаго.

Еще въ Ветхомъ Заветѣ Откровеніе громко говоритъ о тѣсной связи между дѣятельностью разума и истиннымъ благочестіемъ: «Пойте Богу разумно» ¹⁾. А чтобы пѣть разумно, нуж-

¹⁾ Псаломъ 46, ст. 8.

но вѣровать сознательно, а для этого нужно искать уразумѣть мудрую волю Разумнаго Творца, нужно перевоспитать себя, согласовать собственныя мысли и чувства съ этою святою волею, научиться дѣлать добро, постоянно, настойчиво искать торжества правды Божіей въ жизни и всѣми силами вѣрующаго духа содѣйствовать дѣлу Божію, торжеству правды, созиданію стѣнъ Іерусалима небеснаго. Безъ этого нѣтъ истиннаго благочестія, не можетъ быть устойчивости правовѣрія. И вотъ, съ высоты небесъ Господь съ любовью взираетъ не на тѣхъ, кто строго выполняетъ букву обряда, а на того, о которомъ Давидъ говоритъ: «Разумѣющій, ищущій Бога».

Не ищущій Бога не можетъ уразумѣть Его, не разумѣющій Бога не можетъ ни любить Его, ни достойно служить Ему. Безъ любви, безъ разумѣнія нѣтъ свободныхъ чадъ Божіихъ, нѣтъ добровольныхъ рабовъ Божіихъ, а есть только подневольные, трусливые рабы и корыстные ласкатели, которымъ такъ говоритъ Господь: «Къ чему мнѣ множество жертвъ вашихъ?.. Кто требуетъ отъ васъ, чтобы вы топтали двory Мои (приходили въ храмъ Божій)? Не носите больше даровъ тщетныхъ; куреніе (ваше) отвратительно для Меня... праздники ваши ненавиждутъ душа Моя; они бремя для Меня... когда вы умножаете моленія ваши, Я не слышу» ¹⁾.

При такихъ обстоятельствахъ и праздники, и куренія, и молитвы, и жертвы—все во осужденіе. Путь спасенія одинъ: уразумѣть волю Божію, научиться дѣлать добро, быть алчущими и жаждущими торжества правды Божіей въ жизни: «Перестаньте дѣлать зло, научитесь дѣлать добро, ищите правды» ²⁾.

Тамъ, гдѣ жизнь не основана на началахъ любви и братства, всегда на одного триумфатора въ жизненной борьбѣ приходится девяносто девять побѣжденныхъ, обездоленныхъ. Имъ, этимъ обездоленнымъ, некогда уразумѣвать, опасно искать правды. Единственная возможность для нихъ научиться — уразумѣть живое слово назиданія со стороны тѣхъ, на кого они съ довѣріемъ взираютъ, какъ на посредниковъ между ними и Богомъ, какъ на пастырей душъ своихъ. Это ясно понимали еще ветхозавѣтные избранники Божіи и грозно требовали умственной

¹⁾ Книга Пророка Исаія, гл. I, ст. 11—15.

²⁾ Книга Пророка Исаія, гл. I, ст. 16 и 17.

пищи для паствы отъ ветхозавѣтныхъ священниковъ, говоря: «Уста священника должны хранить вѣдѣніе и закона ищутъ отъ устъ его» ¹⁾. «Итакъ, для васъ, священники, эта заповѣдь: если вы не послушаетесь и не примете къ сердцу, чтобы воздавать славу имени Моему, говоритъ Господь Саваоѣ, то Я пошлю на васъ проклятія и проклянута ваши благословенія и уже проклинаю, потому что вы не хотите приложить къ тому сердцу... Завѣтъ Мой былъ завѣтъ жизни и мира... законъ истины былъ въ устахъ... но вы уклонились отъ пути сего, для многихъ послужили соблазномъ... за то и Я сдѣлаю васъ презрѣнными и униженными» ²⁾.

Вотъ плоды—не вражды, а только нерадѣнія въ дѣлѣ умственной жизни вѣрующихъ въ церкви ветхозавѣтной!

Какое грозное осужденіе враговъ свѣта и разума въ церкви новозавѣтной подъ главенствомъ Бога - Слова, о Которомъ говоримъ: «Свѣтъ отъ свѣта» ³⁾, Который Самъ говорилъ: «Я есмь путь, и истина, и жизнь» ⁴⁾—«Слово Твое есть истина» ⁵⁾ «Истина сдѣлаетъ васъ свободными» ⁶⁾—«Я уже не называю васъ рабами, ибо рабъ не знаетъ» ⁷⁾. «Я свѣтъ міру; кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни» ⁸⁾. «Я на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать о истинѣ» ⁹⁾. «Любите Бога... всѣмъ разумѣніемъ» ¹⁰⁾, «Блаженны алчущіе и жаждущіе правды» ¹¹⁾. «Будьте мудры, какъ змій» ¹²⁾. «Вы свѣтъ міра» ¹³⁾. Когда же придетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину» ¹⁴⁾. «Я дамъ вамъ уста и премудрость, которой не

1) Книга Пророка Малахіи, гл. II, ст. 7

2) Книга Пророка Малахіи, гл. II, ст. 1—9.

3) Символь Вѣры.

4) Ев. отъ Іоанна, гл. XIV, ст. 6.

5) Ев. отъ Іоанна, гл. XVII, ст. 17.

6) Ев. отъ Іоанна, гл. VIII, ст. 32.

7) Ев. отъ Іоанна, гл. XV, ст. 15.

8) Ев. отъ Іоанна, гл. VIII, ст. 12.

9) Ев. отъ Іоанна, гл. XVIII, ст. 37.

10) Ев. отъ Матѳея, гл. XXII, ст. 37.

11) Ев. отъ Матѳея, гл. V, ст. 6.

12) Ев. отъ Матѳея, гл. X, ст. 16.

13) Ев. отъ Матѳея, гл. V, ст. 14.

14) Ев. отъ Іоанна, гл. XVI, ст. 13.

возмогутъ противорѣчить, ни противустоятъ» ¹⁾. «Освяти ихъ истиною Твоею» ²⁾.

Поймемъ же, что безъ мысли нѣтъ слова и что самое сочетаніе понятій «Богъ—Слово» заключаетъ въ себѣ признаніе высокаго значенія разума и освященіе умственной дѣятельности, возноситъ разумъ на такую высоту, что мы не можемъ не отвести ему второго мѣста въ гармоніи христіанскаго духа и жизни по вѣрѣ, что мы должны были бы отвести ему мѣсто первое, если бы Откровеніе, въ ясныхъ, вполне опредѣленныхъ и безспорныхъ выраженіяхъ, приведенныхъ мною въ предшествующей главѣ, не научило насъ отводить это мѣсто любви, подчиняя ей разумъ.

«Богъ—Слово»—и постыжены враги разума. «Я есмь... истина»—и освящена работа мысли, безъ которой нельзя понять ни истины, ни правды, и постыжены тѣ, кто можетъ вывести ближнихъ изъ болота мрака и суевѣрій и не дѣлаетъ того. «Истина сдѣлаетъ васъ свободными»—и постыжены поборники цѣпей и умственнаго рабства. «Гдѣ Богъ, тамъ свобода»—и постыжена ересь отступниковъ, считающихъ возможнымъ соединить правовѣріе съ насилиемъ надъ совѣстію и разумомъ.

«Слово Христово да вселяется въ васъ обильно, со всякою премудростію; научайте и вразумляйте другъ друга» ³⁾. «Чтобы вы исполнялись познаніемъ воли Его во всякой премудрости и разумѣніи духовномъ, чтобы поступали достойно Бога... возрастая въ познаніи» ⁴⁾. «Покажите... въ добродѣтели разсудительность... вы не останетесь безъ успѣха и плода въ познаніи Господа нашего Іисуса Христа, а въ комъ нѣтъ сего, тотъ слѣпъ, закрылъ глаза» ⁵⁾. «Разумѣй, что я говорю. Да дастъ тебѣ Господь разумѣніе во всемъ» ⁶⁾. «Не перестаемъ молиться... чтобы вы исполнялись познаніемъ воли Его во всякой премудрости и разумѣніи духовномъ... возрастая въ познаніи Бога» ⁷⁾. «Я знаю, въ Кого увѣровалъ» ⁸⁾.

¹⁾ Ев. отъ Луки, гл. XXI, ст. 15.

²⁾ Ев. отъ Іоанна, гл. XVII, ст. 17.

³⁾ Посл. Ап. Павла къ Колос., гл. III, ст. 16.

⁴⁾ Посл. Ап. Павла къ Колос., гл. I, ст. 9—10.

⁵⁾ II Соб. Пос. Ап. Петра, гл. I, ст. 5.

⁶⁾ Пос. Ап. Павла къ Тимое., гл. II, ст. 7.

⁷⁾ Посл. Ап. Павла къ Колос., гл. I, ст. 9—10.

⁸⁾ Посл. Ап. Павла къ Тимое., гл. I, ст. 12.

Итакъ, послѣ любви первое мѣсто и въ христіанской гармоніи духа, и въ жизни по вѣрѣ Откровеніе, несомнѣнно, отводитъ разуму.

4. Ощущенія.

Доказавъ въ предыдущихъ главахъ, что Откровеніе и въ экономіи жизни міра, и въ христіанской гармоніи духа, и въ жизни по вѣрѣ отводитъ первое мѣсто любви, а второе—разуму, мнѣ нечего доказывать, что всѣмъ остальнымъ свойствамъ духа, ихъ проявленіямъ и соотвѣтствующимъ жизненнымъ явленіямъ, Оно, тѣмъ самымъ, отводитъ третье мѣсто, послѣ любви и разума.

Для краткости назовемъ всѣ эти остальные свойства духа и порождаемыя ихъ проявленіемъ жизненныя явленія—ощущеніями (свойства духа) и чувственностью (ихъ проявленія).

Въ этой главѣ мнѣ хотѣлось бы убѣдить въ томъ, что всѣ ощущенія, доступныя человѣку, имѣютъ право на существованіе, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть признано за зло и, какъ таковое, считается постыднымъ или грѣховнымъ, что для восстановленія святой гармоніи духа христіанинъ долженъ не исправлять природу, Божіе твореніе, а соблюдать въ духѣ и жизни установленную Богомъ-Творцомъ гармонію, безъ которой невозможно ни единомысліе съ Высшимъ Разумомъ міра, ни единодушіе съ Высшею Любовію.

Все сотворено Богомъ Единымъ, все имѣетъ источникомъ Его Одного. Господь не призывалъ на совѣтъ духа зла, не далъ ему никакого участія при твореніи человѣка. «И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его»¹⁾. Всѣ свойства нашего духа—осуществившаяся мысль и воля Творца; ни діаволь, ни само человѣчество не могли ничего ни прибавить, ни убавить въ твореніи Божіемъ, потому что они не сильнѣе Бога и не могутъ побѣдить Его.

Все сотворенное Богомъ само по себѣ чисто и прекрасно и потому имѣетъ право на существованіе. Раздѣлять твореніе Божіе на чистое и не чистое есть кощунство. Если не чиста органическая часть цѣлага, то и цѣлое не чисто и чистымъ быть не можетъ. Если не чиста, постыдна, позорна какая-либо часть человѣческаго тѣла, и тѣмъ болѣе если нечисто, скверно, по-

1) Книга Бытія, ст. 1, ст. 27.

стыдно какое-либо свойство его духа, весь человѣкъ нечистъ, позоренъ и быть не можетъ инымъ,—вся его жизнь гнуса, скверна и позорна.

Только непоколебимая вѣра въ то, что все твореніе Божіе, весь человѣкъ со всѣми свойствами духа своего и всѣми органами тѣла своего чистъ и прекрасенъ, даетъ право на надежду, даетъ основаніе признавать свободу воли и отвѣтственность человѣка, даетъ разумный смыслъ словамъ Откровенія. «Святы будьте, ибо святъ Я, Господь Богъ вашъ» ¹⁾).

Итакъ, все свято и чисто въ твореніи Божіемъ, не чиста только дисгармонія духа нашего, утерявшаго единомысліе и единодушіе съ Творцомъ.

Не нечиста, не грѣховна и самая свобода воли, хотя именно она и дала намъ возможность уклониться отъ единомыслія съ Высшимъ Разумомъ и единодушія съ Высшею Любовью.

Та же свобода воли дѣлаетъ возможнымъ вернуть утраченное и все исправить. Одна она дѣлаетъ насъ способными стать участниками высшаго блага, для котораго мы и созданы,—любви Божіей. Безъ свободы воли мы лишены были бы всякаго нравственнаго достоинства, и любовь Бога къ намъ не имѣла бы никакого разумнаго основанія.

Возьмемъ тѣ ощущенія, которыя грѣшнымъ и грѣхолобивымъ человѣчествомъ признаются особенно нечистыми и постыдными, на которыхъ основаны страстныя желанія и тѣ жизненныя явленія, которыя по преимуществу принято обозначать словами: «грубая чувственность» и «развратъ».

Можемъ ли мы считать грѣховною, нечистою самою по себѣ способность духа ощущать волненія страсти, удовлетворять присущія ему страстныя желанія и испытывать радость полного обладанія существомъ, нами любимымъ и уважаемымъ?

Такъ можетъ думать только тотъ, кто на Богомъ данную способность духа человѣческаго переноситъ то строгое порицаніе, которое въ дѣйствительности заслуживаетъ не самая способность духа, а отношеніе человѣка къ этой способности, его нежеланіе возстановить святую гармонію единомыслія и единодушія съ Творцомъ, подчинивъ эту низшую способность духа разуму и вмѣстѣ съ нимъ любви.

¹⁾ Левитъ, гл. XIX, ст. 2.

Христіанамъ пора понять, что нельзя признавать за зло и грязь Богомъ данную способность духа нашего, порожденныя ею желанія и удовлетворенія этихъ желаній путями, достойными христіанина, не дѣлаясь рабомъ этой страсти, не дѣлая изъ нея себѣ кумира, не принося этому кумиру человѣческихъ жертвъ.

Христіанамъ пора понять, что именно это заблужденіе толкаетъ на развратъ однихъ, отравляетъ жизнь другимъ; признавая за зло и грязь всякое страстное желаніе, человѣкъ, не способный побѣдить въ себѣ эти желанія, неизбѣжно признаетъ себя и жизнь свою настолько оскверненными, что не будетъ имѣть никакого основанія удерживать себя отъ самаго грубаго разврата или потратить всю энергію духа своего на глухую борьбу съ однимъ изъ свойствъ духа своего, постоянно сосредоточивая вниманіе именно на этомъ свойствѣ и тѣмъ самымъ увеличивая трудности борьбы, нарушая миръ и гармонию души своей.

Вотъ что говоритъ объ этомъ Откровеніе: «Относительно дѣвства я не имѣю повелѣнія Господня, а даю совѣтъ, какъ получившій отъ Господа милость быть Ему вѣрнымъ... хорошо человѣку оставаться такъ... если и женишься, не согрѣшишь, и если дѣвица выйдетъ замужъ, не согрѣшитъ, но таковыя будутъ имѣть скорби по плоти, а мнѣ васъ жаль» ¹⁾).

Очевидно, что не признается за грязь, зло и грѣхъ ни свойство духа, ни вызываемая этимъ свойствомъ потребность, ни достойное христіанина удовлетвореніе этой потребности. Если бы само свойство духа, сама вытекающая изъ него потребность была грязью и зломъ, то, во-первыхъ, Господь не надѣлилъ бы человѣка этимъ свойствомъ, не соблазнялъ бы его радостью удовлетворенія этой потребности и, во-вторыхъ, нельзя было бы оправдать никакого способа проявленія этого зла и тѣмъ болѣе узаконять его.

Христіанскія церкви настолько признаютъ эту истину, что возвели въ достоинство священнаго таинства бракъ, эту единственную форму сожителства мужчины и женщины, при которой наиболѣе гарантируется благо мужчины, женщины и ихъ дѣтей.

Если Апостоль не безусловно одобряетъ бракъ, то только потому, что онъ настолько осложняетъ жизнь, что соблазняетъ

¹⁾ I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. VII, ст. 25—28.

многихъ на измѣну Богу, дѣлаетъ для многихъ болѣе трудною честную жизнь по вѣрѣ. «Я хочу, чтобы вы были безъ заботъ. Не женатый заботится о Господнемъ, а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ» ¹⁾. «Посему выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ хорошо, а не выдающій поступаетъ лучше» ²⁾.

Брачную жизнь саму по себѣ, а слѣдовательно и ту потребность, которую она удовлетворяетъ, и то свойство духа, изъ котораго эта потребность вытекаетъ, Откровеніе не только не порицаетъ, но и не считаетъ недостойными самихъ представителей церковной іерархіи ³⁾, и освящаетъ своими предписаніями: «мужья любите своихъ женъ» ⁴⁾. «Что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ» ⁵⁾.

Изъ всего этого видно, что даже тѣ ощущенія, которыя грѣшное человѣчество признаетъ наиболѣе грѣховными, совсѣмъ не признаются таковыми сами по себѣ ни Откровеніемъ, ни Церквами помѣстными. Грѣховными Откровеніе признаетъ не эти ощущенія, а насъ, когда мы становимся изъ рабовъ Божіихъ рабами чувственности, ради нея нарушая святую гармонию духа, нарушая спокойствіе духа ближнихъ нашихъ, разрушая ихъ семейное счастье, вступая въ самыя тѣсныя связи съ существами низкими и порочными, не внушающими намъ ни любви, ни уваженія. Вотъ что гнусно, нечисто, позорно, грѣховно въ очахъ Божіихъ; вотъ что клеймитъ Откровеніе словами: блудъ, блудо-дѣяніе, блудникъ, блудница. «Развѣ не знаете, что тѣла ваши суть члены Христовы? Итакъ, отниму ли члены у Христа, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы? Да не будетъ! Или не знаете, что совокупляющійся съ блудницею становится одно тѣло съ нею?» ⁶⁾ «Тѣло же не для блуда, но для Господа и Господь для тѣла» ⁷⁾.

Особенно поучительно отношеніе Откровенія къ пищѣ. Порицающая очень строго тѣхъ сластолюбцевъ, которые ради чрево-

1) I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. VII, ст. 32—33.

2) I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. VII, ст. 38.

3) Пос. Ап. Павла къ Титу, гл. I, ст. 6.

4) Пос. Ап. Павла къ Колос., гл. III, ст. 19.

5) Евангеліе отъ Маттея, гл. XIX, ст. 6.

6) I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. VI, ст. 15.

7) I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. VI, ст. 13.

угодія измѣняютъ Богу и готовы не только позабыть братскія права ближнихъ; но и обобратъ ихъ и причинить имъ всякое зло, постоянно напоминая важное значеніе воздержанія въ честной жизни по вѣрѣ, Откровеніе въ то же время въ совершенно ясныхъ и очень сильныхъ выраженіяхъ порицаетъ фарисейское раздѣленіе пищи на чистую и нечистую, ревниво остерегая христіанъ отъ ига рабства подзаконнаго, настойчиво научая насъ понимать, что все твореніе Божіе чисто и нечистымъ можетъ быть только настроеніе свободнаго духа, не желающаго единомыслія и единодушія съ Мудрымъ и Любвеобильнымъ Творцомъ.

Болѣе того, Откровеніе прямо признаетъ за немощность, за недомысліе въ вѣрѣ раздѣленіе пищи на болѣе и менѣе богоугодную.

«Немощныхъ въ вѣрѣ принимайте безъ споровъ о мнѣніяхъ, ибо иной увѣренъ, что можно ѣсть все, а немощный ѣсть овощи. Кто ѣсть, не унижай того, кто не ѣсть; и кто не ѣсть, не осуждай того, кто ѣсть» ¹⁾. «Иной отличаетъ день отъ дня, а другой судить о всякомъ днѣ ровно. Всякій поступай по удостовѣренію своего ума» ²⁾. «Блаженъ, кто не осуждаетъ себя въ томъ, что избираетъ. А сомнѣвающийся, если ѣсть, осуждается, потому что не по вѣрѣ, а все, что не по вѣрѣ, грѣхъ» ³⁾.

«Все, что не по вѣрѣ,—грѣхъ». Когда слѣпцы въ вѣрѣ, забывъ въ Кого вѣруютъ, букву соблюденія постовъ и праздниковъ ставятъ выше животворящаго духа вдохновенія, любви и боговѣдѣнія, когда милліоны простыхъ людей успокоиваются на строгомъ соблюденіи буквы постовъ и праздниковъ, воображая, что воздали Божіе Богови, оставаясь грубыми, злыми невѣждами въ вѣрѣ, порочными и грѣхолобивыми, не умѣя ни думать, ни чувствовать, ни жить по вѣрѣ, тогда становится вопросомъ для искренняго, сознательно вѣрующаго христіанина, не составляетъ ли соблюденіе постовъ, не одушевленное вѣрою и любовью къ ближнему, опаснаго соблазна для ближняго. Не должно ли слова Апостола по духу читать въ настоящее время такъ: «Не буду поститься во вѣкъ, если постъ соблазняетъ брата моего»? «Пища не приближаетъ насъ къ Богу» ⁴⁾. «Если пища

¹⁾ Пос. Ап. Павла къ Римлян., гл. XIV, ст. 1—3.

²⁾ Пос. Ап. Павла къ Римлян., гл. XIV, ст. 5.

³⁾ Пос. Ап. Павла къ Римлян., гл. XIV, ст. 22—23.

⁴⁾ I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. VIII, ст. 8.

соблазняетъ брата моего, не буду ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата моего» ¹⁾. «Все чисто, но... лучше не ѣсть мяса, не пить вина и не дѣлать ничего такого, отъ чего братъ твой претыкается, или соблазнется, или изнемогаетъ» ²⁾. «Если же за пищу огорчается братъ твой, то ты уже не по любви поступаешь» ³⁾. «Вы устранили заповѣдь Божию преданіемъ вашимъ. Лицемеры! Хорошо пророчествовали о васъ Исаія, говоря: Приближаются ко Мнѣ людиі сіи устами своими и чтутъ Меня языкомъ, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Но тщетно чтутъ Меня, уча ученіямъ, заповѣдямъ человѣческимъ... Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка, а то, что выходитъ изъ устъ... Еще ли не понимаете, что все входящее въ уста проходитъ въ чрево и извергается вонъ? А исходящее изъ устъ, изъ сердца исходитъ» ⁴⁾. «Суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы» ⁵⁾. «Итакъ, никто да не осуждаетъ васъ за пищу, или питіе, или какой праздникъ» ⁶⁾. «Для чего вы, какъ живущіе въ мірѣ, держитесь постановленій: Не прикасайся, не вкушай, не дотрогивайся... по заповѣдямъ и ученію человѣческому. Это имѣетъ только видъ мудрости... въ нѣкоторомъ небреженіи о насыщеніи плоти» ⁷⁾. «Ибо Царствіе Божіе не пища и питіе, но праведность и миръ, и радость о Святомъ Духѣ. Кто симъ служитъ Христу, тотъ угоденъ Богу и заслуживаетъ одобренія отъ людей» ⁸⁾. «Итакъ, будемъ искать того, что служитъ къ миру и ко взаимному назиданію. Ради пищи не разрушай дѣла Божія» ⁹⁾. «Бдите ли, пьете ли, или иное что дѣлаете, все дѣлайте во славу Божию» ¹⁰⁾.

Такъ говоритъ Откровеніе о сладострастіи и сластолюбіи. Такъ учитъ насъ Откровеніе думать и о всемъ твореніи Божіемъ, Нѣтъ ничего самого по себѣ нечистаго, нѣтъ и свойствъ природы и духа человѣческаго, самихъ по себѣ нечистыхъ. Не-

1) I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. VIII, ст. 13.

2) Пос. Ап. Павла къ Римлян., гл. XIV, ст. 20—21.

3) Пос. Ап. Павла къ Римлян., гл. XIV, ст. 15.

4) Ев. отъ Маттея, гл. XV, ст. 6.

5) Ев. отъ Марка, гл. II, ст. 27.

6) Пос. Ап. Павла къ Колос., гл. II, ст. 16.

7) Пос. Ап. Павла къ Колос., гл. II, ст. 20—23.

8) Пос. Ап. Павла къ Римлян., гл. XIV, ст. 17—18.

9) Пос. Ап. Павла къ Римлян., гл. XIV, ст. 19—20.

10) I Пос. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. X, ст. 31.

чисто можетъ быть только настроеніе свободнаго духа, его отношеніе къ Богу, самому себѣ, внѣшнему міру и ближнимъ. Раздѣленіе творенія Божія, тѣла человѣческаго, свойствъ его духа, пищи, животныхъ, мѣстъ и времени на чистое и нечистое и было основною чертой закваски фарисейской, переносящей центръ тяжести отъ духа животворящаго на букву мертвящую, отъ вѣры сознательной и живой любви на «благочестивыя упражненія», на продолжительность поста, на многочисленность устами произносимыхъ молитвъ, на строгое соблюденіе не духа, а буквы праздниковъ, на изученіе не духа, а буквы Писанія.

Вотъ та закваска фарисейская, которую такъ грозно порицалъ Господь нашъ и Богъ нашъ, Спаситель міра—Христось, отъ которой такъ ревниво оберегалъ и остерегалъ Онъ своихъ учениковъ и черезъ нихъ всѣхъ насъ, нелицемѣрныхъ христіанъ.

Фарисеи вѣровали, но не понимали, въ Кого вѣрують, саддукеи не вѣровали, но стояли во главѣ ветхозавѣтной церковной іерархіи и выполняли букву закона на показъ толпѣ изъ политическихъ и корыстныхъ цѣлей. Фарисеи не понимали, что все чисто въ твореніи Божіемъ, и искренно заблуждались и другихъ вводили въ заблужденіе, воображая, что дѣйствительно есть чистое и нечистое, что они знаютъ, что чисто и нечисто, что спасительно это самое знаніе и воздержаніе отъ нечистаго. Саддукеи, не вѣруя, не могли имѣть никакого основанія для опредѣленія чистаго и нечистаго, но морочили толпу, чтобъ извлекать выгоды изъ ея страха передъ нечистымъ и ея довѣрія къ тому, что извѣстными дѣйствіями, выполненіемъ буквы извѣстныхъ обрядовъ, именно они, саддукеи, возсѣвшие на сѣдалище Моисея, могутъ очистить ихъ отъ оскверненія нечистымъ. Вотъ та закваска саддукейская, которую по зловредности приравниваетъ Господь къ закваскѣ фарисейской, объединяя ихъ въ одномъ общемъ осужденіи.

• Регламентация буквы на мѣсто преображенія духа, нарушеніе стройной гармоніи творенія Божія, путемъ раздѣленія Его творенія на чистое и нечистое—на мѣсто возстановленія гармоніи духа отъ нечистоты дисгармоніи его до чистоты гармоніи единомыслія и единодушія съ благимъ и мудрымъ Творцомъ, строгое соблюденіе буквы закона и обряда на мѣсто дѣятельной любви и дѣлъ вѣры и любви... вотъ та ересь, которую выдавали за

правовѣріе темному народу и фарисеи, и саддукеи, которую заклеимиль Спаситель міра, уклоняться въ которую намъ еще меньше простительно, нежели ветхозавѣтнымъ фарисеямъ и саддукеямъ—вмѣстѣ взятымъ.

Вотъ почему Апостолы такъ горячо протестуютъ противъ ига духовнаго рабства, такъ вдохновенно призываютъ насъ дорожить свободой, дарованною намъ Христомъ!

Сопоставимъ ясное, вполне опредѣленное и даже неизбежное по логикѣ вѣры «во Единого Бога-Творца» ¹⁾ исповѣданіе Откровеніемъ общаго закона о томъ, что «все чисто» ²⁾, со всѣмъ тѣмъ, что говоритъ Откровеніе о любви, о разумѣ, о духѣ и тѣлѣ, плоти... Мы легко поймемъ, что подъ словомъ «духъ» Откровеніе понимаетъ высшія свойства духа: любовь и разумъ, а подъ словами «плоть», «тѣло»—низшія свойства духа, объединенныя нами подъ словомъ «ощущенія», поймемъ и то, что для святой гармоніи духа Откровеніе требуетъ не самоистязанія мрачнаго аскетизма, отрицающаго самое право на существованіе за ощущеніями,—а лишь того, чтобы ощущенія занимали въ жизни духа мѣсто третье послѣ любви и разума, не обладая человѣкомъ, не господствуя надъ любовію и разумомъ, а подчиняясь имъ.

Именно этой гармоніи духа, необходимой для возстановленія въ падшемъ человѣкѣ образа и подобія Божія, необходимой для возстановленія единомыслія и единокровія между блуднымъ сыномъ и Отцомъ Небеснымъ, и придаетъ Откровеніе исключительное значеніе, признавая безъ нея за ничто выполненіе буквы даже самыхъ священныя обрядовъ, какимъ было обрѣзаніе—это ветхозавѣтное таинство, соответствующее новозавѣтному таинству крещенія.

«Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской» ³⁾. «Есть много пустослововъ и обманщиковъ, особенно изъ обрѣзанныхъ... они развращаютъ чѣлѣе дома, уча чему не должно... Обличай ихъ строго, дабы они были здравы въ вѣрѣ, не внимая Іудейскимъ баснямъ и постановленіямъ людей, отвращающихся отъ истины. Для чистыхъ все чисто, а для оскверненныхъ и невѣрныхъ нѣтъ ничего чистаго» ⁴⁾. «Я знаю и увѣренъ въ Господѣ Іисусѣ, что

¹⁾ Православный Символь Вѣры.

²⁾ Посл. Ап. Павла къ Римлян. гл. XIV, ст. 20.

³⁾ Ев. отъ Маттея гл. XVI, ст. 6.

⁴⁾ Посл. Ап. Павла къ Титу, гл. I, ст. 10.

нѣтъ ничего въ себѣ самомъ нечистаго; только почитающему что-либо нечистымъ—тому не чисто» ¹⁾. «Къ свободѣ призваны вы, братія, только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти, но любовію служите другъ другу» ²⁾. «Поступайте по духу и вы не будете исполнять вождельній плоти» ³⁾. «Если же вы духомъ водитесь, то вы не подѣ закономъ» ⁴⁾. «Если же мы живемъ духомъ, то по духу и поступать должны» ⁵⁾. «Плодъ же духа любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, *воздержаніе*» ⁶⁾. «Братья! если и впадетъ челоуѣкъ въ какое согрѣшеніе, вы, духовные, исправляйте такого въ духѣ кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушеннымъ. Носите бремена другъ друга» ⁷⁾. «Что посѣтетъ челоуѣкъ, то и пожнетъ. Сѣющій плоть отъ плоти пожнетъ тлѣніе, а сѣющій въ духъ—отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную» ⁸⁾. «Во Христѣ Иисусѣ ничего не значитъ ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а новая тварь» ⁹⁾. «Вы, оправдывающіе себя закономъ, остались безъ Христа, отпали отъ благодати, а мы духомъ ожидаемъ и надѣемся праведности отъ вѣры» ¹⁰⁾. «Ибо во Христѣ Иисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а вѣра дѣйствующая любовью» ¹¹⁾. «Вы куплены дорогою цѣной, не дѣлайтесь рабами челоуѣковъ» ¹²⁾. «Потому, что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить въ страхѣ, но духа усыновленія» ¹³⁾. «Итакъ, стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства» ¹⁴⁾. «Все мнѣ позволительно, но не все полезно; все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною» ¹⁵⁾.

1) Посл. Ап. Павла къ Римлян., гл. XIV, ст. 14.

2) Посл. Ап. Павла къ Галат., гл. V, ст. 13.

3) Посл. Ап. Павла къ Галат., гл. V, ст. 16.

4) Посл. Ап. Павла къ Галат., гл. V, ст. 18.

5) Посл. Ап. Павла къ Галат., гл. V, ст. 25—26.

6) Посл. Ап. Павла къ Галат., гл. V, ст. 22—23

7) Посл. Ап. Павла къ Галат., гл. VI, ст. 1—2.

8) Посл. Ап. Павла къ Галат., гл. VI, ст. 7—8.

9) Посл. Ап. Павла къ Галат., гл. VI, ст. 15.

10) Посл. Ап. Павла къ Галат., гл. V, ст. 4—5.

11) Посл. Ап. Павла къ Галат., гл. V, ст. 6.

12) I Посл. Ап. Павла къ Коринѣ., г. VII, ст. 23.

13) Посл. Ап. Павла къ Римлян., гл. VIII, ст. 15.

14) Посл. Ап. Павла къ Галат., гл. V, ст. 1.

15) I Посл. Ап. Павла къ Коринѣ., гл. VI, ст. 12.

5. Формула христіанской гармоніи духа.

Изъ всего сказаннаго въ предыдущихъ главахъ логически вытекаетъ слѣдующая краткая формула христіанской гармоніи духа, согласной съ неизмѣнною волею Творца и потому необходимой для единомыслія и единоклюбія съ Нимъ и всѣми вѣрными Ему причастниками Царства Божія:

Разумъ, подчиняясь любви, долженъ властвовать надъ ощущеніями.

Въ настоящее время многими такъ основательно забыто христіанское значеніе слова «любовь», что дополнить эту формулу христіанской гармоніи духа точнымъ опредѣленіемъ значенія въ ней слова «любовь», о которомъ я говорилъ выше, я считаю не только полезнымъ, но даже необходимымъ.

Любовь въ христіанскомъ смыслѣ—не капризъ, не капризное влеченіе къ тому, что намъ доставляетъ пріятное ощущеніе; это называется въ Откровеніи похотью. Въ слово «любовь» Откровеніе неизмѣнно влагаетъ значеніе торжествующей, дѣятельной любви, охватывающей Творца и все Его твореніе, причемъ, рядомъ съ формулою христіанской гармоніи духа, мы имѣемъ основаніе поставить и краткую формулу христіанской гармоніи любви, какъ согласному съ волею Божіей соотношенію между любовью къ Богу, къ ближнимъ и самому себѣ, а именно: *«Любовь къ ближнимъ, подчиняясь любви къ Богу, должна властвовать надъ любовью къ самому себѣ»* или, другими словами: *«Альтруизмъ, подчиняясь любви къ Богу, долженъ властвовать надъ эгоизмомъ»*.

Чѣмъ болѣе устойчива въ насъ эта святая гармонія духа, тѣмъ болѣе Царство Божіе внутри насъ водворилось, тѣмъ болѣе, еще при жизни, здѣсь, на землѣ изгнанія, вдали отъ родины небесной, мы уже не «отъ міра сего», а принадлежимъ къ Царству Божію, стали по духу братьями ангеловъ и святыхъ.

Чѣмъ болѣе нарушается въ насъ эта святая гармонія духа, тѣмъ болѣе нарушаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и единомысліе и единоклюбіе между нами и причастниками Царства Божія, тѣмъ болѣе мы удаляемся отъ богоподобія, тѣмъ болѣе приближаемся къ скотоподобію, тѣмъ болѣе водворяется внутри насъ адъ, геенна огненная.

Каждой степени дисгармоніи соотвѣтствуетъ извѣстное настроеніе духа, и настроеніе это ярко проявляется въ отношеніяхъ къ Богу, самому себѣ, ближнимъ, во всемъ строѣ жизни семейной, общественной, государственной и международной, не въ

тѣхъ лживыхъ отношеніяхъ, которыя лицемѣрно признаютъ на словахъ и какъ комедію разыгрываютъ на показъ, а въ тѣхъ правдивыхъ отношеніяхъ, которыя фактически существуютъ за кулисами жизни и хорошо извѣстны большинству, хотя и не принято говорить о томъ слишкомъ громко.

Какъ настроеніе вызываетъ извѣстныя отношенія къ окружающему, такъ факты установившейся рутины жизни свидѣлствуютъ объ извѣстномъ, породившемъ ихъ настроеніи, указываютъ на совершенно опредѣленную степень дисгармоніи духа.

Вотъ почему краткая формула христіанской гармоніи духа можетъ быть очень полезною въ трудномъ дѣлѣ самопознанія, какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для цѣлыхъ общественныхъ группъ, для цѣлыхъ націй, для цѣлыхъ помѣстныхъ Церквей, для цѣлой эпохи.

Зрѣтъ закваска Царства Божія. Спаситель міра пришелъ призвать грѣшниковъ къ покаянію, проповѣдовать Царствіе Божіе, примирить блуднаго сына съ Отцомъ Небеснымъ, со святымъ, благимъ, мудрымъ Творцомъ, возстановитъ гармонію духа, водворитъ Царствіе Божіе внутри человѣка. Спаситель міра зналъ, какого Онъ духа. Какъ духу Божію противно всякое насиліе, такъ и Сынъ Божій, проповѣдуя свободу духа, всегда уважалъ эту свободу во всѣхъ, уважалъ не въ смыслѣ благодушной уживчивости, а въ смыслѣ милосердаго долготерпѣнія въ ожиданіи добровольнаго покаянія, свободнаго возвращенія «въ свободу славы чадъ Божіихъ». Вотъ почему Всемогушій не истребляетъ злыхъ и не насилуетъ ихъ на добро. Вотъ почему Сынъ Божій не водворилъ Царства Божія на всей землѣ, внутри всѣхъ людей, а только заложилъ зерно горчичное въ умы и сердца тѣхъ, которые добровольно приняли «воду живую глаголовъ жизни вѣчной». Вотъ почему постепенно, медленно вырастаетъ дерево христіанства и вскисаетъ святая закваска Царствія Божія, по мѣрѣ того, какъ добровольно отверзаются для Бога умы и сердца, по мѣрѣ того какъ мы дозволяемъ Богу, не насилуя насъ, излить на насъ силу благодати, придти и вселиться въ насъ.

Безъ силы благодати Божіей мы, и понимая правду и истину святой гармоніи духа, не найдемъ въ себѣ силъ ни достигнуть ея, ни, тѣмъ болѣе, сдѣлать ее устойчивою въ насъ. Силу эту можетъ дать намъ только великое, единое таинство, лежащее въ основѣ всѣхъ таинствъ — таинство причастія Духа Святаго, а таинство это не совершится надъ нами ни при какихъ обсто-

ятельствахъ безъ нашего на то согласія, безъ горячаго, искренняго, нелицемѣрнаго желанія съ нашей стороны, и непремѣнно совершится, несмотря ни на какія неблагопріятныя обстоятельства, при наличности искренней, нелицемѣрной доброй воли.

«Невозможное человѣку возможно для Бога». Силенъ Богъ разомъ вознести душу живую отъ позора высшей дисгармоніи скотоподобнаго человѣка до свободы славы святой гармоніи человѣка богоподобнаго, если хватить на это устойчивости доброй воли въ насъ. И такія чудеса благодати Божіей бывали. Но грѣшно и грѣхолюбиво падшее человѣчество, и рѣдко встрѣчаются въ немъ тѣ, надъ которыми, не насилуя ихъ, можетъ совершить Господь такое чудо. У большинства хватаетъ доброй воли только на то, чтобы перейти отъ большей степени дисгармоніи на сосѣдную меньшую. Такъ и общества людей, и цѣлые народы, и Церкви помѣстныя.

Зрѣетъ закваска Царства Божія. Постепенно проникаютъ въ умы и сердца лучи свѣта отъ Свѣта Небеснаго. Но движеніе это не вездѣ равномѣрно, въ зависимости отъ доброй воли большинства представителей извѣстной эпохи.

Зрѣетъ закваска Царствія Божія, но въ то время, какъ она много подвинулась въ зрѣлости въ однихъ отдѣльныхъ людяхъ, въ однихъ народахъ, въ однихъ Церквяхъ помѣстныхъ, она можетъ остаться неподвижною въ другихъ и пасть до полной измѣны Богу и дѣлу Божію въ третьихъ.

Силою Духа Святого Апостолы и учрежденныя ими братскія общины были вознесены до святой гармоніи нелицемѣрной, честной жизни по вѣрѣ, а потомъ до какой позорной измѣны Богу, до какого забвенія духа Откровенія, до какого наглаго поруганія правды Божіей въ жизни не доходили люди, называющіе себя христіанами, цѣлые народы, увѣренныя въ своемъ правовѣрїи, цѣлыя Церкви помѣстныя, считающія неотъемлемымъ правомъ монополизировать Духа Святого и владѣть ключами Царства Божія?!

Зная все это, мы не можемъ успокоиваться на преданіяхъ отцовъ нашихъ и завѣщанной ими намъ рутинѣ жизни; мы должны понимать, что зрѣетъ закваска Царства Божія, что простибельное отцамъ нашимъ не простибельно для насъ, что силенъ Богъ вознестъ насъ до святости и жизнь нашу до нелицемѣрнаго христіанскаго братства, если мы будемъ искренно алчущими и жаждущими правды.

Нѣтъ святости безъ покаянія, нѣтъ покаянія безъ самопознанія при свѣтѣ Откровенія.

Особенно теперь, когда человѣчество, подѣ влияніемъ воздѣйствія на него Свѣта отъ Свѣта Небеснаго, перерасло царство ощущеній, доросло до царства разума и начинаетъ предчувствовать скорое появленіе зари царства любви, намъ постыдно не отнестись вполне сознательно къ вѣрѣ и жизни нашей, не постараться сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы познать себя при свѣтѣ вѣры.

Вотъ почему я считаю особенно своевременнымъ и полезнымъ, въ переживаемую нами эпоху, возможно точно и ясно формулировать и все христіанское міровоззрѣніе, и всѣ наиболѣе существенныя части его, считаю насущною потребностью въ дѣлѣ самопознанія кратко, точно и ясно формулировать святую гармонию духа по Откровенію и, при свѣтѣ этой формулы, продумать какъ настроенія духа, соотвѣтствующія той или другой степени дисгармоніи духа нашего, такъ и тѣ жизненныя явленія, которыя соотвѣтствуютъ, неизбежно вытекаютъ изъ того или другого настроенія духа, какъ естественные его плоды: «По плодамъ узнаете ихъ».

При такихъ обстоятельствахъ формула христіанской гармоніи духа можетъ стать полезнымъ зеркаломъ, въ которомъ, при доброй волѣ, мы легко увидимъ какъ степень дисгармоніи нашего духа, такъ и то, на какую степень дисгармоніи указываютъ факты жизни нашей, нашей семьи, нашей общественной группы, нашихъ соплеменниковъ, нашихъ единовѣрцевъ, всего современнаго намъ человѣчества.

Не боимся понять правду. Покаемся. Обратимся къ Господу, будемъ просить Его силою причастія Духа Святого содѣлать устойчивою святую гармонию духа нашего, — и водворится Царство Божіе внутри насъ, и осуществится правда Божія въ жизни нашей, безъ труда, безъ самоистязанія, безъ жертвы, осуществится, какъ естественный плодъ святой гармоніи духа нашего, какъ радостная потребность сердца, полного любви, кротости, смиренія и милосердія.

«Пойдите, научитесь, что значитъ: милости хочу, а не жертвы» ¹⁾.

Н. Н. Неплюевъ.

¹⁾ Ев. отъ Маттея, гл. IX, ст. 13.

Міръ звуковъ, какъ объектъ воспріятія и мысли.

Теорія звука, какъ періодическаго волнообразнаго колебанія воздуха, представляетъ вполне стройную физическую дисциплину, основанную на наблюденіяхъ, опытахъ и вычисленіяхъ. Законы акустики непоколебимы, совершенно независимо отъ того, какъ относится къ звукамъ наша психика; они оставались бы въ своемъ неизмѣнномъ состояніи даже въ томъ случаѣ, еслибъ исчезли съ лица земли органическія существа, одаренныя психическою жизнью и способностью воспринимать колебанія воздуха, какъ ощущеніе звука. Акустика, какъ механическая теорія, соприкасается съ теоріей слуха, какъ психической способности, только въ той сферѣ, которая касается различенія звуковъ, ихъ гармоническаго или дисгармоническаго сочетанія и ихъ предѣльной высоты. Только психическое воспріятіе создаетъ звукъ, какъ таковой, и претворяетъ физическое явленіе волнообразнаго колебанія воздушной среды въ психическій звуковой феноменъ; изученіе этого перехода и тѣхъ операций, которыя совершаются за его порогомъ, составляетъ всецѣло задачу психологіи. Психологія, какъ наука о явленіяхъ душевной жизни, заимствуетъ изъ акустики ученіе о матеріалѣ, производящемъ периферическое раздраженіе органа слуха, независимо отъ физическаго строенія этого матеріала; для нея важенъ не раздражитель самъ по себѣ, а его способность производить опредѣленныя раздраженія; поэтому колебанія, обладающія скоростью единицы въ секунду и не производящія слухового эффекта, если и будутъ акустическими для физика, то не будутъ ими для психолога; для глухого субъекта акустика возможна въ смыслѣ физики, но немислима, какъ отдѣлъ психологіи.

Человѣкъ, какъ и нѣкоторые другіе животныя виды, стоитъ по отношенію къ міру звуковъ въ двоякомъ положеніи: онъ является одновременно и потребителемъ его, какъ носитель слухового аппарата, и производителемъ, какъ обладатель голосовой способности. Даръ слова и слуха представляются наиболѣе цѣнными и важными элементами нашей психической жизни, высшими посредниками нашего общенія съ внѣшнимъ міромъ, а стало быть и съ другими людьми. Способность воспринимать звуковое раздраженіе, связывать его съ соответствующимъ образомъ конкретнаго или абстрактнаго міра и воспроизводить его же, какъ символъ, который будитъ въ слушатель образъ, соответствующій нашему замыслу, — таково назначеніе звукового феномена, связывающаго невидимыми нитями мыслящей субъектъ съ активными и пассивными объектами.

Когда до нашего уха долетаетъ произнесенное слово, недостаточно не быть глухимъ, чтобы понять его смыслъ; обладая самымъ тонкимъ слухомъ, мы не поймемъ рѣчи, обращенной къ намъ на незнакомомъ языкѣ: для сознательнаго воспріятія необходимо, чтобы воспринимаемый звуковой комплексъ сочетался въ насъ съ извѣстнымъ идейнымъ образомъ, чтобы онъ явился символомъ, соответствующимъ извѣстной, присущей намъ, мысли; поэтому, въ томъ патологическомъ состояніи, которое извѣстно подъ названіемъ *surditas verbalis*, или *словесной глухоты*, гдѣ связь между центромъ слухового воспріятія и центрами сознанія нарушена, больные слышатъ звуки, но не понимаютъ ихъ значенія. Недостаточно услышать звукъ, — необходимо обладать способностью сравненія его съ образами нашей памяти: такіе сложные звуки и сочетанія ихъ, какъ произнесенное слово, могутъ быть распознаваемы по ихъ сопоставленію или съ словесными же памятливыми образами, или съ образами зрительными, осязательными и другими, символомъ которыхъ они являются, или — съ сложными представленіями и понятіями. Связи, которыя пробуждаются въ нашей психикѣ словеснымъ воспріятіемъ, такъ обильны, обширны и разнообразны, что для оцѣнки воспріятого слова всегда имѣется множество путей, которыми въ достаточной степени гарантируется правильное и однообразное его пониманіе, т.-е. способность его слуховой памяти.

Но помимо сложныхъ звуковъ-символовъ, нашей психикѣ доступны и другіе звуки, болѣе простые, болѣе поддающіеся фи-

зическому анализу, и въ то же время не связанные съ опредѣленными представленіями. Эти звуки-тоны, составляющіе въ обширномъ смыслѣ то, что носитъ названіе музыки, казалось бы, не должны переходить за предѣлы слухового воспріятія; казалось бы, что лишь эмоція, производимая ими, можетъ фигурировать въ нашемъ сознаніи, какъ объектъ мысли, что лишь она можетъ вступать въ связь съ нашей личностью, будить настроенія, вызывать оцѣнку и сравненіе; казалось бы, что звуки-тоны, составляющіе музыкальную мелодію, могутъ оцѣниваться нами лишь въ своей эстетической совокупности, могутъ дѣйствовать на насъ лишь своею гармоніей и ритмомъ; казалось бы, что мы должны различать лишь характеръ мелодіи, а не послѣдовательность составляющихъ ее тоновъ, такъ какъ тоны сами по себѣ, производимые въ отдѣльности, не вызываютъ въ насъ ни представленій, ни образовъ: они не связаны въ нашей психикѣ ни съ чѣмъ, что могло бы ихъ въ отдѣльности опредѣлять. А между тѣмъ, не однимъ настроеніемъ ограничивается слѣдъ, оставляемый въ насъ рядомъ послѣдовательныхъ звуковъ, составляющихъ мелодію: мы можемъ сравнивать одну мелодію съ другой, распознавая ихъ сходство и даже тонкое различіе; мы можемъ удерживать ее въ памяти, и точно воспроизводить желаемую послѣдовательность тоновъ; другими словами, помимо эстетической стороны, и физическое построеніе мелодіи подлежитъ нашей оцѣнкѣ, запоминанію и воспроизведенію, т.-е. можетъ служить объектомъ сознательнаго воспріятія, воспроизведенія и мысли.

Если слово, этотъ символъ, состоящій изъ совокупности сложныхъ звуковъ, всегда остается тождественнымъ, если образъ его хранится въ нашей мысли въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ воспринятъ и въ какомъ будетъ воспроизведенъ, то о звукѣ-тонѣ нельзя сказать того же. Изолированный тонъ, воспринятый нашимъ ухомъ, безслѣдно исчезаетъ для нашей психики почти непосредственно за прекращеніемъ вибрацій; мы не въ состояніи распознать его, опредѣлить его высоту, сравнить съ изолированнымъ тономъ, который слышали четверть часа назадъ, какъ не можемъ воспроизвести его десять минутъ спустя; лишь крайне рѣдкія личности, одаренныя исключительнымъ музыкальнымъ дарованіемъ, обладаютъ способностью приблизительной оцѣнки изолированнаго тона, да и они, для такого опредѣленія, предварительно воспроизводятъ услышанный тонъ голосомъ; причина послѣдняго обстоятельства будетъ выяснена далѣе.

Почему же мелодія, состоящая изъ ряда отдѣльныхъ тоновъ, и распознается, и запоминается? Очевидно, неопредѣлимые въ отдѣльности элементы ея приобрѣтають при своемъ сочетаніи новыя качества, способствующія ихъ совокупной оцѣнкѣ; очевидно, та квалификація, которая отсутствуетъ у отдѣльнаго тона, присуща совокупности ихъ, и не опредѣляя каждаго члена, она опредѣляетъ ихъ послѣдовательный рядъ. Другими словами, очевидно, не отдѣльные тоны являются объектами воспріятія и мысли, а ихъ послѣдовательность; наша психика оперируетъ не съ изолированными тонами, составляющими мелодію, а съ мелодіей, состоящею изъ отдѣльныхъ тоновъ: пусть послѣдніе не тождественны со своими прототипами, но ихъ складъ соотвѣтствуетъ складу подлинника.

Дальнѣйшее изложеніе имѣетъ въ виду опредѣлить психологическую квалификацію ряда тоновъ и указать ея физическія и фізіологическія основанія. Быть можетъ, анализъ психическихъ операций съ простыми тонами послужитъ въ послѣдствіи матеріаломъ для болѣе полного изученія звуковъ-символовъ въ психологіи членораздѣльной рѣчи.

Звукъ, въ смыслѣ физики, представляетъ періодическое волнообразное движеніе среды (болѣею частью, воздуха), совершающееся съ извѣстной неопредѣленною скоростью; физика различаетъ движенія ритмическія и случайныя, называемыя шумами. Ритмическія движенія, или тоны, располагаются въ непрерывный рядъ, соотвѣтственно возрастанію скорости движенія, мыслимому, въ математическомъ смыслѣ, отъ 0 до ∞ колебаній въ секунду.

Психологическое значеніе звуковъ болѣе ограничено. Тоны, быстрота движенія которыхъ не превышаетъ 8 колебаній въ секунду или превосходитъ 40000, либо вовсе не воспринимаются, либо не отличаются отъ шумовъ близкаго характера. Музыка довольствуется тонами, заключающимися въ предѣлахъ между 16 и 4000 колебаній въ секунду, ибо только въ этихъ границахъ звукъ имѣетъ характеръ чистаго, опредѣленнаго тона; но она и еще стѣсняетъ эти предѣлы, соотвѣтственно дальнѣйшимъ требованіямъ нашей психики. Мы не въ состояніи слѣдить за всею цѣлью постепеннаго ускоренія въ ряду безконечной физической гаммы; изъ этой лѣстницы тоновъ,—которые, въ физическомъ отношеніи, могутъ разниться другъ отъ друга не только цѣлымъ

колебаніемъ, но и дробью, — музыкальная сторона нашей психики выдѣлила опредѣленный рядъ и построила музыкальную гамму.

Простая *диатоническая* гамма представляетъ періодически повторяющуюся семичленную группу восходящихъ тоновъ, физическій анализъ которыхъ показываетъ слѣдующее отношеніе между числами ихъ колебаній и періодомъ основного тона, принятымъ за единицу.

...1 $\frac{9}{8}$ $\frac{5}{4}$ $\frac{4}{3}$ $\frac{3}{2}$ $\frac{5}{3}$ $\frac{15}{8}$ 2 и т. д.

Между нѣкоторыми смежными тонами этой группы оказалось возможнымъ вставить промежуточные тоны и создать *хроматическую* гамму изъ 12 тоновъ, осуществленную на фортепіано и другихъ инструментахъ съ постояннымъ строемъ, а съ теченіемъ времени рядъ звуковъ гаммы и еще возросъ—до 21 тона, образовавши *энгармоническую* гамму, которая оказалась построенною по слѣдующему закону отношеній между быстротой колебаній *).

...1 $\frac{25}{24}$ $\frac{27}{25}$ $\frac{9}{8}$ $\frac{75}{64}$ $\frac{6}{5}$ $\frac{5}{4}$ $\frac{125}{96}$ $\frac{32}{25}$ $\frac{4}{3}$ $\frac{25}{18}$ $\frac{36}{25}$

$\frac{3}{2}$ $\frac{25}{16}$ $\frac{8}{5}$ $\frac{5}{3}$ $\frac{125}{72}$ $\frac{9}{5}$ $\frac{15}{8}$ $\frac{125}{64}$ $\frac{48}{25}$ 2 и т. д.

Отношеніе каждаго тона этихъ группъ къ соответствующему тону слѣдующихъ и предыдущихъ группъ того же характера представляетъ, по быстротѣ колебаній, геометрическую прогрессию съ знаменателемъ = 2,—

$$\dots \frac{1}{4} \cdot \frac{1}{2} \cdot 1 \cdot 2 \cdot 4 \dots$$

Энгармоническая гамма осуществима лишь на инструментахъ съ непостояннымъ строемъ (скрипка, виолончель и т. д.) и доступна лишь высоко-развитому музыкальному уху; для средняго

*) Этотъ рядъ отношеній, въ особенности напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ, имѣетъ лишь приблизительное достоинство; но какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, точность его превышаетъ способность точности нашего различія.

же, обыкновеннаго музыкальнаго развитія крайній предѣлъ представляетъ хроматическая гамма *).

Значить ли это, однако, что весь промежуточный контингентъ тоновъ, не вошедшій въ приведенный на таблицѣ рядъ, не существуетъ для нашего воспріятія? Съ одной стороны, несомнѣнно, что взявши за основу нѣсколько любыхъ тоновъ произвольной высоты (т.-е. даже изъ не вошедшихъ въ таблицу), мы можемъ построить на каждомъ изъ нихъ гамму и получить такимъ образомъ серію рядовъ, изъ которыхъ каждый будетъ соответствовать не только физическому, но и психологическому закону энгармонизма, несмотря на то, что всѣ тоны одной скалы будутъ стоять къ соответствующимъ тонамъ другой въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, не входящихъ въ нашу таблицу. Съ другой стороны, развитое музыкальное ухо различаетъ не только тоны, разнящіеся между собою на $\frac{1}{23}$ (maximum отношенія приведенной таблицы), но и такіе, въ которыхъ числа колебаній относятся другъ къ другу, какъ $\frac{63}{64}$, а по нѣкоторымъ даннымъ и какъ $\frac{79}{80}$.

Тѣмъ не менѣе, эти факты нисколько не противорѣчатъ даннымъ энгармонической таблицы; хотя наше ухо способно воспринимать тоны съ любымъ количествомъ колебаній, но распознаваніе и различеніе ихъ ограничено предѣлами опредѣленныхъ отношеній. Если соответствующіе тоны двухъ параллельныхъ скалъ разнятся между собою по количеству колебаній менѣе, чѣмъ на $\frac{1}{23}$, мы каждую гамму воспримемъ въ отдѣльности, какъ энгармонически правильную; но вплетя одну въ другую, мы услышимъ двойной тожественный рядъ. Если мы въ состояніи различать колебанія, разнящіеся только на $\frac{1}{80}$, то это возможно лишь въ случаѣ сравненія двухъ одновременно звучащихъ гармоническихъ или консонирующихъ тоновъ, гдѣ эта разница производитъ диссонансъ, ощущеніе котораго сопровождается непріятною эмоціональною окраской; мы ощущаемъ въ этомъ случаѣ не отношеніе этого диссонанса къ гармоніи, а лишь отсутствіе послѣдней, т.-е. отсутствіе того

*) Въ послѣдующемъ будетъ рѣчь только объ энгармонической гаммѣ, какъ о высшемъ предѣлѣ музыкальнаго слуха; но вездѣ слѣдуетъ подразумевать при этомъ, по отношенію къ среднему слуху, гамму хроматическую.

ближайшаго отношенія, которое показано въ таблицѣ. Если мы вмѣсто гармонической квинты въ 120 колебаній, относящейся къ основному тону въ 80 колебаній, какъ $\frac{3}{2}$, возьмемъ тонъ съ количествомъ колебаній 121, относящійся къ основному тону какъ $\frac{121}{80}$, то мы воспримемъ не разность отношеній $\left(\frac{121}{80} - \frac{3}{2} = \frac{1}{180}\right)$, а лишь отсутствіе гармоническаго отношенія $\frac{3}{2}$. Другими словами, предѣлы различенія совмѣстнаго и послѣдовательнаго воспріятія не совпадаютъ: тогда какъ первый доходитъ до распознаванія разности въ $\frac{1}{80}$, послѣдній не идетъ дальше различія въ $\frac{1}{25}$.

Поэтому, если мы имѣемъ рядъ скалъ, у которыхъ основные тоны (а стало-быть, и послѣдующіе) не даютъ разницы, превышающей эту предѣльную величину, то скалы будутъ восприниматься, какъ тождественныя. Послѣднее обстоятельство и даетъ возможность построить ту уравненную хроматическую гамму, которою обладаютъ музыкальные инструменты съ постояннымъ звукомъ: на рояли интервалы между двумя смежными тонами строятся одинаковыми и приблизительно равными отношенію $\frac{1}{12}$ — предѣлу послѣдовательнаго различенія для нормальнаго средняго слуха; благодаря этому, гаммы, построенныя на двухъ смежныхъ энгармоническихъ тонахъ (mi $\sharp$ и fa, fa и sol $\flat$ и т. д.) становятся вполне тождественными и практически неразличимыми.

Но даже и въ томъ случаѣ, когда серіи скалъ отстоятъ другъ отъ друга болѣе, чѣмъ на величину предѣла различенія, каждая изъ нихъ, взятая въ отдѣльности, дастъ тождественное съ остальными впечатлѣніе послѣдовательности звуковъ; только въ моментъ измѣненія тональности получается впечатлѣніе различія, которое исчезаетъ по мѣрѣ воспріятія послѣдующихъ звуковъ новой серіи. Иначе говоря, впечатлѣніе отъ ряда послѣдовательныхъ звуковъ, чередующихся по закону извѣстнаго отношенія, не разнится отъ впечатлѣнія другого ряда звуковъ, построенныхъ въ порядкѣ того же отношенія; впечатлѣніе отъ гаммы одной тональности тождественно съ впечатлѣніемъ отъ такой же гаммы съ другимъ основнымъ тономъ. Звуча одновременно, онѣ производятъ ощущеніе диссонанса и потому воспринимаются, какъ различныя; но будучи раздѣлены нѣкоторымъ промежуткомъ времени, достаточнымъ для того, чтобы въ нашемъ воспріятіи утратился слѣдъ отъ предшествующаго раздраженія, онѣ отмѣчаются, какъ тождественныя. Само собою разумѣется, что

сказанное относится не только къ гаммѣ, но и ко всякой сложной мелодіи, такъ какъ послѣдняя, подобно гаммѣ, построена въ порядкѣ извѣстныхъ отношеній послѣдовательныхъ тоновъ.

Итакъ, для слухового воспріятія не столько важно абсолютное количество числа колебаній воздушной среды, сколько отношеніе величинъ послѣдовательно измѣняющейся быстроты колебаній. Въ каждомъ рядѣ послѣдовательныхъ звуковъ наше воспріятіе либо выдѣляетъ только тѣ, которые относятся другъ къ другу, какъ рядъ опредѣленныхъ отношеній между нѣкоторыми цѣлыми числами, либо искусственно и приблизительно сводитъ остальные къ тому же законному ряду.

Оставляя на время открытымъ вопросъ о причинахъ такой ограниченности нашего воспріятія, посмотримъ теперь, какъ оперируетъ наша психика съ тѣмъ запасомъ звуковыхъ образовъ, которые сдѣлались ея достояніемъ.

Тѣ воспріятія, которыя вошли въ составъ психическаго содержанія и запечатлѣлись въ немъ, являются матеріаломъ, который служитъ, съ одной стороны, мѣриломъ для сравнительной оцѣнки новыхъ воспріятій, а съ другой—основой для раздражительнаго воспроизведенія или прежнихъ раздраженій (голосомъ), или же прежнихъ впечатлѣній (мысленно); таковы проявленія той способности, которая разсматривается, какъ память.

Объектомъ памяти могутъ быть только тѣ воспріятія, которыя въ моментъ появленія были распознаны, оцѣнены и опредѣлены; человѣкъ, не обладающій исключительно-тонкимъ слухомъ, не въ состояніи квалифицировать изолированнаго простого звука, а потому не въ состояніи и запомнить его. Сочетаніе нѣсколькихъ звуковъ, одновременныхъ, а въ особенности послѣдовательныхъ (мелодія), легко поддается запоминанію; но какъ мы видѣли, оно поддается и оцѣнкѣ: основаніемъ оцѣнки каждаго послѣдующаго тона служитъ сравненіе его съ предыдущимъ, т.-е. опредѣленіе отношенія ихъ другъ къ другу. Это отношеніе есть не что иное, какъ отношеніе быстроты колебаній отдѣльныхъ тоновъ, отношеніе неизмѣнное, точное, вполне опредѣляющее качественную окраску послѣдующаго тона, если извѣстенъ предыдущій. Это-то отношеніе и является тою квалификаціей ряда тоновъ, которая дѣлаетъ изъ нихъ объекты памяти. Тоны запоминаются не сами по себѣ, а въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ быстроты колебаній; мысль запечатлѣваетъ не абсолютную высоту

каждаго тона, а ихъ послѣдовательность, соотвѣтствующую послѣдовательности отношеній опредѣленныхъ цѣлыхъ чисель. Этимъ объясняется упомянутый раньше фактъ отождествленія музыкальныхъ гаммъ различныхъ тональностей, гдѣ отношенія между числами колебаній послѣдовательныхъ тоновъ представляютъ постоянный рядъ. Старая мелодія въ новой тональности распознается безошибочно, благодаря тому, что ея памятный образъ состоялъ не изъ ряда тоновъ опредѣленной высоты, а изъ ряда отношеній, не измѣняющихся при измѣненіи тональностей. Предѣлы такого отождествленія въ памяти не ограничиваются никакими факторами; въ границахъ возможнаго воспріятія физической гаммы отъ самыхъ низкихъ до самыхъ высокихъ тоновъ, переходя пополутономъ изъ тональности въ тональность, измѣняя свой тембръ до бесконечности въ различныхъ инструментахъ, мелодія остается тѣмъ не менѣе строго тождественной со своимъ памятнымъ образомъ, такъ какъ она остается математически вѣрной себѣ самой, т.-е. послѣдовательности отношеній своихъ элементовъ. Мы помнимъ мелодію, хотя не можемъ подчасъ опредѣлить, отъ какого инструмента мы ее восприняли, не можемъ подчасъ, даже приблизительно, обозначить, какому регистру соотвѣтствовало воспріятіе, не говоря уже о тональности, т.-е. абсолютномъ опредѣленіи высоты cadaго тона и быстроты его колебаній.

Памятный звуковой образъ, самъ по себѣ, вполнѣ независимъ отъ абсолютнаго качества составляющихъ его элементовъ; онъ лишенъ всякаго абсолютнаго достоинства; впечатлѣніе, какъ достояніе памяти, равняется ощущенію лишь въ моментъ воспріятія и существуетъ въ нашей мысли только какъ рядъ послѣдовательныхъ отношеній.¹ Воспринимая вторично знакомую намъ мелодію, мы узнаемъ ее, т.-е. отождествляемъ съ ея памятнымъ образомъ, не потому, что узнаемъ тожество высоты cadaго тона съ высотой cadaго тона прежняго воспріятія: старая мелодія въ новой тональности, т.-е. въ составѣ тоновъ новаго абсолютнаго достоинства, сразу признается нами тождественною со старымъ воспріятіемъ, хотя ея физическое сходство съ первой ограничивается лишь тожествомъ отношеній между послѣдовательными тонами; такимъ образомъ, мѣриломъ для оцѣнки мелодіи нашей психикой является не сравненіе ея отдѣльныхъ тоновъ съ ихъ памятными образами, а опредѣленіе сходства послѣдовательныхъ

отношеній. Знакомая мелодія одинаково распознается нами, будетъ ли она абсолютно тождественна или только геометрически пропорціональна своему первообразу, ибо въ нашей памяти существуетъ лишь рядъ послѣдовательныхъ отношеній, соответствующій модуляциямъ прежняго музыкальнаго воспріятія. Поэтому-то изолированный тонъ, какъ абсолютный, не распознается, не квалифицируется, хотя бы мы его раньше воспринимали несмѣтное число разъ: онъ не будитъ образа воспоминанія, ибо въ нашей памяти существуетъ не онъ, а то, что отличаетъ его отъ другихъ тоновъ и является отношеніемъ количества колебаній.

Если способность нашего воспріятія ограничивается энгармоническою гаммой, то это вполнѣ относится и къ способности запоминанія; если тамъ у большинства людей, обладающихъ среднимъ музыкальнымъ развитіемъ, способность различенія еще болѣе суживается, доходя до предѣловъ хроматической гаммы, то къ запоминанію тоновъ это примѣнимо въ еще болѣе степеней. Способность запоминанія не идетъ дальше той таблицы отношеній, которая представляетъ рядъ изъ 21 члена; въ промежуткахъ между тонами, которые опредѣляются этими отношеніями, не могутъ быть мыслимы переходныя ступени; намѣченный рядъ представляетъ предѣлъ постепенности между мыслимыми тонами. Если утонченное воспріятіе доходитъ до различенія разницы въ $\frac{1}{80}$ числа колебаній, то для памяти этотъ предѣлъ абсолютно недостижимъ; вотъ почему распознаваніе разницы, превышающей $\frac{1}{23}$, возможно только при одновременномъ воспріятіи разнящихся звуковъ и сводится не къ дѣйствительному различенію, т.е. сравненію воспріятія съ памятнымъ образомъ, а къ опредѣленію эмоціональнаго ощущенія диссонанса.

Такимъ образомъ и въ распознавательномъ воспріятіи (единственномъ, играющемъ роль въ сознательной психической жизни), и въ способности запоминанія слуховыхъ раздраженій мы ограничены предѣлами таблицы опредѣленныхъ отношеній. Причина этой ограниченности лежитъ, однако, не въ несовершенномъ устройствѣ нашего уха: поверхность, подвергающаяся вліянію раздражителей и претворяющая ихъ объективное воздѣйствіе въ субъективное ощущеніе, оказывается совершеннѣе органа, которому она поставляетъ сырой матеріалъ.

Периферическій нервный аппаратъ, служащій воспріемникомъ

звукowychъ раздраженій, глубоко скрытъ въ полости ушного лабиринта и не имѣтъ непосредственнаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Волненіе воздуха, проникающаго въ наружный слуховой проходъ, приводитъ въ вибраціонное движеніе барабанную перепонку, колебанія которой, при помощи цѣпи слуховыхъ косточекъ, точно передаются другой эластической перепонкѣ, затягивающей овальное отверстіе внутренняго уха; сотрясеніе послѣдней волнуетъ жидкость, которою наполненъ лабиринтъ и въ которой плаваютъ свободными концами воспринимающія нити слухового нерва. Въ нашемъ ухѣ находится около 3000 этихъ такъ называемыхъ *Кортіевыхъ нитей*, изъ которыхъ каждая представляетъ изъ себя какъ бы камертонъ, способный къ колебаніямъ опредѣленнаго періода; тонъ, обладающій извѣстнымъ количествомъ колебаній, заставляетъ вибрировать лишь тѣ нити, которыя одарены равнымъ ему или гармоническимъ періодомъ. Если принять во вниманіе, что ощущаемые нами звуки (сложные тоны и шумы) комбинируются изъ простыхъ тоновъ, заключенныхъ въ предѣлахъ около 10 октавъ, то окажется, что каждой октавѣ соотвѣтствуетъ около 300, а каждому тону энгармонической гаммы около 15 Кортіевыхъ нитей. Другими словами, для воспріятія тоновъ, промежуточныхъ между смежными тонами энгармонической таблицы, у насъ имѣется 15 нервныхъ окончаній, не говоря о томъ, что тоны, соотвѣтствующіе по періоду промежутку между двумя смежными концевыми нитями, могутъ приводить въ вибрацію обѣ эти нити, т.-е. давать новое ощущеніе.

(Итакъ, наше ухо ощущаетъ весь постепенный рядъ воздушныхъ волнъ физической гаммы; для него не существуетъ предѣловъ, въ границахъ между наиболѣе высокимъ и самымъ низкимъ тономъ: оно ощущаетъ каждый тонъ соотвѣтственно его высотѣ, независимо отъ того, изолированъ ли онъ, является ли въ сложномъ сочетаніи, или слѣдуетъ за ощущеніемъ другого тона; ни одинъ тонъ съ любымъ количествомъ колебаній не исключенъ изъ его регистраціи, и его способность такъ же велика, какъ разнообразенъ рядъ восходящихъ тоновъ. Ухо представляетъ физическій регистрирующій приборъ, безразлично отмѣчающій подлежащая его вѣдѣнію физическія явленія; и только центральный органъ психики, воспринимающій периферическія отмѣтки, элиминируетъ однѣ изъ нихъ, отождествляетъ другія, располагаетъ третьи по группамъ, вводя въ психиче-

скую оцѣнку звука законъ ограниченности распознаваемыхъ отношеній.

Если для сравненія памятнаго образа съ новымъ воспріятіемъ достаточно существующаго въ памяти порядка отношеній, то воспроизводиться могутъ только образы, имѣющіе абсолютное значеніе. Нашъ голосъ, какъ всякое звучащее тѣло, можетъ издавать лишь звуки опредѣленной высоты, и стало быть, образъ воспоминанія, переходя въ объектъ воспроизведенія, долженъ снова облечься въ объективное достоинство своего прототипа. Но возможно ли это, если воспоминаніе дѣйствительно не сохранило абсолютной окраски воспріятія? Можетъ ли воспроизведеніе, при такихъ условіяхъ, достигнуть тождества съ воспріятіемъ, лежащимъ въ его основѣ?

Если, воспроизводя мелодію по памяти, мы будемъ опредѣлять ея тождественность съ первоначальной мелодіей, руководствуясь только показаніями своего слуха, то сравненіе сведется къ опредѣленію сходства воспроизводимаго съ его памятнымъ образомъ; это сравненіе роковымъ образомъ приведетъ къ отождествленію, — и не только потому, что воспроизведеніе повторяетъ тотъ памятный образъ, съ которымъ оно сравнивается: производимая нами мелодія, даже явившись для нашего уха постороннимъ воспріятіемъ, въ результатѣ сравненія дала бы тождество, вслѣдствіе сохраненія порядка отношеній между ея послѣдовательными тонами. Какъ бы случайно и произвольно ни былъ взятъ первый тонъ, онъ необходимо опредѣляетъ качество послѣдующихъ тоновъ, такъ какъ рядъ отношеній произволенъ лишь до тѣхъ поръ, пока абсолютно не опредѣлится одинъ изъ его членовъ; какъ рядъ функций одного и того же переменнаго, онъ становится рядомъ абсолютныхъ величинъ, какъ только переменное сдѣлалось постояннымъ. Выборъ перваго тона вполне произволенъ, въ предѣлахъ нашего голоса, и не зависитъ отъ звуковой памяти; при пѣніи, сопровождаемомъ аккомпаниментомъ, онъ искусственно устанавливается тональностью инструментальной прелюдіи или аккорда, причемъ въ памяти возникаетъ отношеніе между послѣднимъ тономъ прелюдіи и первымъ тономъ вокальной мелодіи.

Пытаясь воспроизводить послѣдовательный рядъ постепенно восходящихъ или нисходящихъ звуковъ физической гаммы мы неизбежно приходимъ къ заключенію, что для голоса существуетъ точный предѣлъ переходовъ между смежными тонами. У лю-

дей съ плохо развитыми музыкальными способностями отноше-
ніе между возможными въ воспроизведеніи смежными тонами
можетъ не превышать $\frac{1}{8}$, т. е. приблизительно соотвѣтствовать
полному интервалу діатонической гаммы; при среднихъ му-
зыкальныхъ способностяхъ, какими обладаетъ большинство куль-
турныхъ людей, постепенная послѣдовательность сводится къ
хроматической гаммѣ изъ 12 тоновъ, съ среднимъ отношеніемъ
около $\frac{1}{12}$, и только у людей съ исключительнымъ дарованіемъ
она распространяется до 21 тона энгармонической гаммы съ отно-
шеніемъ около $\frac{1}{23}$. Дальше этого предѣла способность моду-
ляцій человѣческаго голоса не идетъ; предѣльная постепенность
переходовъ человѣческаго голоса сводится къ приведенной выше
таблицѣ отношеній. Между тонами, соотвѣтствующими ука-
заннымъ тамъ смежнымъ отношеніямъ, мы не можемъ вставить
новаго тона, не можемъ помѣстить новой промежуточной сту-
пени помощью нашего голоса.

Эта ограниченность звукового воспроизведенія зависитъ, однако,
не отъ устройства голосового аппарата. Основу послѣдняго со-
ставляютъ голосовыя связки—натянутыя пластинки, которыя со-
общаютъ проходящему мимо нихъ воздуху быстроту движенія,
соотвѣтствующую степени ихъ натяженія, т.-е. ихъ длинѣ. На-
тяженіе голосовыхъ связокъ регулируется мышцами, которыя, въ
предѣлахъ между максимальной и минимальной величиной, мо-
гутъ придать колеблющейся пластинкѣ любую длину, т.-е. спо-
собность любого колебанія. Соотвѣтственно этому, мы въ со-
стояніи воспроизвести изолированно звукъ любой высоты и мо-
жемъ пѣть подъ аккомпаниментъ инструментовъ, строй которыхъ
разнится даже менѣе, чѣмъ на $\frac{1}{23}$ (предѣльную разницу послѣ-
довательнаго воспроизведенія).

И тѣмъ не менѣе наша способность послѣдовательнаго про-
извольнаго произведенія звуковъ такъ же ограничена, какъ способ-
ность воспріятія и памяти; какъ и послѣднія, она сводится къ
тонамъ, соотвѣтствующимъ, по количеству колебаній, ряду от-
ношеній между опредѣленными цѣлыми числами.

Итакъ, всѣ отдѣлы пути, проходимаго звуковымъ раздраже-
ніемъ въ сферѣ нашей психики, — и центростремительный путь
воспріятія, и интрацентральный путь мысли, и центробѣжный путь
двигательнаго импульса къ голосовому аппарату,— заключены въ
рамки однихъ и тѣхъ же предѣловъ, поддающихся точному

физико - математическому опредѣленію, и безусловно одинаковыхъ.

Причина ограниченности производительной звуковой способности коренится, какъ сказано выше, не въ голосовыхъ связкахъ, которыя могутъ принимать какіе угодно размѣры; она лежитъ, очевидно, въ ограниченности нашего умѣнья управлять ими и регулировать ихъ форму. Очевидно, предѣлъ измѣненій, которыя мы произвольно можемъ производить въ ихъ длинѣ помощью голосовыхъ мышцъ, не превышаетъ $\frac{1}{25}$ данного первоначальнаго напряженія; другими словами, наименьшая величина, на которую мы можемъ въ каждый данный моментъ произвольно увеличить или уменьшить натяженіе голосовыхъ связокъ, составляетъ $\frac{1}{25}$ ихъ натяженія въ предшествующій моментъ. Повидимому, этотъ предѣлъ есть предѣлъ тонкости мышечнаго, или иннервационнаго чувства голосовыхъ связокъ. Если это такъ, то схематическая таблица энгармонической гаммы представляетъ не что иное, какъ таблицу этого предѣла. Какъ сказано выше, предѣлъ воспроизводительности индивидуально различенъ; повидимому, это различіе сводится къ различнымъ степенямъ развитія голосового мышечнаго чувства, тѣмъ болѣе, что предѣлъ расширяется въ зависимости отъ упражненія, отъ привычки управлять даннымъ иннервационнымъ процессомъ. Ощущенія иннервации голосовыхъ мышцъ, необходимыя для приданія имъ извѣстнаго напряженія, соотвѣтственно тому или другому опредѣленному тону, ограничены въ своей тонкости предѣломъ нѣкоторыхъ простыхъ отношеній; поэтому тѣми же отношеніями ограничено напряженіе, которое мы, сознательно и произвольно, можемъ имъ сообщать. Послѣдовательныя иннервации регулируютъ не длину напряженныхъ голосовыхъ связокъ и мышцъ, какъ величину, недоступную нашему наблюденію и внутреннему опыту, а ту силу, съ которою сокращаются мышцы, придавая перепонкѣ желанное напряженіе и длину. Исключительно-высокое музыкальное развитіе можетъ дать способность абсолютно оцѣнивать эту силу, какъ привычка можетъ создать умѣніе оцѣнивать тяжесть груза по степени напряженія мышцъ, служащихъ для его поддержанія; но у человѣка съ средними музыкальными способностями существуетъ лишь возможность относительной оцѣнки послѣдовательныхъ иннерваций. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ послѣдовательности производимыхъ тоновъ играетъ роль не арие-

метическое, а геометрическое отношеніе быстроты колебаній: мышечная сила, сила иннервации, какъ и всякая сила, можетъ измѣняться только въ геометрической пропорціональности.

Энгармоническая гамма есть предѣлъ иннервационныхъ модуляцій человѣческаго голоса: поэтому изъ нея нельзя изъять ни одного изъ составляющихъ ее тоновъ, не нарушая ея послѣдовательности, но нельзя и пополнить ее новыми тонами.

Не этимъ ли объясняется тотъ фактъ, что съ давнихъ временъ изъ физической скалы выдѣлена чисто-эмпирическимъ путемъ энгармоническая гамма, какъ вполне удовлетворяющая голосовой способности человѣка? Едва ли можно объяснить случайностью совпаденіе такого выбора съ простотой геометрическихъ отношеній и физиологическимъ предѣломъ фонаціи. Стоило ли выдѣлять изъ физической гаммы тотъ рядъ звуковъ, которому нѣтъ соотвѣтствія въ физиологической гаммѣ? И существуетъ ли физиологическая возможность такого выдѣленія?

Выше было показано, что способность воспріятія тоновъ сама по себѣ ограничена энгармоническою гаммой, что тоны, не входящіе въ рядъ ея отношеній, отождествляются съ ближайшими тонами и различаются при одновременномъ воспріятіи, лишь благодаря диссонансу; отмѣчено было также, что это происходитъ не вслѣдствіе особенностей устройства слухового аппарата. Тождество отношеній между возможными воспріятіями и возможными воспроизведеніями даетъ теперь прямое указаніе пути, на которомъ слѣдуетъ искать причину ограниченности распознаваемыхъ слуховыхъ воспріятій. /

Что происходитъ, когда мы внимательно вслушиваемся въ новую для насъ мелодію? Мы тутъ же, про себя, повторяемъ ее, «подпѣваемъ», если не вслухъ, то беззвучными движеніями голосовыхъ связокъ. Параллельно съ воспріятіемъ мы послѣдовательно придаемъ своимъ голосовымъ связкамъ ту степень напряженія, которая необходима для созвучія ихъ потенциальныхъ колебаній съ періодомъ послѣдовательно воспринимаемыхъ тоновъ. Приготовляясь слушать, мы направляемъ къ своимъ голосовымъ связкамъ неопредѣленный запасъ энергіи, придаемъ имъ способность приноровляться тѣмъ или другимъ напряженіемъ къ высотѣ звучащаго тона; и каждый воспріятый тонъ настраиваетъ ихъ по-своему, устанавливая степень напряженія ихъ сообразно своему физическому характеру: такъ, смычокъ даетъ

струнѣ толчокъ къ колебаніямъ, но лишь скользящій по ней палецъ опредѣляетъ періодъ послѣднихъ.

Этимъ иннервационнымъ актомъ направленія неопредѣленнаго напряженія къ голосовымъ мышцамъ отличается активное «слуханіе» отъ пассивнаго «слышанія»; онъ является физиологическимъ субстратомъ того, что въ данномъ случаѣ принято называть вниманіемъ *).

Слушая какую-либо мелодію, мы оказываемся не въ состояніи воспроизвести какую-либо иную послѣдовательность звуковъ (разумеется, кромѣ гармонирующей съ первою); голосовыя связки отказываютъ намъ въ повиновеніи. Обладая зарядомъ напряженія, они стремятся созвучать тѣмъ колебаніямъ, которыя носятъ въ воздухѣ. Какъ рояль пассивно отвѣчаетъ раздающимся подлѣ нея тонамъ лишь тѣми струнами, которыя, по натяженію, соотвѣтствуютъ высотѣ первыхъ, такъ нашъ фонаціонный аппаратъ активно производитъ лишь такіе же отвѣты, натягиваясь и ослабѣвая, соотвѣтственно качеству притекающихъ звуковъ. Параллельно теченію воспріятія, голосовыя мышцы претерпѣваютъ измѣненія напряженія, соотвѣтствующія отношеніямъ воспринимаемыхъ тоновъ. Эта послѣдовательность фиксируемыхъ иннерваций, т.-е. центробѣжныхъ мышечныхъ актовъ (хотя бы и потенциальныхъ), подлежитъ всецѣло сознательной оцѣнкѣ; сознаніе связываетъ измѣненіе силы иннервационнаго процесса съ совершающимся воспріятіемъ и переноситъ на воспріятіе то напряженіе мышечнаго акта, которое одновременно съ нимъ происходитъ, опредѣляя свой центробѣжный импульсъ, какъ тональную окраску воспріятія. Такъ какъ мышечныя (иннервационныя) ощущенія могутъ быть оцѣниваемы лишь относительно, то такъ же относительно будутъ оцѣниваться и воспринимаемые тоны, причѣмъ, очевидно, отношенія между воспріятіями будутъ равняться отношеніямъ между фонаціонными напряженіями, т.-е. потенциальными воспроизведеніями. Ухо воспринимаетъ тонъ, какъ таковой, регистрируя абсолютное его достоинство; и только мышечныя ощущенія голосового аппарата опредѣляютъ его психическое значеніе, какъ члена извѣстнаго ряда.

*) Въ составъ послѣдняго входитъ еще приспособляемость къ ритму; но разсмотрѣніе ритма, какъ фактора, присущаго не однимъ слуховымъ объектамъ, не входитъ въ предѣлы нашего очерка.

Между моментомъ воспріятія и моментомъ воспроизведенія въ сознаніи не можетъ фигурировать изолированный тонъ, какъ абсолютный и не поддающійся квалификаціи; лишь въ томъ случаѣ, когда у индивида существуетъ исключительная способность абсолютно оцѣнивать силу иннерваціи голосовыхъ мышцъ, у него является и способность связывать ее съ графическимъ или словеснымъ обозначеніемъ звука опредѣленной высоты, а стало-быть, и способность опредѣлять изолированные тоны. При средней музыкальности индивида, лишь рядъ отношеній связываетъ слуховое воспріятіе съ воспроизведеніемъ и является объектомъ мысли. Мы уже знаемъ, какое психологическое значеніе имѣетъ этотъ рядъ отношеній, и для насъ теперь ясно, что это-то отношеніе послѣдовательныхъ иннервацій и составляетъ тотъ памятный слѣдъ, который служитъ и мѣриломъ для оцѣнки новыхъ воспріятій, и основой самостоятельнаго воспроизведенія. Послѣдовательныя иннерваціи, при среднемъ развитіи мышечнаго чувства, могутъ оцѣниваться только по своей взаимной относительности: поэтому и воспріятія, которыя въ моментъ ощущенія даютъ напряженія голосовыхъ связокъ, тождественныя по послѣдовательной относительности, оцѣниваются, какъ тождественныя; поэтому и воспроизводимъ мы ихъ только по послѣдовательной относительности иннервацій, руководствуясь лишь случайной окраской перваго воспроизведеннаго тона. Физически воспроизводя мелодію, мы фізіологически повторяемъ лишь послѣдовательный рядъ иннервацій, соотвѣтствующій ряду мышечныхъ ощущеній, сопровождавшихъ воспріятіе. Мыслимая мелодія, какъ показываетъ самонаблюденіе, сопровождается, какъ и производимая, рядомъ измѣненій напряженія голосовыхъ связокъ; она отличается отъ производимой мелодіи только беззвучностью, т.-е. отсутствіемъ протекающей воздушной струи, которой могли бы передаться соотвѣтствующія колебанія; она характеризуется только отношеніемъ силы послѣдовательныхъ иннервацій, которое, такимъ образомъ, является единственнымъ очевиднымъ субстратомъ того, что называется звуковою памятью.

Указанное обстоятельство до нѣкоторой степени аналогично музыкальной памяти виртуозовъ, у которыхъ воспроизводителями звуковъ являются пальцы рукъ; ихъ память лежитъ въ пальцахъ, т.-е. сводится къ памяти послѣдовательныхъ иннервацій, потребныхъ для движеній, извлекающихъ мелодію. У нихъ и мыслен-

ное воспроизведеніе той или другой пьесы сопровождается иннервационными процессами въ мышцахъ, которые подчасъ создаютъ даже замѣтныя для глаза движенія.

Итакъ, наше сознательное воспріятіе ограничено предѣлами энгармонической гаммы потому, что этотъ предѣлъ является физиологическимъ предѣломъ нашего запоминанія: восприниматься сознаниемъ можетъ лишь то, что подлежитъ сравненію съ запахомъ предшествующихъ воспріятій, а запоминаться можетъ только то, что способно воспроизводиться — мысленно или же механически; репродукція возможна лишь въ предѣлахъ отношеній энгармонической гаммы, которая можетъ быть названа физиологическою гаммой произвольныхъ модуляцій человѣческаго голоса.

Другими словами, наша способность музыкальнаго воспріятія и запоминанія находится въ полномъ подчиненіи у нашей воспроизводительной способности. Мы можемъ воспринять лишь то, что въ состояннн воспроизвести, и только въ тѣхъ предѣлахъ, которыя подлежатъ воспроизведенію; для оцѣнки воспріятія мы должны тутъ же произвести нѣкоторое усиліе, необходимое для раздражательнаго воспроизведенія, и по своему усилію, по той затратѣ иннервационной энергіи, которую мы производимъ, мы познаемъ и совершающееся воспріятіе.

Такимъ образомъ, наша способность музыкальнаго воспріятія распределена между двумя периферическими органами, которые не только контролируютъ, но и дополняютъ другъ друга. Одинъ изъ нихъ безстрастно регистрируетъ каждое специфическое раздраженіе, второй указываетъ его мѣсто въ ряду другихъ; второй можетъ создать только то, что воспринялъ первый, но первый способенъ воспринять лишь то различіе, которое доступно воспроизведенію второго. Первый ощущаетъ, второй квалифицируетъ, — и только тотъ объектъ, который прошелъ черезъ оба стадія, становится прочнымъ достояніемъ нашей психики.)

Сознательное воспріятіе заключается не въ пассивномъ ожиданнн притекающихъ тоновъ, а въ стремленнн, одновременно съ раздраженіемъ, подражать ему. Сознаніе, какъ бы не удовлетворяясь внѣшнимъ стимуломъ, создаетъ своими силами, хорошо ему извѣстными и подлежащими его измѣренію, новый стимулъ, который способенъ произвести тождественное раздраженіе; и когда голосовыя связки напряглись въ созвучіе, оно ясно знаетъ цѣну

того, что до него донеслось: создавъ центробѣжный процессъ, равносильный полученному центростремительному, оно, по силѣ перваго, измѣряетъ послѣдній.

Въ предшествующемъ изложеніи совершенно не затронуты тѣ стороны психологіи слуха, которыя касаются интенсивности, гармоничности и тембра, г.-е. эмоціональной окраски воспріятія: рѣчь шла лишь о простыхъ тонахъ. Отчасти произошло это отъ нежеланія усложнить анализъ вопросами, которые достаточно разработаны, выяснены и извѣстны; съ другой стороны, физическое обоснованіе гармоніи и тембра, какъ комбинаціи наиболѣе простыхъ отношеній, имѣетъ для психологіи значеніе обязательнаго закона, вполне независимо отъ нашей способности анализировать сложныя воспріятія. Въ психологическомъ смыслѣ понятія о гармоніи и тембрѣ—понятія вполне однородныя; и аккордъ, и простой тонъ, сопровождаемый обертонами, являются для нашего воспріятія одинаково сложнымъ раздраженіемъ, независимо отъ того, что первый произведенъ искусственною комбинаціей, а второй—естественнымъ свойствомъ звучащаго тѣла: и въ томъ, и въ другомъ, преимущественнымъ объектомъ воспріятія является тонъ наибольшей интенсивности, который и опредѣляетъ психическую окраску цѣлостнаго ощущенія.

Всѣмъ извѣстно, что способность правильной фонаціи (и артикуляціи) находится въ полной зависимости отъ слуховой способности: человѣкъ, глухой отъ рожденія, роковымъ образомъ остается и нѣмымъ; правда, у него можетъ сохраниться механическая способность производить звуки, но онъ не будетъ въ состояніи контролировать ихъ слухомъ и соразмѣрять объемъ потребнаго движенія съ качествомъ звука, какъ его результата. Но, очевидно, нѣчто аналогичное должно произойти и съ человѣкомъ, отъ природы лишеннымъ способности фонаціи: притекающіе звуки, не подлежащіе для него иннервационной оцѣнкѣ голосовыхъ связокъ, будутъ роковымъ образомъ исчезать изъ его сознанія вслѣдъ за прекращеніемъ воспріятія; если два смежныя тона и дадутъ въ его воспріятіи впечатлѣніе извѣстнаго отношенія, то третій, сочетаясь со вторымъ, уже разрушитъ связь между двумя первыми. При ихъ воспріятіи будетъ отсутствовать тотъ процессъ мышечной иннервации, который, какъ единственный центростремительный актъ въ воспріятіи, только и способенъ оцѣниваться, запечатлѣваться и воспроизводиться. Бы-

ло бы чрезвычайно поучительно изслѣдовать въ этомъ направленіи лицъ съ прирожденнымъ отсутствіемъ фонаціонной способности; къ сожалѣнію, насколько намъ извѣстно, такого рода наблюденій не существуетъ.

Однако, указанный пробѣлъ можетъ быть, до нѣкоторой степени, заполненъ другимъ путемъ. До сихъ поръ рѣчь шла лишь о звукахъ - тонахъ, которые только и могутъ воспроизводиться голосовыми связками; къ звукамъ-шумамъ наша психика относится нѣсколько иначе.

Шумы, въ смыслѣ физики, соотвѣтствуютъ неправильнымъ, аритмическимъ колебаніямъ и тѣмъ изъ ритмическихъ, которые выходятъ за предѣлы музыкальнаго воспріятія (отъ 8 до 40000 колебаній въ секунду) или въ предѣлахъ ея сопровождаются аритмическими обертонами (свистъ, шипѣніе, стукъ и т. д.). Послѣдній рядъ шумовъ, наиболѣе близкій къ тонамъ, можетъ быть расположенъ въ порядкѣ своихъ ритмическихъ компонентовъ и, стало быть, подлежитъ музыкальной оцѣнкѣ; до нѣкоторой степени онъ можетъ даже репродуцироваться, болѣе или менѣе точно, губами (свистъ), постукиваніемъ по зубамъ, при различномъ раскрытіи рта, или по щекамъ, болѣе или менѣе растянутымъ помощью заключеннаго во рту воздуха. Какъ при фонаціи, точность воспроизведенія зависитъ и здѣсь отъ тонкости иннерваціи соотвѣтствующихъ мышцъ и доходитъ иногда до высокой степени виртуозности; но и здѣсь, какъ тамъ, модуляціи ограничены переходами фізіологической гаммы, и здѣсь репродуцируется отношеніе между періодами ритмической части колебаній послѣдовательныхъ шумовъ, ибо и воспріятіе просвистанной мелодіи можетъ оцѣниваться иннерваціей голосовыхъ связокъ, и обратно, мелодія, воспринятая, какъ цѣпь тоновъ, можетъ быть воспроизведена, какъ рядъ шумовъ.

Изъ остальныхъ шумовъ, прежде всего, должны быть выдѣлены тѣ, которые называются членораздѣльною рѣчью; но ихъ анализъ слишкомъ сложенъ и не входитъ въ предѣлы настоящаго очерка.

Весь остальной арсеналъ шумовъ, не подлежащій произвольному точному воспроизведенію, не можетъ служить и объектомъ нашей мысли въ истинномъ своемъ объемѣ. Грохотъ выстрѣла, стрекотанье кузнечика, благовѣстъ колокола и визгъ ребенка запоминаются лишь постольку, поскольку они приближаются къ

членамъ фізіологической гаммы, т.-е. поскольку могутъ быть воспроизведены; запоминается, правда, еще и ихъ эмоціональная окраска, въ смыслѣ той реакціи двигательнаго аппарата, которая была ими вызвана, если только эта послѣдняя можетъ быть искусственно воспроизведена: производя искусственно движенія содроганія, мы до нѣкоторой степени приближаемся къ звуковому образу воспріятого выстрѣла. Въ этихъ условіяхъ, воспріятый шумъ безслѣдно сглаживается въ самый моментъ прекращенія раздраженія, какъ бы ни была велика его интенсивность.

Хотя звуковой міръ играетъ значительную роль въ нашей психической жизни, невольно является вопросъ, почему для слухового воспріятія оказалась надобность въ двухъ периферическихъ аппаратахъ. Почему для изслѣдованія звукового раздраженія мозгъ посылаетъ центробѣжные импульсы, и только ими руководствуется въ своей оцѣнкѣ раздраженія? Почему другія области чувствованія обходятся безъ такой центробѣжной эксплораціи?

Новѣйшія данныя о строеніи центральной нервной системы, основанныя, главнымъ образомъ, на изслѣдованіяхъ Golgi, Ramon y Cajal'я и другихъ, заставляютъ отвѣтить на послѣдній вопросъ совершенно неожиданно, по крайней мѣрѣ по отношенію къ зрѣнію и обонянію. Оказывается, что среди путей, соединяющихъ сѣтчатую оболочку глаза съ зрительнымъ центромъ мозговой коры, имѣются и такія волокна, которыя проводятъ возбужденіе въ центробѣжномъ направленіи: они подходятъ къ тѣмъ самымъ клеткамъ, изъ которыхъ исходятъ волокна, передающія корѣ центростремительное раздраженіе; такимъ же образомъ устроены и обонятельные пути. Стало бытъ, по отношенію къ обонянію и зрѣнію анатомически доказано существованіе эксплораторныхъ путей, повидимому, аналогичныхъ тѣмъ, которые, для слуха, направляются къ голосовымъ связкамъ и управляютъ ихъ движеніями. Существованіе центробѣжныхъ волоконъ въ самомъ слуховомъ нервѣ до сихъ поръ не доказано, но, согласно изложенному выше, они и не нужны, ибо функція ихъ исполняется проводниками другого характера, идущими въ другое мѣсто.

Указанное обстоятельство и предлагаемое здѣсь толкованіе его проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе спонтанныхъ ощущеній—въ видѣ галлюцинацій. Болѣзненное возбужденіе корковыхъ центровъ, зародившееся независимо отъ центростреми-

тельныхъ процессовъ, передается по центробѣжнымъ путямъ периферическимъ воспринимающимъ клѣткамъ въ однихъ случаяхъ, голосовымъ связкамъ — въ другихъ. Этотъ центробѣжный токъ можетъ быть недостаточно сильнымъ для образованія обратнаго тока въ центростремительномъ нейронѣ, и тогда у насъ получится впечатлѣніе ощущенія, которое происходитъ какъ бы въ насъ самихъ (псевдогаллюцинація); но онъ можетъ быть и достаточнымъ для порожденія центростремительнаго возбужденія и вызоветъ ощущеніе объективнаго воспріятія (галлюцинація). Такимъ образомъ, тогда какъ при истинномъ воспріятіи возбужденіе центростремительнаго нейрона порождаетъ эксплорирующую иннервацию, при галлюцинаціяхъ событія идутъ въ обратномъ порядкѣ.

То же происходитъ и въ путяхъ, завѣдующихъ слуховыми ощущеніями. Послѣдовательность спонтанныхъ иннерваций голосовыхъ связокъ даетъ ощущеніе носящейся въ головѣ музыкальной фразы (*hallucination motrice* французскихъ авторовъ); но любого возбужденія воспринимающихъ окончаній слухового нерва достаточно для того, чтобы придать этому ощущенію объективную конкретность и проецировать его во внѣшній міръ.

Конечно, это лишь гадательная гипотеза.

Объяснить физиологическую функцію и психологическое значеніе центробѣжныхъ волоконъ, заключенныхъ въ чувствующихъ путяхъ, — задача будущаго; быть можетъ, то, что сдѣлано въ этомъ очеркѣ для выясненія психологіи воспріятія тоновъ, послужитъ толчкомъ для работъ въ этомъ направленіи. Быть можетъ, высказываемое здѣсь положеніе, — что только тотъ звуковой феноменъ можетъ служить объектомъ мысли, который даетъ одновременно и центростремительное возбужденіе слухового ощущенія, и центробѣжный процессъ мышечной иннервации голосового аппарата, — окажется приложимымъ, *mutatis mutandis*, и къ другимъ областямъ чувствованія.

А. Н. Бернштейнъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

І. Обзоръ книгъ.

Alfred Wiedemann. The ancient Egyptian Doctrine of the Immortality of the Soul. With twenty one illustrations, pp. XI+71. Lond. 1895.

Эту небольшую, превосходно изданную и просто и талантливо написанную книжку извѣстнаго знатока египетскихъ древностей нельзя не рекомендовать вниманію интересующихся исторіей религіозныхъ ученій. Она представляетъ двоякій интересъ. Во-первыхъ, египетское ученіе о безсмертіи души, или «доктрина Озириса», имѣла большое культурное значеніе: она оказала воздѣйствіе на системы греческихъ философовъ; она давала себя чувствовать въ ученіяхъ гностиковъ; мы находимъ слѣды ея въ писаніяхъ христіанскихъ апологетовъ и раннихъ Отцовъ Церкви, и чрезъ ихъ посредство она отразилась на мысляхъ и мнѣніяхъ нашего времени (р. VIII). Во-вторыхъ, чтеніе книги доставляетъ большое непосредственное удовольствіе, такъ какъ переноситъ насъ въ глубь вѣковъ, въ эпоху мумій, саркофаговъ, сфинксовъ и пирамидъ, и притомъ такъ, что, благодаря талантливому автору, мы чувствуемъ себя среди не мертвой, а живой старины. Кто возьметъ въ руки эту книжку, — прочтетъ ее, не отрываясь.

А. Гиляровъ.

Thomas B. Strong. Chief ancient Philosophers. Platonism, pp. IV+288. Lond. 1895.

Книга не имѣетъ притязанія представить «полный и исчерпывающій отчетъ о философіи Платона», а только изложить возможно просто выдающіяся ея черты, предполагая въ чита-

телѣ наименьшій запасъ «техническихъ познаній въ философскомъ языкѣ и исторіи». Сообразно съ этимъ, Стронгъ не входитъ въ обсужденіе спорныхъ вопросовъ «платонизма», но только ихъ отмѣчаетъ, и подробно останавливается лишь на томъ, что послѣ Платона стало безспорнымъ достояніемъ обще-европейской культуры. Въ первой главѣ (которая служитъ вмѣстѣ и введеніемъ) умѣлыми и сжатыми чертами нарисована картина современной Платону эпохи (причемъ авторъ, какъ и подобаетъ, съ особою подробностью останавливается на софистическомъ движеніи, оцѣнивая его въ духѣ безпристрастной научной критики) и изложена біографія Платона. Вторая глава содержитъ платонову ученіе о бытіи. Здѣсь проводится взглядъ, что «Платонъ никогда не уклонялся далеко отъ того пониманія знанія, какое внушала ему сократическая метода. Отъ начала до конца его жизни наука была для него системой общихъ понятій, расположенныхъ въ іерархіи, которая должна соответствовать порядку природы» (р. 95). Исходной точкой для Платона были «вопросы Сократа», но затѣмъ, «при помощи современныхъ ему спекуляцій, наиболѣе опредѣленно-философскихъ», онъ становится на путь къ идеализму. Этотъ идеализмъ сначала принимаетъ форму, мало отличную отъ того положенія, которое занималъ Сократъ: общей идеѣ приписывается какъ бы конкретная реальность, а затрудненія, связанныя съ міромъ явленій, разрѣшаются двумя теоріями—о знаніи, какъ воспоминаніи, и объ участіи вещей въ идеяхъ; позднѣе, когда общее міровоззрѣніе стало складываться въ законченную философскую систему, проявляются два стремленія: одно—къ классификаціи различныхъ элементовъ вселенной, другое—къ выработкѣ системы категорій. Классификація составляетъ содержаніе всей вообще діалектики, какъ ученія объ идеяхъ; стремленіе выработать систему категорій сказывается въ позднѣйшихъ діалогахъ—«Государствѣ», «Тимѣѣ», «Θεэтетѣ», «Филебѣ», «Софистѣ», «Парменидѣ». «Содержаніе этой системы—представить по возможности исчерпывающій перечень тѣхъ конечныхъ идей, которыя необходимы для истолкованія міра» (рр. 108—109). Въ третьей главѣ изложены платонова космологія по «Тимэю» и—по всѣмъ вообще діалогамъ—антропология, интересующая автора преимущественно отношеніемъ Платона къ вопросу о безсмертіи души. Слѣдующая глава трактуетъ о нравственномъ ученіи Платона, которое Стронгъ справедливо рассматриваетъ, какъ истин-

ный центръ и «сердце его философіи». Здѣсь мы знакомимся съ постепеннымъ развитіемъ этого ученія отъ первыхъ зачатковъ у Сократа до выработки полного идеала. Идеаль этотъ прежде всего социальный; онъ разсматриваетъ индивида только въ его связи съ государствомъ и сводитъ его личное значеніе до минимума. Отсюда далѣе слѣдуетъ, что этотъ идеаль, въ цѣломъ, — аскетическій. Такъ какъ индивидуальному существованію придается возможно ничтожное значеніе, то право индивида на удовольствія исчезаетъ. Достиженіе идеала зависитъ въ концѣ концовъ отъ знанія, которое обнимаетъ весь порядокъ вещей и выходитъ за предѣлы сущаго для созерцанія идеи блага. Но это высшее пониманіе смысла жизни — исключительное достояніе философовъ, «созерцателей всего времени и всего бытія»; низшую ступень занимаютъ тѣ, кто, въ безусловномъ подчиненіи своимъ правителямъ, исполняютъ каждый свою функцію въ государствѣ, побуждая всѣ части своей души къ взвѣшенному и гармоническому осуществленію ихъ цѣли. Добродѣтель состоитъ въ этой взвѣщенной гармоніи — въ исполненіи закона сущности души, а истинный источникъ всякаго зла есть расторгающая сила самоутвержденія (р. 206). Подтвержденіемъ такого взгляда на этику Платона служитъ его государственное ученіе, изложенное авторомъ въ послѣдней главѣ.

Повсюду свое изложеніе Стронгъ сопровождаетъ критическими замѣчаніями. Изложеніе всегда основательно, дѣльно, ясно и не многословно, критическія замѣчанія трезвы и осторожны. «Обвинять Платона (такъ заканчивается книга) въ бесполезности и неудовлетворительности за то, что онъ при долгомъ и старательномъ изслѣдованіи ничего не установилъ окончательно, значить обвинять его за то, что онъ былъ столь совершенно тѣмъ, за кого онъ себя выдавалъ, — философомъ».

Авторъ въ предисловіи заявляетъ, что, подготавливая свой трудъ, «онъ перечелъ всего Платона и составилъ о немъ свое собственное мнѣніе, насколько возможно независимое» отъ ученыхъ авторитетовъ, которыхъ онъ перечисляетъ. Объ этой глубокой начитанности и независимости взгляда свидѣтельствуетъ каждая страница книги, и ея нельзя не признать весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ для тѣхъ, кто желаетъ ознакомиться со значеніемъ Платона въ короткое время и изъ вполне надежнаго изложенія.

А. Гиляровъ.

Bernard Bosanquet. A Companion to Plato's Republic for english readers etc., pp. IX+430. Lond. 1895.

«Спутникъ при чтеніи Платонова Государства» назначается для тѣхъ, кто не знаетъ греческаго языка, но желаетъ основательно познакомиться съ самымъ выдающимся изъ сочиненій Платона. Авторъ держится того мнѣнія, что хотя философскія творенія и теряютъ въ переводѣ, однако не настолько, какъ поэтическія, такъ что хорошій комментарий можетъ сдѣлать разницу между оригиналомъ и переводомъ мало замѣтной. Комментарій приспособленъ къ англійскимъ переводамъ Дэви и Вогана (Davy and Vaughan) и потому представляетъ для русскихъ читателей незначительный интересъ, тѣмъ болѣе, что доступенъ только для владѣющихъ въ совершенствѣ англійскимъ языкомъ. Однако, и такія лица могутъ извлечь изъ него пользу лишь въ томъ случаѣ, если обладаютъ широкимъ образованіемъ, такъ какъ авторъ предполагаетъ въ читателѣ знакомство съ историческою и философскою литературою и выражается далеко не популярно. Хорошо знающіе Платона не найдутъ въ «Спутникѣ» много новаго, но должны будутъ признать, что старое изложено съ полнымъ знаніемъ дѣла, чего, впрочемъ, и надо было ожидать отъ такого основательнаго ученаго, какъ Бозанкетъ.

А. Гиляровъ.

Adolf Bonhöffer. Die Ethik des Stoikers Epictet.—Anhang: Exkurse über einige wichtige Punkte der stoischen Ethik. Stuttgart. 1894. S. 1—VIII+1—278.

Въ исторіи древне-философской этики особенно обращаютъ на себя вниманіе три момента: нравственное міровоззрѣніе Сократа и Платона, затѣмъ—Аристотеля и, наконецъ, стоиковъ. Первое выдвигало религіозный элементъ, второе — антропологическій, третье преимущественно настаивало на автономіи личности. Стоическое направленіе, достигшее высоты своего развитія, главнымъ образомъ, въ ту эпоху римской исторіи, которая отмѣчена наибольшимъ упадкомъ нравственности, шло въ разрѣзъ съ современною ему развращенностью нравовъ и проповѣдовало высокіе нравственные принципы, приводившіе въ изумленіе ученыхъ всѣхъ вѣковъ. Поэтому, попытку научно выяснить и раскрыть мораль философовъ этой школы, предпринятую и осуществленную названнымъ нѣмецкимъ ученымъ, нельзя не признать явленіемъ очень

пріятнымъ. Бонгѣфферъ — знатокъ своего дѣла, что онъ блистательно доказалъ еще четыре года тому назадъ своимъ сочиненіемъ изъ той же области—*Epictet und Stoa* (Stuttgart, Enke, 1890). И въ настоящій разъ онъ также остановился на Эпиктетѣ — великомъ стоикѣ временъ римской имперіи, составлявшемъ вмѣстѣ съ Сенекою и Маркомъ Авреліемъ особаго рода триаду.

Въ первой части авторъ раскрываетъ, съ точки зрѣнія Эпиктета, *основаніе и цѣль добродѣтели*. Затѣмъ идетъ рѣчь о *содержаніи добродѣтели*, опредѣляемой какъ сообразное съ природою желаніе или разумное воззрѣніе на жизнь—съ одной стороны, съ другой — какъ сообразное съ природою поведеніе или правильное исполненіе обязанностей, и именно обязанностей, касающихся личнаго совершенства, религіозныхъ и социальныхъ, и съ третьей — какъ сообразное съ природою сужденіе. Все это составляетъ *вторую часть* книги. Въ *третьей* говорится объ *усвоеніи добродѣтели*, а именно — о нравственной способности, о грѣхѣ, о нравственномъ успѣхѣ и совершенствѣ, послѣ чего подводится итогъ всему изслѣдованію объ Эпиктетѣ.

Выводы, къ какимъ приводитъ Бонгѣффера рассмотрѣніе ученія Эпиктета, таковы. Прежде всего, *форма* этики великаго стоика, по его мнѣнію, отмѣчена всевозможными достоинствами: особенно отмѣняются проходящее по всей системѣ единство и законченность. Твердость, ясность, сила убѣжденія, простота и отчетливость стиля, жизненность изложенія, сила и пластичность выраженій—все это, говоритъ авторъ, дѣлаетъ истиннымъ наслажденіемъ чтеніе сочиненій Эпиктета. Всюду чувствуется бѣшеніе пульса, говорящее о горячей жизненной силѣ, и серьезное личное убѣжденіе.

Обращая вниманіе на *содержаніе* этики Эпиктета, авторъ отмѣчаетъ три главныхъ момента ея: 1) всякое существо, слѣдовательно и человѣкъ, съ естественною необходимостью постоянно стремится къ тому, что полезно ему; 2) истинная сущность человѣка состоитъ въ духѣ, чрезъ который онъ сроденъ Богу: стремясь исключительно къ духовному, человѣкъ находитъ истинное счастье; 3) духъ или разумъ человѣка данъ природою не въ готовомъ видѣ; онъ можетъ достигать высоты своего развитія только путемъ серьезнаго, систематическаго усовершенствованія.

Проглядывающий въ первомъ положеніи принципъ эвдемониз-

ма, впервые такъ ясно высказанный только Эпиктетомъ, по мнѣнію автора, представляется единственно правильнымъ обоснованіемъ нравственнаго поведенія человѣка. Всякій нравственный поступокъ человѣка, говоритъ онъ, въ сущности—не что иное, какъ правильно понятое самосохраненіе и самозащита, тогда какъ всякій грѣхъ и безнравственность есть самоистребленіе. Тотъ же взглядъ нашелъ себѣ мѣсто и у другихъ стоиковъ, съ которыми Эпиктетъ, слѣдовательно, въ сущности не разногласитъ; только у нихъ онъ выраженъ не такъ отчетливо. Предвидя упрекъ, какой могутъ сдѣлать и Эпиккету, и ему самому за проведеніе и защиту эвдемонистическаго принципа, нѣмецкій ученый различаетъ между высшимъ и низшимъ эвдемонизмомъ, утверждая при этомъ, что первый, т.-е. высшій эвдемонизмъ, нисколько не унижаетъ нравственности. Эвдемонизмъ, проводимый Эпиктетомъ, конечно—высшій; его можно назвать даже идеализмомъ. Только духовное имѣетъ абсолютную цѣну какъ во всемъ мірѣ, такъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, состоящемъ изъ тѣла и духа. Богъ—абсолютное благо, Богъ—духъ и разумъ; слѣдовательно, и у человѣка истиннымъ благомъ, самоцѣлью служить только духовное и разумное. Духъ—свободенъ; благо и свобода—тождественны; абсолютная свобода и счастье—одно и то же.

Философія Эпиктета—философія свободы по преимуществу. Человѣкъ можетъ самъ по себѣ достигнуть истинной свободы, душевнаго мира и полного счастья, такъ какъ счастье имъ познается и отыскивается исключительно въ духовной сторонѣ его существа, въ свободномъ самоопредѣленіи, въ духовно-нравственномъ самоутвержденіи. Въ виду этого его сердце должно быть въ сторонѣ отъ всего внѣшняго и несвободнаго; всѣ его желанія должны быть направляемы къ тому, что лежитъ въ сферѣ духа и свободной воли. Эпиктетъ требуетъ отъ человѣка полного отреченія отъ всѣхъ внѣшнихъ и земныхъ благъ и радостей, такъ какъ стремленіе къ нимъ нарушаетъ душевный миръ и спокойствіе. Отсюда исчезаетъ основаніе для боязни и печали по поводу такъ называемыхъ золь бытія, потому что послѣднія касаются только тѣла, слѣдовательно—несвободной, внѣшней стороны нашего существа и не могутъ быть дѣйствительнымъ зломъ и разстраивать счастье духовно-свободной личности.

Но Эпиккету могли бы возразить: если существуетъ область, надъ которой (наприм., надъ внѣшними явленіями природы) человѣкъ

не имѣть силы, и которая до извѣстной степени господствуетъ надъ его тѣломъ, то человѣкъ является какъ бы несвободнымъ и несовершеннымъ... На это философъ отвѣчаетъ, что и само Божество въ извѣстномъ смыслѣ зависитъ отъ природы матеріальнаго міра и не можетъ ее измѣнять. Но если свобода Божества отъ этого нисколько не страдаетъ, то, слѣдовательно, то же должно сказать и о свободѣ человѣческой. Такимъ образомъ, у Эпиктета, какъ и у другихъ стоиковъ, несмотря на проводимую ими въ началѣ монистическую тенденцію, находятъ себѣ мѣсто метафизическій дуализмъ (ср. *πνεῦμα* и *ἕλη, τὸ δρῶν* и *τὸ πάσχον*). Впрочемъ,—развиваетъ свои мысли Эпиктетъ—человѣческій духъ все-таки можетъ имѣть и имѣть власть надъ матеріей: во-первыхъ, онъ признаетъ ея относительную самостоятельность, какъ необходимаго фактора міропорядка, и чрезъ это признаніе внутренне подчиняетъ ее себѣ, ибо всегда познающій есть господинъ познанныго; во-вторыхъ (и это—главное), свободный духъ доказываетъ свою власть надъ матеріей тѣмъ, что дѣлаетъ ее матеріаломъ и средствомъ нравственнаго поступка и поведенія и чрезъ это нѣкоторымъ образомъ возвышаетъ ее до сферы духовнаго. Изъ всего, что случается, человѣкъ умѣетъ извлекать пользу. Разумъ превращаетъ все въ благо. Эпиктетъ, словомъ, оптимистъ, своєю рѣчью вселяющій въ читателя силу и бодрость.

Если только духовное имѣетъ истинное и безусловное достоинство, то отсюда слѣдуетъ выводъ: добродѣтель носить похвалу только въ себѣ самой, какъ грѣхъ—наказаніе, ибо нѣтъ блага высшаго, чѣмъ духовная свобода. Это благо настолько велико, что вся сумма внѣшнихъ благъ не можетъ увеличить его ни на одну іоту. Нѣтъ большаго зла, чѣмъ потеря единаго истиннаго блага. Высочайшій принципъ абсолютной свободы духа служитъ основою того, что достоинство нравственнаго поведенія лежитъ единственно въ настроеніи, что счастье не зависитъ отъ продолжительности земной жизни или отъ надежды на личное безсмертіе, но во всякое время само въ себѣ совершенно.

Отсюда можно естественно вывести и обязанность любви къ людямъ, по крайней мѣрѣ, съ пассивной стороны, т.-е. поскольку она заключаетъ въ себѣ воздержаніе отъ всякихъ несправедливостей и жестокости. Ибо гдѣ цѣнится только духовное, а всѣ внѣшнія блага считаются не имѣющими существен-

наго значенія, — тамъ исчезаетъ всякій мотивъ къ враждѣ противъ ближнихъ, къ злобѣ, зависти, гнѣву, мстительности и т. д. Не говоримъ уже о томъ, что эти аффекты должны быть удалены и потому еще, что они разстраиваютъ духовную свободу.

Но училъ ли и какъ училъ Эпиктетъ о положительной любви человѣка къ людямъ: о помощи имъ, о благодѣяніяхъ, о дѣятельномъ споспѣшествованіи ближнему? — Эгоизмъ онъ строго различаетъ отъ эвдемонизма. Обязанности альтруистическія помѣщаются у него въ число эгоистическихъ, понимаемыхъ въ высшемъ смыслѣ: Богъ такъ направляетъ природу разумнаго существа, что она не въ состояніи достигнуть ни одного изъ ея собственныхъ благъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ не достигается и общая польза, такъ что дѣятельность ко благу ближняго, есть не что-либо случайное въ человѣкѣ, а неизбѣжное условіе для достиженія имъ своего собственнаго блаженства. Подобно Богу, и человѣкъ не можетъ не приносить пользы и не благодѣтельствовать, такъ какъ природа его разумна, а все разумное и доброе приносить пользу. Любовь къ ближнимъ, по Эпиктету, имѣетъ своимъ основаніемъ также и равенство людей, какъ дѣтей одного небеснаго Отца; эту мысль затѣмъ съ еще большею настойчивостью проводилъ Маркъ Аврелій.

Однако, положительная любовь у Эпиктета все-таки стоитъ на второмъ мѣстѣ по сравненію съ пассивною. Причина этого коренится въ извѣстномъ уже презрѣніи Эпиктета къ внѣшнимъ и всѣмъ вообще земнымъ благамъ, въ силу чего не представляется потребности въ доставленіи ихъ и другимъ.

Въ силу третьяго основнаго пункта эпиктетовской этики, добродѣтель покоится всецѣло на правильномъ вѣдѣніи, которое дѣйствительно можетъ быть усвоено только чрезъ методическое ученіе и практическое упражненіе. Отсюда проистекаютъ многіе, и притомъ важнѣйшіе, недостатки этики Эпиктета. Онъ не признаетъ или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ низко цѣнитъ непосредственное нравственное чувство и разсудительную способность человѣка. Безнравственный человѣкъ грѣшитъ по невѣдѣнію и находится въ полномъ незнаніи своихъ истинныхъ обязанностей. Слѣдовательно, грѣшникъ долженъ возбуждать къ себѣ не гнѣвъ, а лишь сожалѣніе, даже похвалу, такъ какъ онъ могъ бы согрѣшить еще сильнѣе, но не согрѣшилъ. Хотя иногда Эпиктетъ и впадаетъ въ самопротиворѣчіе, отсту-

пая отъ своихъ принциповъ, но вообще у него вмѣсто борьбы съ грѣхомъ, со зломъ всюду выступаетъ равнодушное терпѣніе и созерцаніе человѣческихъ безумствъ. Дальнѣйшій недостатокъ, вытекающій изъ односторонняго интеллектуализма стоической этики, это—презрѣніе къ природѣ дѣтей, какъ еще неразумной и, слѣдовательно, вовсе еще не нравственной и потому стоящей, на взглядъ стоиковъ, на одной линіи съ природою животныхъ.

Очень разумные принципы высказываются Эпиктетомъ о нравственномъ образованіи и воспитаніи. Съ этой стороны онъ стоитъ выше другихъ мудрецовъ древности. Если Сенека и превосходитъ его психологическою тонкостью, то за то уступаетъ ему въ силѣ и глубинѣ этического увѣщанія, убѣжденія. Что говоритъ Эпиктетъ о необходимости постоянной борьбы съ грѣховными склонностями и нечистыми представленіями, объ ослабляющемъ дѣйствиі, производимомъ на волюкаждымъ случаемъ впаденія въ грѣхъ, объ обязанности постоянного бодрствованія и осторожности предъ искушеніями міра, объ ежедневномъ самоиспытаніи, его упреки всякой нравственной половинчатости и нерѣшительности—все это должно быть отнесено къ числу великихъ достоинствъ его этики. Однако, при этомъ нельзя не отмѣтить и того обстоятельства, что нравственное образованіе и самовоспитаніе, какъ они рекомендуются Эпиктетомъ, иногда отзываются педантизмомъ; наприм., Эпиктетъ требуетъ, чтобы кандидатъ на обладаніе добродѣтелью считалъ дни, въ какіе онъ не впалъ въ гнѣвъ, чтобъ онъ систематически упражнялъ себя въ апатіи, учась переносить равнодушно сначала болѣе легкія, а потомъ болѣе и болѣе тяжелыя лишенія, какъ будто бы жизнь въ отношеніи къ послѣднимъ держится такого же рода системы... Совсѣмъ нелѣпо утвержденіе, что нравственное образованіе, отрѣшенное притомъ отъ всякаго соприкосновенія съ жизнью, можетъ быть окончено въ опредѣленный періодъ жизни, подобно тому или другому научному курсу. Совершенная мудрость и добродѣтель считается стоическою этикою, по крайней мѣрѣ, съ принципиальной точки зрѣнія, достижимою, чего также нельзя допустить это, впрочемъ, сами стоики сознали и ограничили замѣчаніемъ о крайне маломъ числѣ совершенныхъ мудрецовъ: — да и тѣ достигли мудрости только на закатѣ своихъ дней.

Эпиктетъ одинаково низко цѣнитъ значеніе какъ нравственнаго, такъ и естественнаго зла. Стоическая философія учила о недостойности и неразумности печали и горя. Мудрецу подобныя душевныя и сердечныя движенія должны быть всецѣло чужды. Отсюда получается совершенно фальшивое, механическое понятіе о счастіи, какъ будто бы человѣкъ долженъ вполнѣ обладать имъ въ каждый моментъ своей жизни. Это психологически невозможно. Важно не то, чтобы человѣкъ всегда чувствовалъ себя внѣ власти печали и горя, а то, чтобы, поддаваясь имъ, наприм., по случаю смерти любимаго лица, онъ понималъ, что особеннаго значенія имъ придавать нѣтъ оснований, такъ какъ у него остались во власти высшія радости.

Но всѣ указанные недостатки этики Эпиктета, общіе ему со стоиками вообще, ни мало не затемняютъ ея достоинствъ. Мысли,—что истинное счастье не зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и условій, но покоится въ волѣ и потому принципиально можетъ быть достигнуто всякимъ, безъ различія племени, состоянія и рода; что поступокъ человѣка получаетъ цѣну и достоинство не отъ внѣшней его стороны, а отъ настроенія и общаго направленія воли; что правильное исполненіе обязанностей возможно только при преодолѣніи эгоистической воли и хотѣнія; что грѣхъ—печальное рабство и въ себѣ самомъ носитъ достаточное наказаніе, между тѣмъ какъ безраздѣльная преданность духовной жизненной цѣли дѣлаетъ свободнымъ и счастливымъ; что нравственность состоитъ не въ единичныхъ дѣйствіяхъ, но въ сообразномъ съ разумомъ и богоугодномъ направленіи всей жизни и поэтому можетъ и должна проявляться въ малѣйшемъ такъ же полно, какъ и въ величайшемъ и важнѣйшемъ; что не безчеститъ человѣка ничто внѣшнее и невольное, что, напротивъ, внутреннее благо и величіе облагораживаетъ и невольника,—всѣ эти мысли съ такою силою и теплотою впервые изъ стоиковъ были высказаны Эпиктетомъ. Справедливо поэтому считать Эпиктета въ числѣ замѣчательнѣйшихъ философовъ-моралистовъ всѣхъ временъ.

Та же тщательность, та же научность, какія сказались въ отношеніи нѣмецкаго автора къ изложенію этическихъ взглядовъ Эпиктета, проявились и въ его экскурсахъ. Въ первомъ изъ нихъ раскрываются понятія о цѣли, указываемыя стоиками: Хризиппомъ, Панэтиемъ, Посидоніемъ, Діогеномъ, Антипатромъ, Архе-

демомъ и др., затѣмъ излагается стоическое ученіе о благахъ, о *πρόβα κατὰ φύσιν*, наконецъ, характеризуется средне-стоическое понятіе о цѣли. Второй экскурсъ касается стоическаго ученія о самоубійствѣ. Авторъ упрекаетъ Эпиктета за то, что онъ рекомендуетъ самоубійство недовольнымъ или нравственно слабымъ; однако, у него не видно и слѣда того высокоумія, съ какимъ и древніе, и новые стойки прославляли самоубійство само по себѣ, какъ нѣчто великое и достойное похвалы, даже какъ высочайшее осуществленіе духовной свободы. Въ третьемъ экскурсѣ говорится о долгѣ и соотвѣтствующихъ ему поступкахъ; авторъ критикуетъ взгляды другихъ ученыхъ: Целлера и Гирцеля. Четвертый экскурсъ говоритъ о взглядѣ стоиковъ на приобрѣтеніе внѣшнихъ благъ; наконецъ, пятый — о стоическомъ пантеизмѣ. Особенно рельефно выдѣлено представленіе о Божествѣ, высказываемое Маркомъ Авреліемъ: Богъ тождественъ съ міромъ; совокупность вещей образуетъ его тѣло, между тѣмъ какъ его душа служитъ духовнымъ основаніемъ и опорой вселенной; Богъ—только духовное начало, дѣйствующее въ мірѣ, *ἡγεμονικόν* міра; Богъ первоначально носилъ и матерію въ себѣ и чрезъ правильные промежутки времени опять принимаетъ ее обратно въ себя; Богъ противостоитъ, какъ чисто духовная сущность, матеріи, чуждой его сущности; однако, онъ господствуетъ надъ матеріей и пользуется ею при мірообразованіи. Въ этомъ представленіи М. Аврелія, какъ видимъ, можно найти нѣкоторое внутреннее противорѣчіе. Всѣ экскурсы написаны довольно сухо, но вполнѣ научно.

Указатели къ книгѣ: греческій предметный, затѣмъ именной, равно какъ и перечень цитированныхъ авторомъ писателей и ихъ сочиненій—сдѣланы весьма тщательно.

Желательно было бы появленіе сочиненій, равныхъ по своимъ достоинствамъ трактату Бонгёффера, касательно воззрѣній Марка Аврелія и Сенеки. Весьма полезно было бы сдѣлать обстоятельное и—главное—безпристрастное сопоставленіе стоическихъ нравственныхъ взглядовъ съ нравственнымъ міровоззрѣніемъ христіанства.

Александръ Бронзовъ.

Alice Gardner. Heroes of the Nations. Iulian, Philosopher and Emperor, and the last struggle of Paganism against Christianity. New York and London. 1895, pp. XX+364.

Въ этомъ чисто историческомъ трудѣ непосредственный философскій интересъ представляютъ главы VIII, IX и X—«Религія и философія Юліана», «Юліанъ какъ религіозный реформаторъ и контрroversiалистъ» и «Политика Юліана противъ христіанъ». Подробности міровоззрѣнія Юліана интересуютъ автора, главнымъ образомъ, какъ средство къ рѣшенію нравственныхъ парадоксовъ въ личности «императора-богослова». «Какимъ образомъ чело-вѣкъ, котораго нравственный уровень былъ выше уровня современниковъ, не чувствовалъ никакого благоговѣнія передъ морально нагорной проповѣди? Какимъ образомъ послѣдователь высоко спиритуалистическихъ богословія и космологіи могъ предпочитать въ религіозномъ поклоненіи жертвоприношенія бычачьихъ гекатомбъ, признававшіяся даже нѣкоторыми неопи-сагорейцами за грубыя и безобразныя,—молитвамъ и славословіямъ христіанскихъ общинъ? Какимъ образомъ реформаторъ, болѣзненно чувствительный къ религіозному и нравственному упадку своего времени, могъ быть столь слѣпымъ къ дѣйстви-тельному характеру тѣхъ единственныхъ силъ, которыми могло быть воздвигнуто болѣе здоровое общество?» Отвѣтъ на эти вопросы сводится къ тому, что Юліанъ былъ не только плѣ-ненъ, но и ослѣпленъ греческой культурой, а «въ торжествѣ христіанства предугадывалъ темные вѣка» (р. 174). Въ главѣ IX мы знакомимся съ тѣми аргументами, которыми императоръ бо-ролся противъ христіанъ въ пользу язычества. Аргументы эти состоятъ, главнымъ образомъ, въ критикѣ Св. Писанія. Нѣкото-рые изъ нихъ не лишены значенія и даже довольно внушитель-ны, и вся вообще полемика императора свидѣтельствуеетъ о ши-ротѣ и ясности его взгляда, но и въ ней «Юліанъ представляется намъ не въ своемъ лучшемъ свѣтѣ, какъ, быть можетъ, и вообще богословы рѣдко представляются въ такомъ свѣтѣ среди своего полемическаго усердія». Политика Юліана по отношенію къ христі-анамъ—непосредственное слѣдствіе его религіозныхъ и философ-скихъ убѣжденій. Онъ желалъ быть вѣротерпимымъ и проповѣдо-валъ вѣротерпимость, но вслѣдствіе своего пристрастія къ эл-линской культурѣ не могъ исполнить своего желанія и сдѣлался «богоотступникомъ». Съ этимъ словомъ соединены такія непри-

язненные ассоціаціи, что авторъ счелъ нужнымъ въ предисловіи сложить съ себя на издателей отвѣтственность за причисленіе Юліана къ «національнымъ героямъ» на ряду съ Нильсономъ, Густавомъ Адольфомъ и пр. Для самого автора Юліанъ просто «самая обольстительная фигура». Такой взглядъ можно оспаривать, но предлагаемая книга ставитъ на видъ вполне доказательно, что религіозныя убѣжденія не исчерпываютъ всего нашего нравственного существа, такъ что даже, поступая дурно въ религіи, все-таки можно не только не быть извергомъ, но и сохранить долю благородства. Широкая вѣротерпимость—вотъ послѣдній урокъ настоящаго этюда о Юліанѣ.

А. Гиляровъ.

Вильгельмъ Оствальдъ, профессоръ химіи Лейпцигскаго университета. Несостоятельность научнаго матеріализма. Подъ редакціей проф. Рижскаго политехническаго училища П. И. Вальдена перевели студенты А. Эдельманъ и А. Подпалый. VI+25. Рига, 1896.

В. Оствальдъ, именитый химикъ, «основатель научной аналитической химіи», крупное свѣтило въ физической химіи и особенно въ электрохиміи, счелъ себя, благодаря своимъ химическимъ и физическимъ знаніямъ, за философа и пророка и выступилъ передъ съѣздомъ германскихъ естествоиспытателей и врачей въ Любекѣ въ качествѣ «сокрушителя» научнаго матеріализма (*Die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus*) и проповѣдника новаго міровоззрѣнія — «энергетики». Этотъ походъ противъ матеріализма какъ нельзя больше въ духѣ нашихъ дней: матеріализмъ осаждаютъ теперь со всѣхъ сторонъ—не только философы, но и представители естествовѣдѣнія, притомъ различныхъ спеціальностей; молчали до сихъ поръ одни только химики. Послѣднее для матеріалистовъ было на руку, такъ какъ въ борьбѣ противъ «спиритуалистовъ» они привыкли ссылаться на химію, которая «еще въ 1828 году» сумѣла синтетически добыть мочевины, а теперь изъ элементовъ можетъ изготовлять не только такія сложныя соединенія, какъ птомаины и алкалоиды—пентаметилендіаминъ, конинъ, кокаинъ и проч., но и такія на первый взглядъ неуловимыя, какъ «*der Gestank der Excremente*» и «*das Veilchenaroma*» *), и безъ сомнѣнія сумѣетъ изготовить въ ла-

*) V. Meyer und P. Jakobson, Lehrb. d. organischen Chemie. I, 215 (1893). Ladenburg, Handwörterb. d. Chemie, XII, 543 (1894) и Ber. XXVI (1893), 2675

бораторіи все, «лишь бы было выяснено строеніе»; почему же не предполагать, что какъ скоро будетъ извѣстна «раціональная формула» живой «протоплазмы», въ колбѣ не закристаллизуется живая клѣтка и даже въ концѣ концовъ—*credo quia ineptum est*—не появится въ ней, на посрамленіе упрямыхъ спиритуалистовъ, *homunculus*? Легко поэтому вообразить смущеніе матеріалистовъ, когда они узнали, что громить матеріализмъ собрался ученый, у котораго въ рукахъ, казалось бы, всѣ данныя и всѣ инструменты для объясненія души изъ «электрохимическихъ явленій». И вотъ, вмѣсто того, чтобы обличать спиритуалистовъ, этотъ ученый вдругъ заявляетъ, что матеріализмъ грозитъ современной наукѣ гибелью! «Да это просто мимолетное заблужденіе, плодъ столь естественнаго въ именитомъ ученомъ самомнѣнія» (пробовали утѣшать себя матеріалисты).—«Совсѣмъ нѣтъ (поспѣшили ихъ разочаровать обличитель),—вѣдь не истолкуютъ уже самомнѣніемъ со стороны марсоваго матроса, стоящаго на вахтѣ, если онъ крикомъ: «бурунъ впереди»—заставитъ измѣнить путь громаднаго судна, на которомъ онъ занимаетъ такой незначительный служебный постъ. Матросъ обязанъ докладывать о томъ, что видитъ впереди, и онъ не исполнитъ своего долга, если не предупредитъ своевременно объ опасности». Скоро однако матеріалисты увидѣли, что имъ не грозитъ никакой опасности отъ ихъ неожиданныяго обличителя, такъ какъ они привыкли имѣть дѣло съ фактами и каждый изъ нихъ въ своей специальности люди знающіе, а ихъ обличитель не привелъ въ доказательство своихъ взглядовъ ни одного факта и въ томъ вопросѣ, за который взялся, обнаружилъ незнаніе и легкомысліе.

Нѣтъ болѣе матеріализма (такъ разсуждаетъ обличитель), такъ какъ нѣтъ матеріи. «Матерія есть лишь продуктъ мышленія, который мы себѣ построили, и притомъ довольно несовершенно, съ цѣлью представить себѣ постоянное въ непрерывной смѣнѣ явленій». Она—вымыселъ, «а дѣйствительное, т.-е. то, что на насъ дѣйствуетъ, есть только энергія». Впрочемъ, матерія и энергія не столь различны, «какъ тѣло и душа», такъ какъ въ понятіи энергіи заключается то, что мы знаемъ и высказываемъ о матеріи, такъ что при помощи энергіи «мы можемъ изобразить совокупность явленій». «Въ понятіи матеріи заключается прежде всего масса, т.-е. емкость для энергіи движенія (*Saracität der Bewegungsenergie*); затѣмъ наполненіе пространства или

энергія объема (Volumenenergie); далѣе вѣсь, или особый видъ *энергіи положенія* (Lagenenergie), проявляющійся въ силѣ тяжести, и наконецъ, химическія свойства, т.-е. *химическая энергія*. Какъ видимъ, дѣло идетъ только постоянно объ энергіи, и если представить себѣ матерію, отъ которой отдѣлены различные роды энергіи, то *ничего* не остается, ни даже пространства, которое занимала матерія, потому что оно познается лишь по энергіи, необходимой для того, чтобы проникнуть въ пространство. Слѣдовательно, матерія есть не что иное, какъ пространственно соединенная группа различныхъ энергіи, и все, что мы хотимъ высказать о матеріи, мы высказываемъ лишь объ этихъ энергіяхъ».

Это не особенно вразумительно, но становится понятнымъ на «довольно простомъ и ясномъ примѣрѣ». «Представьте себѣ, что васъ ударяютъ палкой,—что вы тогда чувствуете: палку или ея энергію? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ—«энергію»; палка—самая безобидная вещь на свѣтѣ, пока ея не размахнулись. Но вѣдь мы можемъ удариться и о покоящуюся палку; совершенно вѣрно; то, что мы чувствуемъ, есть лишь разница между состояніемъ энергіи внѣ насъ и ея состояніемъ въ нашихъ органахъ чувствъ; поэтому безразлично, ударились ли палка о насъ, или мы ударились о палку. Если же наше тѣло и палка имѣютъ равныя и одинаково направленные скорости, то палка не существуетъ для нашего чувства осязанія, потому что она не можетъ прійти въ соприкосновеніе съ нами и вызывать обмѣнъ энергіи». Матеріалисты не могли не согласиться, что палка весьма энергичный аргументъ, когда ея энергично размахиваются и не промахиваются, но для полного торжества «энергетики» авторъ счелъ не лишнимъ пояснить, въ чемъ будутъ состоятъ преимущества новой теоріи, если дѣйствительно законы явленій природы могутъ быть сведены къ закону соотвѣтствующихъ формъ энергіи. «Важнѣйшее преимущество заключается въ томъ, что становится возможнымъ естествознаніе, свободное отъ гипотезъ. Мы болѣе не ищемъ ни атомовъ, которыхъ не можемъ наблюдать, ни дѣйствующихъ между ними силъ, которыхъ не можемъ доказать; напротивъ, каждый разъ, когда мы хотимъ судить о какомъ-либо процессѣ, мы стараемся опредѣлить лишь родъ и количество входящей и исходящей энергіи. Ее мы можемъ измѣрять, и все, что нужно знать, можетъ быть выражено въ этой формѣ. Какое громадное преимущество заключается въ этомъ

новомъ ученіи въ методологическомъ отношеніи, станетъ ясно всякому, чья научная совѣсть страдала подъ гнетомъ того постоянного разлада между дѣйствительными фактами и гипотезами, который проявляется въ современной физикѣ и химіи, какъ наукахъ рациональныхъ». «Энергетика»—вотъ единственно правильный путь къ пониманію природы.

Однако, общеизвѣстенъ фактъ, что всѣ научныя истины подсказаны гипотезами и что безъ гипотезъ невозможенъ никакой научный прогрессъ; очевидно и то, что и сама «энергетика»—не болѣе, какъ гипотеза, притомъ даже кратковѣчная, такъ какъ самъ же «сокрушитель матеріализма» и гипотезъ въ заключеніе своей рѣчи выставляетъ гипотезу, одинаково сокрушающую и «энергетику», и сокрушеніе гипотезъ. «Хотя преимущества энергетического міровоззрѣнія предъ матеріальнымъ громадны (говоритъ онъ), но уже теперь могутъ быть обозначены нѣкоторые пункты, которые не вполне обнимаются главными положеніями энергетики и которые указываютъ на существованіе принциповъ, выходящихъ за сферу ея дѣйствій. Энергетика останется рядомъ съ этими болѣе широкими принципами, но она въ будущемъ не явится тѣмъ всеобъемлющимъ началомъ для объясненія всѣхъ явленій природы, какимъ должно ее принимать теперь. Она, по всей вѣроятности, будетъ только отдѣломъ еще болѣе общихъ отношеній, о формѣ которыхъ мы въ настоящее время едва имѣемъ понятіе».

Это, конечно, гипотеза, и притомъ весьма неопредѣленная. Но неопредѣленность, намекаетъ авторъ, обуславливается прогрессомъ культуры. Чѣмъ дальше идетъ наука, тѣмъ шире становятся обобщенія, и наконецъ они должны сдѣлаться безпредѣльными, а потому и неопредѣленными. «Въ прежнее время пыль и дымъ сраженія удерживали взглядъ въ узкихъ границахъ поля битвы. Въ настоящее время это не допустимо: теперь мы стрѣляемъ бездымнымъ порохомъ». Противъ этого нельзя спорить; но безспорно и то, что, стоя на почвѣ такихъ широкихъ и туманныхъ теорій, какъ «энергетика» и «всеобъемлющее начало», нельзя выдумать никакого пороха, и побиваемые матеріалисты могутъ съ полнымъ основаніемъ возразить, что сколь ни несовершенна ихъ атомистическая теорія, она во всякомъ случаѣ плодотворна, и притомъ въ химіи больше, чѣмъ гдѣ-либо, тогда какъ риторическія упражненія Оствальда—холостые выстрѣлы,

тѣмъ менѣе внушительные, что порохъ, которымъ онъ стрѣляетъ,— не новый, бездымный, а старый, коптящій. «Сокрушитель» не сказалъ ровно ничего новаго, а ученое самодовольство и развязность въ соединеніи съ верхоглядствомъ и отсутствіемъ широкаго общаго образованія оставляютъ впечатлѣніе какого-то чада и копоти, отъ которыхъ спѣшишь освободиться. Еслибъ авторъ былъ знакомъ какъ слѣдуетъ съ исторіей научныхъ воззрѣній, онъ не сталъ бы говорить несообразностей въ родѣ того, на примѣръ, что «масса расширилась въ понятіе матеріи» или что со времени Галилея къ понятію матеріи прибавили «понятіе о силѣ», какъ будто понятіе о массѣ—изначальное, понятіе же о матеріи—производное, а не наоборотъ, и какъ будто уже у древнихъ не было ученія о матеріи и силѣ,—и не сталъ бы такъ легкомысленно, однимъ почеркомъ пера, рѣшать сложные вопросы о матеріи, энергіи, пространствѣ и пр. Впрочемъ, даже при небольшомъ знакомствѣ съ исторіей философіи, онъ вовсе бы воздержался отъ произнесенія своей рѣчи, такъ какъ ему было бы извѣстно, что совершенно подобное тому, что онъ говоритъ, говорилось неоднократно, а въ наши дни доказывалось рядомъ остроумныхъ доводовъ Эдуардомъ Гартманномъ во всѣмъ извѣстной «Философіи безсознательнаго», которая выдержала больше десятка изданій и разошлась во множествѣ экземпляровъ. Въ концѣ концовъ выходитъ, что Оствальдъ, желая нанести ударъ матеріалистическому недомыслию, содѣйствовалъ его торжеству, такъ какъ оно можетъ вообразить приводимые противъ него именитымъ химикомъ доводы самыми сильными, какіе только могутъ исходить «изъ нѣдръ науки», а себя, вслѣдствіе ихъ полной ничтожности,—непобѣдимымъ.

Но если рѣчь Оствальда лишена научнаго и философскаго значенія, то она весьма важна съ обще-культурной точки зрѣнія: во-первыхъ, какъ наглядный и выразительный примѣръ того, съ какой стремительностью и даже опрометчивостью представители современной «точной науки» отворачиваются отъ матеріализма въ сторону ему противоположную, и во-вторыхъ, какъ свидѣтельство того, что современная культура не довольствуется ни наукой, отрѣщенной отъ философіи, ни философіей, отрѣщенной отъ науки, но требуетъ ихъ тѣснаго единенія и взаимопомощи. Съ этой точки зрѣнія нельзя не рекомендовать знакомства съ рѣчью Оствальда и русскимъ читателямъ. Переводъ сдѣланъ недурно

и изданъ съ благотворительною цѣлью—въ пользу недостаточныхъ студентовъ Рижскаго политехническаго училища.

Въ Германіи рѣчь лейпцигскаго химика произвела большой шумъ — не въ его пользу. Но какое «великое слово» не осмѣивалось, и гдѣ критика безъ передержекъ? И если «сокрушитель» матеріализма и не сказалъ ничего новаго, то вѣдь не ново и то, что «ничто не ново подъ луною».

А. Гиляровъ.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Языкъ и искусство («Русская библіотека». № 8. Изд. І. Юровскаго). Спб. 1895 г. 71 стр. Ц. 20 к.

Первоисточникъ всякаго искусства проф. Овсяннико-Куликовскій видитъ, вслѣдъ за проф. А. А. Потебнею, *въ языкъ*. Искусства онъ дѣлитъ на *эмоціональныя*, въ которыхъ для истолкованія образовъ нужно имѣть въ виду *психологію чувствованій*, и *интеллектуальныя* или *образныя*, гдѣ художественные образы объясняются психологіей мысли (поэзія, живопись, скульптура). Съ перваго взгляда очевидно, что такое дѣленіе логически неправильно: во-первыхъ, оно не полно, — не упомянуты искусства выразительныя—мимика и танцы, очевидно потому, что ихъ совершенно нельзя вывести изъ языка; во-вторыхъ, группа искусствъ эмоціональныхъ составлена очень искусственно: почему лирика отдѣлена отъ поэзіи вообще, и правда ли, что ея сущность — лишь «гармонія образовъ и звуковъ рѣчи», что она не задается цѣлью также *изображать и выражать* чувствованія? Правильно ли ставить архитектуру въ одну группу съ поэзіей и музыкой? Въ-третьихъ, наконецъ, и въ искусствахъ «интеллектуальныхъ», «образныхъ» эмоція играетъ слишкомъ важную роль, чтобъ ихъ можно было противопоставлять искусствамъ «эмоціональнымъ»: въ искусствахъ интеллектуальныхъ «эстетическое наслажденіе» — правильнѣе и шире говоря, «эстетическая эмоція» — возникаетъ не только «какъ результатъ процесса, какъ своего рода награда за творчество — для художника, за пониманіе и повтореніе чужого творчества — для всякаго, кто воспринимаетъ художественное впечатлѣніе»; роль эстетическихъ чувствованій значительно шире: они служатъ, сверхъ того, *критеріемъ* художественности продуктовъ творчества, а отчасти и *мотивомъ* творческой дѣятельности. Творчество художественное тѣмъ и отли-

чается отъ другихъ видовъ творчества, что оно имѣетъ цѣлю удовлетвореніе какой-либо или нѣсколькихъ изъ эстетическихъ эмоцій человѣка. Даваемая авторомъ формулы душевнаго процесса: въ искусствахъ «образныхъ» — *отъ образа къ идеѣ и отъ идеи къ эмоціи*, въ искусствахъ «эмоціональныхъ» — *отъ эмоціи, производимой внѣшнюю формой, къ другой, усущуленной эмоціи, которая вознаграется въ силу того, что внѣшняя форма стала для субъекта символомъ идеи*, — грѣшатъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ значенія «идеи», воплощеніемъ, объясненіемъ, апперцепціей которой являются, по его мнѣнію, художественныя произведенія. Несмотря на необходимость нѣкоторыхъ ограниченій въ основныхъ взглядахъ автора, брошюра содержитъ въ себѣ много очень интереснаго лингвистико-психологическаго матеріала и написана чрезвычайно ясно и живо.

В. Ивановскій.

Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей:

Евгеній Бобровъ, магистръ философіи. Новая реконструкція монадологіи Лейбница. Юрьевъ 1896, стр. 16. Цѣна 20 к. (Оттискъ изъ «Ученыхъ Записокъ Имп. Юрьевского университета» № 1, 1896).

В. Вагнеръ. Вопросы зоопсихологіи. С.-Петербургъ. 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к.

В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Изданіе 2-е. Съ приложеніемъ статей: 1) Извлеченіе изъ рукописей московскаго архива министерства юстиціи. 2) Къ вопросу о петровской реформѣ. 3) О правахъ русскаго общества въ прошломъ вѣкѣ. Изданіе О. Н. Поповой («Культурно-историческая бібліотека»). С.-Петербургъ. 1896. Стр. VIII+164+XXXII. Цѣна 1 р. 25 к.

М. Гюйо. Принципъ искусства и поэзіи. Переводъ съ французскаго. Изданіе І. Юровскаго. С.-Петербургъ, 1896, стр. 80. Цѣна 20 коп.

Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Изслѣдованіе причины промышленныхъ застоевъ и бѣдности, растущей вмѣстѣ съ ростомъ богатства. Средство избавленія. Переводъ С. Д. Николаева подъ ред. М. Туганъ-Барановскаго. Спб. 1896. Ц. 2 р.

Н. А. Добролюбовъ. Сочиненія. Томъ II. Изданіе пятое О. Н. Поповой. Спб. 1896. Стр. 563. Ц. за все изданіе (4 тома) по подпискѣ 6 р.

Е. Дюрингъ. Цѣнность жизни. Изслѣдованіе въ смыслѣ героическаго жизнепониманія. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Ю. М. Антоновскаго, съ біографическимъ очеркомъ Деля и портретомъ Дюринга. Второе изданіе. Стр. 6+XXII+344. С.-Петербургъ. 1896. Цѣна 1 р. 50 к.

Mary Whiton Calkins. Association. An Essay Analitic and Experimental. Monograph Supplement to the Psychological Review № 2. February 1896, стр. 56.

Гербертъ Спенсеръ. О душѣ и доводы противъ социализма въ краткомъ изложеніи И. Любомудрова. Самара 1896, стр. 27. Цѣна 15 к.

П. Тихомировъ. Опыты обоснованія теизма въ новѣйшей англійской философской литературѣ. Стр. 38 (Оттискъ изъ №№ 2 и 5 «Богословскаго Вѣстника» за 1895 г.).

П. Тихомировъ. Литературный споръ П. А. Каленова и проф. А. И. Введенскаго по вопросу о вѣрѣ и знаніи. Стр. 49 (Изъ июльской книжки чтенія въ «Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія» 1894 года).

П. Тихомировъ. Нѣсколько критическихъ замѣчаній на книгу г. Чичерина «Основанія логики и метафизики». Стр. 24. (Оттискъ № 8 «Богословскаго Вѣстника» за 1894 г.).

Т. Циглеръ, профес. Страсбург. университет. Что такое нравственность? Переводъ съ нѣмецкаго Александра Острогорскаго. 2-ое изданіе редакціи журнала «Образованіе». С.-Петербургъ. 1896 г. Цѣна 50 к.

В. Ф. Чижъ, проф. Юрьевскаго университета. Экспериментальное изслѣдованіе памяти звуковыхъ воспріятій. Стр. 5. Изъ «Обозрѣнія психіатріи» № 1, 1896 г.

П. А. Шапошниковъ. Опытъ математическаго выраженія понятій и выводовъ этики. Москва. 1896. Стр. 30. Цѣна 20 к.

II. Обзоръ журналовъ.

W. Wundt. Ueber die Definition der Psychologie. (Philosophische Studien. B. XII, H. I. 1895).

Настоящая статья Вундта носитъ полемическій характеръ. Вундтъ разбираетъ въ ней возраженія Külpe, Münsterberg'a и другихъ противъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній его психологіи. Однако эта статья Вундта важна и для характеристики его собственныхъ психологическихъ воззрѣній, потому что выставленныя возраженія представляютъ, какъ онъ самъ говоритъ, благодарный случай разсѣять тѣ недоразумѣнія, которыя возникли по поводу его психологическихъ теорій.

Опредѣленіе науки можетъ быть исчерпывающимъ только тогда, когда она достигла хотя бы относительнаго совершенства, когда выяснилось ея содержаніе. Такого опредѣленія психологіи придется еще долго ждать. Но можно поставить себѣ другую цѣль при опредѣленіи ея задачъ, именно — выясненіе ея основной точки зрѣнія. Сдѣлать это необходимо для того, кто желалъ бы видѣть психологію освободившейся отъ всякихъ метафизическихъ антиципацій. Такою цѣлью и задается Вундтъ.

Часто ставится вопросъ объ отношеніи англійской психологіи къ экспериментальной. Въ настоящей статьѣ мы находимъ указаніе Вундта на то, что исходная точка зрѣнія дана экспериментальной психологіи основателемъ англійской психологіи Локкомъ. Пока психологія находилась въ прямой зависимости отъ метафизики, общее мнѣніе склонялось къ тому, что психологія отличается отъ другихъ наукъ своимъ объектомъ. Наиболѣе типичнымъ представителемъ этого направленія служить спиритуализмъ. Хотя материализмъ и сглаживаетъ это отличіе, однако онъ

раздѣляетъ съ спиритуалистическими системами ту общую черту, что и здѣсь, и тамъ идетъ рѣчь объ изученіи субстанции. Такое пониманіе задачъ психологіи впервые было поколеблено Локкомъ. Его понятія ощущенія и рефлексіи необходимо приводили къ признанію, что внѣшній и внутренній опытъ—не двѣ различные области, но элементы одной душевной жизни, и что поэтому они неотдѣлимы другъ отъ друга. Слѣдовательно, психологія и естествознаніе изучаютъ не различные объекты, но одинъ и тотъ же объектъ — опытъ, только съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Къ этой идеѣ и примыкаетъ опредѣленіе психологіи, даваемое Вундтомъ. Весь опытъ есть нѣчто единое и нераздѣльное. Но всякое познаніе требуетъ двухъ факторовъ, познаваемого объекта и познающаго субъекта. Какъ то, такъ и другое есть только совокупность психическихъ состояній. Естествознаніе изучаетъ тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ объекту, отвлекая по возможности все относящееся къ субъекту. На долю психологіи выпадаетъ опредѣленіе отношеній субъективныхъ и объективныхъ факторовъ непосредственнаго опыта, происхожденіе отдѣльныхъ элементовъ послѣдняго и ихъ связи. Поэтому способъ познанія психолога, въ противоположность естествоиспытателю, отличается непосредственностью, такъ какъ психологія есть именно наука непосредственнаго опыта. Далѣе, способъ познанія психологіи отличается «воззрительнымъ» характеромъ (*die Erkenntnissweise der Psychologie ist eine anschauliche*), въ томъ смыслѣ, что психологія не нуждается, подобно наукамъ естественнымъ, въ абстрактныхъ вспомогательныхъ понятіяхъ, которыя бы клались въ основаніе объясненія ея законовъ, что она имѣетъ дѣло съ конкретно даннымъ, между тѣмъ какъ естественныя науки изучаютъ мыслимое въ понятіяхъ (11—12).

Указавъ затѣмъ на то, что опредѣленіе психологіи, даваемое психо-физическимъ матеріализмомъ, заключаетъ въ себѣ *quaternio terminorum* и *restitutio principii*, что оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительному развитію естествознанія, даетъ ложное представленіе о задачахъ психологіи и не свободно отъ метафизическихъ тенденцій (12—22),—Вундтъ переходитъ къ оправданію собственнаго опредѣленія.

Опредѣляя психологію, какъ науку непосредственнаго опыта, мы ставимъ ее въ надлежащее отношеніе къ естествознанію,

думаетъ Вундтъ. Психологія, понимаемая въ этомъ смыслѣ, дополняетъ объективную точку зрѣнія естествознанія и должна быть признана самостоятельною дисциплиной (24).

Только соглашаясь съ опредѣленіемъ психологіи, какъ науки непосредственнаго опыта, можно понять и ея отношенія къ гуманитарнымъ наукамъ, основаніемъ которыхъ она должна быть признана. Дѣйствительно, рассматривая психологію—какъ прикладную физиологію, какъ физиологію нервной системы, какъ то дѣлаетъ психофизиологическій матеріализмъ, нужно отрицать фактическую связь психологіи съ гуманитарными науками; понимаемая въ этомъ смыслѣ, она не можетъ содѣйствовать объясненію фактовъ исторіи, права и другихъ гуманитарныхъ наукъ (27).

Остальная часть статьи посвящена опроверженію очень распространеннаго и у насъ въ Россіи мнѣнія, что Вундтъ не чуждъ метафизики въ своихъ психологическихъ теоріяхъ. Критика впала, по его заявленію, въ существенное недоразумѣніе. Принципы психо-физическаго параллелизма, психической актуальности и волюнтаризмъ—основныя положенія его психологіи—не утверждаютъ ничего, кромѣ даннаго въ непосредственномъ опытѣ (34, 36, 52, 53). Независимость психологіи отъ метафизики вытекаетъ изъ даннаго ей опредѣленія, какъ науки непосредственнаго опыта. Изучая только данное въ непосредственномъ опытѣ, она должна считаться даже болѣе строго-эмпирическою наукой, чѣмъ естествознаніе. Науки естественныя не могутъ обойтись безъ нѣкоторыхъ гипотетическихъ абстракцій метафизическаго характера, въ родѣ понятія матеріи. Но психологія, какъ наука чисто-эмпирическая, оставляетъ полную свободу самымъ различнымъ философскимъ міросозерцаніямъ (28—29).

Послѣднее заявленіе Вундта также ставитъ его въ ближайшую связь съ англійскою психологіей: кто же болѣе удачно и убѣдительно провелъ этотъ взглядъ, чѣмъ А. Бэнъ?

Д. Викторовъ.

Rivista italiana di filosofia. Ноябрь 1895 г. Январь 1896 г.

Gizzi. Новѣйшія эстетическія теоріи въ Италіи.

Статья представляетъ изъ себя разборъ теоріи Sergi, изложенной имъ въ сочиненіи «Dolore e Piacere». Повидимому, Sergi строить свое ученіе на началѣ полного параллелизма между ду-

Вопросы Философіи, кн. 32.

шевными и тѣлесными явленіями. Чувства удовольствія и страданія составляютъ первое и главное проявленіе душевной жизни и поэтому являются во всякомъ организмѣ основаніемъ сохраненія энергіи. Источникъ всякаго страданія есть возбужденное состояніе (*irritabilitá*), стремленіе къ дѣятельности, указывающее на опасность, которая угрожаетъ организму. Удовольствіе, напротивъ, есть результатъ возстановленія органическихъ условій для нормальнаго развитія. *Sergi* указываетъ даже мѣстонахожденіе этихъ чувствъ (*nodus vitalis*) и подчеркиваетъ ту мысль, что функція мозга ограничивается приданіемъ чувствамъ (удовольствія и страданія) сознательности. Если вся душевная жизнь сполна обуславливается физической жизнью организма и находится съ ней въ полномъ соотвѣтствіи, то и эстетическое чувство можетъ быть только однимъ изъ видовъ эмоцій. Физиологически оно ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ всѣхъ другихъ чувствъ, имѣетъ тѣ же органы и подчинено тѣмъ же законамъ. Красивымъ намъ представляется все то, что полезно для нашего организма, безобразнымъ—все, что для него вредно. Въ своей критикѣ авторъ указываетъ на то, что стремленіе все объяснять физиологически заставило *Sergi* для объясненія отдѣльныхъ понятій эстетики ввести множество самостоятельныхъ теорій, ничѣмъ между собой не связанныхъ.

Andres. Страхъ смерти.

Страхъ смерти есть такое же общее достояніе человѣчества, какъ и сознаніе жизни. Непрерывно ведемъ мы борьбу съ этимъ страхомъ; религія и философія предлагаютъ намъ свои ученія объ эфемерности земного существованія, объ истинной жизни за гробомъ, о безсмертіи души. Но все напрасно: чувство страха разрушаетъ всѣ эти догматы и софизмы, мы забываемъ и религію, и философію. Объяснить это явленіе можно только тѣмъ, что въ извѣстныя минуты психическіе элементы нашего сознанія подчиняются элементамъ физическимъ, и мы думаемъ, что сознаніе возможно лишь какъ сознаніе физическаго бытія. Если же страхъ смерти есть произведеніе физической природы человѣка, то необходимо предположить, что самая эта природа, отдѣльные атомы нашего тѣла обладаютъ сознаніемъ и страхомъ смерти. Другими словами: страхъ смерти возникаетъ не оттого, что мы знаемъ, что умремъ, а оттого, что мы чувствуемъ это.

С. Segré. Руссо въ частной и общественной жизни Мирабо.

Продолжая свою статью, помѣщенную въ іюльской книжкѣ журнала, авторъ останавливается здѣсь, главнымъ образомъ, на политическихъ идеалахъ Мирабо и старается открыть въ нихъ вліяніе теорій женевского философа. Будучи въ началѣ своей дѣятельности поклонникомъ конституціонализма во вкусѣ Монтеस्कье, Мирабо затѣмъ настолько проникся идеей «Общественнаго договора», что національное собраніе, не колеблясь, выбрало его въ комиссію для составленія Декларациі, въ которой онъ почти дословно изложилъ теорію Руссо. Остается, однако, невыясненнымъ, какимъ образомъ Мирабо могъ въ одно время и проповѣдовать теорію недѣлимости суверенитета, и настаивать на необходимости королевскаго veto и раздѣленія властей.

В. Labanca. Исторія христіанства.

Въ статьѣ этой дается подробный критическій разборъ только-что опубликованной рукописи Джанноне «Il Triregno».

А. Traglia. Природа и значеніе гипотезъ.

Долгое злоупотребленіе гипотезами возбудило противъ себя реакцію: послѣдовательные натуралисты стали проповѣдовать, что міръ не должно отгадывать,—его нужно наблюдать. Но законы и причины явленій нельзя наблюдать,—ихъ можно только отгадывать. Наука не есть простое констатированіе фактовъ; всякій опытъ предполагаетъ наличность уже готовой, болѣе или менѣе сложившейся теоріи. Для науки такъ же нужны идеи, какъ и факты, и тотъ, кто отказывается отъ гипотезъ, долженъ отказать и отъ науки.

Но что такое гипотеза? — Въ широкомъ смыслѣ ее можно опредѣлить какъ предположеніе, коньектуру. Предположеніе, оправданное опытомъ, входитъ въ науку; предположеніе, опытомъ не оправданное, но и не противорѣчащее ему, остается гипотезой. Гипотезы могутъ быть трехъ видовъ: мы можемъ предполагать или 1) существованіе отношенія между явленіями, или 2) точную форму его, или 3) наличность одной изъ двухъ посылокъ. При изученіи явленій мы предполагаемъ, что они связаны между собой законами послѣдовательности или сосуществованія; открывъ законъ, мы въ точной формулѣ пытаемся выяснить природу его; имѣя законъ и предполагая наличность другой посылки, мы выводимъ отсюда заключеніе о существованіи новаго закона.

Типичными примѣрами этихъ видовъ могутъ служить гипотезы постоянства матеріи, законъ Кеплера и гипотеза существованія души.

F. Cosentini. Теорія соціальной эволюціи у Вико и новѣйшихъ соціологовъ.

Предлагается критика теоріи Вико въ связи съ бѣглымъ обзоромъ ученій Тайлора, Конта, Шеффле, Летурно и др.

G. Villa. Преподаваніе философіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Швейцаріи.

Статья даетъ въ высшей степени любопытныя данныя для этого интереснаго вопроса. Изъ двадцати трехъ швейцарскихъ лицеевъ философія преподается въ четырнадцати. Самыя обширныя программы мы находимъ въ католическихъ кантонахъ; но за то здѣсь вполнѣ господствуетъ еще старый взглядъ на философію, какъ на служанку богословія. Такъ, въ люцернскомъ лицее на философію отведено 12 недѣльныхъ часовъ, изъ нихъ 7 на пропедевтику (эмпирическая психологія, теорія познанія, метафизика и эстетика) и 5—на особенную часть метафизики (*metafisica speciale*: космологія, антропологія и теодицея), этику и исторію философіи. Въ фрейбургскомъ лицее на философію полагается 17 часовъ, изъ которыхъ 14 въ первомъ классѣ и 3—во второмъ. Программа не только любопытна, но и прямо курьезна. Въ нее входятъ: логика, онтологія, психологія (душа, жизнь растительная, животная и интеллектуальная, происхожденіе и назначеніе человѣка), космологія, теодицея, мораль, исторія философіи и эстетика.

Въ лицеяхъ протестантскихъ и смѣшанныхъ кантоновъ программы гораздо скромнѣе. Наприм., въ одномъ лицее (Soletta) на философію отведено 7 часовъ, которые тратятся на эмпирическую психологію, этику, философію права и исторію философіи, въ другихъ—6, 4 и даже 3 часа. Въ тѣхъ лицеяхъ, гдѣ законъ Божій не составляетъ обязательнаго предмета, преподаваніе философіи получаетъ материалистическій оттѣнокъ; психологія преподается въ связи съ физиологіей, логика въ связи съ наукой о языкѣ (Женева). «Вообще,—говоритъ авторъ,—преподаваніе философіи въ швейцарскихъ лицеяхъ имѣетъ вполнѣ антикварный характеръ». Это объясняется тѣмъ, что среднимъ образованіемъ завѣдуютъ тамъ отдѣльные кантоны, и поэтому на философіи безпрепятственно отражаются всѣ политическія и религіозныя распри.

В. Вальденбергъ.

Revue philosophique. 1894 г., №№ 7—12.

G. Sèailles. Философскій методъ Ренана (№ 7). Въ противоположность Виктору Кузену, Ренанъ никогда не кутался въ мантию оффиціального философа и любилъ мысль во всей ея неограниченности и свободѣ; пресыщенный и утомленный школьнымъ краснорѣчіемъ, онъ понималъ, что настало время вернуться къ великой традиціи и связать въ одно гармоническое цѣлое философію и науку. Но неизгладимыя черты его личнаго характера, слишкомъ подвижнаго и мало рѣшительнаго, и такіе же неизгладимыя слѣды нѣкогда могучаго религіознаго настроенія не позволили Ренану осуществить его идейныя мечтанія, и печать двойственности и противорѣчія легла на его философскія теоріи. Онъ былъ противникомъ абстрактныхъ системъ Платона и Гегеля, онъ не вѣрилъ въ безусловное могущество человѣческаго интеллекта и утверждалъ, что попытки дедуктивно создать міръ изъ одного только разума такъ же смѣшны и бесплодны, какъ желаніе ткача выработать ткань, не впуская нитей въ челнокъ. Чуждаясь сухихъ и отвлеченныхъ формулъ, всею душой преданный конкретности и символизму католичества, Ренанъ возставалъ противъ метафизики и считалъ ее анахронизмомъ, который долженъ уступить дорогу и мѣсто универсальной наукѣ. Съ другой стороны, однако, его отталкивалъ узкій эмпиризмъ, вульгарный, довольствующійся золотою серединой, и онъ чувствовалъ отвращеніе къ тѣмъ, кто самодовольно изучаетъ мелочи и детали, не подымаясь къ высшему и общему міровоззрѣнію. Такимъ образомъ, Ренанъ не былъ метафизикомъ и не хотѣлъ быть позитивистомъ. Онъ пытался, конечно, примирить свои собственные враждовавшіе взгляды; онъ говорилъ, что какъ идея не можетъ быть отдѣлена отъ своего объекта, такъ и философію нельзя разлучить съ наукой, и что если послѣдняя дешифрируетъ книгу міра, то первая ее объясняетъ, проникаетъ въ ея внутренній смыслъ; онъ былъ убѣжденъ, что понятія вѣчности, абсолютнаго, субстанціи—не химеры, что ни одна отрасль знанія не могла бы существовать, еслибы въ человѣческомъ умѣ не было прирожденныхъ формъ, которыя позволяютъ ему ориентироваться въ хаосѣ фактовъ и уразумѣвать все открываемое наукой. Знакомство съ міромъ даетъ наука, но понимать его можно только благодаря философіи; она является (несовершеннымъ, правда) отраженіемъ абсолютнаго въ сознаніи человѣка, она—тотъ способъ, которымъ каждый постигаетъ все окру-

жающее, и поэтому она всегда носитъ на себѣ отпечатокъ индивидуальности и хранитъ образъ того, кто ее создалъ и исповѣдуетъ,— вотъ почему въ ней такъ много общаго съ искусствомъ и поэзіей. Отсюда ясно, что къ философіи можно придти многими путями; но главный изъ нихъ, самый широкій и вѣрный, это—наука, а изъ отдѣльныхъ областей знанія лучше всего отвѣчаетъ цѣли исторія человѣка, его языка, его мысли, его собственной и міровой природы. Филологъ и изслѣдователь прошлаго, Ренанъ цѣнилъ необыкновенно высоко историческій методъ, и если бы кто-нибудь возразилъ ему, что излишне и неудобно погружаться въ глубь исторіи, когда другая наука—психологія—ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ фактами самосознанія, онъ отвѣтилъ бы указаниемъ на то, что человѣкъ и его душа не отлиты разъ навсегда въ законченныя формы, а постоянно развиваются и подвержены измѣненіямъ. Выйти изъ сферы человѣка къ Богу и природѣ легче всего тѣмъ же путемъ, потому что исторія религій лучше доказываетъ бытіе Бога, чѣмъ отвлеченныя системы діалектиковъ, а философія природы въ дѣйствительности не что иное, какъ исторія міра, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ истиннаго мыслителя, который знаетъ, что феномены—это только реализаціи идей, что явленіе и сущность тождественны. Такъ защищалъ Ренанъ историческій методъ; онъ заимствовалъ его изъ Германіи, гдѣ пышно расцвѣли филологія и исторія, но онъ углубилъ его идею и придалъ ему большую живость. Философія, основанная на исторіи, это самъ Ренанъ; она могла бы тѣшить людей, не разставшихся съ религиозными воззрѣніями, она соединяла бы воображеніе художника съ эрудиціей ученаго и давала бы гармоническій синтезъ между прошедшимъ и настоящимъ. Но теорія Ренана не выдерживаетъ критики и представляетъ собою неустойчивую амальгаму эклектизма, далекаго отъ глубины и серьезности; составные элементы этой философской мозаики не сходятся другъ съ другомъ и только искусственно связаны между собою. Въ самомъ дѣлѣ, если воспоминанія благочестивой юности и конкретныя формы католицизма отклоняли Ренана отъ строго-разсудочной системы, то, съ другой стороны, прогрессъ положительныхъ наукъ и желаніе идти въ уровень съ вѣкомъ и даже вліять на него приближали его къ позитивизму; и вотъ, для того чтобы удовлетворить обѣимъ потребностямъ своего духа, онъ воспользовался ученіемъ Канта о категоріяхъ, которыя а priori дѣлаютъ

возможной и реальной мысль о мірѣ, но онъ сознательно отринулъ кантовское различіе между феноменами и ноуменами. У Гегеля нашелъ онъ то, въ чемъ ему отказываетъ Кантъ, нашелъ отождествленіе категорій разума съ основными законами вещей, полное сліяніе идеи и міра, и Ренанъ завладѣлъ этою находкой, игнорируя въ Гегелѣ всѣ остальные черты его утонченной діалектики. Итакъ, позитивизмъ, Кантъ минусъ *Критика чистаго разума*, Гегель минусъ *Логика*—вотъ вліянія, отразившіяся на многогранной натурѣ Ренана, на его философскомъ методѣ. Заблужденія и ошибки Ренана очевидны: если мы не имѣемъ другихъ способовъ къ познанію міра, кромѣ наблюденія и опыта, если истина въ концѣ концовъ сводится къ констатированному факту, то мы должны быть позитивистами и не думать, будто функціи науки и философіи различны, будто пониманіе истины не есть только результатъ новаго накопленія фактическихъ знаній; если же мы признаемъ, что факты и ихъ отношенія опредѣляются апіорными идеями, то будемъ чистыми метафизиками. Кромѣ того, несостоятельно низводитъ философію на степень индивидуальной особенности каждаго человѣка, потому что въ такомъ случаѣ всякій увидитъ въ фактахъ то, что ему захочется видѣть, — зачѣмъ же тогда говорить о чистой, безстрастной, для всѣхъ обязательной наукѣ? Можно, конечно, обращать философію въ какую-то плѣнительную игрушку, въ бессодержательную, но мелодичную композицію, которая смягчаетъ печальную дѣйствительность, но зачѣмъ же тогда утверждать, что философія—вѣнецъ науки, что только она придаетъ смыслъ всѣмъ изслѣдованіямъ? Слабость Ренана, какъ философа, заключалась въ томъ, что онъ никогда не могъ отрѣшиться отъ самого себя и выйти изъ-подъ власти своей капризной природы, которая влекла его то къ фактамъ, то къ идеямъ и мѣшала ему контролировать самого себя.

L. Dugas. Впечатлѣнія «совершенно новаго» и «уже видѣннаго» (№ 7). Эта статья представляетъ собой главную часть помѣщенныхъ въ разбираемомъ номерѣ *Revue philosophique* наблюденій и замѣтокъ по вопросу о парамнезій (см. 24 и 29 кн. *Вопрос. Филос. и Психол.*). Dugas разсматриваетъ тѣ случаи, когда въ моменты душевнаго раздвоенія человѣкъ перестаетъ узнавать самого себя и свою обычную обстановку и не умѣетъ координировать своего внутренняго, глубокаго «я» съ другимъ «я»,

внѣшнимъ, поверхностнымъ и погруженнымъ въ житейскія мелочи. Авторъ полагаетъ, что это явленіе по своимъ конечнымъ причинамъ аналогично болѣе извѣстнымъ и обыденнымъ состояніямъ, когда новое кажется намъ уже знакомымъ и видѣннымъ раньше. Познаніе, какъ бы подтверждая теорію Платона, часто состоитъ только въ томъ, что мы узнаемъ старое; взрослое и рефлектирующее существо не обладаетъ, такъ сказать, интеллектуальною дѣвственностью, и для него не новы «впечатлѣнія бытія». Для того чтобы объяснить себѣ такія явленія парамнези, необходимо, въ противоположность Канту и въ согласіе съ Гюйо и Фулье, признать, что иногда мы имѣемъ мимолетныя ощущенія внѣ сознанія времени и пространства; кантовская категорія времени обязательна, когда мы мыслимъ объ ощущеніи, но ея можетъ и не быть, когда мы испытываемъ самое ощущеніе, и впечатлѣніе «совершенно новаго» возникаетъ въ насъ именно въ тѣ минуты, въ которыя насъ покидаетъ *мысль* и нами вполне овладѣваютъ *чувственныя состоянія*, лишеныя интеллектуальнаго элемента.

В. Bourdon. Вліяніе возраста на непосредственную память (№ 8). Наблюденія, сдѣланныя авторомъ надъ лицами въ возрастѣ между 8-ю и 20-ю годами, показали, что непосредственная память, выражающаяся, на примѣръ, въ воспроизведеніи ряда только-что произнесенныхъ словъ или чиселъ, прогрессируетъ замѣтно до 14 лѣтъ и менѣе значительно отъ 14 до 20-лѣтняго возраста. Между непосредственною памятью и тѣмъ, что обыкновенно принято называть умомъ или «способностями» (*intelligence*), существуетъ прямая связь, и наиболѣе памятливые въ то же время и наиболѣе способны, и наоборотъ; но надо замѣтить, что при современномъ состояніи психологіи къ этому выводу можно было придти, сравнивая только крайніе, самые рѣзкіе случаи и игнорируя посредствующіе.

Amélineau. Идея души въ древнемъ Египтѣ (№ 9). На примѣрѣ Египта удобнѣе всего прослѣдить, какъ выработалъ себѣ человѣкъ идею безсмертной души, потому что историческія лѣтописи этой страны доводятъ насъ до эпохи за 6 тысячъ лѣтъ до Р. Х. Представленіе о душѣ проходило различныя стадіи и изъ грубо-матеріальнаго становилось все болѣе и болѣе спиритуалистическимъ. Египтяне вѣрили, что каждый изъ людей имѣетъ своего двойника, существо вполне тѣлесное, которое послѣ

смерти челоѣка остается на землѣ и которое необходимо питать и поддерживать; въ противномъ случаѣ, оно послѣ долгихъ скитаній чахнетъ, умираетъ въ свою очередь и становится безплотнымъ видѣніемъ. Культъ двойника стоилъ очень дорого и поэтому могъ быть достояніемъ только знатныхъ и богатыхъ. Насколько можно ориентироваться въ сложныхъ вѣрованіяхъ египтянъ, двойникъ еще не есть душа: послѣдняя обитаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ тѣлѣ челоѣка, но гораздо менѣе матеріальна; послѣ смерти своего носителя она постепенно теряетъ свою тѣлесность, а голодная смерть двойника еще болѣе лишаетъ ее физической оболочки. Безсмертіе составляетъ удѣлъ не всякой души, а только праведной, не осужденной трибуналомъ Озириса. Лишь мало-по-малу душѣ стали приписывать высшія функціи, и сначала только царскія души фараоновъ считались сѣдалищемъ воли, мысли и аффектовъ; много времени прошло, пока Египетъ призналъ душу духовной. Если теорія египтянъ не имѣла прямого вліянія на греческую философію, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что не на почвѣ одной Эллады рѣшались высшія проблемы челоѣческаго бытія.

А. Binet et Victor Henri. О природной внушаемости дѣтей (№ 10). Авторы статьи имѣютъ въ виду не гипнотическое воздѣйствіе на усыпленного субъекта, а то нормальное и разумное внушеніе, которое учитель постоянно производитъ своей личностью и преподаваніемъ на хорошо дисциплинированный классъ и которое не насилуетъ сужденія и свободы мысли учениковъ. Бине и Анри прослѣдили, какъ вліяетъ на отвѣты дѣтей скрытое внушеніе, выражавшееся въ томъ, что учитель своими громкими и настойчивыми вопросами зарождалъ въ мальчикахъ сомнѣніе въ правильности ихъ отвѣтовъ; экспериментаторы показывали образцы линій и затѣмъ требовали послѣдовательно найти соотвѣтствующую каждому образцу линію на особой таблицѣ. Тогда именно и обнаружилось, какъ внушеніе учителя заставляло дѣтей колебаться, дѣлать ошибки, брать назадъ свои вѣрные отвѣты и не довѣрять очевидности. Коллективныя рѣшенія оказались болѣе правильными, чѣмъ индивидуальныя; кромѣ того, авторы замѣтили, что подъ вліяніемъ возраста степень подверженности внушеніямъ варьируется гораздо сильнѣе, чѣмъ развитіе памяти на длину, изучаемое въ тѣхъ же условіяхъ: такъ, среднее число ошибокъ

памяти и сравненія равнялось на элементарномъ курсѣ школы 89⁰/₀, на высшемъ — 70⁰/₀, а среднее число ошибокъ вслѣдствіе внушенія на элементарномъ курсѣ равнялось 88⁰/₀, на высшемъ—47⁰/₀.

Th. Ribot. Изслѣдованія о чувственной памяти (№ 10). Статья Рибо занимается важнымъ вопросомъ относительно того, насколько человѣкъ способенъ воскрешать и чувствовать обонятельныя и вкусовыя ощущенія и внутреннія чувствованія, пережитыя въ прошломъ. Если большинство изслѣдователей полагаютъ, что такихъ воспоминаній мы имѣть не можемъ и въ состояніи возобновлять въ памяти не самыя эмоціи, а только сопровождавшія ихъ обстоятельства, то Рибо на основаніи фактическихъ данныхъ приходитъ къ инымъ выводамъ. Онъ полагаетъ, что то или другое рѣшеніе вопроса зависитъ отъ индивидуальности и темперамента субъекта и классифицируетъ въ этомъ отношеніи людей на двѣ категоріи: одни, обладая ложною или абстрактною памятью, оживляютъ въ воспоминаніи фактъ, но не испытанное ими настроеніе; другіе, одаренные истинною или конкретною памятью, наоборотъ, возобновляютъ въ себѣ пережитую эмоцію, которая, однако, не представляетъ собою вполнѣ точнаго снимка съ подлинника и бываетъ или ярче, или блѣднѣе послѣдняго. Чѣмъ эмоція сложнѣе, тѣмъ труднѣе ее въ послѣдствіи воскресить. Лица, хранящія въ себѣ воспоминанія о пережитыхъ ими душевныхъ волненіяхъ, болѣе способны къ нравственному поведенію, чѣмъ тѣ, кто, забывая, напримѣръ, испытанное личное страданіе, не могутъ вслѣдствіе этого симпатизировать чужому горю и совершаютъ грубо-эгоистическіе поступки; чувственная память, такимъ образомъ, является иногда залогомъ моральной жизни. Далѣе, иныя легче вспоминаютъ вкусовыя и обонятельныя ощущенія, другіе—высшія духовныя эмоціи, причемъ одни склонны оживлять пріятныя, другіе — тягостныя настроенія, будучи поэтому прирожденными оптимистами или пессимистами. Сила первоначальнаго впечатлѣнія еще не гарантируетъ того, что оно въ будущемъ легко воспроизведется въ сознаніи: живое чувствованіе можетъ въ возрожденномъ видѣ быть слабымъ и, наоборотъ, блѣдная эмоція, такъ сказать, во второмъ изданіи, часто становится сильной и колоритной.

Нельзя не замѣтить, что изслѣдованіе Рибо, само по себѣ очень интересное и поучительное, значительно выиграло бы, еслибъ

оно не сводило къ одному знаменателю вкусовыхъ и осязательныхъ ощущеній и духовныхъ эмоцій.—Статья Рибо переведена на русскій языкъ подъ редакціей профессора Бехтерева и вышла въ 1895 г. отдѣльною брошюрой.

L. Dugas. Память грубая и память организованная (№ 11). Есть два вида памяти: грубая и организованная. Первая—это чистое и простое повтореніе ощущеній, за которыми она слѣдуетъ непосредственно, какъ эхо, или же черезъ извѣстный промежутокъ времени, ничего въ нихъ не измѣняя и давая ихъ точный отпечатокъ. Вторая—не одно лишь возстановленіе прошлаго, а его интерпретація; она сохраняетъ не всѣ образы, какъ грубая память, а только нѣкоторые, но за то удерживаетъ ихъ въ себѣ прочно и на долгое время, и изъ многихъ впечатлѣній для запоминанія дѣлаетъ строгій выборъ. Запомнить что-либо грубой памятью легче, чѣмъ организованной, но и легче выронить изъ нея ея содержимое. Однако, коренного различія между обоими видами памяти не существуетъ, потому что она, вообще, находится въ постоянномъ процессѣ организованія, и воспринимаемая ею впечатлѣнія безпрестанно сочетаются въ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Память—это созданіе интеллекта, и ея законы являются частнымъ примѣненіемъ общихъ законовъ разума.

Dugas самъ признаетъ свою классификацію нѣсколько искусственной, и, въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что подъ организованною памятью онъ понимаетъ не одну какую-нибудь отдѣльную способность ума, а всю совокупность его операций, и относитъ на счетъ памяти то, что въ дѣйствительности принадлежитъ къ области другихъ душевныхъ процессовъ.

Raul de la Grasserie. Значеніе первобытныхъ языковъ съ точки зрѣнія психологіи (№ 11). Передъ языками культурныхъ народовъ, отличающимися богатымъ развитіемъ фонетики и морфологіи, но нивелированными цивилизаціей, языки дикихъ народовъ имѣютъ то преимущество, что посредствомъ нихъ легко проникнуть въ духовный складъ племени и ознакомиться съ національною психологіей. Въ этихъ первобытныхъ языкахъ какъ бы застыла примитивная мысль человѣка, и ея работа не скрыта позднѣйшими наслоеніями; простой и несложный синтаксисъ показываетъ, какъ и въ какой послѣдовательности мыслить человѣкъ одну идею за другой, и та или другая разстановка словъ въ предложеніи выясняетъ умственные процессы.

Формализмъ культурныхъ языковъ не позволяетъ рассмотреть ихъ психической подкладки и неразоблачаетъ того, склоненъ ли данный народъ къ синтетическому или аналитическому мышленію. Наоборотъ, языки дикарей обнаруживаютъ глубоко интересныя психическія явленія; изъ нихъ видно, напримѣръ, что мысль первобытнаго человѣка предшествовала единичной идеѣ, какъ фраза—слову, что онъ былъ весь проникнутъ конкретизмомъ и крайне индивидуализировалъ каждое понятіе, что онъ, какъ бы подчеркивая свой наивный эгоизмъ, ко всякому существительному прилагалъ притяжательное мѣстоименіе и вездѣ выдвигалъ идею обладанія. Языкъ дикаго человѣка представляетъ собою самый естественный фактъ, и поэтому изученіе его очень плодотворно.

Статья написана весьма остроумно и иллюстрирована многочисленными примѣрами. Можно однако поставить на видъ то, что авторъ не достаточно оцѣнилъ психологическое значеніе культурныхъ языковъ; глубокое изученіе ихъ такъ же обнаружить психическія черты ихъ создателей, какъ и знакомство съ языками дикихъ.

Ferredo. Моральный прогрессъ (№ 12). Авторъ—противникъ эволюціонной теоріи морали и считаетъ далеко не доказанной гипотезой утвержденіе, будто нравственныя стремленія передаются по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію; онъ не согласенъ съ тѣмъ, что прогрессъ въ морали является результатомъ біологическихъ измѣненій въ клѣткахъ мозга, и полагаетъ что въ такомъ случаѣ было бы совершенно не объяснимо, почему нравственныя идеи такъ быстро прогрессируютъ и по временамъ такъ же быстро и неизмѣнно подвергаются регрессу, какъ, напримѣръ, въ фактахъ войнъ. Анализируя причины моральнаго прогресса, Ферредо предварительно замѣчаетъ, что нравственность раздѣляется на пассивную и активную, или социальную; въ данномъ случаѣ онъ занимается только послѣдней. По его мнѣнію, ея прогрессъ сводится къ тому, что все сильнѣе выступаетъ импульсъ, запрещающій намъ причинять страданія существамъ, съ которыми мы живемъ. Главною причиною усиленія этого импульса служить симпатія, мысленное представленіе страданія, ощущаемаго другими, а все, что дѣлаетъ такое представленіе болѣе живымъ и яркимъ т.-е. многочисленные физическіе, фізіологическіе и психологическіе факторы,—содѣйствуетъ прогрессу въ морали. Могущее вліяніе на движеніе нравственныхъ идей оказываетъ законъ, въ

силу котораго чужое страданіе тѣмъ менѣе смущаетъ и беспокоитъ насъ, чѣмъ болѣе оно полезно для нашего «я»; въ связи съ этимъ мораль совершенствуется тогда, когда борьба за существованіе теряетъ свою ожесточенность и становится болѣе легкой. Далѣе, чѣмъ болѣе похоже на насъ—физически и духовно—данное существо, тѣмъ живѣе представляемъ мы себѣ его страданія и потому уклоняемся отъ причиненія ихъ. Таковы основные законы симпатіи. Но, помимо нея, надо отмѣтить вліяніе на моральный прогрессъ психологическаго закона сравненія. Поступокъ, самъ по себѣ безразличный, становится нравственнымъ или безнравственнымъ, если сравнить его съ другимъ поступкомъ, преслѣдующимъ ту же самую цѣль; безнравственно доставлять другому боль и неудовольствіе тамъ, гдѣ можно той же цѣли достигнуть другимъ, безболѣзненнымъ путемъ; безнравственно употреблять, на примѣръ, насиліе тогда, когда я могу оградить себя, свою жизнь и имущество инымъ способомъ; вотъ почему теперь считается безнравственнымъ то, что прежде признавалось нормальнымъ. Ферреро въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду сравненіе одного факта, поступка, учрежденія съ другимъ, но онъ, къ сожалѣнію, упускаетъ изъ виду сравненіе факта съ *идеаломъ*, дѣйствительности съ *мечтою*; такое сравненіе раскрываетъ безнравственное въ гораздо большемъ числѣ явленій, чѣмъ это предполагаетъ авторъ, и мощно вліяетъ на дальнѣйшій прогрессъ морали. Съ закономъ сравненія связываетъ Ферреро стремленіе къ равновѣсію разныхъ моралей, проявляющееся тогда, когда двѣ народности, интеллектуально сходныя, отличаются между собою этическими воззрѣніями.—Свою теорію авторъ считаетъ выше эволюціонной потому, что она исключительно психологическая и не нуждается въ биологической подставкѣ; кромѣ того, ею объясняются противорѣчивость моральныхъ трансформаций, то, на примѣръ, что наряду съ эгоистическимъ отношеніемъ къ рабочему классу стоитъ гуманное покровительство животнымъ: дѣло въ томъ, что въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ указанный выше первый законъ симпатіи, а въ послѣднемъ—второй (мы сознаемъ значительное сходство человѣка съ животными). Вообще, моральный прогрессъ не абсолютенъ, а частиченъ, и въ одно и тоже время мы склоняемся къ причиненію однихъ страданій и уклоняемся отъ причиненія другихъ.

Прекрасно изложенная статья Ферреро богата историческими примѣрами, которые подтверждаютъ мысли автора.

Le Bon. Психологическія основы дрессированія (№ 12). Статья эта представляетъ интересъ для зоопсихологовъ, такъ какъ авторъ стремится въ ней указать немногіе основные законы, которые имѣютъ силу при воспитаніи животныхъ; онъ останавливается на дрессированіи лошадей и доказываетъ, что сознательные процессы въ психикѣ лошади во время ея обученія постепенно замѣняются автоматическими. Le Bon полагаетъ, что существуютъ тождественные для всѣхъ живыхъ существъ базисы обученія и дрессированія.

E. Tardieu. Этюдъ о профессиональной психологіи (№ 12). Въ этомъ любопытномъ очеркѣ авторъ, по профессіи врачъ, разсматриваетъ психическія предрасположенія, которыя склоняютъ къ занятіямъ медициной, и рисуетъ духовную физиономію медика. Главными моментами, располагающими къ изученію врачебной науки, авторъ считаетъ способность къ механическимъ манипуляціямъ и умѣнье запечатлѣвать въ себѣ и регистрировать всѣ движенія и функціи живыхъ организмовъ. Врачъ главное вниманіе обращаетъ на все конкретное и матеріальное; психическое воздѣйствіе его на больного обыкновенно сильно преувеличиваютъ. Слишкомъ подвижный человѣкъ не можетъ быть врачомъ. Крайне желательно, чтобы медикъ не былъ узкимъ специалистомъ и утилитаристомъ и чтобы онъ обладалъ широкимъ гуманитарнымъ образованіемъ.

Ю. Айхенвальдъ.

Письмо въ редакцію *).

(Письмо Л. Н. Толстого, сообщенное г-жей Новицкой).

Милостивый Государь, г. редакторъ!

Только-что прочла «Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого» А. А. Козлова, и мнѣ хотѣлось бы доказать, что г. Козловъ не совсѣмъ правильно понимаетъ ученіе Льва Николаевича. Буду очень благодарна редакціи за помѣщеніе нижеслѣдующихъ строкъ.

Станнымъ иногда кажется, какъ одну и ту же вещь можно различно понимать. Что, кажется, можетъ быть проще, яснѣе и понятнѣе ученія Л. Н. Толстого! А вѣдь какъ разнообразно его толкуютъ, и какъ немногіе дѣйствительно понимаютъ. Не знаю, быть-можетъ, съ научно-философской точки зрѣнія Л. Н. Толстой и ошибается,—я судить не могу, потому что слишкомъ ограниченны мои познанія въ этой отрасли, но знаю одно, что все то, чему учитъ насъ Левъ Николаевичъ, такъ просто, ясно и понятно, такъ доступно всѣмъ людямъ, что лучшаго не остается желать. Если и есть маленькіе недочеты, увлеченія, нѣкоторыя противорѣчія, то вѣдь все это такіе пустяки въ сравненіи съ тѣмъ великимъ и хорошимъ, что сдѣлалъ для насъ великій учитель. Передо мной лежитъ раскрытая книга проф. Козлова «Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого о жизни», и мнѣ странно кажется, что такой глубокой, всесторонне образованный умъ такъ далеко отъ истиннаго пониманія этого серьез-

---

*) Помѣшаемъ настоящую замѣтку съ разрѣшенія Л. Н. Толстого, любезно просмотрѣвшаго и въ одномъ мѣстѣ исправившаго текстъ своего письма къ г-жѣ Новицкой, которое она предложила намъ напечатать.

Ред.

наго и вмѣстѣ съ тѣмъ простаго ученія. Вотъ мѣсто, особенно меня поразившее:

«Любящій у гр. Толстого отдаетъ все другимъ не потому, что онъ, по любви къ нимъ, хочетъ счастья и наслажденія этихъ другихъ, а потому, что счастье и наслажденіе невозможны для него самого, и, слѣдовательно, ему не нужны и какія бы то ни было условія счастья,—онъ къ нимъ равнодушенъ.

«Любовь гр. Толстого есть въ сущности принципъ *аскетизма*, умерщвленія плоти, умерщвленія всѣхъ желаній».

На это приведу письмо Льва Николаевича Толстого, полученное мною въ декабрѣ 1894 года:

«Дѣло, которое мы призваны дѣлать въ жизни,—двойное, хотя и достигается однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ: внѣшнее дѣло состоитъ въ томъ, чтобы своею жизнью содѣйствовать установленію Царства Божія на землѣ, т.-е. замѣнѣ вражды, борьбы и разединенія согласіемъ, взаимною помощью и единеніемъ, — такого состоянія, при которомъ копыя были бы перекованы на серпы... и т. д. Содѣйствовать этому служенію истинѣ мы можемъ правдивостью въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ; внутреннее дѣло состоитъ въ совершенствованіи себя, въ приближеніи къ Богу «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный». Для того же, чтобы постоянно совершенствоваться, нужно увеличивать въ себѣ любовь, т.-е. расширять кругъ своей любви, любить не за то, что намъ пріятно, а любить, какъ Богъ любитъ существа,—только затѣмъ, чтобы желать и доставлять имъ благо. Для того же, чтобы увеличивать въ себѣ любовь, нужно только не мѣшать ей проявляться и расти. Она всегда сама собой стремится къ увеличенію. Мѣшаютъ же увеличенію любви соблазны. Соблазны состоятъ въ ложномъ ученіи о томъ, что благо животной личности можетъ быть цѣлью жизни. И потому, для увеличенія любви надо разрушать ложь, т.-е. служить истинѣ, быть правдивымъ въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ, такъ что обѣ цѣли—и содѣйствіе установленію Царства Божія, и внутреннее совершенство, увеличеніе любви—достигаются однимъ и тѣмъ же служеніемъ истинѣ. Оно же, это служеніе истинѣ, даетъ людямъ такое благо, которое замѣняетъ всѣ тѣ мнимыя радости соблазновъ, которыя оно исключаетъ. И не надо думать, что жизнь, посвященная служенію истинѣ, есть жизнь мрачная, несчастная, исполненная лишений. Напротивъ, такая жизнь имѣетъ за себя болѣе вѣроятій счастья, даже зем-

ного, чѣмъ жизнь мірская, имѣющая цѣлью благо животной личности. Такая жизнь не исключаетъ всѣхъ самыхъ доступныхъ всѣмъ радостей, доставляемыхъ и природой, и веселіемъ, и пѣніемъ, и дружбой, и общеніемъ съ людьми и животными, только бы эти радости не противорѣчили любви и истинѣ.

«Вотъ вкратцѣ мои отвѣты на ваши вопросы. Очень бы былъ радъ, еслибъ они удовлетворили васъ.

Левъ Толстой».

Прибавлять что-нибудь къ такому письму было бы дерзостью съ моей стороны: оно такъ хорошо и просто говоритъ за себя; въ немъ есть глубокое нравственное ученіе, *но аскетизма, умерщвленія плоти, умерщвленія всѣхъ желаній* въ немъ нѣтъ, да и быть не можетъ, потому что идеаль Толстого—возможно большее счастье людей, не какихъ-нибудь избранныхъ людей, а всѣхъ людей вообще, начиная съ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ и кончая великими художниками, гениями, философами, учеными.

Левъ Николаевичъ Толстой—«человѣкъ» въ глубокомъ смыслѣ слова, и этимъ онъ великъ.

П. Новицкая.

Нѣсколько словъ въ отвѣтъ В. А. Гольцеву.

На возраженіе, сдѣланное мнѣ въ январьской книгѣ «Вопросовъ» текущаго года по поводу моей статьи объ «Основаніяхъ экспериментальной психологіи» и замѣтки о книгѣ Лэдда, моимъ уважаемымъ другомъ В. А. Гольцевымъ, считаю нужнымъ отвѣтить слѣдующее.

Если я говорилъ въ упомянутой статьѣ, что каждая наука должна быть одновременно *опытной и экспериментальной, спекулятивной и метафизической*, то я лично всеэтимъ не разумѣлъ, что *опытъ* всегда долженъ предшествовать *спекуляціи, эксперименту—метафизическимъ построеніямъ*. Въ статьѣ «Что такое метафизика» (Вопр. Филос. и Психол. 1890, II кн.) я старался выяснить, что во всякой наукѣ есть апіорные элементы, есть основныя понятія, составляющія категории самого ума, мышленія, познанія, и подлежащія критическому анализу и логическому опредѣленію *ранѣе* эмпирическаго изслѣдованія фактовъ и явленій *). И такими понятіями, подлежащими метафизическому анализу, должны быть признаны прежде всего самыя понятія «*факта, явленія, опыта*», отъ которыхъ отправляется эмпиризмъ. Съ другой стороны, только спекуляція, постоянно сопутствующая опыту, можетъ правильно ставить *вопросы и задачи* для опытнаго и экспериментальнаго изученія явленій. Логическій процессъ мышленія по законамъ нашей природной (*внутренней, а не внешней*) дѣйствительности неизмѣнно сопутствуетъ всякому наблюденію и опыту. В. А. Гольцевъ очевидно смѣшиваетъ метафизическій или діалектическій (спекулятивный) методъ (анализъ и синтезъ по-

*) Объ этомъ очень правильно рассуждалъ Н. Н. Страховъ (см. выше его некрологъ).

нѣтій) съ процессомъ построения метафизическихъ системъ, т.-е. такихъ болѣе или менѣе апріорныхъ и догматическихъ учений, которыя лишь поверхностно соотнобразуются съ данными опыта и не провѣряютъ своихъ чрезмѣрно смѣлыхъ обобщеній наблюденіемъ, экспериментомъ и критикой понятій. Такая метафизика давно уже осуждена критическою философіей. И если я считаю упраздненнымъ *позитивизмъ*, то именно потому, что и онъ представляетъ собою въ исторіи мысли нашего вѣка образчикъ такой «догматической метафизики», противорѣчащей началамъ критицизма и представляющей собою шагъ назадъ относительно Канта. Если В. А. Гольцевъ понимаетъ *позитивизмъ* такъ широко, что считаетъ возможнымъ противопоставлять «позитивизмъ вообще» Конттовскому позитивизму, то онъ очевидно впадаетъ въ историко-философское заблужденіе и смѣшиваетъ «позитивизмъ» съ «эмпиризмомъ» *). Эмпиризмъ и точное знаніе существовали многіе вѣка ранѣе Канта, но позитивизмъ, будучи крайне узкимъ проявленіемъ «эмпиризма» (истиннымъ творцомъ котораго является еще Аристотель), выдвинулся специально своимъ отрицаніемъ метафизики, путая въ этомъ понятіи старыя догматическія пріемы мышленія и міропостроенія съ основаніями критическаго метода Кантовской метафизики. Позитивизмъ, какъ таковой, есть плодъ историческаго недоразумѣнія и результатъ малаго знакомства французовъ (въ началѣ нынѣшняго вѣка) съ тѣмъ, что уже было создано, понято и установлено нѣмцами (школою Канта). Теперь и во Франціи знаютъ и почитаютъ Канта и даже Гегеля, и «позитивистами» называютъ себя обыкновенно не философы, хотя бы эмпирики, а чаще нѣкоторые, мало знакомые съ исторіей философской мысли представители специальныхъ наукъ. Философія, безъ сомнѣнія, «должна обобщать истины отдѣльныхъ наукъ и въ своей строительной работѣ не допускать ничего несогласнаго и несовмѣстнаго съ «результатами» (почему «законами»?) точнаго знанія» **). Но это еще не

*) В. А. Гольцевъ можетъ, конечно, сослаться на авторитетъ Тэна, писавшаго о Дж. Ст. Миллѣ и „англійскомъ позитивизмѣ“, но вѣдь и Милль былъ во многихъ отношеніяхъ „конттистомъ“, какъ и германскій философъ Лаасъ (Idealismus u. Positivismus), да и самъ Тэнъ.

**) Примѣромъ того, какъ въ этомъ отношеніи долженъ поступать философъ, является критика Н. Н. Страховымъ увлеченій спиритизмомъ, которому однако часто оказываютъ поддержку представители естествознанія и даже „позитивисты“.

значить, что и обратно, отдѣльныя науки и области точнаго знанія не должны сообразоваться съ результатами и началами философской критики понятій. И только при послѣднемъ условіи отношеніе специальныхъ наукъ и философіи (спекуляціи) будетъ *нормальное*, и *эмпиризмъ* будетъ стоять на двухъ здоровыхъ ногахъ, а не на одной—искалѣченной. Приведенную нами мысль Лэдда, что «нерасположеніе къ метафизикѣ является приближающимъ слабыхъ и себялюбивыхъ умовъ», мы не раздѣляемъ, но думаемъ, что «нерасположеніе къ метафизикѣ» есть всегда результатъ недостаточнаго знакомства съ исторіей философской мысли и съ началами этой науки въ томъ ея значеніи, которое отчасти уже установлено Кантомъ (см. его «Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ»), но значительно развито и переработано новѣйшей германской, французской, англійской (Гамилътонъ) и отчасти русской философіей.

Что касается до спора между дуализмомъ и монизмомъ и до значенія неовитализма въ біологіи, то эти предметы настолько сложны, что ихъ нельзя обсудить основательно въ бѣглой замѣткѣ. Къ этимъ вопросамъ мы надѣемся со временемъ вернуться. Скажемъ только, что если самъ В. А. Гольцевъ признаетъ стремленіе свести міръ къ единому началу «наднаучнымъ», то намъ и спорить не о чемъ. Мы хотѣли только выразить ту мысль, что современный монизмъ напрасно мнитъ себя доктриной, *болѣе научно обоснованной*, нежели дуализмъ. «Бреднями» мы называемъ именно эти *псевдонаучныя претензіи* монизма. Относительно «неовитализма» замѣтимъ только, что противъ авторитетныхъ именъ его противниковъ можно выставить не менѣе авторитетныя имена его сторонниковъ. И если неовиталистическое ученіе совершенно не нужно «для объясненія явленій паденія камня или горѣнія свѣчи», то это еще не значитъ, что столь же излишне и безплодно признаніе *психическаго дьятеля* (духовной творческой силы) въ основѣ процессовъ жизни организмовъ; а вѣдь именно къ этому признанію и сводится ученіе неовиталистовъ. Въ противоположность старымъ виталистамъ, они не говорятъ о «жизненной силѣ», отличной отъ «психическаго начала», а только утверждаютъ, что есть въ организмахъ особый творческой психической агентъ, который еще не изслѣдованъ вполне, но во всякомъ случаѣ не сводимъ къ извѣстнымъ уже факторамъ химическихъ и физическихъ явленій, что именно онъ и является ис-

точникомъ и основою жизни органической, въ противоположность тому, что мы называемъ безжизненнымъ «существованіемъ» неорганическихъ тѣлъ. Правъ ли неовитализмъ, или нѣтъ, покажетъ будущее, но во всякомъ случаѣ считается съ этимъ ученіемъ и съ фактами, которое оно выставляетъ въ свою пользу, необходимо людямъ науки и мысли. Неовитализмъ есть въ свою очередь только «біологическій перифразъ» неоспиритуализма или неодуализма, который опять *не абсолютно* противопоставляетъ другъ другу духъ и матерію, а видитъ въ этихъ понятіяхъ лишь плодотворный пріемъ—разграниченія двухъ несводимыхъ другъ къ другу сферъ явленій и, параллельно, факторовъ природнаго процесса. Если даже духъ окажется впоследствии особаго рода тончайшею (въ родѣ ээира), какъ думали Эмпедокль и Демокритъ, матеріей, или матерія—особаго рода трансформацией, отложеніемъ или произведеніемъ духа (какъ думали Платонъ и идеалисты вообще), то и тогда контрастъ останется, и мы откроемъ тѣ два элемента бытія міра, изъ взаимодействія и различнаго отношенія которыхъ произошло все разнообразіе существующаго. Таковъ смыслъ «неодуализма», таковъ смыслъ и того утвержденія Лэдда, что тайна взаимодействія духа и матеріи не болѣе сложна и непонятна, нежели тайна взаимодействія всякихъ двухъ различныхъ элементовъ или субстанцій природы, въ силу особыхъ присущихъ имъ законовъ дѣйствія (разумѣемъ «субстанціи» въ чисто эмпирическомъ смыслѣ). Дѣло идетъ о «проблемахъ», а не о рѣшеніяхъ, и позитивизмъ уже потому можно считать упраздненнымъ, что онъ самъ несвоевременно пытался упразднить великія и нынѣ вновь признанныя во всемъ своемъ значеніи старыя проблемы мысли и знанія. Въ этомъ именно упраздненіи и заключалась особенность «позитивной философіи», въ отличіе отъ всѣхъ другихъ,—для большинства ея поклонниковъ.

Н. Н. Страховъ справедливо говорилъ: «Позитивизмъ есть *идоль довольно мудреный*. Имя его болшею частью призывается всуе, безъ яснаго понятія объ истинныхъ его свойствахъ. Ему приписываютъ величайшую силу противъ метафизики, и за эту-то силу главнымъ образомъ, ему поклоняются». (О вѣчныхъ истинахъ, стр. 11).

Николай Гротъ.

Психологическое общество.

СХЛ. Отчетъ объ очередномъ засѣданіи 9-го декабря 1895 г.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера въ залѣ Правленія университета подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ: А. Н. Бернштейна, Л. Д. Брюхатова, Н. В. Бугаева, В. Е. Гиацинтова, В. Н. Ивановскаго, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, А. Г. Петровскаго, Н. П. Постовскаго, Г. А. Рачинскаго, С. А. Суханова и А. А. Токарскаго и членовъ соревнователей: А. В. Дроздова, С. Г. Шахъ-Назарова и Т. А. Ясакова.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

Предсѣдатель доложилъ отношеніе, полученное имъ изъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ объ уменьшеніи съ 1-го января 1896 г. таксы за пересылку журнала «Вопросы философіи и психологіи», а именно съ 10⁰/₀ подписной платы на 8⁰/₀.

Предсѣдатель Н. Я. Гротъ доложилъ, что, вслѣдствіе возникновенія между студентами Московскаго университета потребности работать по предметамъ философіи и психологіи и организовать среди студентовъ кружокъ для занятій философіей и психологіей, онъ предложилъ Обществу учредить студенческое отдѣленіе Психологическаго Общества для доклада рефератовъ по психологіи и философіи въ экстра-ординарныхъ засѣданіяхъ. Н. В. Бугаевъ сообщилъ объ устройствѣ математическаго кружка студентовъ при Математическомъ Обществѣ.

Постановлено: по образцу Математическаго Общества организовать при Психологическомъ Обществѣ занятія студентовъ философіей и психологіей и избрать комиссію, для руководства этими занятіями въ особыхъ засѣданіяхъ этой комиссіи. Въ комиссію вошли по постановленію Общества, слѣдующія лица: Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, кн. С. Н. Трубецкой, С. С. Корсаковъ,

В. П. Сербскій, А. А. Токарскій и А. С. Бѣлкинъ. Комиссіи этой поручено выработать окончательную организацію означенныхъ занятій и доложить объ этомъ Обществу.

СХЛІ. Отчетъ о годичномъ распорядительномъ засѣданіи 27-го января 1896 г.

Засѣданіе было открыто въ 8³/₄ часовъ вечера въ залѣ Правленія университета, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Л. М. Лопатина, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, А. П. Басистова, А. Н. Бернштейна, В. А. Гольцева, В. Н. Ивановскаго, А. И. Кирпичникова, С. С. Корсакова, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, члена соревнователя Т. А. Ясакова и г. Ц. П. Балталона.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

Предсѣдатель сообщилъ о кончинѣ почетнаго члена Общества Н. Н. Страхова. Общество почтило его память вставаніемъ.

А. С. Бѣлкинъ прочелъ «Краткій отчетъ» о дѣятельности Моск. Псих. Общ. въ 1895 г. Н. А. Абрикосовъ прочелъ составленный имъ «Отчетъ казначея Псих. Общ. за 1895 г.». Оба отчета приняты Обществомъ.

Въ члены ревизіонной по дѣламъ журнала «Вопр. Филос. и Псих.» комиссіи на 1896 г. избраны: М. С. Корелинъ, В. П. Сербскій и А. А. Токарскій и кандидатомъ къ нимъ А. С. Бѣлкинъ.

Баллотированы въ члены-соревнователи двое изъ предложенныхъ въ предыдущемъ засѣданіи лицъ: И. Н. Сахаровъ и В. В. Шеншинъ. Первый избранъ единогласно (13 голос.), второй 12 противъ 1.

Годичное торжественное засѣданіе Общества рѣшено устроить послѣ Пасхи. Предположены къ прочтенію слѣдующіе рефераты: Н. Я. Гротомъ—«Жизнь Декарта и общее значеніе его философіи», Л. М. Лопатинымъ—«Декартъ, какъ основатель спиритуализма» и Н. А. Умовымъ—«Физическія ученія Декарта».

Предложенъ въ дѣйствительные члены Общества доц. Моск. Духовн. академіи П. В. Тихомировъ—А. С. Бѣлкинымъ, В. Н. Ивановскимъ и Л. М. Лопатинымъ.

Засѣданіе закрыто въ 10¹/₄ часовъ вечера.

СХЛІІ. Отчетъ объ очередномъ засѣданіи 10-го февраля 1896 г.

Засѣданіе было открыто въ 8¹/₂ часовъ вечера, въ залѣ Правленія университета, подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при товарищѣ секретаря В. Н. Ивановскомъ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. А. Абрикосова, Н. А. Абрикосова, А. П. Басистова, А. Н. Бернштейна, Л. Д. Брюхатова, В. П. Буцке, А. С. Бѣлкина, В. Е. Гиацинтова, П. А. Каленова, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, А. И. Мальшина, И. Ф. Огнева, А. Г. Петровскаго, Н. А. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, В. П. Сербскаго, С. А. Суханова, А. А. Токарскаго, кн. С. Н. Трубецкого, Н. И. Шишкина и С. О. фонъ-Штейна, гг. членовъ-соревнователей: А. В. Дроздова, О. Д. Селивачева, С. Г. Шахъ-Назарова и Т. А. Ясакова и посторонней публики.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

Баллотированъ въ д. чл. Общ. П. В. Тихомировъ; избранъ 17 голосами противъ 1. Доложено предложеніе кн. С. Н. Трубецкого, чтобы Псих. Общество издало подъ его редакціей соч. Кэрда о Гегелѣ. Рѣшено: просить кн. Трубецкого выработать, совмѣстно съ Совѣтомъ Общества, внѣшность и условія изданія и немедленно приступить къ нему.

Дѣйствительный членъ А. Н. Бернштейнъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Міръ звуковъ, какъ объектъ воспріятія и мысли». Происходили пренія по прочитанному докладу, въ которыхъ приняли участіе: А. А. Токарскій, В. П. Преображенскій, кн. С. Н. Трубецкой, Л. М. Лопатинъ, Н. Я. Гротъ, Г. А. Рачинскій, В. Н. Ивановскій, С. С. Корсаковъ и В. П. Сербскій.

СХЛІІІ. Отчетъ объ очередномъ засѣданіи 17-го февраля 1896 г.

Засѣданіе открыто въ 8¹/₂ часовъ въ залѣ Правленія университета подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при товарищѣ секретаря В. Н. Ивановскомъ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Ю. И. Айхенвальда, А. Н. Бернштейна, Л. Д. Брюхатова, В. Е. Гиацинтова, П. А. Каленова, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, А. М. Миронова, Н. П. Постовскаго, Г. А. Рачинскаго, О. А. Савей-Могилевича, В. П. Сербскаго, С. А. Суханова и А. А.

Токарскаго, гг. членовъ-соревнователей: А. А. Андреевой, Э. Д. Селивачева, С. Г. Шахъ-Назарова и Т. А. Ясакова и сторонней публики.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

Ц. П. Балталонъ прочелъ докладъ «Чувство сходства, какъ источникъ эстетической эмоціи и красоты».

Происходили пренія по прочитанному реферату, въ которыхъ приняли участіе: А. А. Токарскій, П. А. Каленовъ, Н. Я. Гротъ, А. М. Мироновъ, Г. И. Россолимо и Т. А. Ясаковъ.

Засѣданіе закрыто въ 12 часовъ ночи.

СXLIV. Отчетъ объ очередномъ засѣданіи 24-го февраля 1896 г.

Засѣданіе открыто въ 8³/₄ часовъ вечера въ залѣ Правленія университета, подѣ председательствомъ Н. Я. Грота, при товарищѣ секретаря В. Н. Ивановскомъ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, Ю. И. Айхенвальда, А. П. Басистова, Л. Д. Брюхатова, С. И. Викторскаго, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскаго, С. А. Суханова, А. А. Токарскаго и Н. И. Шишкина, члена-соревнователя С. Г. Шахъ-Назарова и сторонней публики.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

Предложенъ къ избранію въ д. чл. Ц. П. Балталонъ—Н. Я. Гротомъ, Н. В. Бугаевымъ и В. Н. Ивановскимъ.

С. А. Сухановъ прочелъ рефератъ: «Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій».

Происходили пренія по прочитанному реферату, въ которыхъ приняли участіе: А. А. Токарскій, С. С. Корсаковъ, С. И. Викторскій, Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, С. Г. Шахъ-Назаровъ и В. Н. Ивановскій.

Засѣданіе закрыто въ 11³/₄ часовъ ночи.

Краткій отчетъ о дѣятельности Московскаго Психологическаго Общества за 1895 годъ.

Составъ Общества. Въ теченіе 1895 года въ составѣ Общества произошли слѣдующія измѣненія: 1) скончался д. ч. А. Н.

Маклаковъ; 2) были избраны въ дѣйствительные члены: *С. А. Сухановъ*, *А. Н. Бернштейнъ*, *Ю. И. Айхенвальдъ*, *Л. Д. Брюхатовъ* и *А. И. Мальшинъ* и въ члены соревнователи: *А. А. Алябьевъ* и *Т. А. Ясаковъ*. Такимъ образомъ, къ 27 января 1896 года Общество состоитъ изъ 17 почетныхъ членовъ, 11 членовъ - учредителей, 143 дѣйствительныхъ членовъ, 43 членовъ-соревнователей и 7 членовъ-корреспондентовъ, всего 221 лицо.

Совѣтъ Общества оставался въ прежнемъ составѣ.

Ревизионная коммиссія по хозяйственнымъ дѣламъ журнала «Вопросы Философiи и Психологiи» была избрана 24 января 1895 г. въ прежнемъ составѣ.

Засѣданiя. Въ истекшемъ году Общество имѣло 13 засѣданiй, изъ которыхъ было 6 закрытыхъ, 6 очередныхъ открытых и 1 торжественное публичное по случаю исполнившагося десятилѣтiя существованiя Общества.

Въ очередныхъ открытыхъ засѣданiяхъ были доложены и подвергнуты обсужденiю слѣдующiя сообщенiя:

П. А. Каленова. Жизнь какъ нравственная борьба.

А. О. Гартвига. О необходимости созданiя новаго типа науки.

Л. М. Лопатина. Параллелистическая теорiя душевной жизни.

В. А. Гольцева. Памяти Гуго Гроциа (по поводу 200-лѣтiя его кончины).

А. А. Токарскаго. О методахъ экспериментальной психологiи (съ демонстрацiей аппаратовъ).

Л. М. Лопатина. Явленiе и сущность въ жизни сознанiя.

Н. Я. Грота. Основанiя экспериментальной психологiи.

В. Н. Ивановскаго. Къ вопросу о цвѣтномъ слухѣ.

С. Г. Шахъ-Назарова. Объ основанiяхъ физиологической психологiи по Вундту, Цигену и Мейнерту.

Въ торжественномъ засѣданiи, происходившемъ 4 марта 1895 года въ актовомъ залѣ университета и привлечшемъ многочисленную публику, секретаремъ Общества былъ прочитанъ обзоръ дѣятельности Психологическаго Общества за истекшее первое десятилѣтiе, *Н. Я. Гротомъ* была прочитана рѣчь подъ заглавiемъ «Устои нравственной жизни и дѣятельности», *П. В. Преображенскiй* сдѣлалъ сообщенiе «о нѣкоторыхъ чертахъ психической стороны зрѣнiя» (съ демонстрацiей опытовъ съ иллюзiями зрѣнiя) и д. ч. *А. Н. Веселовскiй* произнесъ рѣчь «о Вольтерѣ

какъ мыслителѣ» (по случаю минувшей въ 1894 году двухсотлѣтней годовщины рожденія Вольтера).

Журналъ «Вопросы Философіи и Психологіи». Въ истекшемъ году Психологическое Общество продолжало издавать перешедшій въ его собственность журналъ «Вопросы Философіи и Психологіи», но какъ въ веденіи его хозяйственныхъ дѣлъ, такъ и въ редакціонномъ комитетѣ произошли перемѣны. Расхищеніе находившагося при конторѣ журнала склада книгъ, сдѣланное изъ запертого помѣщенія лѣтомъ 1895 г. на 6.000 р., а также уменьшеніе числа подписчиковъ (на сто сравнительно съ 1894 г., заключеннымъ съ убыткомъ въ 518 руб. 11 коп.) заставили Общество озаботиться уменьшеніемъ расходовъ по изданію журнала. Съ этою цѣлью былъ предпринятъ рядъ мѣръ, а именно: 1) контора журнала соединена съ конторой журнала «Русская Мысль»; 2) уничтоженъ, вслѣдствіе убыточности, состоявшій при конторѣ складъ книгъ, и книги переданы на комиссію въ книжный магазинъ «Русской Мысли»; 3) завѣдываніе хозяйственными дѣлами журнала было передано члену Редакціоннаго комитета В. А. Гольцеву, который любезно согласился завѣдовать ими чрезъ посредство конторы «Русской Мысли»; 4) было постановлено строго держаться опредѣленнаго по смѣтѣ количества печатныхъ листовъ, а именно—85 листовъ въ годъ. Въ редакціонномъ комитетѣ произошли слѣдующія измѣненія: Н. Я. Гротъ отказался отъ непосредственнаго редактированія журнала въ его цѣломъ, вслѣдствіе переутомленія, согласившись остаться членомъ редакціоннаго комитета; Общество избрало 9 сентября 1895 г. на его мѣсто редакторомъ В. П. Преображенскаго, который и утвержденъ въ этомъ званіи Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати; кн. С. Н. Трубецкой обѣщала свое непосредственное участіе въ редактированіи двухъ весеннихъ книгъ журнала, которымъ не можетъ посвящать достаточно времени В. П. Преображенскій; составъ редакціоннаго комитета увеличенъ, и въ настоящее время въ него входятъ 9 лицъ: Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, В. П. Преображенскій, В. А. Гольцевъ, С. С. Корсаковъ, Н. А. Умовъ, А. С. Бѣлкинъ, В. Н. Ивановскій и кн. С. Н. Трубецкой.

Въ ноябрьской книгѣ журнала за 1895 г. напечатанъ обзоръ издательской дѣятельности Общества съ 1888 по 1896 г.

«Труды» и «Изданія» Общества. Въ ноябрѣ 1895 г. окончены печатаніемъ 2-й выпускъ перевода сочиненія Куно Фишера «Артуръ Шопенгауэръ».

Пожертвованіе. 18-го ноября 1895 г. Общество получило отъ Ю. И. Базановой пожертвованіе въ 1.000 р. на расширеніе издательской дѣятельности Общества.

Премія, учрежденная Д. А. Столыпинымъ. 1 января 1895 г. истекать срокъ представленія сочиненій по философіи наукъ для соисканія премии въ 1.000 р., учрежденной покойнымъ д. ч. Общества Д. А. Столыпинымъ. Для обсужденія единственнаго сочиненія, представленнаго на премию подъ девизомъ «In necessariis unitas. Per aspera ad astra», была избрана коммиссія, въ составъ которой вошли—Н. Я. Гротъ, Н. А. Иванцовъ, Л. М. Лопатинъ, В. П. Преображенскій и Н. А. Умовъ. Такъ какъ коммиссія не нашла это сочиненіе заслуживающимъ цѣлой премии или ея части, то Общество назначило новымъ срокомъ представленія сочиненій на ту же тему 1 января 1900 г.

Секретарь А. Бѣлкинъ.

Отчетъ Казначея Психологическаго Общества за 1895 г.

Приходъ Психологическаго Общества:

Остатокъ отъ 94 г.	138 р. 21 к.	
Членскихъ взносов	300 » — »	
Пособіе университета	400 » — »	838 р. 21 к.

Расходъ Психологическаго Общества:

Засѣданія Общества	66 р. 92 к.	
Типографскіе	84 » 10 »	
Публикаціи	18 » — »	
Библіотека	173 » 70 »	
Канцеляр. почт. и пр. рас.	173 » 53 »	516 р. 25 к.

Оставалось изъ суммъ Псих. О-ва . . . 321 » 96 »

Получено % по тек. сч. Юнкера и К⁰ 93 р. 06 к.

Взято съ тек. сч. Юнкера и К⁰ въ

1895 г. болѣе, чѣмъ внесено на . . . 2.481 » 65 »

Получено пожертвованія отъ Ю. И. Базановой . . . 1.000 р. — к.	<u>3.574 р. 71 к.</u>
	3.896 » 67 »
<i>Выдано</i> по счету конторы журнала «Вопросы Философiи и Пси- хологiи» въ 1895 году . . . 13.381 р. 87 к.	
Получ. по сч. конторы въ 1895 г. 9.631 » 23 »	<u>3.850 р. 94 к.</u>
Остатокъ у казначея на 1 янв. 1896 г. . .	<u>46 » 03 »</u>

**Состояніе капиталовъ Психологическаго Общества на
1 января 1896 года.**

На вклады Московск. Учетнаго банка (2 вклад. билета за №№ 35345 и 35346 на имя Психологиче- скаго Общества)	3.584 р. 46 к.
На текущ. сч. И. Д. Юнкера и К ^о 587 » 65 »	
У казначея Общества	<u>46 » 03 »</u> 4.218 р. 14 к.
Изъ нихъ капиталъ преміи Д. А. Столыпной (вкладной билетъ Московскаго Учетнаго банка за № 35346) составляетъ	<u>1084 р. 46 к.</u>
Капиталъ Психологическаго Общества	<u>3.133 » 68 »</u>

На 1 января 1895 года капиталъ Психологическаго Общества значился въ суммѣ 3.482 р. 65 к. и капиталъ журнала «Вопросы Философiи и Психологiи» въ 2.224 р. 86 к., что вмѣстѣ составляло 5.707 р. 51 к., слѣдовательно общій капиталъ уменьшился къ 1 января 1896 года на 2.573 р. 83 к. и составляетъ 3.133 р. 68 коп., изъ которыхъ слѣдуетъ уплатить за бумагу 2183 р. 24 к.

Казначей Психологическаго Общества

Н. А. Абрикосовъ.

Списокъ членовъ Психологическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по 1-е марта 1896 года.

Почетные члены:

1. Троицкій, Матвѣй Михайловичъ (членъ-учредитель).
2. Легонинъ, Викторъ Алексѣевичъ (членъ-учредитель).
3. Козловъ, Алексѣй Александровичъ.
4. Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ.
5. Стѣеновъ, Иванъ Михайловичъ.
6. Чичеринъ, Борисъ Николаевичъ.
7. Кожевниковъ, Алексѣй Яковлевичъ (членъ-учредитель).
8. Толстой, гр. Левъ Николаевичъ.
9. Бэнъ, Александръ (Англія).
10. Вундтъ, Вильгельмъ (Германія).
11. Гартманъ, Эдуардъ ф. (Германія).
12. Дю-Буа-Реймонъ, Эмиль (Германія).
13. Рибо, Томасъ (Франція).
14. Рише, Шарль (Франція).
15. Сэдживинъ, Генри (Англія).
16. Целлеръ, Эдуардъ (Германія).

Члены-учредители:

17. Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ.	}	Профессора Московскаго Университета.
18. Богдановъ, Анатолій Петровичъ.		
19. Бугаевъ, Николай Васильевичъ.		
20. Звѣревъ, Николай Андреевичъ.		
21. Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ.	}	Профессора Москов. Унив.
22. Колоколовъ, Георгій Евграфовичъ.		
23. Миллеръ, Всеволодъ Ѳеодоровичъ.		
24. Муромцевъ, Сергѣй Андреевичъ.	}	Профессора Московскаго Университета.
25. Стороженко, Николай Ильичъ.		
26. Фортунатовъ, Филиппъ Ѳеодоровичъ.		
27. Чупровъ, Александръ Ивановичъ.		

Дѣйствительные члены:

28. Абрикосовъ, Алексѣй Алексѣевичъ.
29. Абрикосовъ, Николай Алексѣевичъ.

30. Адольфъ, Андрей Викентьевичъ, препод. гимназіи.
31. Айхенвальдъ, Юлій Исаевичъ.
32. Баженовъ, Николай Николаевичъ, психіатръ.
33. Бартеневъ, Юрій Петровичъ.
34. Басистовъ, Алексѣй Павловичъ.
35. Безобразова, Марья Владиміровна, д-ръ филос. Бернскаго Универс.
36. Безобразовъ, Павелъ Владиміровичъ.
37. Бернштейнъ, Александръ Николаевичъ, психіатръ.
38. Боборыкинъ, Петръ Дмитріевичъ, писатель.
39. Бобровъ, Евгений Александровичъ, и. д. э. о. пр. Юрьев. Унив.
40. Боголѣповъ, Николай Павловичъ, попеч. Моск. учебн. окр.
41. Боткинъ, Яковъ Алексѣевичъ, психіатръ.
42. Брунъ, Михаилъ Исакиевичъ, прис. повѣр.
43. Брюхатовъ, Левъ Дмитріевичъ.
44. Буцке, Викторъ Романовичъ, психіатръ.
45. Быковскій, Константинъ Михайловичъ, академикъ архитек.
46. Бѣлнинъ, Алексѣй Сергѣевичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
47. Вагнеръ, Владиміръ Александровичъ, магистръ зоологіи.
48. Введенскій, Александръ Ивановичъ, проф. С.-Пб. Унив.
49. Введенскій, Алексѣй Ивановичъ, доц. Моск. Дух. Акад.
50. Вентцель, Константинъ Николаевичъ.
51. Веселовскій, Алексѣй Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
52. Викторскій, Сергѣй Ивановичъ, прив.-доц. Московскаго Универс.
53. Виноградовъ, Павелъ Гавриловичъ, проф. Моск. Унив.
54. Вульфертъ, Антонъ Карловичъ, проф. Демидовскаго лицея.
55. Вырубовъ, Григорій Николаевичъ, писатель.
56. Гамбаровъ, Юрій Степановичъ, проф. Моск. Унив.
57. Герасимовъ, Осипъ Петровичъ, препод. гимназіи.
58. Герье, Владиміръ Ивановичъ, проф. Моск. Унив.
59. Гиацинтовъ, Владиміръ Егоровичъ, препод. гимназіи.
60. Гиляровъ, Алексѣй Никитичъ, проф. Кіевскаго Унив.
61. Голицынъ, кн. Борисъ Борисовичъ, адъюнктъ Акад. Наукъ.
62. Гольцевъ, Викторъ Александровичъ, писатель.
63. Горбовъ, Николай Михайловичъ.
64. Горская, Зинаида Степановна, психіатръ.
65. Гротъ, Николай Яковлевичъ, проф. Моск. Унив.
66. Данилевскій, Василій Яковлевичъ, проф. Харьк. Унив.

67. Де-Роберти, Евгений Валентинович, писатель.
68. Дерюжинский, Владимиръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьевск. Унив.
69. Дриль, Дмитрій Андреевичъ, д-ръ уголовного права.
70. Дурдуфи, Григорій Николаевичъ, докт. мед.
71. Елеонскій, Николай Александровичъ, свящ., проф. Моск. Ун.
72. Ефименно, Александра Яковлевна.
73. Жуковский, Николай Егоровичъ, проф. Моск. Унив.
74. Зеленогорскій, Ѳедоръ Александровичъ, проф. Харьк. Унив.
75. Зерновъ, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
76. Зографъ, Николай Юрьевичъ, проф. Моск. Унив.
77. Ивановскій, Владимиръ Николаевичъ.
78. Иванцовъ, Николай Александровичъ, пр.-доц. Моск. Унив.
79. Иванюковъ, Иванъ Ивановичъ.
80. Казанскій, Александръ Павловичъ, пр.-доц. Новорос. Унив.
81. Каленовъ, Петръ Александровичъ, препод. гимназіи.
82. Камаровскій, гр. Леонидъ Алексѣевичъ, проф. Моск. Унив.
83. Капнистъ, гр. Павелъ Алексѣевичъ.
84. Каринскій, Михаилъ Ивановичъ.
85. Карѣвъ, Николай Ивановичъ, проф. С.-Петербур. Универс.
86. Ключевскій, Василій Осиповичъ, проф. Моск. Унив.
87. Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ, проф. Новорос. Универс.
88. Колубовскій, Яковъ Николаевичъ.
89. Конисси, Даниилъ Павловичъ.
90. Корелинъ, Михаилъ Сергѣевичъ, проф. Моск. Унив.
91. Корниловъ, Александръ Александровичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
92. Коробкинъ, Ѳедоръ Семеновичъ, препод. гимназіи.
93. Корсаковъ, Сергѣй Сергѣевичъ, проф. Моск. Унив.
94. Коршъ, Ѳедоръ Евгениевичъ, проф. Моск. Унив.
95. Ланге, Николай Николаевичъ, проф. Новорос. Унив.
96. Ланнъ, Фердинандъ, писатель.
97. Леонова, Ольга Васильевна, врачъ.
98. Лесевичъ, Владимиръ Викторовичъ, писатель.
99. Лопатинъ, Левъ Михайловичъ, проф. Моск. Унив.
100. Лютославскій, Вик. Франц., прив.-доц. Казан. Унив.
101. Мальшинъ, Александръ Ивановичъ, психіатръ.
102. Мамуна, гр. Иванъ Андреевичъ, врачъ.
103. Масаринъ, Ѳома Осиповичъ, проф. Чешскаго Ун. въ Прагѣ.

104. Мензбирь, Михаилъ Александровичъ, проф. Моск. Унив.
105. Милюковъ, Павелъ Николаевичъ.
106. Минцловъ, Рудольфъ Рудольфовичъ, прис. пов.
107. Митрофановъ, Павелъ Ильичъ.
108. Михайловскій, Николай Константиновичъ, писатель.
109. Михайловскій, Викторъ Михайловичъ, пр.-доц. Моск. Унив.
110. Млодзѣвскій, Болеславъ Корнеліевичъ, проф. Моск. Унив.
111. Мокіевскій, Павелъ Васильевичъ, докт. мед.
112. Мороховець, Левъ Захаровичъ, проф. Моск. Унив.
113. Некрасовъ, Павелъ Алексѣевичъ, рект. Моск. Унив.
114. Немировичъ-Данченко, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
115. Оболенскій, Леонидъ Егоровичъ, писатель.
116. Огневъ, Иванъ Флоровичъ, проф. Моск. Унив.
117. Охоровичъ, Юліанъ, д-ръ.
118. Павловъ, Алексѣй Степановичъ, проф. Моск. Унив.
119. Петровскій, Александръ Григорьевичъ, врачъ.
120. Плевако, Ѳедоръ Никифоровичъ, прис. пов.
121. Поливановъ, Левъ Ивановичъ, директоръ гимназіи.
122. Поспѣховъ, Дмитрій Васильевичъ, проф. Кіевск. Дух. Акад.
123. Постовскій, Николай Павловичъ, психіатръ.
124. Преображенскій, Василій Петровичъ.
125. Преображенскій, Петръ Васильевичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
126. Радловъ, Эрнестъ Львовичъ, библиотеч. Импер. Публ. библиот.
127. Рачинскій, Григорій Алексѣевичъ.
128. Ржондновскій, Николай Ивановичъ.
129. Россолимо, Григорій Ивановичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
130. Ротъ, Владиміръ Карловичъ, проф. Моск. Унив.
131. Рузскій, Николай Виттовичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
132. Рутковскій, Л. В., прив. доц. С.-Петербур. Универс.
133. Савей-Могилевичъ, Ѳедоръ Андреевичъ, психіатръ.
134. Сербскій, Владиміръ Петровичъ, прив. доц. Моск. Унив.
135. Серджи, Джіованни, проф. антропологіи въ Римѣ.
136. Сморскій, И. А., проф. Кіев. Унив.
137. Смирновъ, Аполлонъ Ивановичъ, проф. Казан. Унив.
138. Смирновъ, Ѳедоръ Александровичъ, препод. гимн.
139. Соболевскій, Василій Михайловичъ, редакторъ Русск. Вѣдом.
140. Сокольскій, Иванъ Петровичъ, проф. Харьк. Унив.
141. Соколовъ, Павелъ Петровичъ, проф. Моск. Дух. Акад.
142. Столѣтовъ, Александръ Григорьевичъ, проф. Моск. Унив.

143. Струве, Генрихъ Егоровичъ, проф. Варшав. Унив.
144. Сухановъ, Сергѣй Алексѣевичъ, психіатръ.
145. Танѣвъ, Владиміръ Ивановичъ, прис. пов.
146. Тимирязевъ, Клементій Аркадьевичъ, проф. Моск. Унив.
147. Тимковскій, Николай Ивановичъ, писатель.
148. Тонарскій, Ардаліонъ Ардаліоновичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
149. Трубецкой, кн. Евгенийъ Николаевичъ, проф. Кіев. Унив.
150. Трубецкой, кн. Сергѣй Николаевичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
151. Уляницкій, Владиміръ Антоновичъ, прив.-доц. Моск. Унив.
152. Успенскій, Сергѣй Николаевичъ, психіатръ.
153. Умовъ, Николай Алексѣевичъ, проф. Моск. Унив.
154. Фаворскій, Андрей Евграфовичъ, прис. пов.
155. Филипповъ, Александръ Никитичъ, проф. Юрьевск. Унив.
156. Фонъ-Тешъ, Павелъ Павловичъ, докт. медиц.
157. Фонъ-Штейнъ, Станиславъ Ѳедоровичъ, прив.-доц. Моск. Ун.
158. Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ, проф. Моск. Унив.
159. Цертелевъ, кн. Дмитрій Николаевичъ, д-ръ философіи.
160. Цингеръ, Василій Яковлевичъ, проф. Моск. Унив.
161. Челпановъ, Егоръ Ивановичъ, прив.-доц. Кіев. Унив.
162. Чижъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьев. Унив.
163. Шварцъ, Александръ Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
164. Шервинскій, Василій Дмитріевичъ, проф. Моск. Унив.
165. Шишкинъ, Николай Ивановичъ, препод. гимн.
166. Шмидтъ, Евгенийъ Александровичъ, препод. инст.
167. Штейнъ, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
168. Эртель, Александръ Ивановичъ, писатель.
169. Якоби, Павелъ Ивановичъ, психіатръ.
170. Ярковскій, Иванъ Осиповичъ, инженеръ-технологъ.

Члены-соревнователи:

171. Абрикосова, Марья Филипповна.
172. Абрикосова, Глафира Алексѣевна.
173. Абрикосовъ, Александръ Алексѣевичъ.
174. Алябьевъ, Александръ Александровичъ.
175. Андреева, Александра Алексѣевна.
176. Бобровъ, А. Н.

177. Брюхатовъ, А. Дмитріевичъ.
178. Ганненфельдъ, Александръ Павловичъ.
179. Глики, Юлія Ивановна.
180. Гольденвейзеръ, Моисей Соломоновичъ.
181. Гончарова, Анна Сергѣевна.
182. Долгинцевъ, Василій Ѳедоровичъ.
183. Дроздовъ, Александръ Васильевичъ.
184. Кандауровъ, Дмитрій Петровичъ.
185. Колобашкинъ, Николай Николаевичъ.
186. Лазаревъ, Иванъ Ѳедоровичъ.
187. Любенкова, Юлія Львовна.
188. Львовъ, кн. Д. П.
189. Мазаровичъ, Николай Ивановичъ.
190. Маклакова, Лидія Филипповна.
191. Малининъ, Александръ Александровичъ.
192. Мальковская, Софья Александровна.
193. Мамонтовъ, Михаилъ Анатоліевичъ.
194. Мамонтовъ, Анатолій Ивановичъ.
195. Новожиловъ, Иванъ Михайловичъ.
196. Павловъ, Александръ Владиміровичъ.
197. Петрункевичъ, А. С.
198. Погожева, Анна Васильевна.
199. Панафидинъ, С. В.
200. Рачинскій, Николай Петровичъ.
201. Ремезовъ, Иванъ Дмитріевичъ.
202. Ржаницынъ, Алексѣй Руфовичъ.
203. Ржевскій, Владиміръ Алексѣевичъ.
204. Сахаровъ, Иванъ Николаевичъ, прис. повѣр.
205. Свентицкая, Марья Хрисанфовна.
206. Селивачевъ, Ѳедоръ Дмитріевичъ.
207. Столповскій, Петръ Адамовичъ.
208. Стриковъ, Сергѣй Владиміровичъ.
209. Угримова, Марья Павловна.
210. Угримовъ, Иванъ Александровичъ.
211. Фаминскій, Василій Неофитовичъ.
212. Ходoley, Н. Ю.
213. Шахъ-Назаровъ, Семень Григорьевичъ, врачъ.
214. Шеншинъ, Владиміръ Васильевичъ.
215. Ясаковъ, Тимоѳей Архиповичъ.

Члены-корреспонденты:

216. Гелеръ фонъ Равенбургъ, предс. Берлин. Психол. Общ.
 217. Мансъ Дессуаръ, секретарь того же Общества.
 218. А. Байерсдерферъ, предс. Мюнхен. Психол. Общества.
 219. Шренкъ фонъ Нотцингъ, секретарь того же Общества.
 220. Левицкій, И. Н.
 221. Демновъ, М. И.
 222. Гартвигъ, Андрей Ѳедоровичъ, препод. исторіи.

Примѣчаніе. Членскіе взносы принимаются въ конторѣ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», а во время засѣданій въ залѣ засѣданія бухгалтеромъ конторы. Иногороднихъ членовъ просятъ адресовать свои взносы въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», на имя казначея Общества Николая Алексѣевича Абрикосова. Взносъ для дѣйств. чл. 5 р., а для членовъ-соревнователей 10 р. въ годъ. Совѣтъ Общества обращаетъ вниманіе гг. членовъ Общества на § 9 Устава.

CLXIII. Изложеніе преній по реферату Ц. П. Балталона: „Чувство сходства, какъ источникъ эстетической эмоціи и красоты“.

Т Е З И С Ы.**Часть I. Анализъ эстетической эмоціи.****Общія положенія.**

1. Эстетическая эмоція принадлежитъ къ классу чувствованій, опредѣляемыхъ какъ субъективная оцѣнка отношеній физическихъ и психическихъ состояній организма; подобно другимъ чувствованиямъ, эстетическая эмоція обладаетъ способностью объединенія сознанія и возбужденія воли.

2. Эстетическая эмоція выдѣляется изъ группы чувствованій своею связью съ воспріятіями органовъ движенія, зрѣнія и слуха и характеризуется утонченностью и сложностью своей природы, легкостью воспроизведенія въ памяти и умѣренной интенсивностью внѣшняго выраженія.

3. Эстетическая эмоція есть *усиленное чувство сходства*, возбуждаемое сочетаніемъ сходственныхъ ощущеній и представленій.

4. Чувство сходства усиливается повтореніемъ вызывающихъ его элементовъ и сопутствующимъ ему чувствомъ различія; поэтому интенсивность эстетической эмоціи зависитъ отъ количества, силы и живости одновременно воспринимаемыхъ сходствъ, достаточно оттъенныхъ различіями.

5. Антецедентами эстетическаго удовольствія могутъ быть всѣ явленія психической жизни, реальныя и идеальныя, простыя и сложныя, пріятнаго и непріятнаго качества, какъ только эти явленія оказываются способными стать другъ къ другу въ отношенія усиленнаго, сосредоточеннаго сходства или, говоря иначе, принять форму эстетическаго ритма.

6. На низшихъ ступеняхъ душевнаго развитія чувство сходства — явленіе эмоціональное — и пониманіе тождества — явленіе интеллектуальное — сливаются между собою въ актѣ узнаванія; но исходя изъ одного принципа (закона сходства), эти два фактора психической жизни развиваются самостоятельно: а) усиленное чувство сходства, поражая эстетическую дѣятельность, *концентрируетъ* массу сходствъ въ произведеніяхъ искусства; б) пониманіе сходства, путемъ его *изолированія* и *отвлеченія*, приводитъ мысль къ открытію обширныхъ тождествъ, называемыхъ законами природы или выводами науки.

7. Сочетаніемъ сходственныхъ ощущеній движенія (мышечныхъ и иннервационныхъ ощущеній) объясняется эстетическое удовольствіе, доставляемое какъ выполненіемъ, такъ и воспріятіемъ красивыхъ движеній, линій и формъ.

8. Сочетаніемъ сходственныхъ звуковыхъ ощущеній объясняется эстетическое удовольствіе, доставляемое музыкальнымъ звукомъ, тѣмбромъ, ритмомъ, мелодіей и гармоніей.

9. Въ сочетаніи сходственныхъ свѣтовыхъ и цвѣтовыхъ ощущеній слѣдуетъ искать объясненія эстетическаго удовольствія, доставляемаго цвѣтовой окраской предметовъ, въ тѣсной связи съ ихъ пространственною формою.

10. Подчиняясь общему закону осложненія чувствованій, эстетическая эмоція осложняется двумя путями: путемъ слиянія со своими антецедентами (ощущеніями и представленіями) и путемъ слиянія съ однородными и разнородными чувствованіями.

Изъ второй части.

Приложеніе анализа къ теоріи искусствъ.

КЛАССИФИКАЦІЯ ИСКУССТВЪ,

основанная на анализѣ эстетической эмоціи, какъ усиленнаго чувства сходства.

Съ точки зрѣнія внутренняго опыта.	Съ точки зрѣнія вѣшняго опыта.	
Эстетическая эмоція	К р а с о т а	
въ сознаніи.	въ природѣ,	въ искусствѣ.
Возбуждаемая сочетаніемъ: I.	состоящая въ сочетаніяхъ.	I.
Сходственныхъ ощущеній и представленій: а) двигательныхъ. б) слуховыхъ. в) зрительныхъ.	сходственныхъ движеній, линій, формъ, звуковъ, эффектовъ свѣта.	1) танцы. 2) орнаментика. 3) архитектура. 4) скульптура. 5) музыка. 6) живопись. 7) сценическое искусство.
II.		II.
Сходственныхъ представленій.		8) поэзія.

А. А. Токарскій сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія: Я присоединяюсь къ Вамъ, Ц. П., по поводу многихъ вѣрныхъ положеній, высказанныхъ въ Вашемъ рефератѣ относительно образованія эстетической эмоціи, но я не могу не внести въ нихъ довольно важныхъ поправокъ. Для Васъ эстетическая эмоція и красота всецѣло являются продуктомъ ощущеній сходства, я же утвер-

жду, что сходство служитъ только *однимъ изъ условій* для возникновенія эстетической эмоціи, но далеко не ея источникомъ. Я не постигаю, кромѣ того, Вашего термина «эмоція сродства»: я полагаю, что такой эмоціи нѣтъ, а есть только *воспріятіе сродства*, которое можетъ сопровождаться, но можетъ и не сопровождаться извѣстнаго рода эмоціей. Вы останавливаетесь на элементарномъ примѣрѣ изъ области звуковъ; Вы говорите: тонъ всегда производилъ музыкальное впечатлѣніе на человѣчество потому, что онъ состоитъ изъ однородныхъ, сродственныхъ элементовъ, изъ ритмическихъ колебаній. Но вѣдь, какъ Вы сами замѣтили, такой составъ тона обнаруженъ лишь недавно, путемъ науки, — значить, раньше этого момента *сродства* не знали, *не ощущали*. Ничто не даетъ Вамъ права заключать, что въ данномъ случаѣ сродство, т. е. правильное чередованіе однородныхъ моментовъ тона, является единственною причиною музыкальности или эстетичности послѣдняго. Обратите вниманіе на то, что въ элементарныхъ эстетическихъ явленіяхъ сродство не ощущается, а въ болѣе сложныхъ ярко воспринимаемое сродство можетъ породить не удовольствіе, а страданіе, отвращеніе, т. е. результатъ, прямо противоположный эстетическому. Я признаю, что сродство есть одно изъ условій возникновенія эстетической эмоціи, но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго или необычнаго, такъ какъ воспріятія сродства и различія проникаютъ *всю* психическую жизнь, сопровождаютъ *всю* ея процессы, а потому, конечно, и эстетическіе. На-ряду съ подчеркиваемымъ въ Вашемъ рефератѣ моментомъ сродства я выставляю другой, не менѣе, если не болѣе, сильный моментъ различія. Вспомните, что именно повтореніе, привычка, т. е. принципъ сродства, приводятъ, наконецъ, къ тому, что только *различіе* въ состояніи вызывать эстетическую эмоцію. Вспомните то указываемое всѣми антропологами явленіе, что дикіе народы, осуществляя свой идеаль красоты, стараются характерный признакъ своей расы гипертрофировать, преувеличить, довести его до состоянія различія; бушмены, наприм., втыкаютъ въ свою и безъ того огромную губу деревянныя «украшенія», для того чтобъ она еще болѣе увеличилась. То же и у цивилизованныхъ народовъ; знаменитый классическій носъ римлянъ, на самомъ дѣлѣ, есть только преувеличеніе національной особенности, т. е. опять-таки здѣсь сказывается стремленіе къ различію, какъ виновнику эстетической

эмоціи. Художественныя произведенія, въ свою очередь, тоже заботятся о преувеличеніи типическихъ чертъ предмета. Я обращаю Ваше вниманіе и на то, что въ звуковой области мы находимъ тоны и не-тоны, и послѣдніе, т.-е. неправильныя звуковыя сочетанія, также могутъ производить эстетическое впечатлѣніе,—слѣдоват., сходство не обязательно. Далѣе, если мы изъ области звуковъ войдемъ въ область цвѣтовъ, то мы замѣтимъ, что цвѣта различной интенсивности производятъ на насъ разное впечатлѣніе; предположимъ, наприм., что извѣстный цвѣтъ мнѣ пріятенъ,—что же, долженъ ли я искать причины этой пріятности въ составѣ этого цвѣта, долженъ ли я расчленять его и комбинировать цвѣтотыя волны? Какъ, наконецъ, съ точки зрѣнія усиленнаго сходства, предлагаемой Вами, объяснить, что одно и то же явленіе иногда кажется красивымъ, иногда нѣтъ? Вы, вообще, при разсмотрѣніи эстетической эмоціи игнорируете внутреннее настроеніе субъекта. Человѣкъ гораздо чаще переноситъ на внѣшній міръ свое созданіе, чѣмъ воспринимаетъ этотъ міръ пассивно, и воспринимаетъ онъ часто не реальность, а иллюзію; извѣстно, что влюбленному его предметъ кажется самымъ красивымъ на свѣтѣ. Въ анализѣ эстетическаго чувства нельзя указывать только на одинъ изъ его элементовъ, какъ это сдѣлали Вы; вотъ почему Вашихъ данныхъ достаточно для частныхъ примѣненій, но не для общаго правила; нельзя придавать воспріятію сходства такого рѣшительнаго значенія.

На эти замѣчанія *Ц. П. Балталонъ* возразилъ: Я считаю правильнымъ свой методъ, въ силу котораго я отъ факта, что человечество издавна оцѣнило ритмъ музыкальнаго тона, иду къ анализу этого явленія; я ставлю вопросъ: какое условіе заставляло человѣка испытывать удовольствіе при звучаніи тона? Наука отвѣчаетъ мнѣ на этотъ вопросъ, уясняя различіе между музыкальнымъ и немзыкальнымъ тонами. Ваше указаніе, далѣе, на бушменовъ и другіе народы, кажется мнѣ, только подтверждаетъ мою теорію. Органическая красота очень условна, и негру красавцемъ кажется негръ, малайцу — малаецъ. Отчего?—Именно оттого, что здѣсь дѣйствуетъ эмоція сходства; то лицо кажется красивымъ, которое сходно съ массой остальныхъ лицъ. И то стремленіе преувеличивать, на которомъ Вы настаиваете,—не указываетъ ли оно на желаніе подчеркнуть и усилить черту, общую всему племени, т.-е. черту сходства? Въ этомъ усиленіи

и концентрированіи момента сходства и заключается причина эстетической эмоции. Припомните, что истинный художникъ сосредоточиваетъ въ своемъ произведеніи какъ можно больше сходственныхъ признаковъ, выдѣляетъ и сгущаетъ ихъ. По поводу Вашего экскурса въ цвѣтовую область я долженъ замѣтить, что изслѣдованіе цвѣтовъ очень затруднительно, ибо мѣра ихъ опредѣляется милліонами колебаній цвѣтовыхъ волнъ. Но еслибъ это изслѣдованіе было возможно, мы, по всей вѣроятности, пришли бы къ тому же выводу, что и въ области звуковъ, — мы тоже нашли бы въ каждомъ данномъ цвѣтѣ извѣстную ритмичность. Наконецъ, цвѣта тогда только производятъ значительное эстетическое впечатлѣніе, когда они вступаютъ въ связь съ какими-нибудь фигурами или формами, образуютъ орнаментъ, т.-е. когда они представляютъ собою ритмъ. Вы, думается мнѣ, упустили изъ виду, что я говорю не о простомъ сходствѣ, какъ источникѣ эстетическ. эмоции, а о сходствѣ *сосредоточенномъ, усиленномъ*, и что условіемъ эстетическомъ впечатлѣнія непременно должна быть *членораздѣльность* ощущений; смутныя ощущенія не вызываютъ эстетической эмоции. Обыденное сходство, всегда наблюдаемое нами, насъ не волнуетъ, потому что оно простое, а не усиленное. Дѣти на зарѣ своей жизни очень чувствительны ко всякому сходству; когда ребенокъ видитъ во второй разъ, наприм., корову, собаку, онъ очень волнуется, приглашаетъ взрослыхъ раздѣлить его радость и вообще испытываетъ сильную эмоцію. Когда же сила привычки и интеллектуальность увеличиваются, для волненій необходимы уже новыя сходства, сосредоточенныя.

П. А. Каленовъ замѣтилъ: Я убѣжденъ, что чувства сходства далеко не достаточно для объясненія эстетической эмоции и вмѣсто него я предлагаю для такого объясненія—чувство *строй*. Эстет. эмоція возбуждается тогда, когда мы въ предметахъ усматриваемъ строй, а не простое сходство; я понимаю подъ строемъ *единный принципъ, обнимающій множество частей*. Съ Вашей точки зрѣнія непонятно, почему Вы обоняніе и вкусъ отдѣлили отъ зрѣнія и слуха, какъ не способные вызывать эстетическую эмоцію: вѣдь обоняніе и вкусъ тоже могутъ возбуждать рядъ повторяющихся сходственныхъ ощущений, которыя однако не даютъ эстетическаго эффекта. Ваша теорія не разрѣшаетъ этого недоумѣнія, моей же объясняется, почему только нашъ глазъ и наше ухо въ состоя-

ни воспринимать *строй* вещей. Эстетическая эмоція тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ, такъ сказать, *могущественнѣе* строй. Въ геометрической фигурѣ этотъ строй производитъ болѣе слабое впечатлѣніе, чѣмъ въ фигурѣ снѣжинки, и самый могущественный строй—это міровой, который вы воспринимаете, любуясь, наприм., величественнымъ зрѣлищемъ звѣзднаго неба. При созерцаніи такихъ грандіозныхъ явленій, обнаруживающихъ всеобъемлющій міровой строй, какую роль можетъ играть усмотрѣніе сходства? Кромѣ того, рассматривая природу эстетической эмоціи, Вы забыли объ одномъ важномъ психологическомъ условіи этой эмоціи—объ ея *безкорыстїи*. Эмоціи не будетъ, если мы не отрѣшимся отъ нашихъ эгоистическихъ интересовъ, и чѣмъ сильнѣе это отрѣшеніе, тѣмъ интенсивнѣе будетъ эмоція. Наконецъ, я не понимаю, почему Вы къ органамъ, содѣйствующимъ появленію эстет. эмоціи, присоединяете руки и ноги, почему Вы считаете движенія способными возбуждать чувство красоты.

Ц. П. Балталонъ объяснилъ: Я не употребилъ предлагаемаго Вами термина *строй* потому, что, при всемъ его удобствѣ, нельзя связать принципъ строя съ какимъ-нибудь психологическимъ явленіемъ; онъ неуловимъ для психологіи и совершенно неясно, слѣдуетъ ли относить сознание строя къ эмоциональной или къ интеллектуальной области. Обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущенийъ я не признаю эстетическими отъ того, что для сосредоточеннаго сходства, какъ источника эстетической эмоціи и красоты, необходимъ членораздѣльный рядъ ощущенийъ, которыя къ тому же должны быть сравнимаемы,—иначе нѣтъ примѣненія чувству сходства и различія. Кромѣ того, ощущения, для возможности эстетическаго эффекта, должны легко и непринужденно воспроизводиться въ нашемъ сознаніи и памяти, чего нельзя сказать о вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущенияхъ, которыя съ трудомъ воскресаютъ въ памяти и слабо связаны съ актами движенія и которыхъ нельзя связывать въ прочный ритмическій рядъ, какъ это выяснили попытки, оставшіяся неудачными.

П. А. Каленовъ: По - моему, нѣтъ ничего легче, какъ запомнить вкусовые ощущения и даже составлять изъ нихъ ритмическій рядъ, наприм., изъ періодически повторяющихся вкусовыхъ ощущенийъ лимона и сахара.

Ц. П. Балталонъ: Я остановлюсь, далѣе, на Вашемъ примѣрѣ звѣзднаго неба. Оно поэтично и возбуждаетъ волненіе, но это

волненіе не чисто-эстетическаго характера, такъ какъ на насъ дѣйствуютъ въ данномъ случаѣ величіе, безконечность, возвышенность созерцаемаго.

Н. Я. Гротъ: Чувство высокаго есть чувство эстетическое.

Ц. П. Балталонъ: Я это отрицаю: чувство высокаго порождается страхомъ.

П. А. Каленовъ: Вы забываете, Ц. П., шиллеровское дѣленіе красоты на архитектурическую и высокую.

Л. М. Лопатинъ возразилъ слѣдующее: Я нахожу, Ц. П., въ Вашемъ рефератѣ не все яснымъ и принципиально не соглашаюсь съ Вашимъ стремленіемъ поставить чувство сходства во главѣ объясненія эстетической эмоціи. А. А. Токарьскій совершенно правъ, что воспріятіе сходства замѣшано всюду, и поэтому, констатируя сходство, мы еще ровно ничего не объясняемъ: вѣдь въ изслѣдуемой области надо указать именно ея *специфическія* черты, а не общія ей съ другими областями. Кромѣ того, понятіе сходства слишкомъ неопредѣленно и широко; мнѣ кажется, что главнымъ недостаткомъ ассоціативной психологіи является какъ разъ то, что ея важнѣйшій законъ—законъ сходства—отличается неясностью, ибо онъ на-лицо во всякомъ сцѣпленіи явленій. Вы увеличиваете затрудненіе тѣмъ, что обращаете сознание сходства въ эмоцію,—это несостоятельно: сходство можетъ вызывать самыя разнообразныя и противоположныя эмоціи, а вовсе не непременно эстетическую. Почему же Вы придаете сходству такое исключительное значеніе? Въ такъ-называемомъ дерганіи (нытьи) зуба есть ритмичность, есть усиленное чувство сходства, но нѣтъ ничего эстетическаго, а по-Вашему выходитъ, что стоитъ только явиться чувству сходства, какъ сейчасъ же получается эстетическое впечатлѣніе. Мнѣ кажется, П. А. Каленовъ гораздо ближе къ правдѣ. Если обозначить эстетически-прекрасное единствомъ въ разнообразіи, то здѣсь лучше, нежели у Васъ, подчеркнуты моменты и сходства, и различія. Что различіе очень часто сильнѣе сходства, какъ источникъ красоты, доказываютъ слѣдующіе примѣры. Если мы широкую одноцветную полосу раздѣлимъ на одинаковомъ разстояніи одна отъ другой прямыми линіями, то получится рядъ зрительныхъ впечатлѣній, который въ эстетическомъ отношеніи будетъ слабѣе, чѣмъ если бы мы равныя части полосы окрасили въ различныя цвѣта. Если вертикальную линію пересѣчь по самой срединѣ го-

горизонтальной, то эстетическое впечатлѣніе будетъ умѣренное, хотя по Вашей теоріи оно должно было бы быть наиболѣе сильнымъ, такъ какъ мы здѣсь имѣли бы полное сходство частей; въ дѣйствительности же самый значительный эстетическій результатъ будетъ тогда, если по правиламъ золотого сѣченія провести горизонтальную линію выше середины вертикальной. Я не говорю уже о томъ, что всѣ сложныя эстетическія явленія совершенно не поддаются объясненію путемъ Вашей теоріи. Какова будетъ роль чувства сходства при эстетическомъ впечатлѣніи, производимомъ поэзіей, наприм., трагедіей?

Ц. П. Балталонъ: Я думаю, что выставляемый мною для объясненія эстетической эмоціи принципъ сходства, вслѣдствіе его широты и примѣнимости къ разнообразнымъ явленіямъ, вполне состоятеленъ. Широта такого принципа неизбежна и не является недостаткомъ тамъ, гдѣ желательно найти объединяющій принципъ для красоты въ природѣ и искусствѣ; всякій принципъ, служащій основаніемъ теоріи, долженъ быть широкъ. Я не согласенъ съ Вами, что принципъ сходства страдаетъ неопредѣленностью: сходство ясно и какъ научный терминъ, и какъ состояніе, извѣстное всякому изъ самонаблюденія. По поводу Вашего примѣра съ ноющимъ зубомъ я долженъ замѣтить, что если и допустить ритмичность нытья (а это сомнительно), то вѣдь эстетическая эмоція рѣдко является одна, безъ осложненія другими эмоціональными явленіями, и въ данномъ случаѣ она *замушивается, парализуется* болевымъ ощущеніемъ. Колющія фигуры, наприм., трехъугольникъ, именно потому менѣе пріятны, чѣмъ круглыя, что онѣ при воспріятіи требуютъ дѣятельности мышцъ, вызывающей утомленіе. Но стоитъ только эти непріятныя фигуры повторить много разъ, нѣсколько скрывъ ихъ колющія части, наприм. составить колесо изъ трехъугольниковъ, какъ сейчасъ же эстетическое впечатлѣніе будетъ сильнѣе, пріятнѣе. На Вашъ примѣръ съ одноцвѣтною полосой я отвѣчу, что пестрота большинству не нравится и что это вопросъ, во всякомъ случаѣ, очень спорный. А что касается Вашего замѣчанія о трагедіи, то мнѣ кажется, что нигдѣ защищаемый мною принципъ сходства не имѣетъ такого благодарнаго примѣненія, какъ именно въ этой области. Въ произведеніяхъ поэзіи мы цѣнимъ, во-первыхъ, типичность, т.-е. то, въ основѣ чего лежитъ сходство, а во-вторыхъ—индивидуальность, т.-е. сходство, отгнѣненное различіемъ.

И какъ некрасивыя фигуры при повтореніи въ ритмѣ становятся красивыми, такъ и отрицательныя явленія жизни въ поэзіи дѣлаются прекрасными, потому что они напоминаютъ цѣлый рядъ знакомыхъ, сходныхъ образовъ.

Л. М. Лопатинъ: Ваше признаніе, что принципъ сходства чрезвычайно широкъ и всеобъемлющъ, является осужденіемъ Вашей теоріи, такъ какъ онъ не выясняетъ особенностей эстетическихъ явленій. Типичность нельзя отождествлять съ сходствомъ, и отъ художественнаго произведенія мы едва ли не прежде всего требуемъ разнообразія, различія. Съ Вашей точки зрѣнія, идеальнымъ произведеніемъ искусства должна быть фотографія. Въ каждомъ художественномъ твореніи заключается многообразіе, правильно объединенное. Мой примѣръ съ нитьемъ зуба доказываетъ, что въ опредѣленіе эстетической эмоціи необходимо ввести такіе признаки, какъ легкость, безболѣзненность, безкорыстіе, т.-е. то, что Вами совершенно не указано ради все покрывающаго у Васъ принципа сходства.

Ц. П. Балталонъ: Единство въ разнообразіи по существу однородно съ моимъ принципомъ сходства, но въ то время какъ Ваша формула имѣетъ характеръ рационалистическій, — моя указываетъ на эмоціональную природу эстетическаго впечатлѣнія.

Н. Я. Гротъ: Я присоединяюсь къ сдѣланнымъ Вамъ, Ц. П., возраженіямъ и думаю, что Вы невѣрно оцѣниваете значеніе момента сходства въ эстетической эмоціи. Есть разница въ удовольствіи отъ ощущенія различныхъ цвѣтовъ: красный нравится больше чернаго, одни цвѣтовые сочетанія пріятнѣе другихъ (бѣлое и черное, красное и зеленое, въ противоположность бѣлому и желтому), — неужели эту разницу въ эстетическихъ эффектахъ Вы объясняете сходствомъ? Ваша коренная ошибка та, что Вы не изслѣдовали эстетической эмоціи, какъ *удовольствія*, какъ одного изъ видовъ *наслажденія*. Еслибы Вы это сдѣлали, Вы бы увидѣли, что и различіе играетъ въ эмоціи красоты большую роль, что дѣло не въ сходствѣ, а въ группировкѣ сходствъ и различій, въ ихъ взаимоотношеніяхъ. Вы сослались, далѣе, на мою теорію чувствованій, но еслибы Вы шире воспользовались ею, Вы признали бы вмѣстѣ со мною, что эстетическое чувство связано со способомъ затраты энергіи, что для эстетическаго впечатлѣнія эта затрата должна быть нормальна. Послѣ утомленія сходствомъ и однообразіемъ должно наступать облегченіе,

которое дается только *различіемъ*: чѣмъ сложнѣе и многообразнѣе затрата энергіи, тѣмъ сильнѣе эстетическое впечатлѣніе. Сходство, какъ источникъ эстетическаго волненія, значить, отступаетъ на задній планъ.

Ц. П. Балталонъ: Я допускаю, что трудно показать примѣненіе принципа сходства въ иныхъ случаяхъ, и область цвѣтовъ, наприм., слишкомъ мало изслѣдована, да и, въ сущности, въ данномъ случаѣ мало интересна. Я замѣчу одно: дополнительные цвѣта производятъ пріятное впечатлѣніе потому, что каждый изъ нихъ оставляетъ по себѣ извѣстный образъ, сочетаніе котораго съ послѣдующимъ, родственнымъ, *сходнымъ* ему цвѣтомъ и даетъ эффектъ прекраснаго. Далѣе, затрата энергіи—принципъ физиологическій, а я предлагаю принципъ психологическій—субъективную оцѣнку отношеній.

А. М. Мионовъ: Самый способъ и методъ Вашего изслѣдованія, Ц. П., представляется мнѣ несостоятельнымъ. вмѣсто того, чтобъ отъ элементарныхъ явленій постепенно переходить къ все болѣе и болѣе сложнымъ, Вы остановились только на первыхъ, остановились, такъ сказать, на самомъ интересномъ мѣстѣ. Вы говорили, наприм., о геометрическихъ фигурахъ, но развѣ онѣ сами по себѣ производятъ эстетическое впечатлѣніе? Созерцаніе такихъ фигуръ даетъ самое большее—предчувствіе эстетической эмоціи. Вамъ слѣдовало брать свои примѣры изъ областей природной и художественной красоты; въ Вашихъ же примѣрахъ самое существованіе эстетической эмоціи сомнительно. Я не говорю уже о невѣрности Вашего основного принципа. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ примѣненіе вашей теоріи сходства, когда я любуюсь пейзажемъ?

Ц. П. Балталонъ: Ваши замѣчанія возбуждаютъ нѣкоторое недоумѣніе. Развѣ величественный фасадъ какого-нибудь зданія не вызываетъ эстетической эмоціи? А вѣдь рисунокъ его состоитъ изъ геометрическихъ фигуръ. Геометрическая красота, симметрія присуща всей природѣ; вы ее найдете въ каждомъ листкѣ растительнаго царства, въ каждомъ кристаллѣ. Когда же мы переходимъ къ болѣе сложнымъ эстетическимъ явленіямъ, мы должны принимать во вниманіе *высшій эстетическій ритмъ*. Пейзажъ нравится постольку, поскольку мы пережили его раньше; степень удовольствія находится въ прямомъ отношеніи къ видѣнному, наблюдаемому. Отъ портрета мы требуемъ не простого

сходства, а усиленного, сосредоточенного; мы желаемъ видѣть изображеніе замѣчательнаго человѣка не въ обыденный моментъ его жизни, а въ моментъ проявленія его типическихъ чертъ.

Н. Я. Гротъ: Но вѣдь иногда мы восторгаемся портретомъ человѣка, котораго раньше никогда не видѣли? На насъ дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ не сходство,—его мы не можемъ констатировать,—а *соответствіе* образа человѣка нашимъ представленіямъ о его нравственной или интеллектуальной личности. Точно также не сходство, а соответствіе производитъ эстетическій эффектъ въ указанномъ Вами случаѣ дополнительныхъ цвѣтовъ.

А. М. Мионовъ: Терминъ сходства у Васъ, Ц. П., не установленъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ и содержаніи, Вы его отождествляете съ ритмомъ, и въ одномъ случаѣ у Васъ указывается сходство, въ другомъ—ассоціація идей.

Ц. П. Балталонъ: Я не желаю отказываться отъ своего принципа для принципа ассоціаціи идей. Когда я, созерцая картину, испытываю художественное наслажденіе, ассоціація идей бездѣйствуетъ во мнѣ, а дѣйствуетъ эмоція сходства. Не ассоціація идей, а *только чувство* говоритъ мнѣ, что я вижу предъ собою объектъ, напоминающій мнѣ нѣчто знакомое, сходное.

Г. И. Россоминъ: Мнѣ чрезвычайно понравились общее направленіе и духъ Вашего реферата, Ц. П., и я особенно радъ, что онъ прочитанъ именно въ нашемъ обществѣ. Мысль свести эстетическую эмоцію къ элементарнымъ процессамъ, отъ эстетики перейти къ психологіи, а потомъ къ физиологіи—представляется мнѣ очень симпатичной, тѣмъ болѣе что Вы эту мысль такъ талантливо изложили. Тѣмъ не менѣе я не могу согласиться съ Вашими окончательными выводами. Говоря объ эмоціи сходства, Вы вращаетесь среди тѣхъ процессовъ, которые имѣютъ отношеніе къ двигательнымъ представленіямъ; тамъ же, гдѣ Вы выходите изъ рамокъ движенія,—Вы встрѣчаете серьезныя трудности, такъ что Ваши взгляды правильны только по отношенію къ нѣкоторымъ видамъ эстетической эмоціи. Но даже и тамъ, гдѣ Вы, повидимому, правы, Вы встрѣчаете возраженія со стороны болѣе глубокаго пониманія эстетической эмоціи. Ребенка сначала поражаетъ сходство, но чѣмъ болѣе онъ развивается, тѣмъ дальше отступаетъ моментъ сходства и выдвигается моментъ различія и диссонанса. На картинѣ насъ часто приковы-

васть не центръ ея, а какой-нибудь побочный элементъ. Въ музыкѣ нравятся мотивы, гдѣ преобладаетъ различіе.

Ц. П. Балталонъ: Надо имѣть въ виду подавляющую массу музыкальныхъ и иныхъ явленій красоты, которыя говорятъ въ пользу принципа сходства, а не различія.

Т. А. Ясаковъ: Вашъ 3-й тезисъ, Ц. П., показываетъ, что сходству вы въ опредѣленіи эстетической эмоціи придаете положительное, а различію отрицательное значеніе. Такое опредѣленіе есть *contradictio in adjecto*. Еслибъ различіе, разнообразіе имѣло только отрицательный характеръ, то абсолютный покой представлялъ бы собою самое эстетическое явленіе. Надо придавать одинаковое значеніе обоимъ элементамъ и говорить не объ усиленномъ сходствѣ, какъ источникѣ чувства красоты, а, наоборотъ, объ *умѣренности*.

Ц. П. Балталонъ: Но вѣдь я утверждаю, что сходство должно быть отгѣнено различіемъ, что оно дѣйствительно только на фонѣ послѣдняго; я прошу обратить вниманіе на мой 4-й тезисъ.

Н. Я. Гротъ: Однако самое заглавіе Вашего реферата показываетъ, что преобладающее значеніе Вы придаете именно сходству впечатлѣній, а не принципу гармоніи сходствъ и различій, который въ той или другой формѣ выставлялся эстетиками разныхъ вѣковъ для объясненія чувства красоты.

СXLIV. Изложеніе преній по реферату С. А. Суханова: „Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій“ *).

Содержаніе доклада.

Новѣйшія изслѣдованія, касающіяся тончайшаго строенія центральной и периферической нервной системы, измѣняютъ до нѣкоторой степени наши прежнія свѣдѣнія въ этой области. Гистологическій методъ Golgi, удачно видоизмѣненный и примѣненный Ramon у Cajal'емъ и другими, указываетъ на то, что вся нервная система состоитъ изъ ряда клѣточныхъ единицъ, такъ называемыхъ *нейроновъ*. Нервная клѣтка снабжена массой вѣтвящихся отростковъ, которые расходятся отъ тѣла ея во всѣхъ

*) Самый докладъ будетъ напечатанъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Вопрос. Филос. и Психол.“.

направленіяхъ и построены изъ того же вещества, какъ и сама клѣтка. Такіе отростки называются протоплазматическими отростками или дендритами. Изъ каждой нервной клѣтки беретъ начало осево-цилиндрической отростокъ; отъ послѣдняго на всемъ его пути могутъ отходить такъ называемые коллатерали—боковые осево-цилиндрическіе отростки. Слѣдя за дальнѣйшею судьбой осево-цилиндрическаго отростка, мы убѣждаемся въ томъ, что онъ подходитъ къ дендритамъ другой нервной клѣтки, распаваясь вокругъ нихъ на массу мелкихъ вѣточекъ, прилегающихъ къ протоплазматическимъ отросткамъ, — причеъ нигдѣ не бываетъ перехода отростковъ одного нервнаго элемента въ отростки другого. Всюду дѣло ограничивается однимъ только контактомъ разнородныхъ отростковъ. Такимъ образомъ, каждая нервная клѣтка со всѣми своими отростками является обособленнымъ элементомъ, нервной единицей, для названія которой Waldeyer предложилъ удачный терминъ—нейронъ. Форма нейроновъ чрезвычайно разнообразна. Тѣло нейрона и его дендриты играютъ дѣятельную роль, а осево-цилиндрическіе отростки нейроновъ служатъ проводниками для передачи нервныхъ токовъ отъ одного нейрона къ другому. Есть основаніе предполагать, что концевыя протоплазматическія вѣточки имѣютъ способность къ амебoidalнымъ движеніямъ и могутъ давать новые отпрыски. Въ корѣ головного мозга находятся характерной формы нейроны—въ видѣ пирамидальныхъ клѣтокъ, изъ верхушки которыхъ идетъ протоплазматической отростокъ, распадающийся въ видѣ вѣера въ наружномъ слоѣ коры; вѣера пирамидальныхъ клѣтокъ образуютъ здѣсь густую сѣть; среди нея идутъ осево-цилиндрическія нити; изъ нихъ многія имѣютъ направленіе, параллельное краю коры, образуя слой тангенціальныхъ волоконъ.

Ученіе о нейронахъ даетъ намъ понятіе о томъ, какъ огромно количество связей между нейронами благодаря дендритамъ и концевымъ и боковымъ осево-цилиндрическимъ нитямъ. Разсматривая ходъ нервныхъ импульсовъ въ цѣпи обонятельныхъ и зрительныхъ нейроновъ, мы видимъ, что въ чувствующихъ нервахъ, рядомъ съ волокнами центростремительными, существуютъ центробѣжныя волокна, имѣющія отношеніе къ нашей способности проецировать во внѣшній міръ наши *ощущенія и представленія*. Если существуютъ центробѣжныя проводники въ чувствующихъ путяхъ, то нужно думать, что къ двигательнымъ

нервамъ приурочены центростремительныя волокна для иннервационныхъ ощущеній. Такимъ образомъ, прежняя простая рефлекторная дуга оказывается «двойной».

Психическая жизнь тѣсно связана съ дѣятельностью пирамидальныхъ нейроновъ мозговой коры, называемыхъ «психическими» клѣтками.

Чѣмъ выше животное въ зоологической лѣстницѣ, тѣмъ богаче отростками его «психическія» клѣтки. Развитие душевной жизни связано со способностію пирамидальныхъ нейроновъ образовывать новые отростки и новые контакты. Контакты, разъ образовавшіеся, продолжаютъ свое существованіе. Въ здоровомъ состояніи не должно происходить даже временнаго перерыва между контактами. Разрушеніе ихъ свойственно болѣзненнымъ состояніямъ. Для сознательныхъ процессовъ нужно болѣе плотное или болѣе обширное соприкосновеніе дендритовъ съ осевоцилиндрическими нитями, чѣмъ для бессознательныхъ процессовъ, когда нервный тонусъ въ мѣстѣ контакта можетъ сдѣлаться менѣе напряженнымъ. Примѣняя теорію нейроновъ къ объясненію темпераментовъ, мы должны предположить, что концевые дендриты у холерика весьма подвижны, а у флегматика обладаютъ нѣкоторою тугоподвижностію.

Теорію нейроновъ можно приложить къ объясненію и нѣкоторыхъ психопатологическихъ состояній, причемъ здѣсь во многихъ случаяхъ нужно признать необходимымъ разрушеніе образованныхъ уже контактовъ и неспособность къ правильному возникновенію новыхъ и стойкихъ соприкосновеній.

Недавно появилась работа лонскаго проф. Renault, который не признаетъ ученія объ отдѣльныхъ нервныхъ единицахъ — *идіонейронахъ*, а полагаетъ, что нейроны соединяются между собою попарно, образуя «нейроны-близнецы» и «двойные нейроны».

Поэтому, Renault говоритъ о «гамонейронахъ». Парныя соединенія, по его мнѣнію, будто бы лучше объясняютъ намъ явленія накопленія и разряженія нервной энергіи.

А. А. Токарскій. Первая часть Вашего реферата, излагающая анатомическое строеніе нейроновъ, отличается ясностію и полнотой, и можно желать, чтобы всѣ сообщенія по анатоміи нервной системы имѣли такія же достоинства, какъ Вашъ докладъ. Для меня остались не вполне выясненными только два пункта: во-первыхъ, относительно строенія нейроновъ въ гангліяхъ моз-

га, — имѣетъ ли оно специфическія черты, и, во-вторыхъ, относительно движенія нейроновъ — констатировано ли оно, и если — да, то какого оно рода и въ какихъ случаяхъ проявляется?

С. А. Сухановъ. Нейроны въ гангліяхъ имѣютъ нѣкоторыя отличія, но я уклонился отъ ихъ описанія, дабы не удлинять реферата излишними подробностями. — Что касается движенія нейроновъ, то существуетъ три указанія на ихъ возможность: 1) извѣстенъ фактъ движенія въ нервной клѣткѣ у одного изъ низшихъ безпозвоночныхъ, констатированный *Widersheim*’омъ; 2) удалось доказать измѣненіе формы протоплазматическихъ отростковъ первыхъ обонятельныхъ нейроновъ въ слизистой оболочкѣ носовой полости; 3) несомнѣнно измѣненіе палочекъ и колбочекъ, представляющихъ своеобразно измѣненные периферическіе нейроны. Впрочемъ, *Repauc* отрицаетъ движеніе дендритовъ нейроновъ.

А. А. Токарскій. Что касается второй части Вашего реферата, то къ ней я долженъ отнестись иначе. Въ дѣйствительности, что новаго внесла теорія нейроновъ для объясненія психическихъ явленій? Мы узнали, что нервныя клѣтки имѣютъ гораздо больше отростковъ, чѣмъ предполагали раньше, и что въ чувствительныхъ нервахъ существуетъ передача раздраженія не въ разныхъ направленіяхъ, а есть для нея два отдѣльныхъ пути; послѣдній фактъ однако нельзя еще считать доказаннымъ. На основаніи этихъ фактовъ Вы находите возможнымъ построить объясненіе всѣхъ почти психическихъ процессовъ. Вы говорите и о маниакальномъ возбужденіи и о темпераментѣ. Однако, чѣмъ отличается Ваше объясненіе темперамента, положимъ, отъ объясненія *Henle*, который предполагалъ возбужденіе клѣтки, вмѣсто котораго Вы предполагаете контактъ отростковъ. Въ сущности оба объясненія одинаково гипотетичны, но *Henle* былъ, такъ сказать, вынужденъ создать анатомо-физиологическую гипотезу для объясненія психологическаго факта, потому что такого объясненія не было совсѣмъ. Для того же, чтобы замѣнять одну гипотезу другой, нужны новые и не укладывающіеся въ рамки первой гипотезы факты, а такихъ фактовъ пока не имѣется, такъ какъ существенной разницы въ психологическомъ смыслѣ нѣтъ, будемъ мы признавать контакты клѣточныхъ отростковъ временными или постоянными, и къ тому же самое существованіе временныхъ контактовъ есть еще вопросъ пока не рѣшенный.

Кстати сказать, въ послѣднее время нѣкоторые авторы высказывали предположеніе, что X—лучи, открытые Рентгеномъ, суть ничто иное, какъ магнетическіе лучи, описанные Рейхенбахомъ, и предлагали даже назвать ихъ лучами ода. Представьте себѣ, что было бы въ результатѣ, еслибы въ основу теоріи рентгеновскихъ лучей и въ объясненіе вытекающихъ изъ нихъ явленій положили эту фантастическую гипотезу?! Мнѣ кажется, что и Вы впали въ подобную ошибку и представили яркій примѣръ тѣхъ иллюзорныхъ объясненій, какихъ достаточно знаетъ исторія науки.

С. А. Сухановъ. Я считалъ необходимымъ сдѣлать попытку примѣненія теоріи нейроновъ къ объясненію психическихъ явленій и поэтому долженъ былъ допустить оспариваемый фактъ.

С. С. Қорсаковъ. Я тоже думаю, что референтъ, желая ознакомить Психологическое Общество съ теоріей нейроновъ, не могъ игнорировать вопросъ объ отношеніи этой теоріи къ объясненію психическихъ явленій, и не отвѣтственъ за ея несовершенство. Прежнее представленіе, что клѣтки даютъ волокна, переходящія въ отростки другихъ клѣтокъ, замѣнилось въ теоріи нейроновъ инымъ, по которому волокна одной клѣтки не переходятъ въ волокна другой, а лишь подходятъ къ нимъ, соприкасаются съ ними или оказываютъ на нихъ и на самую клѣтку вліяніе. Само собою разумѣется, что разъ явилось новое представленіе объ анатомическомъ и фізіологическомъ отношеніи элементовъ, входящихъ въ составъ тѣхъ частей мозга, которыя считаются органами психической дѣятельности, — необходимо задать вопросъ, въ какой мѣрѣ новый взглядъ измѣняетъ и наше толкованіе психическихъ явленій. Это и дѣлаетъ С. А. Сухановъ въ той части своего доклада, въ которой говоритъ о приложеніи новаго ученія къ психологіи. И если выводы изъ ученія о нейронахъ не могутъ считаться несомнѣнными, то вѣдь и теорія, которой мы держались ранѣе, въ сущности, не доказана; она только символизируетъ или иллюстрируетъ явленія психики.

Н. Я. Гротъ. Мнѣ кажется, С. А., что въ заглавіи Вашего реферата слово «объясненіе» обѣщало слишкомъ много, вслѣдствіе чего и произошло нѣкоторое разочарованіе.

С. И. Викторскій. Какъ юристъ, я не могу считать себя компетентнымъ въ трактуемыхъ вопросахъ, но я желалъ бы разсѣять нѣкоторыя возникающія у меня недоумѣнія. Несомнѣнно, что развитіе человѣка измѣряется способностью его ассоціиро-

вать результаты различных впечатлѣній. Интересно прослѣдить, поэтому, какъ объясняется теоріей нейроновъ интеллектуальное развитіе, на примѣръ, такой фактъ, что ученикъ, который долгое время не могъ себѣ усвоить грамматическаго правила или рѣшить ариѳметическую задачу, — черезъ годъ, скажемъ, вполне легко уразумѣваетъ непонятое прежде. Отчего это происходитъ? Быть можетъ отъ прогрессирующаго развѣтвленія нейроновъ, которые все ближе и ближе подходятъ другъ къ другу?

С. А. Сухановъ. Да, нейроны постепенно даютъ все болѣе и болѣе отростковъ, но я все-таки не рѣшаюсь давать категорическое объясненіе подобныхъ фактовъ.

С. С. Корсаковъ. Надо имѣть въ виду, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, которые занимались изученіемъ взаимнаго отношенія нейроновъ, отростки клѣтокъ могутъ имѣть очень большое количество коллатералей, благодаря которымъ одна клѣтка находится въ сочетаніи не только съ одною какою-нибудь клѣткою, но съ очень многими. Постепеннымъ развитіемъ этихъ коллатералей и въ зависимости отъ этого новыхъ сочетаній можетъ быть объяснено и постепенное расширеніе умственнаго круговора.

С. И. Викторскій. Такимъ образомъ, я не нашелъ полного отвѣта на предложенный мною вопросъ. Теперь я хотѣлъ бы узнать, чѣмъ объясняется развитіе нейроновъ. Питаніемъ?

С. А. Сухановъ. Можно признать, что способность къ развитію, такъ сказать, прирождена нейронамъ.

С. И. Викторскій. Прежде степень развитія чловѣка приводили въ связь съ вѣсомъ мозга, потомъ нашли, что эта степень соответствуетъ количеству мозговыхъ извилинъ. Какъ смотритъ на данный вопросъ теорія нейроновъ?

Н. Я. Гротъ. Вліяетъ ли количество отростковъ на количество извилинъ?

С. А. Сухановъ. Ученіе о нейронахъ оставляетъ этотъ пунктъ пока неразъясненнымъ; во всякомъ случаѣ, оно не разрушаетъ теоріи извилинъ, какъ спутниковъ большаго или меньшаго умственнаго развитія.

Н. Я. Гротъ. Мнѣ, С. А., не совсѣмъ ясно слѣдующее: Вы выразились, что для сознательныхъ процессовъ нужно болѣе сильное молекулярное движеніе нейроновъ и отростковъ, чѣмъ для безсознательныхъ, — что, это только предположеніе или доказанный фактъ?

С. А. Сухановъ. Это—предположеніе.

Н. Я. Гротъ. Далѣ, на чемъ Вы строите утвержденіе, что количество нейроновъ не играетъ роли въ душевномъ развитіи и все зависитъ отъ количества отростковъ?

С. А. Сухановъ. Еслибъ количество нейроновъ увеличивалось, то наблюдались бы ихъ переходныя формы, а этого въ дѣйствительности нѣтъ.

Н. Я. Гротъ. Быть можетъ, однако, различнымъ возрастамъ человѣка соотвѣтствуютъ различныя указанныя вами формы нейроновъ? Вѣдь развитіе нейроновъ Вы не можете наблюдать въ живомъ мозгу, а только изучаете строеніе мертваго мозга.

С. И. Викторскій. Интересно знать, были ли изслѣдованія въ такомъ направленіи, чтобы сравнить, нацримеръ, формы нейроновъ у 10-лѣтняго ребенка и у 30-лѣтняго человѣка?

С. А. Сухановъ. Мы не имѣемъ еще метода, достаточно усовершенствованнаго для подобныхъ изысканій. При окраскѣ мозга одни нейроны и отростки окрашиваются, другіе—нѣтъ.

Н. Я. Гротъ. Вы говорили, что пирамидальные нейроны головного мозга имѣютъ разную величину. Быть можетъ, они соотвѣтствуютъ степени интеллектуальнаго развитія?

С. А. Сухановъ. Нѣтъ, я этого не думаю.

Н. Я. Гротъ. Почему Вы полагаете, что даже во снѣ происходитъ контактъ нейроновъ и что онъ вообще не можетъ никогда прекратиться?

С. А. Сухановъ. Разъ образовался контактъ, онъ уже не имѣетъ возможности прерваться.

Н. Я. Гротъ. Но вѣдь наблюденія производились, какъ я сказалъ, только на мертвомъ мозгѣ, такъ что во всякомъ случаѣ Вы предлагаете только гипотезу.

Л. М. Лопатингъ. Мнѣ кажется, главная задача въ томъ, чтобы объяснить устойчивость контакта нейроновъ.

Н. Я. Гротъ. Можетъ быть, въ патологическихъ случаяхъ движеніе нейроновъ затрудняется, а при нормальныхъ условіяхъ оно гораздо интенсивнѣе, но все-таки не непрерывно?

С. А. Сухановъ. Я считаю несравненно болѣе вѣроятнымъ допущеніе постояннаго контакта въ нормальной жизни мозга.

Н. Я. Гротъ. Жаль разставаться съ гипотезой, объясняющей явленіе сна временнымъ прекращеніемъ контакта между нейронами мозга.

С. А. Сухановъ. При допущеніи этой гипотезы трудно было бы себѣ представить, какъ вторично возникаетъ старая связь.

Н. Я. Гротъ. Мнѣ кажется, что эта трудность не является серьезною помѣхой. Вѣдь есть физиологическія и психическія причины, которыя первоначально вліяютъ на жизнь и развитіе контактовъ между нейронами? Почему же послѣ сна жизнь и движеніе нейроновъ не могутъ возобновиться подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ?

С. С. Корсаковъ. Дѣйствительно, существуетъ возрѣніе, по смыслу котораго во время сна можетъ происходить удаление другъ отъ друга отростковъ, которые во время бодрствованія приближены одинъ къ другому. Съ этимъ связано и объясненіе того, что называется *сознаніемъ*. По этому возрѣнію сознательность того или другого психическаго акта находится въ зависимости отъ того, насколько отростки двухъ нейроновъ близки одинъ къ другому. Сознаніе будто бы является тогда, когда отростки не находятся въ соприкосновеніи, но и не настолько удалены другъ отъ друга, чтобы нервный токъ не могъ перенестись черезъ раздѣляющій ихъ промежутокъ, и переходъ нервного тока черезъ промежутокъ и вызываетъ актъ сознанія, подобно тому какъ при переходѣ электричества отъ одного электрода къ другому, съ нимъ не соединенному, даетъ свѣтъ, электрическую искру. Чѣмъ ближе другъ къ другу отростки нейроновъ, тѣмъ сознаніе слабѣе, а если они совѣмъ соприкасаются, то сознанія нѣтъ вовсе и психическій актъ дѣлается безсознательнымъ. Но если держаться этого взгляда и въ тоже время объяснять состояніе сна удаленіемъ отростковъ нейроновъ другъ отъ друга, то слѣдуетъ ожидать, что именно передъ сномъ будетъ періодъ особенно яркаго сознанія, а на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ.

С. И. Викторскій. Дѣло въ величинѣ разстоянія между отростками: если оно велико, сознанія нѣтъ, если оно незначительно, сознаніе на лицо.

С. С. Корсаковъ. Но въ томъ и дѣло, что по смыслу этого возрѣнія—интенсивность сознанія находится въ зависимости отъ величины разстоянія между отростками, при томъ такъ, что если разстояніе очень мало, то интенсивность сознанія небольшая; при большемъ разстояніи и сознаніе интенсивнѣе—пока наконецъ не будетъ такого большаго разстоянія, при которомъ нервный токъ

перестаетъ проходить. Тогда нѣтъ ни сознанія, ни безсознательнаго психическаго процесса. Естественно, что если держаться этого воззрѣнія, то надо ожидать, что при постепенномъ увеличеніи разстоянія передъ засыпаніемъ сознаніе на нѣкоторое время должно быть интенсивнѣе.

Н. Я. Гротъ. Теорія соединенія и разъединенія проливаетъ свѣтъ на то странное явленіе, что во время сна извѣстные нервныя пути нарушены и возникаютъ сновидѣнія извращающія дѣйствительность. Конечно, это пытались объяснить и прежними теоріями (напримѣръ, отливомъ крови отъ мозга), но ученіе о нейронахъ не можетъ объяснить этихъ явленій, если оно отказывается отъ гипотезы ихъ попеременнаго соединенія и разъединенія.

С. С. Корсаковъ. Можно представить дѣло и иначе; отростки могутъ не отходить одинъ отъ другого окончательно, но какъ и предполагаетъ С. А. Сухановъ, можетъ увеличиваться степень соприкосновенія. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что Renaut, о которомъ говорилъ докладчикъ, видѣлъ въ *дѣятельныхъ* отросткахъ четкообразныя расширенія, которыя, какъ волны, распространяются по длинѣ отростка; благодаря этимъ расширеніямъ то появляющимся, то исчезающимъ контактъ дѣятельнаго отростка съ другимъ можетъ быть иной, чѣмъ контактъ волокна, находящагося въ покоѣ.

Н. Я. Гротъ. Прекращеніемъ и возобновленіемъ контакта было бы очень удобно объяснить то извѣстное всѣмъ явленіе, что забытое имя или слово, которое мы долгое время тщетно хотѣли вспомнить, вдругъ, совершенно неожиданно, всплываетъ въ нашей памяти, когда мы уже думаемъ о совершенно другомъ.

С. С. Корсаковъ. На самомъ дѣлѣ у насъ ничего не исчезаетъ изъ памяти, она хранитъ запасъ воспоминаній, которыя мы и извлекаемъ, направивъ иннервационный токъ въ извѣстномъ направленіи.

Н. Я. Гротъ. Да, но въ чемъ же заключается задержка, которая мѣшаетъ мнѣ припомнить желаемое, и почему я вспоминаю уже тогда, когда послѣ напрасныхъ усилій направилъ иннервационный токъ совсѣмъ въ иную сторону?

С. А. Сухановъ. Можетъ-быть это явленіе объясняется тѣмъ, что протоплазматическій отростокъ не въ состояніи приспособиться къ соотвѣтствующему осево-цилиндрическому отростку.

С. Г. Шахъ-Назаровъ. Какъ ни мало авторитетно мое одобрение, но я не могу не воздать его демонстративно-художественному изложению реферта. Однако я нахожу, что указанных Вами, С. А., фактовъ слишкомъ недостаточно для построения теории психической жизни,—построения, къ которому Вы, судя по ходу Вашего реферата, стремитесь. И мнѣ думается, что теорія нейроновъ не упрощаетъ, а, наоборотъ, усложняетъ задачу рѣшенія психологическихъ проблемъ. Возникаютъ два вопроса: во-первыхъ, каково распредѣленіе функцій между клѣткой и отросткомъ; во-вторыхъ, какъ именно происходитъ взаимодействіе одной клѣтки съ другою, т.-е. то, что называется у Васъ контактомъ? До сихъ поръ дѣло сводилось къ тому, что мы признавали изолированные центры и общіе пути; теперь надо изолировать и центры, и пути. И разъ это такъ, то очевидно, что ученіе о нейронахъ, какъ изолированныхъ единицахъ, исключаетъ теорію молекулярныхъ движеній. У Васъ игнорируются фізіологическія условія жизни нейроновъ; Вы какъ бы забываете и то, что нейроны—это пути для психическихъ актовъ, но не самые акты. Не думаю, чтобъ однимъ усиленіемъ или ослабленіемъ *мозговыхъ колебаній* можно было удовлетвориться при объясненіи психическихъ явленій. Не хватаетъ указанія на фізіологическія условія жизни, при которыхъ только и можетъ функционировать нейронъ; одной гистологии мало. Я обращаю Ваше вниманіе на психозы отравленія, на то, напримѣръ, какъ вліяетъ алкоголь на кровообращеніе.

С. А. Сухановъ. Въ нейронѣ протоплазматическіе отростки активны, волокна же пассивны,—это объясняетъ взаимодействіе клѣтокъ. Прошу вспомнить, что въ I-й части реферата я говорилъ о фізіологическихъ и біологическихъ условіяхъ жизни нейроновъ и далеко не игнорирую такихъ фактовъ, какъ, напримѣръ, кровообращеніе. Я только старался рѣзче отгѣнить гистологическое строеніе нейроновъ.

С. Г. Шахъ-Назаровъ. Я не вижу оснований, по которымъ Вы всѣ психическія функціи приписываете только тѣлу клѣтки, а не ея отросткамъ; по моему правильнѣе было бы болѣе равномерное распредѣленіе, разъ нейронъ представляетъ собою изолированную единицу. Вы утверждаете, что для прекращенія психическихъ функцій, для выпаденія психического звена необходимо разрушеніе путей, а не клѣтокъ. Я не постигаю, отчего

это такъ; я вообще встаю противъ вашего термина «психическая клѣтка», считая психизмъ достояніемъ не одной только клѣтки. Знаете ли Вы, далѣе, факты, что однажды образовавшійся контактъ не разрывается? Наблюдались ли такіе факты? И если наблюдались, то не разрушаютъ ли они представленія о нейронахъ, какъ объ изолированныхъ единицахъ?

С. А. Сухановъ. Косвенные факты подобнаго рода были наблюдаемы, но они все-таки не разрушаютъ теоріи нейроновъ.

С. Г. Шахъ-Назаровъ. Но разъ связь есть,—нейроны не изолированы.

С. С. Корсаковъ. Вѣдь человекъ и воздухъ — разнородны; однако есть же между ними взаимодействіе.

В. Н. Ивановскій. Въ виду важности выясненія вопроса о томъ методѣ, которымъ Вы пришли къ попыткѣ объясненія теоріей нейроновъ нѣкоторыхъ психическихъ явленій, я хочу сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыя дадутъ возможность примиренія Вашихъ, С. А., взглядовъ съ возраженіями А. А. Токарскаго. Вамъ слѣдовало бы указать, что вторая часть Вашего реферата является, въ сущности, переложеніемъ того, что намъ непосредственно извѣстно относительно психическихъ фактовъ, на языкъ не вполне доказанной еще анатомо-физиологической гипотезы. Эта часть не даетъ намъ никакого новаго реального знанія; да и вообще надо замѣтить, что сведеніе психологическихъ фактовъ на процессы анатомо-физиологическаго субстрата вынуждено ограничиваться заимствованіемъ и выраженіемъ въ анатомическихъ терминахъ законовъ, установленныхъ психологіей. Представляемая Вами точка зрѣнія имѣетъ совершенно прочную опору въ *анатоміи*, въ ученіи объ анатомическомъ субстратѣ; но всякія попытки изложенія нервныхъ *процессовъ*, сопровождающихъ духовную дѣятельность, оказываются блѣдными вслѣдствіе недоступности ихъ прямому изслѣдованію. То же самое нужно сказать и объ изученіи субстанции духа, а потому для прямого изученія намъ остаются духовные процессы и ихъ анатомическій субстратъ.

С. А. Сухановъ. Я въ рефератѣ не разъ оговариваюсь, что теорія нейроновъ не разрѣшаетъ вопроса объ интимной связи психическихъ и физиологическихъ явленій.

С. С. Корсаковъ. Я хотѣлъ отмѣтить еще разъ значеніе центробѣжныхъ волоконъ въ чувствующихъ нервахъ, среди массы цен-

тростремительныхъ. С. А. Сухановъ указаль, что ихъ особенно много у человѣка, а у животныхъ ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ выше интеллектуальное развитіе животнаго. По воззрѣнію докладчика эти волокна имѣютъ отношеніе къ проекціи представлений. Этого же мнѣнія держится и В. М. Бехтеревъ. Я держусь нѣсколько иного мнѣнія. Мнѣ думается, что центробѣжныя волокна нужны для самаго акта воспріятія. По нимъ передается импульсъ активности, необходимый для того, чтобы мы восприняли дѣйствующее на органъ чувства впечатлѣніе. Я полагаю, что безъ элемента активности врядъ ли возможно даже ощущеніе и поэтому то и нужны центробѣжныя волокна въ чувствующихъ нервахъ. Для философовъ, держащихся воззрѣнія, что началомъ душевныхъ явленій является воля,—это, мнѣ думается,—интересно.

Н. Я. Гротъ. Въ заключеніе позвольте Вамъ, С. А., выразить отъ имени моихъ сочленовъ искреннюю благодарность за Вашъ интересный докладъ, въ особенности поучительный для насъ, психологовъ, которымъ рѣдко приходится непосредственно встрѣчаться съ вопросами, затронутыми въ Вашемъ сообщеніи.

Извѣстія и замѣтки.

Новое изданіе сочиненій Декарта. *Revue de Metaphysique et de Morale* (Paris, rue de Mézières, 5) предполагаетъ выпустить въ свѣтъ полное собраніе сочиненій Декарта по случаю трехсотлѣтія со дня его рожденія. Идея изданія принадлежитъ профессору исторіи новой философіи въ Сорбоннѣ Бутру; министерство народнаго просвѣщенія одобрило его проектъ и оказало съ своей стороны поддержку предпріятію. Редактированіе собственно философскихъ сочиненій Декарта поручено проф. философіи и декану филологическаго факультета въ Дижонѣ Ш. Адану, изданіемъ же научныхъ трудовъ Декарта завѣдуетъ извѣстный ученый П. Таннери, уже ранѣе опубликовавшій въ *Archiv f. Geschichte d. Philosophie* неизданныя письма Декарта. Аданъ былъ въ 1894 г. посланъ французскимъ правительствомъ въ Германію и Голландію, гдѣ ему удалось собрать цѣнные докумены и даже неизданныя рукописи, имѣющія очень важное значеніе. Изданіе начнетъ выходить въ текущемъ году и будетъ закончено въ 1900 году, ко времени Всемирной Парижской выставки, гдѣ оно и будетъ фигурировать въ качествѣ экспозита; оно будетъ состоять приблизительно изъ 10 томовъ in 4°, въ 700 — 750 страницъ каждый. Внѣшность изданія будетъ роскошная. Матеріалъ изданія распредѣляется по томамъ слѣдующимъ образомъ. Пять томовъ займутъ письма Декарта, причемъ, сверхъ опубликованныхъ уже Клерселье 336 писемъ, будутъ впервые помѣщены 180 недавно найденныхъ, изъ коихъ 85 будутъ напечатаны съ подлинниковъ, писанныхъ рукой самого Декарта, а 95 — съ копій XVII вѣка. Пять томовъ сочиненій Декарта

будутъ составлены такъ: VI. *Compendium musicae, Studium bonae mentis, Regulae ad directionem ingenii, Inquisitio veritatis per lumen naturale, Le monde ou Traité de la lumière, Discours de la méthode, Dioptrique, Météores, Geometrie.* Томы VII и VIII будутъ состоять изъ *Meditations сь Objections и Réponses* (латинскій текстъ и просмотрѣнный и исправленный Декартомъ французскій переводъ). Томъ IX—*Principes de la philosophie* (латинскій текстъ и французскій переводъ). Томъ X—*Passions de l'âme, l'homme de René Descartes, la description du corps humain ou de la formation du foetus, écrits polémiques, papiers intimes, biographie, tables de matières.*

Ежегодно будетъ выходить по два тома. Цѣна изданія по выходѣ въ свѣтъ 250 франковъ. Для лицъ, подписывающихся заблаговременно черезъ редакцію *Revue de Metaphysique et de Morale*, цѣна будетъ понижена до 150 франковъ. Подписка принимается только на все изданіе, отдѣльно томы не продаются. Вносить можно въ теченіе каждаго изъ пяти лѣтъ (1896—1900) по 30 франковъ.

Въ составъ почетнаго по изданію комитета, имѣющаго вполне международный характеръ, вошли многіе французскіе ученые и общественные дѣятели и ученые другихъ странъ, преимущественно Германіи; изъ русскихъ въ составъ его включены проф. Н. Я. Гротъ и проф. математики Казанскаго университета г. Васильевъ.

По случаю юбилея, редакція *Revue de Metaphysique et de Morale* посвятитъ іюльскій номеръ журнала всецѣло статьямъ, касающимся основныхъ научныхъ и философскихъ положеній Декарта. Этотъ номеръ будетъ бесплатно высланъ лицамъ, которыя подпишутся на изданіе сочиненій Декарта до выхода этого номера въ свѣтъ. Составъ этой интересной книжки будетъ слѣдующій: Ch. Adam дастъ статью о перепискѣ Декарта, Berthet—о теоріи индукціи у Декарта на основаніи *Regulae*, E. Boutoux—объ отношеніи морали къ наукѣ у Декарта, Gibson „Геометрія Декарта съ точки зрѣнія его *Méthode*“, Hanpequin—„Защита картезианскаго онтологическаго доказательства противъ критики Лейбница“, Korte weg—„Кому принадлежитъ теорія преломленія, Декарту или Снеллію?“, P. Tannery—„Декартъ какъ физикъ“. Сверхъ того, обѣщаны статьи V. Вро-

с hard'a, проф. исторіи древней философіи въ Сорбоннѣ, и проф. Natorp'a, редактора Archiv f. systematische Philosophie.

IV-й международный конгрессъ уголовной антропологии въ Женевѣ. Съ 24 по 29 августа (новаго стиля) 1896 года въ Женевѣ, подъ покровительствомъ Швейцарскаго Союзнаго Совѣта, состоится четвертый международный конгрессъ уголовной антропологии. Предметомъ его занятій будетъ изученіе преступности въ ея отношеніяхъ къ біологіи и соціологіи и, въ особенности, примѣнительно къ законодательству и администраціи. Организационный комитетъ имѣетъ почетнымъ президентомъ Адриена Лашеналь (президента Швейцарскаго Союза); въ главѣ бюро стоитъ д-ръ Поль Ладамъ. Въ составъ международной комиссіи входятъ, между прочимъ, слѣдующія лица: изъ Германіи—д-ръ Бэръ, профессоръ Гальскаго университета Листъ, проф. Страсбургскаго универс. Майръ, проф. Берлинскаго универс. Мендель, д-ръ Зоммеръ, изъ Австро-Венгріи—Антонъ, профессоръ психіатріи въ Грацѣ, Бенедиктъ, проф. Вѣнскаго универс., Бруннемейстеръ, Краффъ-Эбингъ, проф. Вѣнской психіатрической клиники, Лауфенауеръ, проф. психіатріи въ Будапештскомъ универс.; изъ Франціи—Бертильонъ, Бруардель, Гарнье, Лакассанъ, Легрэнъ, Маньянъ, Манувриэ, Руссель, Тардъ; изъ Англіи и Шотландіи—Беванъ Льюисъ, Бекананъ, Клаустонъ, проф. психіатріи въ Эдинбургскомъ универс., Гальтонъ, предсѣдатель антропологическаго общества въ Лондонѣ, Маудсли, Моррисонъ; изъ Италіи—Алимена, проф. Неаполитанскаго универс., Ферри, баронъ Гарофало, Ломброзо, Морзелли; изъ Россіи—гг. Баженовъ, Бехтеревъ, Дехтеревъ, Дриль, Корсаковъ, П. И. Ковалевскій, Маляревскій, Сикорскій, г-жа Тарновская, Токарскій, Фойницкій, Петри, Таранецкій, Лихачевъ, Заблоцкій, Штромъ, Затишевъ, Черемшанскій, Фридманъ, Шидловскій, Хрулевъ, Нижегородцевъ, Кузьминъ-Караваевъ и Слюзбергъ.

Изъ числа рефератовъ, которые будутъ прочтены на конгрессѣ, отмѣтимъ слѣдующіе: «Положительные факты, доказывающіе существованіе прирожденнаго преступника» (проф. Морзелли); «Врожденіе и преступность» (проф. Даллеманъ и Бэръ); «Темпераментъ и преступность» (проф. Ферри); «Аномалія полового чувства съ точки зрѣнія преступности» (Гарнье); «Отношеніе между наслѣдственнымъ предрасположеніемъ и домашней средой

въ возбужденіи преступной наклонности» (проф. Алимена); «Анархизмъ и борьба съ нимъ съ точки зрѣнія криминальной антропологии» (проф. Гамель); «Вліяніе законности или незаконности рожденія на преступность» (Тардъ); «Профессиональная преступность» (Тардъ); «Соціальныя послѣдствія алкоголизма предковъ съ точки зрѣнія вырожденія, морали и преступности» (д-ръ Легрэнъ); «Женская преступность» (Русскій комитетъ); «Вліяніе прессы на преступность» (д-ръ Обри); «Уголовная отвѣтственность» (д-ръ Манувриэ); «Основанія и цѣль уголовной отвѣтственности» (Д. А. Дриль); «Диагностика «moral insanity» и ея отношеніе къ уголовной отвѣтственности» (проф. Бенедиктъ); «О медико-законодательномъ значеніи алкоголическаго сомнамбулизма» (по предложенію проф. Мержеевскаго, д-ръ Франкотъ); «Общія соображенія о криминальной психіатріи» (д-ръ Нэкке); «Патологическіе факторы бродяжества» (проф. Мендель); «Одинокое заключеніе должно быть воспрещено по отношенію къ извѣстнымъ лицамъ, преступнымъ наклонностямъ которыхъ оно благопріятствуетъ; это относится именно къ тѣмъ, у кого наблюдается существованіе болѣзненныхъ влеченій» (проф. Тири и Русскій комитетъ); «Обращеніе съ случайнымъ и прирожденнымъ преступникомъ сообразно съ поломъ, возрастомъ, типомъ и т. д.» (Ломброзо); «Какая классификація преступниковъ, будучи вполне основанной на физиологическихъ и этическихъ данныхъ, могла бы быть утилизирована уголовнымъ законодательствомъ?» (баронъ Гарофало); «Каково должно быть положеніе медика-эксперта передъ закономъ?» (Русскій комитетъ); «Преподаваніе криминальной антропологии» (проф. Лакассанъ); «О необходимости организовать на строго-научныхъ данныхъ исправительное воспитаніе» (д-ръ Моте); «Способы предотвратить эволюцію преступности» (д-ръ Маляревскій); «Исторія развитія криминальной антропологии и социологии съ 1890 г.» (Ломброзо) и др.

Членскій взносъ—20 франковъ; записываться въ члены можно у главнаго секретаря (Maurice Bedat, directeur du Musée d'Histoire naturelle, Genève). Рефераты должны быть написаны по-французски и присланы въ организационный комитетъ не позже 1 апрѣля 1896 г.; они не должны превышать десяти печатныхъ страницъ; сообщенія, гдѣ-либо уже напечатанныя раньше, не принимаются. Въ виду того, что цѣль конгресса исключительно научная, всякіе дебаты по религіознымъ и политическимъ вопросамъ безусловно воспрещены. Засѣданія конгресса публичны.

Третій международный психологическій конгрессъ въ Мюнхенѣ. 4-го августа (новаго стиля) текущаго года въ Мюнхенѣ, въ большой залѣ университета, откроются засѣданія 3-го международнаго психологическаго конгресса. Въ число членовъ конгресса приглашаются всѣ лица, какъ мужчины, такъ и женщины, заинтересованныя въ распространеніи психологическихъ знаній и въ установленіи личныхъ отношеній съ психологами другихъ націй. Членскіе взносы (20 франковъ) принимаются у главнаго секретаря съѣзда д-ра барона Шренкъ-Нотцинга (dr. Schrenk-Notzing, München, Max-Josephstrasse, $\frac{2}{1}$); туда же надо обращаться за справками и со всякаго рода заявленіями.

Въ теченіе съѣзда будетъ выходить „Дневникъ“ (4 номера). Пренія допускаются на 4 языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ; maximum продолжительности реферата опредѣленъ въ 20 минутъ. Президентомъ конгресса состоитъ профессоръ Липпсъ; въ составъ международнаго организационнаго комитета входятъ два президента—профессора Штумпфъ и Липпсъ, главный секретарь—баронъ Шренкъ-Нотцингъ и члены: проф. Бэнъ, Балвинъ, Бернгеймъ, Дельбефъ, Дональдсонъ, Эббингаузъ, Феррье, Фуллертонъ, Стенли-Голь, Гитцигъ, Джемсъ, Леманъ, Льежуа, Лайтнеръ-Уитмеръ, Мендельсонъ, Монаковъ, Морзелли, Майерсъ, Ньюбольдъ, Прейеръ, Рише, Шеферъ, Сиджвикъ, Сѣлли, Уордъ.

Программа конгресса слѣдующая:

I. Психо-физиологія.

а) Анатомія и физиологія мозга и органовъ чувствъ (физиологическія основы психической жизни). Развитіе нервныхъ центровъ. Локалізація. Нейроны. Проводящіе пути. Строеніе мозга. Физиологическія функціи центральныхъ частей; рефлективныя и автоматическія дѣйствія; иннервація, специфическая энергія нервовъ.

б) Психо-физика. Отношенія между тѣломъ и духомъ. Психофизическая методологія. Законъ Фехнера. Физиологія чувствъ (мускульныя и органическія ощущенія, осязаніе, слухъ, зрѣніе, цвѣтной слухъ). Вліянія нѣкоторыхъ веществъ на психическія состоянія, измѣреніе жизненныхъ процессовъ (дыханіе, пульсъ, мускульное утомленіе).

II. Психологія нормальнаго индивидуума.

Ея цѣли, методы.—Наблюденія и опыты.—Психологія чувствъ, ощущеній и идей, память.—Законы ассоціаціи.—Сознаніе и безсознательное, вниманіе, привычка, состояніе напряженія, упражненіе.—Пространство, какъ объектъ воспріятій зрѣнія, осязанія и другихъ чувствъ, сознаніе протяженности.—Геометрическія и оптическія иллюзіи, воспріятіе времени.—Изученіе процесса познанія; дѣйствіе воображенія. Чувствованія и ощущенія; эстетическія, этическія и логическія чувствованія, эмоціи и законы ощущеній.—Область воли, сознаніе воли, произвольныя дѣйствія, выразительныя движенія, нравственное поведеніе.—Самосознаніе, развитіе личности, индивидуальныя особенности.—Гипнотизмъ, внушеніе, естественный сонъ, сновидѣнія.—Психическій автоматизмъ, значеніе внушеній съ юридической и педагогической точекъ зрѣнія, педагогическая психологія.

III. Психопатологія.

Значеніе наслѣдственности въ психопатологіи, статистическія данныя, вопросъ о наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ, передача физическихъ и духовныхъ свойствъ.—Наблюденія надъ вырожденіемъ, вырожденіе и геніальность.—Наслѣдственность съ этической и соціальной точекъ зрѣнія.—Отношенія психологіи къ уголовному праву.—Психопатологія половыхъ влеченій.—Большіе неврозы (истерія, эпилепсія).—Измѣненія сознанія, психическое зараженіе, патологическая сторона гипнотизма, патологическій сомнамбулизмъ.—Психотерапія, терапевтическія внушенія, мысленное внушеніе, телепатія, психическая передача, международная статистика галлюцинацій и проч.—Галлюцинаціи, навязчивыя идеи, афазія и т. д.

IV. Сравнительная психологія.

Статистика психологическихъ явленій.—Психическая жизнь дѣтей.—Психическія функціи животныхъ.—Психологія народовъ и антропологическая психологія.—Сравнительное изученіе лингвистическихъ и графологическихъ данныхъ съ психологической точки зрѣнія.

Лица, желающія выступить съ рефератами, благоволятъ сообщить тему и извлеченіе изъ своихъ докладовъ секретарю до

15 мая (н. ст.) 1896 г. Въ теченіе конгресса, съ 3 по 7 августа, секретариатъ помѣщается въ университетѣ (Ludwigstrasse 17.)

Магистранты С.-Пб. университета Д. Петровъ, А. Нечаевъ, И. Лапшинъ и В. Вальденбергъ готовятъ къ печати переводъ избранныхъ сочиненій Д. Юма. Въ составъ изданія войдутъ, во всякомъ случаѣ, переводы опытовъ: *Of the understanding, Of the passions, Of morals* и нѣсколько политическихъ опытовъ.

Извѣстнымъ издателемъ научныхъ книгъ Л. Ф. Пантелеевымъ предпринимается, подъ редакцію Я. Н. Колубовскаго, изданіе «Педагогической Энциклопедіи», которая составитъ до 12 отдѣльныхъ выпусковъ (160 стр. большого формата каждый) и будетъ выходить съ осени текущаго года. Къ участію въ изданіи привлекаются спеціалисты по всѣмъ отраслямъ педагогики; особенное же вниманіе имѣется въ виду обратить на исторію и современное положеніе школьнаго дѣла въ Россіи. Подробныя условія подписки и составъ сотрудниковъ будутъ объявлены въ самомъ непродолжительномъ времени.

Издаваемая въ Москвѣ подъ редакціей А. С. Бѣлкина, проф. П. Г. Виноградова, проф. Н. Я. Грота, М. И. Коновалова, П. Н. Милюкова, В. Д. Соколова и проф. А. И. Чупрова «Библиотека для самообразованія» готовитъ къ изданію, между прочимъ, слѣдующія сочиненія: проф. А. Бэна «Психологія» (*Mental science*), переводъ В. Н. Ивановскаго, и М. Ферворна «Общая физиологія», 2 тома, переводъ проф. М. А. Мензбира и прив.-доц. Н. А. Иванцова.

ЗАПИСКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Психиатрической клиники Императорскаго Московскаго университета.

1896.

2.

Содержаніе. I. 11) Инструменты для психологическихъ изслѣдованій и способы ихъ употребленія.

II. Занятія въ лабораторіи. 12) Кратчайшее время простой реакціи. 13) Реакціи на сходство и различіе: а) Цвѣта. б) Фигуры. в) Портреты. А. Токарскаго.

III. 14) Изслѣдованія чувства времени по Kollert'у. А. Басистова. 15) Иллюзія зрѣнія Roggendorff'a. Д. Викторова. 16) О мускульной и сенсоріальной реакціи по L. Lange. А. Касаткина. 17) Время узнаванія и называнія письменныхъ знаковъ, изображеній и цвѣтовъ по Cattell'ю. А. Касаткина. 18) Электрическое раздраженіе языка. П. Подъяпольскаго. 19) Способы изслѣдованія памяти зрительныхъ воспріятій по Weber'у, Hegelmaier'у и Заборскому. И. Цѣликова.

I.

11. Инструменты для психологическихъ изслѣдованій и способы ихъ употребленія.

Инструменты и аппараты, употребляемые для психологическихъ изслѣдованій, могутъ быть раздѣлены на слѣдующія 4 группы:

1. Инструменты отмѣчающіе время, такъ называемые регистрирующіе аппараты, предназначенные для измѣренія минимальныхъ промежутковъ времени.

2. Инструменты служащіе для повѣрки регистрирующаго аппарата.

3. Инструменты служащіе для произведенія раздраженій или передачи реакціонныхъ движеній на регистрирующіе аппараты.

4. Аппараты служащіе для приведенія въ дѣйствиѣ всѣхъ вышеуказанныхъ инструментовъ.

Однако, въ описаніи удобнѣе не придерживатьея такой группировки и описывать инструменты одинъ за другимъ по порядку, обозначая каждый отдѣльнымъ номеромъ, что дастъ возможность помѣщать описанія новыхъ инструментовъ или дѣлать дополненія по мѣрѣ надобности, не нарушая никакихъ рубрикъ. Предпочтеніе въ описаніи будутъ имѣть инструменты болѣе важные.

1. Камертонъ. Важнѣйшимъ инструментомъ при записываніи частей секунды можно считать камертонъ. Камертоны съ опредѣленнымъ числомъ колебаній приготавливаются въ настоящее время очень тщательно фирмою Koenig въ Парижѣ. Число колебаній можетъ быть

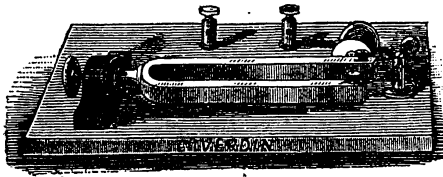

Рис. 8.

очень велико, но чаще всего употребляются камертоны отъ 10 до 500 колебаній въ секунду. Небольшихъ приспособленій достаточно для того, чтобы колебанія камертона поддерживались

электрическимъ токомъ. Затѣмъ, на непрерывно колеблющійся камертонъ можетъ быть насажена проволочка, которая и будетъ чертить на подложенной закопченной бумагѣ, если эта бумага будетъ двигаться, волны, соотвѣтственно колебаніямъ камертона. Каждая волна будетъ соотвѣтствовать двумъ колебаніямъ, одному въ одну и другому въ другую сторону, или одному такъ называемому двойному колебанію. Такимъ образомъ, если мы имѣемъ камертонъ въ 50 двойныхъ колебаній въ секунду, онъ запишетъ 50 волнъ.

Въ виду того, однако, что камертоны съ малымъ числомъ колебаній очень тяжелы, пользоваться ими прямо для записыванія на бумагѣ не удобно, почему Marey и сталъ употреблять камертонъ лишь для прерыванія тока, который приводитъ въ движеніе болѣе легкій записывающій аппаратъ.

Оправленный съ цѣлью простаго прерыванія тока камертонъ (рис. 8) приводится въ движеніе электромагнитомъ, находящимся

сбоку (или съ двухъ сторонъ). Тонкая платиновая проволока, соединенная съ однимъ изъ концовъ камертона, прикасается къ кнопкѣ, находящейся на подставкѣ, которую можно посредствомъ винта то приближать, то удалять. При движеніи камертона проволока будетъ то касаться кнопки, то отходить отъ нея, чѣмъ и достигается прерываніе тока. Токъ, входя въ въ одну клемму, проходитъ по камертону, затѣмъ по проволока въ кнопку, далѣе по спирали электромагнита, оттуда во вторую клемму, гдѣ онъ выходитъ изъ инструмента и направляется далѣе по назначенію, къ записывающему аппарату, — электрическому перу Edison'a или хронографу Marey'a.

2. Хронографъ Marey'a представляетъ собою небольшой инструментъ (рис. 9), состоящій изъ пружины, урегулированной такимъ образомъ, что она можетъ колебаться извѣстное число

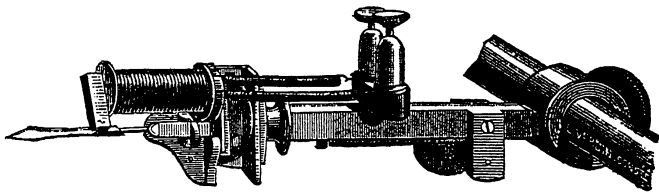

Рис. 9.

разъ въ секунду, соответственню числу перерывовъ тока камертономъ. Сбоку пружины находится небольшой электромагнитъ, черезъ который проходитъ токъ прерываемый камертономъ. Для регулированія пружины, для ея удлиненія и укорачиванія сдѣланъ небольшой винтъ. Какъ только камертонъ приходитъ въ колебаніе и токъ начинаетъ проходить черезъ хронографъ, мы можемъ, передвигая винтъ, найти такую длину пружины, которая соответствуетъ тому же числу колебаній; пружина придетъ тогда въ движеніе, и насаженное на концѣ ея перо будетъ писать на движущейся закопченной бумагѣ соответствующую кривую. Хронографъ Marey'a, приготовленный Verdin'омъ, приспособленъ, однако, только къ перерывамъ тока въ 100 разъ въ секунду и не можетъ быть установленъ на другое число колебаній. Рис. 10 изображаетъ нѣсколько кривыхъ хронографа, полученныхъ при различной скорости движенія бумаги. Каждая волна, состоящая изъ поднимающейся и опускающейся линіи, опредѣ-

ляют промежутокъ времени въ $\frac{1}{100}$ секунды. На первой кривой, имѣющей крупныя волны, можно безъ труда опредѣлить десятую часть волны, т.-е. $\frac{1}{1000}$ долю секунды.

Токъ, проведенный отъ камертона, проходя по спирали электромагнита хронографа, выходитъ изъ инструмента по проводокѣ, которая возвращается къ элементу, откуда она вышла, направляясь въ камертонъ. Такимъ образомъ, элементъ, камертонъ и хронографъ находятся въ замкнутой цѣпи и представляютъ собою отдѣльную систему инструментовъ, функционирующихъ одновременно и записывающихъ время съ чрезвычайной точностью.

Само собою очевидно, что равномерность движенія бумаги

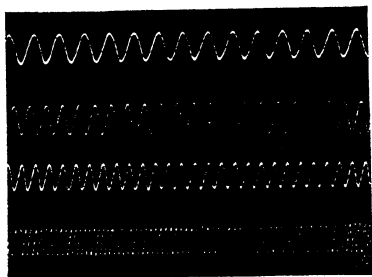

Рис. 10.

при употребленіи этихъ инструментовъ не играетъ никакой роли по отношенію къ точности записи, что имѣетъ большое значеніе, такъ какъ математически правильное движеніе аппаратовъ двигающихъ бумагу достигается лишь съ большимъ трудомъ.

3. Кимографъ. Для движенія закопченной бумаги, на которой

записываются кривыя, употребляютъ разнаго рода приспособленія, изъ которыхъ наиболѣе удобнымъ надо считать движеніе бумаги посредствомъ вращающагося цилиндра. Инструментъ состоитъ изъ цилиндра, приводимаго въ движеніе часовымъ механизмомъ, который можетъ производить вращеніе съ различною скоростью.

Рис. 11 изображаетъ кимографъ съ приставленнымъ къ нему на штативѣ хронографомъ Marey'a, приводимымъ въ движеніе элементомъ Грене, токъ котораго прерывается камертономъ, что даетъ возможность видѣть расположеніе этихъ инструментовъ, соответствующее сдѣланному описанію.

Изображенный на рисункѣ инструментъ носитъ названіе полиграфа Marey'a. Цилиндръ полиграфа имѣетъ 25 сант. длины и 13 сант. въ діаметръ и можетъ вращаться съ 3 скоростями: 40 оборотовъ, 7 оборотовъ и 1 оборотъ въ минуту, причемъ при самой большой и самой малой скорости цилиндръ вращается въ одну сторону, при средней—въ другую.

Часовой механизм заключенъ въ ящикѣ, на крышкѣ котораго помѣщается снарядъ, состоящій изъ маховыхъ крыльевъ, предназначенный для регулированія движенія часового механизма—регуляторъ Foucault.

Находящійся въ лабораторіи кимографъ системы М. Н. Разумова въ Москвѣ имѣетъ сравнительно съ полиграфомъ Marey'a нѣкоторыя важныя преимущества. Именно онъ имѣетъ 6 скоростей вращенія, причемъ для измѣненія скорости требуется только переимѣнить шестерню, тогда какъ въ полиграфѣ Marey'a надо переимѣстить на другую ось цилиндръ. Далѣе цилиндръ кимографа Разумова при всѣхъ скоростяхъ вращается въ одну сто-

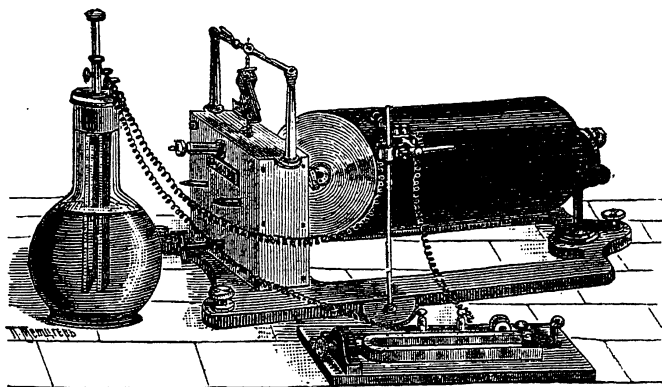

Рис. 11.

рону. Кромѣ того, цилиндръ можетъ автоматически передвигаться послѣ каждаго оборота, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочтительнѣе, чѣмъ передвиженіе хронографа, какъ это принято въ полиграфѣ.

Эти особенности даютъ возможность, употребляя 2 цилиндра, натягивать на нихъ бумагу въ видѣ бесконечной ленты и получить большую движущуюся поверхность, движеніе которой можетъ быть ускорено или замедлено по желанію безъ всякаго перемѣщенія аппарата.

Первыя 4 скорости вращенія изображены на рис. 10. Остальныя очень малыя скорости не отмѣчены. Движеніе цилиндра совершенно равномерно, какъ это видно по изображеннымъ кривымъ хронографа. Впрочемъ, какъ уже было сказано, при

употребленіи послѣдняго равномерность вращенія утрачиваетъ свое значеніе, такъ какъ время отмѣчается не по пространству пройденному цилиндромъ, а по числу колебаній хронографа.

Заказанный мною инструментъ отличается отъ обычныхъ только большою скоростью вращеній и большимъ діаметромъ цилиндра, который имѣетъ въ окружности 50 сант. вмѣсто 43.

Бумага употребляемая для записыванія должна быть по возможности гладкой, чтобы перо легче скользило по ней, и для этой цѣли можетъ хорошо служить простая глянцевая бѣлая бумага для обоевъ, которая разрѣзывается на длинныя полосы въ ширину цилиндра.

Послѣ того какъ бумага наклеена на цилиндръ или на оба цилиндра, она приводится въ движеніе и подъ цилиндръ подставляется лампа съ фитилемъ во всю его ширину, чѣмъ и достигается равномерное закопченіе бумаги.

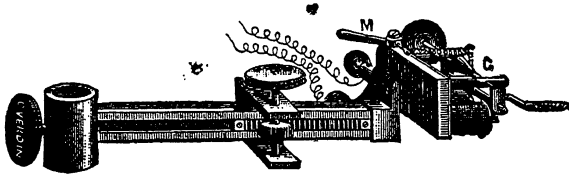

Рис. 12.

Для укрѣпленія слоя копоти, послѣ того какъ сдѣланы записи, бумага погружается на нѣкоторое время въ скипидаръ, къ которому можно прибавлять какія-нибудь смолистыя вещества, хотя и безъ того онъ достаточно хорошо фиксируетъ, или покрывается обыкновеннымъ лакомъ.

4. Электрическій сигналъ Dergèz. Для отмѣтки времени начала и окончанія изслѣдуемаго движенія употребляется электрическій сигналъ Dergèz, инструментъ, состоящій изъ пера, которое приводится въ движеніе электромагнитомъ, насаженнымъ на длинную ручку (рис. 12).

Перо приведенное въ соприкосновеніе съ цилиндромъ пишетъ на немъ прямую линію. При замыканіи тока оно притягивается электромагнитомъ, дѣлаетъ боковое движеніе и снова пишетъ прямую линію; при размыканіи тока оно возвращается въ прежнее положеніе, начертивъ, слѣдовательно, на цилиндрѣ кривую (рис. 13). Если одновременно съ сигналомъ, рядомъ съ нимъ, бу-

детъ помѣщенъ хронографъ, то время между началомъ движенія пера къ электромагниту и началомъ обратнаго движенія можетъ быть точно измѣрено. Простѣйшій способъ заключается въ измѣреніи этого разстоянія циркулемъ и отсчитываніи затѣмъ на кривой хронографа числа волнь, помѣщающихся между ножками циркуля. Способъ этотъ не лишенъ нѣкоторой неточности вслѣдствіе того, что одна точка, начало движенія пера, лежитъ на одной, а начало обратнаго движенія на другой линіи, такъ что надо предварительно опустить перпендикуляръ изъ одной изъ точекъ на другую линію. Для болѣе точнаго анализа кривыхъ Jасquet предложилъ инструментъ, состоящій изъ микроскопа съ натянутыми крестообразно нитями, точка пересѣченія которыхъ первоначально устанавливается на одной точкѣ, затѣмъ по линейкѣ съ точными дѣленіями передвигается на другую точку и разстояніе отмѣчается на линейкѣ. Однако, съ достаточными предосторожностями и при помощи циркуля разстояніе между начальнымъ и конечнымъ движеніемъ пера можетъ быть опредѣлено съ точностью совершенно достаточной, чтобы возможной ошибкой можно было пренебречь.

Рис. 13.

Существуетъ другой источникъ ошибки, который лежитъ въ запаздываніи движенія пера, и это запаздываніе надо умѣть опредѣлить. Оно обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что намагниченіе желѣза электромагнита требуетъ нѣкотораго времени, вслѣдствіе чего перо приходитъ въ движеніе не одновременно съ замыканіемъ тока. Точно также и размагничиваніе происходитъ не одновременно съ размыканіемъ тока, послѣ котораго въ желѣзѣ остается еще нѣкоторое время скрытый магнетизмъ. Для ускоренія движенія пера можно увеличивать токъ, для ускоренія отрыванія пера отъ электромагнита можно натягивать пружину. Наконецъ для облегченія отрыванія пера отъ электромагнита на желѣзко пера наклеивается кусочекъ тонкой пропускной бумаги, чтобы сдѣлать контактъ менѣе полнымъ; однако совершенно устранить запаздываніе сигнала невозможно, хотя Dergès и могъ устроить аппаратъ дающій 1500 замыкательныхъ отмѣтокъ въ секунду и слѣдовательно столько же отмыкательныхъ, т.-е. 3000 движеній въ секунду. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ находилъ,

что запаздываніе при замыканіи тока (время намагничиванія) равнялось $\frac{1}{3000}$ секунды и запаздываніе при размыканіи (время размагничиванія) равнялось также $\frac{1}{3000}$ секунды.

Для опредѣленія времени запаздыванія сигнала Deprèz Helmholtz предложилъ слѣдующій способъ: къ цилиндру прикрѣпляется автоматическій замыкатель; при вращеніи цилиндра токъ замыкается и отмыкается всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ и перо отмѣчаетъ всегда одной и той же величины кривую. Первоначально цилиндръ вращается очень медленно и перо напишетъ кривую безъ опозданія. Затѣмъ пускаютъ цилиндръ быстро вращаться и въ то время, какъ онъ достигаетъ наибольшей быстроты вращенія, на него опускаютъ перо и хронографъ. Перо напишетъ вторую кривую, которая должна бы точно соответствовать первой, еслибы не было запаздыванія. Въ дѣйстви-

тельности же, пока перо придетъ въ движеніе, т.-е. пока совершится достаточное намагничиваніе, цилиндръ успеетъ повернуться на нѣкоторую величину. То же произойдетъ и относительно обратнаго движенія и, слѣдовательно, вторая кривая нѣ-

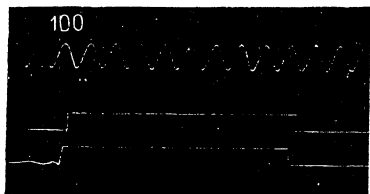

Рис. 14.

сколько позднѣе начнетъ подниматься и нѣсколько позднѣе опускаться, чѣмъ первая. Это опозданіе и можетъ быть вычислено по кривой хронографа. Въ томъ случаѣ, гдѣ время намагничиванія равняется времени размагничиванія, одно выравнивается другимъ и ошибка можетъ быть совершенно ничтожной.

На прилагаемомъ рисункѣ (рис. 14) верхняя кривая электрическаго сигнала соответствуетъ движенію цилиндра съ наименьшею скоростью, слѣдовательно представляетъ собою кривую сигнала безъ опозданія. Нижняя кривая соответствуетъ скорости вращенія цилиндра отмѣченной верхней волнообразной кривой хронографа. Опуская изъ соответствующихъ точекъ верхней кривой сигнала перпендикуляры на нижнюю кривую и измѣряя полученные отрѣзки, мы найдемъ, что движеніе пера на второй линіи наступило позже на 1 мм. пройденнаго пространства и обратное движеніе замедлилось на 0,8 мм. Кривая хронографа показываетъ, что въ 0,01 сек. цилиндръ пробѣгалъ 3,8 мм. Изъ

этихъ цифръ мы находимъ, что время намагничиванія равно 0,0026 сек. и время размагничиванія равно 0,0021 сек. Слѣдовательно, время дѣйствительнаго опозданія, которое должно быть прибавлено ко времени отмѣченному кривой сигнала, равняется 0,0005 сек. или 0,5 σ .

Съ указанною поправкою графической способъ измѣренія времени, въ томъ видѣ, какъ онъ описанъ, или съ видоизмѣненіями, о которыхъ будетъ рѣчь далѣе, представляетъ собою способъ наиболѣе точный и наиболѣе простой.

Если представляется надобность пользоваться одновременно нѣсколькими сигналами, то въ виду того, что совершенно устранить опозданіе невозможно, необходимо, чтобъ опозданіе всѣхъ сигналовъ было одинаково. Съ одной стороны, это достигается тѣмъ, что сигналы готовятся одновременно изъ одного и того же куска желѣза и однихъ и тѣхъ же проволокъ, чтобы было одинаковое время намагничиванія и размагничиванія, съ другой стороны—тѣмъ, что регулируется разстояніе между желѣзомъ пера и электромагнитомъ, чтобъ ускорить или замедлить притягиваніе и регулируется натяженіе пружины, отрывающей перо отъ электромагнита. Для послѣдней цѣли Dergèz предложилъ слѣдующій способъ: вмѣсто пружины берутся резиновыя нити, которыя привязываются къ рычагу пера и затѣмъ натягиваются равными тяжестями, вслѣдствіе чего натяженіе будетъ у всѣхъ сигналовъ одно и то же и, слѣдовательно, перья будутъ отрываться съ одинаковою силою. Въ натянутомъ положеніи нити закрѣпляются и сила отрыванія перьевъ будетъ равна той тяжести, которая была привѣшена. Обыкновенно берутъ одну и ту же гирию, которую и привѣшиваютъ послѣдовательно къ каждому сигналу.

Однако, этихъ предосторожностей можетъ оказаться недостаточно, чтобы исключить ошибку при употребленіи нѣсколькихъ сигналовъ. О другихъ необходимыхъ мѣрахъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

Справочныя книги. **Е. J. Marey:** La méthode graphique dans les sciences expérimentales. Paris, 1878.

II.

Занятія въ лабораторіи.

12. Кратчайшее время простой реакціи.

Наиболѣе продолжительное время простая реакція имѣть въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ раздраженіе появляется безъ всякаго предупрежденія. Если же впечатлѣнію предшествуетъ сигналъ, то время простой реакціи на это впечатлѣніе замѣтно уменьшается.

Фактъ укороченія реакціи подъ вліяніемъ сигнала былъ подтвержденъ всѣми наблюдателями и значеніе его обнаруживается уже изъ первыхъ таблицъ, приведенныхъ мною выше (стр. 22).

Иногда происходятъ ошибочныя реакціи, т.-е. реакціи не на то раздраженіе, на которое было условлено реагировать, а на какое-нибудь случайное раздраженіе, происшедшее между сигналомъ и условленнымъ раздраженіемъ. Эти ошибочныя реакціи могутъ быть очень короткими, но, конечно, не должны приниматься во вниманіе.

Наконецъ, бывають преждевременныя реакціи. По опредѣленію Wundt'a, это такія реакціи, которыя происходятъ или ранѣе ожидаемаго впечатлѣнія, или одновременно съ нимъ, или такъ быстро послѣ него, что онѣ не могутъ имѣть своей причиной это впечатлѣніе. Онѣ возможны только тогда, когда впечатлѣнію предшествуетъ сигналъ съ постояннымъ не слишкомъ короткимъ промежуткомъ времени. При этомъ реакція происходитъ не на впечатлѣніе, но на maximum напряженія вниманія, съ которымъ обыкновенно связывается и образъ воспоминанія впечатлѣнія. Такъ получаются реакціи, которыя колеблутся около нуля въ ту и другую сторону и которыя, очевидно, не дѣйствительныя реакціи, но скорѣе измѣренія колебаній нашего сознанія времени по отношенію къ промежутку времени протекающему между сигналомъ и впечатлѣніемъ. Преждевременныя реакціи возможны, говоритъ Wundt, только при мускульной реакціи, такъ какъ только при ней реакціонное движеніе такъ подготовлено, что можетъ разрѣшиться самостоятельно вслѣдствіе максимальнаго напряженія вниманія *).

Что касается преждевременныхъ реакцій, то такими несомнѣн-

---

*) W. Wundt. Grundzüge der physiologischen Psychologie, Leipzig. 1893.

но являются тѣ, гдѣ реакція происходитъ ранѣе раздраженія, и тѣ, гдѣ реакція совпадаетъ съ раздраженіемъ, т.-е. гдѣ время ея равно нулю или совершенно ничтожно.

При существованіи же положительной цифры опредѣленнаго признака для преждевременной реакціи не существуетъ, такъ какъ время кратчайшей простой реакціи намъ неизвѣстно и выводится только приблизительно. Среднія величины простыхъ реакцій выражены въ слѣдующей таблицѣ:

	Hirsch.	Donders.	Hankel.	Wundt.	Exner.	V. Kries.	Auerbach.	Cattel.	Токарскій.
Свѣтъ	200	188	224	222	150	193	191	150	149
Звукъ	149	180	150	167	136	120	122	125	137
Электр. раздр. . .	182	154	154	201	133	117	146	—	—

Отсюда можно заключить, что реакція въ 100 σ должна считаться очень короткой, и, слѣдовательно, всѣ реакціи меньше 100 можно разсматривать какъ преждевременныя. Однако, измѣняя условія опытовъ, мы встрѣчаемся съ соображеніями другого рода.

Если мы замкнемъ цѣпь по всему ея протяженію, оставляя открытымъ только одинъ ключъ, находящійся въ комнатѣ для реакцій,—слѣдовательно, у источника раздраженія,—то, нажимая этотъ ключъ, мы одновременно будемъ производить раздраженіе и пускать въ ходъ записывающіе аппараты, находящіеся въ другой комнатѣ. Вновь отпуская ключъ, мы прекратимъ раздраженіе, остановимъ аппараты, отмѣчающіе время,—и продолжительность реакціи будетъ извѣстна. Такой способъ имѣетъ то преимущество, что мы совершенно устраняемъ вліяніе сигнала. Кромѣ того, напряженіе нервной системы достигаетъ своей наибольшей силы, такъ какъ реагирующій имѣетъ возможность выбрать для реакціи наилучшій моментъ и, наконецъ, здѣсь совершенно устраняется вліяніе неожиданности. Получаемая такимъ способомъ цифры чрезвычайно малы, однако совершающійся процессъ представляетъ собою несомнѣнную реакцію. Правда, реакція эта происходитъ при совершенно особыхъ условіяхъ, которыя заключаются въ томъ, что здѣсь совершается не переходъ отъ состоянія покоя къ движенію, но лишь остановка движенія и

замѣна его движеніемъ обратнымъ, и, слѣдовательно, полученное время изображаетъ время передачи задерживающаго движеніе импульса, но это измѣненіе движенія происходитъ въ зависимости отъ внѣшняго впечатлѣнія и вліяніе тѣхъ же условій не исключается и при реакціяхъ по обычному способу. Обязательнымъ условіемъ для полученія минимальныхъ цифръ является нажиманіе ключа съ величайшей осторожностью, какъ можно медленнѣе, и затѣмъ быстрое отнятіе руки при появленіи свѣта или звука. Если же просто толкать ключъ, то цифры выходятъ, во-первыхъ, больше и, во-вторыхъ, не представляютъ собою времени реакціи.

Дѣйствуя описаннымъ способомъ, я имѣлъ возможность получить реакціи менѣе 10 σ продолжительности. Именно, на свѣтъ

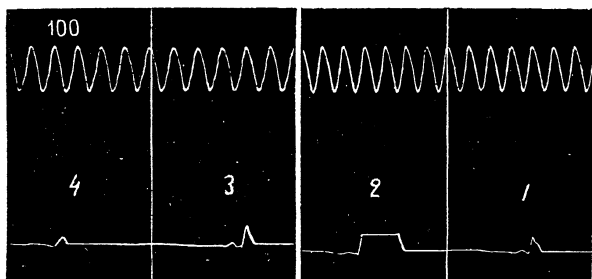

Рис. 15.

мною получены минимальныя реакціи въ 8, 9 и 13 σ , на звукъ также 5, 8 σ .

Реакціи на свѣтъ Гейслеровой трубки отмѣчались хроноскопомъ Гиппа, реакціи на звукъ—также хроноскопомъ и, кромѣ того, сигналомъ Derèz. Изображеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ короткихъ реакцій на звукъ помѣщены на рис. 15.

Самыя короткія реакціи изображены на 3 и 4 кривой рисунка. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ рукѣ появлялось легкое вздрагиваніе, которое записывалось двумя короткими движеніями сигнала, близко слѣдовавшими одно за другимъ. Такъ, напри- мѣръ, соединивъ фигуры 1 и 2 или 3 и 4 въ одну, мы получили бы изображеніе такой двойной отмѣтки. Такого рода отмѣтки не принимались во вниманіе, какъ результатъ случайнаго дрожанія руки. Изображенныя кривыя соотвѣтствуютъ продол-

жительности времени: первая въ 4.7 σ , вторая въ 20 σ , третья въ 3.7 σ и четвертая въ 2.3 σ , или, допуская ошибку въ отсчитываніи и пренебрегая ничтожной разницей, время это можно выразить какъ 5, 20, 4 и 2.5 σ . Реакцій въ 2.5 σ было очень мало, всего три или четыре, большинство же малыхъ реакцій было около 5 σ продолжительности, такъ что я склоненъ принять, что именно эта величина выражаетъ собою среднюю продолжительность наименьшей реакціи, получаемой при указанныхъ условіяхъ. Реакція, изображенная на фиг. 2, около 20 σ продолжительности, уже можетъ считаться неудачной.

Однако, большинство реакцій было средней величины, отъ 10 до 100 σ , причемъ состояніе реагирующаго оказывало большое вліяніе на время реакціи. Утомленіе при первыхъ опытахъ играло большую роль, и уже черезъ часъ занятій я не могъ произвести ни одной реакціи менѣе 100.

Эта реакція легко можетъ быть получена всѣми. Правда, требуется нѣкоторая привычка, но привычка эта пріобрѣтается очень легко уже въ теченіе перваго ряда опытовъ, причемъ всегда наблюдается неравномѣрность реакціи и кратчайшія составляютъ меньшинство. Наблюденіе было повторено у нѣсколькихъ лицъ съ одинаковымъ результатомъ.

Правда, для реакцій по обычному методу, быть можетъ, существуетъ другой minimum, но въ то же время невозможно исключить вліяніе и тѣхъ условій, которыя играютъ роль и въ описываемыхъ малыхъ реакціяхъ, т.-е. вліяніе замѣны одного движенія другимъ, которая совершается съ гораздо большей скоростью, чѣмъ переходъ отъ покоя къ движенію, такъ какъ такого рода замѣна при такъ называемыхъ мускульныхъ реакціяхъ весьма возможна.

Поэтому съ полнымъ правомъ мы можемъ относить къ преждевременнымъ простымъ реакціямъ только реакціи имѣющія менѣе 5 σ продолжительности, или, выражая этотъ предѣлъ въ сотыхъ доляхъ секунды, менѣе 0.01 сек.

Необходимо замѣтить, что эти реакціи не имѣютъ также характера такъ называемыхъ мускульныхъ реакцій. Въ нихъ реакція производится на получаемое впечатлѣніе, и реагирующій ясно сознаетъ, на что онъ реагируетъ. Даже болѣе того: въ теченіе реакціи, не превосходящей 10 σ , возможно различеніе фигуры. При самыхъ короткихъ реакціяхъ на свѣтъ, правда, нельзя было воспринять

форму отверстія, въ которомъ появлялся свѣтъ. Отверстіе это имѣетъ 2 сант. въ поперечникѣ и 7 сант. въ длину. Въ моментъ реакціи свѣтъ воспринимался какъ облачко, мелькнувшее на темномъ фонѣ, и форма его оставалась неопредѣленной. При помѣщеніи, однако, въ этомъ отверстіи карточки съ черной или цвѣтной фигурой величиною около 2 сант. въ поперечникѣ, можно было явственно различить эту фигуру. Цвѣтъ при этомъ совершенно не различался, — красный и сивій круги казались сѣрымъ и чернымъ, форма же ихъ воспринималась достаточно отчетливо. Цвѣтъ распознавался хорошо уже при довольно большой сравнительно величинѣ реакціи, продолжительность, которой, впрочемъ, не была достаточно выяснена, — что обуславливалось, вѣроятно сравнительно слабой силой освѣщенія.

Существованіе такой реакціи заставляетъ съ осторожностью относиться къ такъ-называемымъ преждевременнымъ реакціямъ. Такъ, при составленіи таблицъ простой реакціи на свѣтъ мы исключали, какъ было сказано, всѣ реакціи менѣе 80 σ , считая ихъ преждевременными, тѣмъ болѣе, что реагирующимъ они также казались очень короткими.

Возстановивъ исключенныя цифры, мы получимъ слѣдующую таблицу (Табл. IV).

Приведенныя въ таблицѣ 200 короткихъ реакцій составляютъ реакціи изъ 2500 опытовъ. Приблизительно то же количество, скорѣе большее, приходится на исключенныя реакціи, имѣвшія болѣе 250—300 σ . Такимъ образомъ, короткія реакціи составляютъ около 8⁰/₁₀ общаго числа реакцій. Изъ этихъ короткихъ реакцій 80, т.-е. около 40⁰/₁₀ всего ихъ числа, имѣютъ менѣе 5 σ продолжительности. Исключеніе этихъ реакцій не имѣетъ, конечно, большого значенія по отношенію къ величинѣ средней, такъ какъ имъ соотвѣтствуетъ довольно значительное число реакцій болѣе 250 — 300 σ , которыя также исключаются.

Но самое исключеніе этихъ реакцій не имѣетъ достаточныхъ оснований, такъ какъ изъ вышеизложеннаго видно, что такія малыя реакціи существуютъ въ дѣйствительности и не относятся къ преждевременнымъ.

Таблица IV.

Менѣ 10 с	Менѣ 20 с	Менѣ 30 с	Менѣ 40 с	Менѣ 50 с	Менѣ 60 с	Менѣ 70 с	Менѣ 80 с
5	13	28	32	47	58	63	75
6	15	21	32	47	56	63	77
1	17	21	30	47	57	64	72
	17	23	30	42	51	65	79
	19	23	31	44	50	65	73
		23	39	43	57	62	74
		25	36	45	59	65	79
		26	36	45	56	65	78
		28	33	49	57	61	76
		28	36	49	54	69	70
		23	39	40	58	69	73
		28	39	48	57	60	73
		29	39	47	55	62	77
		26	31	40	51	62	79
		22	33	49	55	67	70
		29	30	49	58	69	73
		26		45	54	64	73
		20		49	50	62	74
		24		47	56	63	70
		25		40	50	69	77
		20		46	53	60	72
		23		48	58	69	78
		23		48	50	62	70
		22		40	51	69	76
		28		48	51	62	70
		25		43	58	63	76
				48	50	63	70
				40	59	63	70
				40	56	60	75
				40	57	63	78
				46	50	60	73
					55	67	71
						65	78
						67	76
						63	73
						65	75
						65	79
						60	72
						65	74
						60	70
						68	
						63	
						63	
						60	
						60	
						60	
						64	

13. Реакціи на сходство и различіе.

Для опредѣленія времени реакціи на сходство и различіе мы пользовались свѣтомъ Гейсслеровыхъ трубокъ, освѣщавшихъ бѣлую карточку, на которой находились цвѣтные круги, черныя фигуры, портреты, буквы или слова. Величина изображеній показана на рисункахъ. Освѣщаемое поле, очерченное линіей, имѣетъ $2\frac{1}{2}$ сант. ширины и 1 сант. длины, тогда какъ отверстие нашей ширмы имѣетъ только 2 сант. въ поперечникѣ, что происходитъ отъ того, что карточка не прилегаетъ къ отверстию въ ширмѣ, но находится на разстояніи приблизительно 2 сант., такъ какъ между ширмой и карточкой лежатъ Гейсслеровы трубки.

а) *Цвѣта.* Для опредѣленія реакціи на сходство или различіе

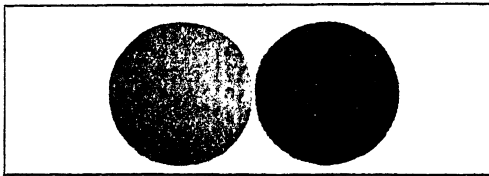

Рис. 16.

цвѣтовъ мы пользовались образцами красокъ фабрики Кинга, что давало намъ возможность безъ труда получить большое количество кружковъ, окрашенныхъ крас-

ками различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Мы помѣщали на карточкѣ рядомъ или два одинаковыхъ, или два разныхъ образца (рис. 16).

Карточка освѣщалась Гейсслеровыми трубками, и какъ только реагирующій распознавалъ, сходныя или различныя цвѣта находились передъ его глазами, онъ отпускалъ ключъ. При этомъ мы совсѣмъ не вводили условія реагировать только на сходство или только на различіе, желая совершенно устранить вліяніе выбора. Реакція производилась безразлично, были видны сходные или различные цвѣта, которые чередовались въ неправильной послѣдовательности и порядокъ слѣдованія сходныхъ и различныхъ цвѣтовъ былъ иной для каждого реагирующаго.

При отпусканіи ключа, освѣщеніе объектовъ прекращалось и при этомъ только въ видѣ исключенія оставалось сколько-нибудь опредѣленное воспоминаніе о полученномъ впечатлѣніи въ видѣ послѣдовательнаго, образа. Чаше можно было наблюдать, что ошибочно названные, т.-е. не распознанные цвѣта и въ образѣ

воспоминанія оставались нераспознанными или вспоминались ошибочно. Въ большинствѣ же случаевъ оставалось впечатлѣніе, что реакція происходила правильно, т.-е. послѣ дѣйствительнаго опредѣленія сходства или различія.

Такимъ образомъ мы получили для цвѣтовъ слѣдующія цифры:

Таблица V.

Имена.	Сходство.			Различіе.		
	Число опытовъ.	Ср. ар.	Ср. вар.	Число опытовъ.	Ср. ар.	Ср. вар.
С.	10	478	87	10	447	108
М.	10	261	32	10	236	27
Ц.	9	230	66	9	185	37
Т.	10	225	34	10	207	18
К.	10	166	22	10	162	28

Большія сравнительно цифры г. С. происходятъ отъ его малой привычки къ реакціямъ.

Во всѣхъ опытахъ реакціи на сходство оказались продолжительнѣе реакцій на различіе. Однако, отсюда нельзя уже сдѣлать заключеніе, что мы имѣемъ передъ собою общій фактъ, такъ какъ нѣсколько времени спустя мы получили слѣдующую таблицу:

Таблица VI.

Имена.	Сходство.			Различіе.		
	Число опытовъ.	Ср. ар.	Ср. вар.	Число опытовъ.	Ср. ар.	Ср. вар.
Ц.	10	236	32	10	210	29
В.	10	210	37	10	212	26
Х.	9	200	46	10	193	45
Т.	9	207	26	9	189	19
К.	10	159	28	10	162	24

Въ этой таблицѣ у 2 лицъ (В. и К.) реакція на различіе оказалась больше реакціи на сходство. Правда, разница очень малая въ 2 и 30, такъ что ее нельзя принимать во вниманіе, но у г. К. и въ предыдущей таблицѣ разница была всего въ 45. И у другихъ лицъ разница не была особенно рѣзкой, такъ что продолжительность реакціи на сходство въ общемъ лишь немного

болѣе реакціи на различіе, приче́мъ это отноше́ніе для одного и того же лица можетъ стать обратнымъ.

Болѣе значе́ніе имѣетъ то обстоятельство, что время реакціи

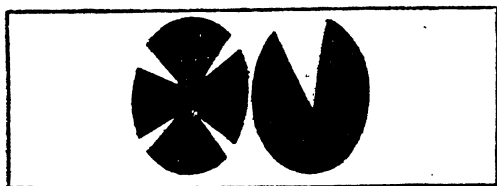

Рис. 17.

какъ на сходство, такъ и на различіе весьма близко ко времени простой реакціи, что весьма понятно, такъ какъ продолжительность и простой реакціи болѣе чѣмъ доста-

точно для воспріятія цвѣта.

б) *Фигуры*. То же надо сказать относительно фигуръ. Опыты производились такъ же, какъ и съ цвѣтами. На бѣломъ фонѣ появлялись двѣ черныя фигуры (рис. 17), то одинаковыя, то различныя. Появленію освѣщенія предшествовалъ сигналъ. Цифры находятся въ слѣдующей таблицѣ:

Таблица VII.

Имена.	Сходство.			Различіе.		
	Число опытовъ.	Ср. ар.	Ср. вар.	Число опытовъ.	Ср. ар.	Ср. вар.
В.	10	180	41	10	240	52
М.	9	190	40	10	219	23
Ц.	10	198	42	10	187	40
Т.	10	151	17	10	147	10

У двухъ лицъ реакція оказалась больше на различіе и у двухъ

больше на сходство. И здѣсь наиболѣе равномерныя реакціи съ наименьшей средней вариацией равняются времени простой реакціи.

Рис. 18.

с) *Портреты*.

Опыты съ портретами производились такимъ же образомъ. Для сравненія брались или двѣ одинаковыя фотографіи одного и того же лица, или двѣ фотографіи различныхъ лицъ (рис. 18).

При этомъ получились слѣдующіе результаты:

Таблица VIII.

Имена.	Сходство.			Различіе.		
	Число опытовъ.	Ср. ар.	Ср. вар.	Число опытовъ.	Ср. ар.	Ср. вар.
В.	11	475	119	6	443	119
Ц.	10	276	38	10	275	76
Х.	9	249	40	9	232	32
Т.	10	237	34	10	244	22
К.	10	204	38	10	177	23

Эта таблица по своему характеру приближается къ таблицѣ V. Реакціи на различіе въ общемъ нѣсколько короче реакцій на сходство. Цифры г. В., повидимому, нѣсколько больше, чѣмъ могутъ быть, такъ какъ разница съ остальными лицами очень велика (443—177), такъ же какъ и средняя варіація (119). При опытахъ съ портретами обнаружилось, что разница опредѣляется тѣмъ быстрѣе, чѣмъ менѣе въ портретахъ сходныхъ чертъ. Если же портреты представляли хотя общее сходство, то распознаваніе нерѣдко дѣлалось ошибочно или требовало продолжительнаго времени, нѣкоторыя карточки пришлось устранить, такъ какъ онѣ подавали поводъ къ частымъ ошибкамъ. Къ этимъ опытамъ мы еще будемъ имѣть случай вернуться.

А. Тонарсній.

III.

14. Изслѣдованія чувства времени по Kollert'у.

J. Kollert. Untersuchungen über den Zeitsinn. Phil. Stud. B. I.

Работа Kollert'а представляетъ провѣрку и переработку опытовъ Vierordt'а (Der Zeitsinn nach Versuchen. Tüb. 1868) и Mach'а (Sitzungsber. d. Wiener Akad. 1865. B. 51) относительно чувства времени.

1. Ходъ опыта.

Опыты производились по методу едва замѣтныхъ разницъ. Для полученія нормальнаго времени и времени сравненія экспериментаторъ пользовался двумя метрономами, которые можно было останавливать посредствомъ электромагнитовъ желѣзными якорь-

ками, прикрѣпленными къ верхнимъ концамъ маятниковъ. Моментальное открытіе токовъ въ электромагнитахъ вызывало два удара или одинъ тактъ метронома. Одинъ изъ метрономовъ выбивалъ постоянно нормальное время t ; его регуляторъ оставался при каждомъ отдѣльномъ рядѣ опытовъ въ томъ же положеніи. Другой метрономъ отбивалъ послѣ известной паузы δ время сравненія ϑ ; его регуляторъ передвигался послѣ каждого отдѣльнаго опыта, измѣняя время сравненія. Наблюденія производились такимъ образомъ, что въ каждомъ отдѣльномъ рядѣ опытовъ сначала выбивалось нормальное время t , а затѣмъ, послѣ паузы δ —время сравненія ϑ . При первомъ опытѣ въ каждомъ рядѣ ϑ принималось равнымъ t , а затѣмъ, путемъ передвиженія регулятора второго метронома, укорачивалось или удлинялось, и эти укорачиваніе или удлиненіе продолжались до тѣхъ поръ, пока время сравненія не являлось для всѣхъ реагентовъ очевидно меньшимъ или бѣльшимъ, чѣмъ нормальное время. По достиженіи этой границы регуляторъ второго метронома снова передвигался до тѣхъ поръ, пока различіе между нормальнымъ временемъ и временемъ сравниваемымъ снова не представлялось всѣмъ реагентамъ = 0. Напр.:

$$t=0.400$$

$$\vartheta=0.400 \quad 0.380 \quad 0.350 \quad 0.320 \quad 0.350 \quad 0.380 \quad 0.400$$

Сужденіе—равно меньше м. м. м. м. равно.

или:

$$t=0.400$$

$$\vartheta=0.400 \quad 0.423 \quad 0.447 \quad 0.476 \quad 0.500 \quad 0.536 \quad 0.500 \quad 0.476 \quad 0.447 \quad 0.400$$

Сужд.—равно больше б. б. б. б. б. р. р. р.

Какъ видно изъ этого примѣра, каждый рядъ опытовъ даетъ четыре величины времени сравненія: 1) меньшее, 2) снова равное, 3) большее, 4) снова равное, — которыя группируются парно: 1) меньшее+снова равное, 2) большее+снова равное.

Обозначимъ ариѳметическія среднія $\frac{\text{меньшее} + \text{снова равное}}{2}$ и $\frac{\text{большее} + \text{снова равное}}{2}$, т.-е. ариѳ. среднія изъ замѣтно и незамѣтно отличающихся временъ сравненія, черезъ ϑ_1 и ϑ_2 , тогда эти величины будутъ представлять тѣ времена сравненія, которыя кажутся едва-замѣтно меньшими или большими, чѣмъ нормальное время.

Во всѣхъ опытахъ δ принималось $=t$, такъ что въ каждомъ отдѣльномъ опытѣ метрономы выбивали 3 такта, изъ которыхъ послѣдній по мѣрѣ надобности измѣнялся.

2. Результаты наблюдений.

Въ качествѣ нормальныхъ временъ брались 0,4; 0,5; 0,7; 0,8; 1,0; 1,2". Въ слѣдующихъ ниже таблицахъ содержатся разницы $\vartheta_1 - t = d_1$ и $\vartheta_2 - t = d_2$, изъ которыхъ первая, разумѣется, отрицательна, а вторая положительна. Если вывести среднее ариѐмет. изъ ϑ_1 и ϑ_2 , а именно $\frac{\vartheta_1 + \vartheta_2}{2} = T$, то T будетъ то время, которое эквивалентно въ нашемъ сознаниіи t ; поэтому T можно назвать *средней величиной оцѣнки* нормального времени t . Обыкновенно T не совпадаетъ вполнѣ съ t , но сопровождается постоянной ошибкой $\Delta = T - t$, причѐмъ для меньшихъ временъ эта ошибка положительна, а для большихъ отрицательна, — результатъ согласный въ общемъ съ результатами Vierordt'a; только на известной точкѣ безразличія эта «*средняя ошибка въ оцѣнку*» $= 0$.

При обработкѣ наблюдений выяснилось распадѣніе наблюдений на двѣ группы, которыя, при общемъ согласіи результатовъ, различаются тѣмъ, что одна (группа «аномальныхъ опытовъ») представляетъ максимум Δ на тѣхъ высотахъ, гдѣ въ другой (группѣ «нормальныхъ опытовъ») $\Delta = 0$. Изъ таблицы, показывающей отношеніе числа нормальныхъ и аномальныхъ опытовъ при различныхъ величинахъ t явствуетъ, что наибольшій контин-

t	Число нормальн. оп.	Число аномальн. оп.	Общее число опытовъ.
0,4	17	9	26
0,5	21	11	32
0,7	25	5	30
0,8	20	7	27
1,0	17	7	24
1,2	25	3	28

гентъ аномальныхъ опытовъ даютъ наименьшія времена: 0,4—0,5", что объясняется отчасти изъ того, что здѣсь невыдерживаніе экспериментаторомъ точнаго интервала δ оказывало гораздо большее вліяніе, чѣмъ при большихъ временахъ t . Что касается до

появленія аномальныхъ опытовъ вообще, то по инымъ днямъ они появлялись въ очень большомъ количествѣ, иногда даже среди нормальныхъ,—фактъ, которому авторъ не находитъ объясненія.

а. Нормальные опыты.

Нижеслѣдующая таблица представляетъ среднія величины d_1 , d_2 и Δ для всѣхъ реагентовъ, принимавшихъ участіе въ опытахъ.

t	d_1	d_2	Δ
0,4	-0,018	+0,090	+0,036
0,5	0,044	0,098	0,026
0,7	0,044	0,055	0,005
0,8	0,073	0,060	-0,006
1,0	0,107	0,063	0,022
1,2	0,206	0,074	0,066

Уже изъ этой таблицы явствуетъ, что 1) между величинами t , равными 0,7" и 0,8" лежитъ величина t , при которой $\Delta = 0$, и которая представляетъ ту точку безразличія, гдѣ субъективная оцѣнка времени совпадаетъ съ дѣйствительнымъ временемъ; 2) что времена, лежащія ниже этой точки безразличія, переоцѣниваются, а лежащія выше не дооцѣниваются.—Вычисляя среднюю величину Δ по формулѣ $\Delta = a - be^t$, гдѣ a и b суть нумерическія постоянныя (опредѣленныя по методу наименьшихъ квадратовъ), а e — основаніе натуральн. логарием. ($e = 2,7183$), находимъ, что величина t , при которой $\Delta = 0$, равна 0,755". Вычисляя далѣе процентное отношеніе d_1 и d_2 къ t , имѣемъ:

t	для d_1	для d_2
0,4	4,5 ⁰ / ₀	22,0 ⁰ / ₀
0,5	8,8	19,6
0,7	6,3	7,9
0,8	9,1	7,5
1,0	10,7	6,3
1,2	17,2	6,2

откуда еще яснѣе, чѣмъ изъ абсолютныхъ величинъ d_1 и d_2 явствуетъ, что по мѣрѣ нарастанія нормального времени t , постепенное нарастаніе d_1 (т.-е. въ концѣ концовъ недооцѣнки) со-

проводяется параллельнымъ убываніемъ d_2 (т.-е. переотѣнки) и наоборотъ.

Еще важнѣе обратныя отношенія этихъ величинъ, такъ какъ ими измѣряется чувствительность къ разницамъ въ нашемъ чувствѣ времени; во избѣжаніе черезчуръ маленькихъ цифръ, помножимъ эти количества на 100, т.-е. возьмемъ въ качествѣ мѣрилъ чувствительности къ разницѣ время $\frac{t}{d_1}$ и $\frac{t}{d_2}$, обозначая ихъ черезъ E_1 и E_2 :

t	E_1	E_2
0,4	22,2	4,4
0,5	11,4	5,1
0,7	15,9	12,7
0,8	11,0	13,3
1,0	9,3	15,9
1,2	5,8	16,2

Отсюда видно, какъ по мѣрѣ нарастанія нормального времени ослабляется чувствительность къ разницамъ въ уменьшеніи его и наоборотъ усиливается чувствительность къ разницамъ въ увеличеніи.

в. Аномальные опыты.

Таблица, представляющая среднія величины d_1 , d_2 и Δ для всѣхъ реагентовъ:

t	d_1	d_2	Δ
0,4	-0,047	+0,051	+0,002
0,5	0,037	0,054	0,008
0,7	0,041	0,116	0,037
0,8	0,041	0,082	0,020
1,0	0,094	0,108	0,007
1,1	0,140	0,140	0,000

Отсюда видно, какъ при аномальныхъ опытахъ Δ достигаетъ своего maximum'a тамъ, гдѣ при нормальныхъ опытахъ лежитъ точка безразличія; здѣсь же она отодвинута до 1,2".—Выражая, какъ и выше, d_1 и d_2 въ ‰ нормального времени, имѣемъ:

t	$100. \frac{d_1}{t}$	$100. \frac{d_2}{t}$
0,4	11,7	12,7
0,5	7,4	10,8
0,7	5,9	16,6
0,8	5,1	10,2
1,0	6,4	10,8
1,2	11,7	11,7

Т. е. процентное отношеніе d_1 достигаетъ около 0,8" своего minimum'a, а d_2 —maximum'a; однако повышеніе и пониженіе здѣсь не столь ясны, какъ при нормальныхъ опытахъ. Что же касается до величинъ E_1 и E_2 , то онѣ не представляютъ въ этой группѣ никакого законѣрнаго порядка.

А. Басистовъ.

15. Иллюзія зрѣнія Poggendorff'a.

W. Wundt: Physiologische Psychologie. 1893.—A. Thiéry: Ueber geometrisch-optische Täuschungen. Phil. Stud. B. XI.—Duprat: Experience sur une illusion visuelle normale. Rev. phil. 1896, I.—H. v. Helmholtz: Handbuch d. physiol. Optik. 1894.

Если двѣ параллельныя линіи пересѣчь наклонною прямою и отрѣзокъ послѣдней, приходящійся между этими параллельными, стереть, то оставшіяся части наклонной не кажутся продолженіемъ одной прямой, но одинъ отрѣзокъ кажется лежащимъ выше, другой—ниже (рис. 19). Въ наличности этой иллюзіи можно убѣдиться трояко. Во-первыхъ, въ этомъ убѣждаетъ непосредственное разсмотрѣніе указаннаго чертежа. Во-вторыхъ, если начертить кажущееся продолженіе отрѣзка, то человекъ, ничего не знающій объ иллюзіи, считаетъ его дѣйствительнымъ продолженіемъ; отъ этого обмана нельзя отдѣлаться и въ томъ случаѣ, если существованіе иллюзіи извѣстно. Въ-третьихъ, если начертить параллели и одинъ только отрѣзокъ и попросить начертить продолженіе этого отрѣзка за другую параллелью, не позволяя измѣнять положенія рисунка и переносить карандашъ за ту параллель, отъ которой чертится продолженіе, то это продолженіе никогда не совпадаетъ съ дѣйствительнымъ, но лежитъ выше или ниже послѣдняго, смотря по условіямъ опыта.

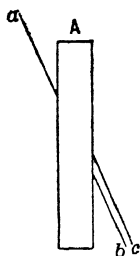

Рис. 19.

Относительно условий, при которых иллюзія имѣеть мѣсто, мы имѣемъ слѣдующія указанія:

1. При прочихъ равныхъ условіяхъ обманъ увеличивается при вертикальномъ положеніи параллелей, уменьшается при горизонтальномъ (Wundt).

2. Обманъ увеличивается по мѣрѣ увеличенія разстоянія между параллелями (Thiéry).

3. Обманъ увеличивается по мѣрѣ уменьшенія угла наклона прямой къ параллелямъ (Duprat).

4. Иллюзія увеличивается, чѣмъ дальше отодвигать чертежъ (Helmholtz).

5. Иллюзія достигаетъ maximum'a (при прочихъ равныхъ условіяхъ), если отрѣзки наклонной равны (Thiéry).

6. Иллюзія уменьшается, если стереть параллели, оставивъ одни отрѣзки наклонной.

Изъ условий уничтожающихъ иллюзію, кромѣ противоположныхъ вышеприведеннымъ, извѣстно только одно: если повернуть чертежъ такъ, чтобы наклонная принимала горизонтальное или вертикальноеположеніе, то иллюзія исчезаетъ (Duprat).

Существуетъ нѣсколько объясненій этой иллюзии. Thiéry думаетъ, что иллюзія обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что мы преувеличиваемъ размѣры острыхъ угловъ, которые образуетъ наклонная съ параллелями. Но это преувеличеніе, думаетъ онъ, происходитъ вслѣдствіе ложной стереоскопіи. Hering рисовалъ интересующую насъ фигуру на задней сторонѣ неполированного стекла. Тогда казалось, что параллели и поперечная наклонная лежатъ въ разныхъ плоскостяхъ: одинъ отрѣзокъ казался лежащимъ въ плоскости, находящейся за параллелями, другой—выступалъ впередъ. Thiéry, исходя отчасти изъ этого соображенія, находитъ, что и безъ помощи упомянутого стекла параллели кажутся лежащими впереди непрерывной наклонной, заслоняя часть ея. Поэтому-то мы и преувеличиваемъ безсознательно острые углы. Представимъ, что прямоугольный треугольникъ heE (рис. 20) вращается около катета, he . Тогда гипотенуза eE описываетъ поверхность конуса. При этомъ величина

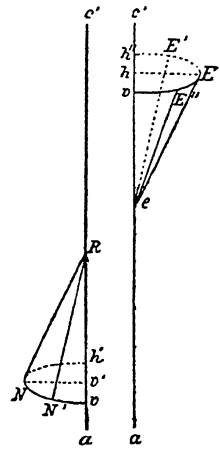

Рис. 20.

угла hEe , оставаясь все время постоянною,* различно воспринимается нами въ различныхъ положеніяхъ. Всего больше уголь зрѣнія, подъ которымъ мы видимъ уголь heE , бываетъ тогда, когда треугольникъ heE лежитъ въ одной плоскости съ параллелями; уголь зрѣнія уменьшается по мѣрѣ того, какъ треугольникъ heE удаляется съ плоскости параллелей въ ту или другую сторону и достигаетъ нуля, когда онъ помѣстится въ плоскости, перпендикулярной къ плоскости параллелей. Поэтому углы heE' и heE'' равные углу heE , воспринимаются нами меньше, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Теперь, когда мы смотримъ на занимающій насъ рисунокъ, отрѣзки наклонной, по увѣренію Thiéry, кажутся намъ лежащими не въ одной плоскости съ параллелями.

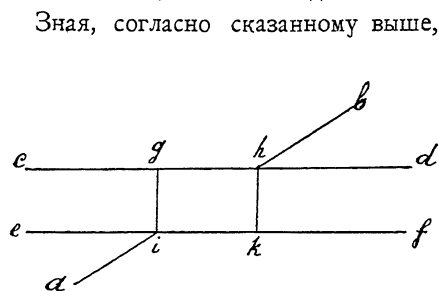

Рис. 21.

Зная, согласно сказанному выше, по опыту, что при такомъ положеніи острый уголь, образуемый наклонной съ параллелями, кажется намъ меньше его обыкновенной величины, мы преувеличиваемъ его размѣры. Вслѣдствіе этого одинъ отрѣзокъ наклонной отклоняется въ одну сторону, другой въ противоположную, и одинъ

не кажется продолженіемъ другого.

Wundt думаетъ, что если ложная стереоскопія и играетъ какую-нибудь роль при указанной иллюзіи, то она все-таки не можетъ быть признана факторомъ первичнымъ. Помимо увеличенія угловъ иллюзія обуславливается еще преувеличеніемъ параллелей. Вслѣдствіе организаціи нашихъ глазныхъ мышцъ, мы обыкновенно считаемъ вертикальныя линіи болѣе длинными, чѣмъ равныя имъ горизонтальныя; поэтому, при вертикальномъ положеніи параллелей, hg и ik (рис. 21) безсознательно увеличиваются нами, такъ что ai опускается внизъ, hb поднимается вверхъ, и одинъ отрѣзокъ не кажется продолженіемъ другого. Этимъ, по мнѣнію Wundt'a, объясняется то обстоятельство, что при вертикальномъ положеніи параллелей иллюзія кажется больше, чѣмъ при горизонтальномъ. Въ послѣднемъ случаѣ она тѣмъ не менѣе не исчезаетъ, потому что здѣсь вліяетъ преувеличеніе острыхъ угловъ, которое однако первично обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что заполненное про-

странство кажется намъ всегда больше не заполненнаго, острые углы больше ихъ объективной величины, тупые меньше.

Объясненіе Durgat примыкаетъ отчасти къ объясненію Wundt'a. Такъ какъ отрѣзки наклонной падаютъ на различныя части ретины, мышцы каждаго глаза сокращаются различнымъ образомъ. Поэтому, одинъ отрѣзокъ кажется выше, другой — ниже.

Helmholz объясняетъ эту иллюзію тѣмъ, что мы преувеличиваемъ размѣры острыхъ угловъ, но думаетъ, что это происходитъ не вслѣдствіе того, что мышцы глазъ различно сокращаются, но вслѣдствіе того, что острые углы, «какъ ясно ограниченныя малыя величины», при сравненіи съ тупыми или прямыми углами, кажутся большими. Движеніе глаза, по мнѣнію Helmholtz'a, не оказываетъ существеннаго вліянія на усиленіе иллюзіи. Это дока-

Рис. 22.

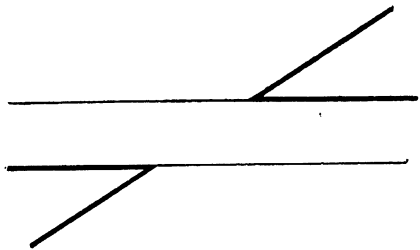

Рис. 23.

зывается, по его мнѣнію, тѣмъ, что иллюзія не исчезаетъ при освѣщеніи рисунка электрическими искрами въ продолженіе возможно короткаго времени, когда глазъ не успѣваетъ произвести сколько-нибудь замѣтнаго движенія.

Наши наблюденія приводятъ насъ къ убѣжденію, что перечисленныя объясненія, взятая порознь, недостаточны, и что эта иллюзія обуславливается совокупностью многихъ причинъ.

1. Объясненіе, утверждающее, что иллюзія происходитъ вслѣдствіе преувеличенія острыхъ угловъ и вертикальныхъ параллелей, не указываетъ всей совокупности причинъ, потому что, устранивъ и острые углы, и вертикали, нельзя устранить иллюзіи (рис. 22). Очевидно, что обманъ зрѣнія въ этомъ случаѣ подтверждаетъ объясненіе Durgat: иллюзія обуславливается тѣмъ что отрѣзки наклонной падаютъ на различныя части ретины.

2. Однако, послѣднее объясненіе также неполно. Не пережѣ-

няя положенія рисунка, можно уничтожить иллюзію, очертивъ стороны острыхъ угловъ (рис. 23). Несмотря на то, что изображеніе отрѣзковъ падаетъ въ этомъ случаѣ также на разныя части ретины, иллюзія или значительно уменьшается или совершенно исчезаетъ. Этотъ случай противорѣчитъ, повидимому, и объясненію Helmholtz'a о значеніи преувеличенія острыхъ угловъ, какъ болѣе ясно очерченныхъ. Если бы дѣйствительно такова была причина преувеличенія острыхъ угловъ, то въ нашемъ случаѣ иллюзія должна бы увеличиваться; на самомъ дѣлѣ она исчезаетъ.

3. Этотъ способъ уничтоженія иллюзіи говоритъ скорѣе въ пользу объясненія даваемого Thiéry. Иллюзія, по его мнѣнію, обусловливается тѣмъ, что параллели и сѣкущая кажутся лежащими въ разныхъ плоскостяхъ. Очертивъ стороны острого угла, мы

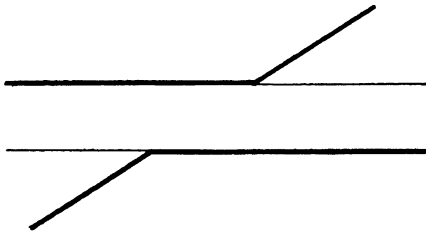

Рис. 24.

уничтожаемъ эту ложную стереоскопію, потому иллюзія исчезаетъ. 4. Однако, если это такъ, то не должна ли исчезать иллюзія и въ томъ случаѣ, если вмѣсто сторонъ острыхъ угловъ, рѣзко очертить стороны тупыхъ. Опытъ показываетъ, что иллюзія, напротивъ, увеличивается (рис. 24). Но это кажущееся противорѣчіе устраняется слѣдующимъ соображеніемъ. Очертивъ стороны тупыхъ угловъ, мы выдвигаемъ на первый планъ одну изъ причинъ иллюзіи, которую упускаетъ изъ виду Thiéry но которую указываетъ Wundt, именно преувеличеніе вертикальныхъ линій.

5. Объясненіе Thiéry исходящее изъ предположенія ложной стереоскопіи, подтверждается между прочимъ и слѣдующимъ опытомъ: Начертивъ кругъ, проведемъ на равномъ разстояніи отъ центра двѣ параллели и дуги, приходящіяся между параллелями сотремъ. Проведя затѣмъ сѣкущую, мы найдемъ, что иллюзія сдѣлалась гораздо сильнѣе. Причина тому кроется, повидимому, въ томъ, что кругъ, на которомъ лежатъ отрѣзки сѣкущей, и параллели кажутся лежащими въ разныхъ плоскостяхъ; представляется, будто на кругъ положена доска (рис. 25).

6. Не остаются безъ вліянiя на эту иллюзію и явленiя контраста. Если вмѣсто параллелей взять двѣ дуги, то иллюзія значительно увеличивается (рис. 26). Отклоняющіеся, какъ и обык-

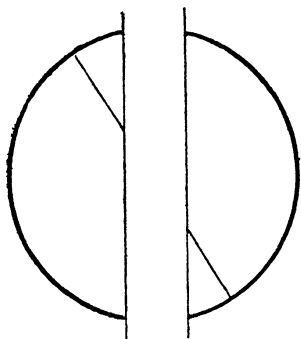

Рис. 25.

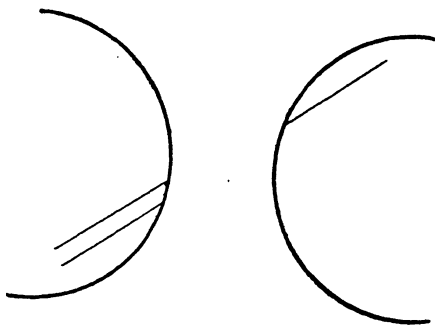

Рис. 26.

новенно, отрѣзки сѣкущей вслѣдствіе преувеличенiя острыхъ угловъ должны въ данномъ случаѣ отклоняться еще болѣе, потому что дуги выдаются въ противоположную сторону.

Д. Викторовъ, студ. фил.

16. О мускульной и сенсоріальной реакціи по L. Lange.

L. Lange: Neue Experimente über den Vorgang der einfachen Reaction auf Sinneseindrücke. Phil. Stud. B. IV.

Экспериментальныя изслѣдованія изложенныя въ этой работѣ были предприняты съ цѣлью изучить вопросъ о вліянiи состоянiя ожиданія на апперцепцію чувственныхъ впечатлѣній.

Казалось едва ли подлежащимъ сомнѣнiю, что апперцептивное воспріятіе совершается тѣмъ быстрѣе, чѣмъ напряженнѣе ожиданіе, тѣмъ не менѣе истинное значеніе вліянiя ожиданія могло быть выяснено только путемъ экспериментальнаго изслѣдованія.

Примѣненъ былъ методъ измѣренія времени реакцій. Трудность работы заключалась, конечно, не въ измѣреніи времени реакцій, которое отмѣчалось аппаратами, а въ опредѣленіи той степени напряженности, которую испытывалъ экспериментаторъ, и такъ какъ прямое измѣреніе здѣсь едва ли возможно, то пришлось примѣнить способъ сравнительныхъ измѣреній.

Если реагентъ, т.-е. то лицо, которое должно реагировать движеніемъ на извѣстное чувственное впечатлѣніе, будетъ каж-

дый разъ предупреждаемъ о появленіи раздраженія посредствомъ условнаго сигнала, то испытываемое имъ напряженіе вниманія, которое до появленія сигнала умышленно было минимальнымъ, съ момента появленія этого сигнала возрастаетъ, достигаетъ своего maximum'a, затѣмъ въ теченіе нѣкотораго времени остается неизмѣннымъ и наконецъ, подвергается судорожнымъ колебаніямъ.

Слѣдовательно, если между сигналомъ и главнымъ раздраженіемъ мы будемъ дѣлать интервалы различной продолжительности, то раздраженіе будетъ наступать при различныхъ степеняхъ ожиданія. Всѣ ниже описанные опыты были произведены съ слуховыми впечатлѣніями.

Экспериментаторъ и реагентъ помѣщались въ различныхъ комнатахъ. Сигналомъ служилъ ударъ электрическаго колокольчика, а главнымъ раздраженіемъ, т.-е. тѣмъ, на которое реагировали, — ударъ молотка о наковальню. Приборомъ, записывавшимъ время, служилъ хроноскопъ Гиппа старой конструкціи, гальванической батареей—элементы Мейдингера, токъ отъ которыхъ приводился сначала къ коммутатору. Аппараты были установлены слѣдующимъ образомъ (рис. 27):

В — батарея, С — коммутаторъ. Отъ коммутатора токъ раздѣляется: одна вѣтвь идетъ черезъ хроноскопъ Ch и реохордъ Rh обратно къ коммутатору, другая—въ комнату реагента къ молотку S, затѣмъ отъ лежащей подъ нимъ наковальни a къ клавишѣ T и отъ нея обратно въ комнату экспериментатора къ коммутатору.

На пути къ послѣднему былъ включенъ еще контрольный аппаратъ F, который служилъ для того, чтобъ опредѣлять ошибку показаній хроноскопа, вслѣдствіе слишкомъ сильнаго или слишкомъ слабаго тока батареей, словомъ, чтобъ опредѣлять «электромагнитную поправку». Эта поправка при вычисленіи среднихъ всегда принималась во вниманіе.

При работѣ контакты о и и въ контрольномъ аппаратѣ должны, конечно, быть оба замкнуты, чтобы токъ свободно проходилъ черезъ аппаратъ.

Время между сигналомъ и ударомъ молотка измѣнялось маятникомъ дававшимъ 2 удара въ секунду. Этотъ маятникъ, проходя черезъ точку равновѣсія, замыкалъ каждый разъ токъ при помощи ртутнаго замыкателя, отъ котораго токъ шелъ въ двухъ направленіяхъ—къ сигнальному звонку и къ ударному молотку. Въ

каждомъ изъ этихъ направлений находилось еще по ргутному ключу съ пружиной.

При нажатіи пальцемъ токъ замыкался и если нажимался одинъ ключъ, то каждую секунду получался, въ зависимости отъ качанія маятника, ударъ сигнальнаго колокольчика, если нажимался другой,—ударъ молотка.

Такимъ образомъ, при помощи такихъ замыкателей, можно

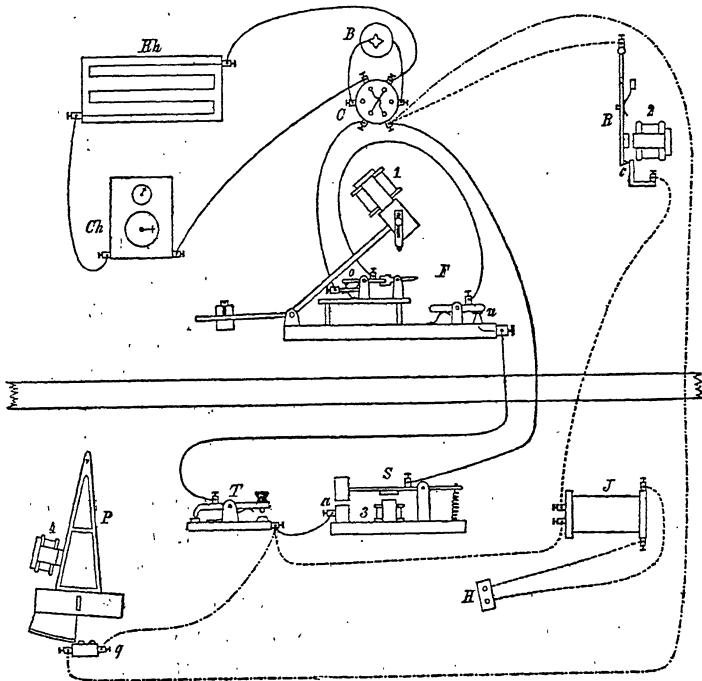

Рис. 27.

было получать интервалы въ 1, 2, 3, 4 и болѣе секундъ. Для полученія интерваловъ менѣе одной секунды мы должны были употреблять особый аппаратъ. При помощи электрическаго звонка реагентъ могъ давать во время работы условные знаки въ комнату экспериментатора; такимъ образомъ отмѣчались и вычеркивались реакціи, которыя реагирующій считалъ почему-либо ошибочными.

Изъ общаго числа полученныхъ реакцій не всѣ считались год-

ными для выводовъ и при вычисленіи средней вычеркивались слѣдующія:

I. Признанныя ошибочными самимъ реагентомъ.

II. 2 или 3 первыя реакціи ряда, если онѣ сильно отличались отъ средней. До опыта нужно дѣлать нѣсколько реакцій, чтобы дать возможность реагенту ориентироваться и научиться избѣгать вліянія постороннихъ мыслей.

III. Реакція, слѣдовавшая непосредственно за ошибочной. Такая реакція часто рѣзко отличается отъ нормальной, вслѣдствіе того что реагентъ находится еще подъ неприятымъ впечатлѣніемъ только-что сдѣланной ошибки.

IV. Реакціи преждевременныя. Если интервалъ сохраняется постояннымъ въ теченіе цѣлаго ряда опытовъ, то при малой продолжительности послѣдняго легко можетъ случиться, что реагентъ непосредственно за воспріятіемъ сигнала болѣе или менѣе сознательнымъ образомъ воспроизводитъ интервалъ и оказывается готовымъ отвѣтить условленнымъ движеніемъ на главное раздраженіе одновременно съ появленіемъ послѣдняго подобно тому, какъ охотникъ цѣлитъ впередъ летящей птицы.

Полученныя такимъ образомъ цифры естественно не имѣютъ значенія, онѣ могутъ быть даже отрицательными, такъ какъ стрѣлка хроноскопа при этомъ едва двигается или даже остается неподвижной.

Подобнаго рода реакціи обыкновенно отмѣчались какъ ошибочныя самими реагентами, но и среди реакцій не отмѣченныхъ такимъ образомъ попадались реакціи чрезвычайно короткія.

Чтобы установить границу между реакціями короткими и преждевременными, L. Lange собралъ возможно большее количество реакцій при различныхъ мѣнявшихся интервалахъ—то въ 1 сек., то въ 2, то въ 3 и болѣе; наименьшія, полученныя при этомъ реакціи были признаны за minimum нормальныхъ и всѣ болѣе короткія реакціи вычеркивались.

Количество преждевременныхъ реакцій уменьшалось почти до нуля, вслѣдствіе многихъ причинъ, именно:

1. Вслѣдствіе опытности реагента.
2. Вслѣдствіе того, что промежутокъ между реакціями брался въ 30 секундъ, что имѣло и то значеніе, что реагентъ могъ дать себѣ отчетъ въ произведенномъ опытѣ.
3. Вслѣдствіе того, что обращалось большое вниманіе на то,

что реагентъ долженъ напрягать свое вниманіе только послѣ появленія сигнала. Это условіе становится безусловно необходимымъ въ томъ случаѣ, когда производятся опыты съ цѣлью изучить вліяніе величины интервала. Значеніе этого условія заключается въ томъ, что реагентъ не напрягаетъ своего вниманія напрасно и, слѣдовательно, вліяніе утомленія сводится до едва замѣтной степени. Если реагентъ дурно чувствовалъ себя, то опыты съ нимъ не производились.

Среднія ариѳметическія вычислялись изъ 20—30 реакцій и въ большинствѣ случаевъ изъ 25.

Опытъ показали, что можно выдѣлить:

I. Реакціи, при которыхъ реагентъ совсѣмъ не думаетъ о предстоящемъ чувственномъ раздраженіи и возможно болѣе приспособляетъ свою иннервацію къ тому реакціонному движенію, которое онъ долженъ произвести.

II. Реакціи, при которыхъ реагентъ сосредоточиваетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на воспріятіи раздраженія.

Первымъ L. Lange даетъ названіе реакцій мускульныхъ, а вторымъ сенсоріальныхъ. Если иннервація подготавливаетъ движеніе и не чувствуется непосредственно, то изслѣдовать, имѣемъ ли мы мускульное или сенсоріальное напряженіе, можно слѣдующимъ образомъ: рука реагента кладется на подставку, которая неожиданно отдергивается, и если было мускульное напряженіе, то рука не упадетъ, а сдѣлаетъ даже нѣкоторое движеніе кверху, если же не было мускульнаго напряженія, то рука упадетъ.

Кромѣ двухъ крайнихъ типовъ реакцій, мускульной и сенсоріальной, возможенъ еще третій промежуточный типъ, когда вниманіе дѣлится болѣе или менѣе поровну между движеніемъ и воспріятіемъ. Но эти реакціи представляютъ уже меньшій интересъ, и средняя, полученная для нихъ, лежитъ между средними, полученными для двухъ первыхъ типовъ реакцій.

Надо замѣтить еще, что степень ожиданія при обоихъ типахъ реакцій одинакова, измѣняется только направленіе вниманія. Это тѣмъ болѣе слѣдуетъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ неправильное толкованіе можетъ привести къ ошибочному заключенію, что крайнія сенсоріальныя реакціи представляютъ изъ себя просто реакціи безъ вниманія. Ошибочность такого толкованія ясна каждому, кто самъ производилъ подобнаго рода изслѣдованія.

Въ приведенныхъ ниже таблицахъ приняты слѣдующія об-

значенія: а. М.—средняя ариѳметическая, т. V.—средняя вариация, с—0,001 секунды, п—число опытовъ, I—интервалъ, П—периодъ опытовъ, т.-е. промежутокъ между отдѣльными опытами. При реакціяхъ сенсоріальныхъ интервалъ употреблялся различной продолжительности и въ таблицѣ обозначены среднія величины, въ реакціяхъ же мускульныхъ продолжительность интервала оставалась постоянной для каждаго реагента и опредѣлялась опытомъ, какъ наиболѣе удобная. Периодъ равнялся 30 сек. въ опытахъ произведенныхъ до 1-го августа и 40 сек. послѣ 1-го августа.

Н. Ланге.						
Число.	Родъ реакцій.	I.	П.	а. М.	т. V.	п.
28/VI 86	Мускульная	2 сек.	20 сек.	116 с.	8 с.	21
	Сенсоріальная	2 "	20 "	167 "	19 "	27
1/VII 86	Сенсоріальная	3 "	30 "	172 "	21 "	25
	Мускульная	3 "	40 "	126 "	12 "	22
6/VII 86	Сенсоріальная	1 "	30 "	170 "	20 "	25
	Мускульная	1 "	40 "	124 "	10 "	23
А. Бѣлкинъ.						
Число.	Родъ реакцій.	I.	П.	а. М.	т. V.	п.
2/VII 86	Мускульная	2 сек.	40 сек.	137 с.	11 с.	24
	Сенсоріальная	2 "	30 "	174 "	27 "	47

Н. Ланге.						
Сенсоріальныя реакціи.						
Число.	I.	П.	а. М.	т. V.	п.	
8/VII 86	1 сек.	30 сек.	222 с.	21 с.	25	
"	2 "	30 "	216 "	21 "	26	
"	1 "	30 "	232 "	19 "	25	
Общій результатъ			223 с.	20 с.	76	

Н. Ланге.					
Мускульныя реакціи.					
Число.	I.	II.	а. М.	т. V.	п.
12/VII 86	2 сек.	40 сек.	127 с.	8 с.	24
„	2 „	40 „	124 „	11 „	26
13/VII 86'	2 „	30 „	129 „	15 „	24
2/VII 86	2 „	30 „	122 „	11 „	25
Общій результатъ			125 с.	11 с.	99

А. Бѣлкинъ.					
Сенсоріальныя реакціи.					
Число.	I.	II.	а. М.	т. V.	п.
10/VII 86	1 сек.	30 сек.	236 с.	36 с.	30
„	2 „	30 „	235 „	24 „	24
„	1 „	30 „	212 „	25 „	25
„	2 „	30 „	211 „	20 „	26
Общій результатъ			224 с.	26 с.	105
Мускульныя реакціи.					
Число.	I.	II.	а. М.	т. V.	п.
9/VII 86	I сек.	40 сек.	121 с.	9 с.	28
„	I „	40 „	129 „	10 „	21
„	I „	40 „	127 „	10 „	20
„	I „	40 „	133 „	8 „	22
14/VII 86	I „	30 „	133 „	8 „	25
15/VII 86	I „	30 „	156 „	8 „	25
16/VII 86	I „	30 „	150 „	10 „	25
„	I „	30 „	138 „	11 „	23
Общій результатъ			137 с.	9 с.	164

L. Lange.					
Мускульныя реакціи.					
Число.	I.	II.	а. М.	т. V.	п.
24/VII 86 . . .	2 сек.	30 сек.	124 с.	9 с.	27
"	"	30 "	124 "	8 "	21
2/VI 87 . . .	различ. I, 2, 3	30 "	121 "	9 "	25
Общій результатъ			123 с.	9 с.	73
Сенсоріальныя реакціи.					
Число.	I.	II.	а. М.	т. V.	п.
26/VII 86 . . .	3 сек.	30 сек.	231 с.	32 с.	18
"	2 "	30 "	230 "	33 "	19
Общій результатъ			230 с.	32 с.	37

А. Колубовскій.					
Мускульныя реакціи.					
Число.	I.	II.	а. М.	т. V.	п.
12/XI 86 . . .	1 сек.	30 сек.	144 с.	9 с.	25
15/XI 86 . . .	1 "	30 "	145 "	13 "	25
17/XI 86 . . .	1 "	30 "	151 "	9 "	24
Общій результатъ			147 с.	10 с.	74
Сенсоріальныя реакціи.					
Число.	I.	II.	а. М.	т. V.	п.
17/XI 86 . . .	1 сек.	30 сек.	192 с.	24 с.	22

Какъ видно изъ таблицъ, у трехъ реагентовъ получилась довольно значительная разница между реакціями мускульной и сенсоріальной, а именно для Н. Ланге—98, для А. Бѣлкина 87 и для L. Lange 107; замѣтна разница и средней варіаціи при различныхъ типахъ реакцій; для реакцій мускульныхъ она равна въ среднемъ 8—15, въ реакціяхъ же сенсоріальныхъ 20—40. Цифры полученные для г. Колубовскаго L. Lange не считаетъ пригодными для выводовъ за малой сравнительно опытностью реагента.

Кромѣ указанныхъ четырехъ лицъ, опыты производили еще нѣсколько человекъ и у всѣхъ сенсоріальная реакція по длительности значительно превосходила мускульную; цифры полученные для этихъ опытовъ не приводятся, какъ имѣющія мало значенія вслѣдствіи неопытности работавшихъ. L. Lange указываетъ еще на рядъ лицъ, у которыхъ хотя сенсоріальная реакція длиннѣе мускульной, но которымъ при очень упорныхъ занятіяхъ, вопреки желанію, все-таки не удалось получить постоянной средней въ производимыхъ ими опытахъ, что онъ объясняетъ ихъ нервозностью и неспособностью сосредоточить свое вниманіе настолько, чтобъ отличать ошибочныя реакціи отъ удовлетворительныхъ.

Произведенъ былъ еще рядъ опытовъ надъ лицами не упражнявшимися въ работахъ подобнаго рода и незнакомыми съ различіемъ типовъ реакцій, и изъ полученныхъ при этомъ цифръ однѣ приближаются къ средней величинѣ реакцій мускульныхъ, другія—сенсоріальныхъ, что зависитъ, по мнѣнію L. Lange, отъ темперамента реагента. Авторъ замѣчаетъ еще, что слѣдуетъ остерегаться дѣлать выводы изъ цифръ, полученныхъ отъ лицъ, которыя неспособны психологически анализировать содержаніе своего сознанія, такъ какъ опредѣляющія психологическія условія здѣсь будутъ ускользать отъ контроля.

А. Касаткинъ, студ. ест.

17. Время узнаванія и называнія письменныхъ знаковъ, изображеній и цвѣтовъ по Cattell'ю.

J. Cattell: Ueber die Zeit der Erkennung und Benennung von Schriftzeichen, Bildern und Farben. Phil. Stud. В. II.

Cattell произвелъ рядъ опытовъ съ цѣлью опредѣлить время, которое употребляется на распознаваніе и произнесеніе буквъ и словъ.

Послѣ того какъ впечатлѣніе, производимое напечатанною буквой, проникнетъ въ сознание, требуется нѣкоторое опредѣленное время, чтобы различить, что это — буква, и еще время, чтобы распознать, какая это буква.

Далѣе требуется еще нѣкоторое опредѣленное время, чтобы найти соотвѣтствующее движеніе органа рѣчи, чтобы произнести эту букву. Употребляя терминологию Wundt'a, это будетъ время распознаванія и время выбора.

Опыты были произведены при помощи кимографа, какой обыкновенно употребляется для физиологическихъ цѣлей. Онъ состоитъ изъ вращающагося цилиндра, приводимаго въ движеніе часовымъ механизмомъ, причемъ скорость вращенія можетъ быть регулируема по желанію. Чтобы опредѣлить скорость вращенія цилиндра, Cattell пользовался камертономъ, который чертилъ кривую на закопченной поверхности цилиндра. Затѣмъ, такъ какъ скорость вращенія цилиндра оказалась постоянной, онъ опредѣлялъ ее съ помощью хроноскопа. Цилиндръ употреблявшагося кимографа имѣлъ 50 сант. въ окружности и былъ покрытъ бѣлою бумагой, на которой были наклеены буквы на разстояніи 1 сант. одна отъ другой. Были взяты мелкія буквы латинскаго шрифта изъ образцовъ Snellen'a.

Цилиндръ былъ виденъ экспериментирующему черезъ отверстіе въ черной ширмѣ. Это отверстіе имѣло 1 сант. въ высоту, и ширина его могла быть то больше, то меньше, смотря по надобности. Ось цилиндра ставилась вертикально и движеніе совершалось въ направленіи часовой стрѣлки. Экспериментаторъ видѣлъ буквы на поверхности цилиндра черезъ отверстіе въ ширмѣ. Если ширина отверстія устанавливалась въ 1 сант., то видна была черезъ него постоянно только одна буква, при вращеніи же цилиндра буквы, конечно, смѣнялись; если отверстіе устанавливалось въ 2 сант., то видны были 2 буквы и т. д. Если бралась ширина отверстія менѣе 1 сант., то буквы видны были уже по частямъ, затѣмъ нѣкоторое время былъ виденъ бѣлый фонъ, потомъ опять часть буквы и т. д.

Методъ изслѣдованія былъ очень простъ: устанавливалось, на примѣръ, отверстіе въ 1 сант. и цилиндръ приводился въ движеніе; экспериментаторъ смотрѣлъ въ отверстіе и читалъ вслухъ буквы, которыя проходили передъ отверстіемъ съ нѣкоторой умѣренной скоростью. Затѣмъ скорость постепенно увеличивалась и

$\frac{1}{4}$ " , которая употребляется на распознаваніе слѣдующей, т.-е. находящейся непосредственно передъ работающимъ. Произнесеніе есть актъ вполне автоматическій; то же надо сказать и о распознаваніи. При громкомъ чтеніи совершенно не требуется сознательнаго волевого напряженія, чтобы найти такой звукъ, который соотвѣтствуетъ произносимой буквѣ и мы можемъ даже правильно читать, не зная, что именно мы читаемъ.

При отверстіи въ 2 сант., когда видны 2 буквы, сокращается не только время произнесенія, но и время распознаванія каждой буквы на $\frac{1}{40}$ " , т. е. въ то время, какъ экспериментаторъ воспринимаетъ одну букву, онъ уже готовится или даже начинаетъ воспринимать слѣдующую, такъ что время нужное для различенія второй буквы сокращается. Если отверстіе сдѣлано въ 3 сант. и въ полѣ зрѣнія находятся три буквы одновременно, то время нужное для распознаванія одной буквы сократится на $\frac{1}{60}$ " , но сокращеніе обусловленное появленіемъ одновременно третьей буквы уже не такъ значительно, какъ обусловленное появленіемъ второй, когда она присоединяется къ первой. Этимъ объясняется правильное пониженіе приведенныхъ выше цифръ. Для 2 изъ 9 участвовавшихъ въ опытѣ лицъ при появленіи одновременно четырехъ буквъ не замѣчалось уже никакого сокращенія времени, для другихъ же оно существовало и равнялось приблизительно $\frac{1}{100}$ " . Для 4 лицъ это сокращеніе шло еще дальше (приблизительно $\frac{1}{200}$ ") при появленіи пяти буквъ. Но при появленіи шестой буквы дальнѣйшаго сокращенія не наблюдалось ни у кого изъ участвовавшихъ. Эти опыты показываютъ, что наряду съ представленіемъ, которое находится въ ясномъ пунктѣ сознанія, у нѣкоторыхъ лицъ были еще два, у другихъ три и у четвертыхъ четыре представленія вообще въ полѣ сознанія.

Если, напротивъ, мы сдѣлаемъ отверстіе въ ширмѣ менѣе 1 сант., то произнесеніе буквы и распознаваніе въ то же время слѣдующей не могутъ уже такъ хорошо совпадать. Буква при этихъ условіяхъ не остается въ полѣ зрѣнія столько времени, сколько нужно, чтобъ она апперципировалась, и поэтому нужно, чтобы вниманіе было болѣе сосредоточено на ней, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, и чѣмъ меньшее время буква будетъ находиться въ полѣ зрѣнія, тѣмъ болѣе процессы воспріятія и произнесенія будутъ становиться послѣдовательными, а не сливающимися.

Когда отверстіе будетъ равно 1 мм., то буква будетъ видна,

слѣдовательно, только въ теченіи $\frac{1}{10}$ того времени, которое требуется для апперцепціи ея и произнесенія, и въ этихъ условіяхъ буква будетъ сначала апперципирована, а затѣмъ уже произнесена и даже вѣроятно, что и время ея апперцепціи и время произнесенія будутъ нѣсколько увеличены.

Доказательствомъ точности приведенныхъ въ таблицахъ цифръ можетъ служить то обстоятельство, что когда аппараты были установлены такъ, что буква была видна лишь въ теченіе $\frac{1}{300}$ " и менѣе, — ни распознать, ни прочесть букву становилось невозможно.

Послѣдній столбецъ таблицы показываетъ скорость съ которой перемѣщались буквы передъ ширмой, при чемъ возможно еще было счесть по одной буквы или наклеенные вмѣсто нихъ квадратные кусочки черной бумаги въ 3 мм. каждый при ширинѣ отверстія въ 1 сант.

Изъ разсмотрѣнія этихъ цифръ слѣдуетъ, что для того, чтобы сосчитать буквы, въ общемъ требуется болѣе времени, чѣмъ для того, чтобы ихъ прочесть. Слѣдуетъ однако замѣтить, что точное опредѣленіе времени необходимаго для счета, труднѣе, чѣмъ опредѣленіе времени необходимаго для чтенія, и потому здѣсь результатъ менѣе постояненъ. Cattell нашель, что при расширеніи замѣчалось лишь малое укороченіе, а при суженіи отверстія — малое удлиненіе времени необходимаго для счета. Въ обоихъ случаяхъ это измѣненіе равняется приблизительно $\frac{1}{50}$ ", для разныхъ лицъ немного болѣе или менѣе, смотря по индивидуальности.

Буквы и пятна могутъ быть сосчитаны скорѣе, если они будутъ расположены въ группы по 2 въ каждой и еще скорѣе, если въ группѣ будутъ по 3.

Для J. C. получены слѣдующія цифры:

Считая по одной при ширинѣ отверстія въ 1 ст.	252
„ по группамъ въ 2 буквы при ширинѣ отв. въ 1 ст.	188
„ „ „ „ 3 „ „ „ „ 2 „	134

Слѣдуетъ однако замѣтить, что точное опредѣленіе времени необходимаго для счета труднѣе, чѣмъ опредѣленіе времени необходимаго для чтенія, и потому здѣсь результатъ менѣе постояненъ.

Во второй серіи опытовъ употреблявшійся аппаратъ былъ еще проще, и психическіе процессы, длительность которыхъ измѣрялась, еще болѣе приближаются къ имѣющимъ мѣсто къ дѣйствительной жизни. Имѣлось въ виду опредѣлить время, употре-

бляемое обычно на прочтеніе буквъ, словъ и на распознаваніе цвѣтовъ и изображеній. Для измѣренія времени служилъ карманный хроноскопъ (секундные часы), который пускался въ движеніе, какъ только экспериментаторъ начиналъ читать, и останавливался, какъ только онъ кончалъ. Чтобы пустить и остановить инструментъ, требовалось каждый разъ нѣкоторое время (время реакціи на звукъ), и слѣдовательно инструментъ начиналъ и кончалъ отсчитывать время нѣсколько позднѣе, чѣмъ начинался и оканчивался самый процессъ. Но хроноскопъ, разъ приведенный въ движеніе, идетъ чрезвычайно вѣрно, и такъ какъ Cattell отмѣчалъ разомъ длительность 100 или даже 500 одинаковыхъ психическихъ процессовъ и затѣмъ путемъ вычисленія находилъ время одного психическаго процесса, то ошибка при этомъ ставится такъ-же мала, какъ при всякомъ другомъ хронографическомъ методѣ, гдѣ измѣряется прямо время одного психическаго процесса.

Въ описываемыхъ опытахъ имѣлось въ виду опредѣлить время употребляемое на распознаваніе и прочтеніе буквъ и словъ: во-1-хъ, когда буквы образуютъ слова, а слова—фразы, и во-2-хъ, когда этого не бываетъ.

Для первой группы выбирались отрывки изъ шести различныхъ авторовъ на одномъ изъ шести извѣстныхъ участвовавшимъ въ опытѣ лицамъ языкѣ: на англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, латинскомъ и греческомъ.

Выбраны были слѣдующіе отрывки:

на англійскомъ языкѣ:	Swift.	Gulliver's Travels.	A-voyage to Lilliput.	Chapt. VI.
„ нѣмецкомъ „	Goethe.	Egmont: Egmont's Monolog im Kerker.	V Act, 2 Scene.	
„ французскомъ „	Rousseau.	Emile.	Livre I.	
„ итальянскомъ „	Boccaccio.	Decameron.	Novella I.	
„ латинскомъ „	Tacitus.	Vita Agricolae.	Cap. I.	
„ греческомъ „	Plato.	Apologia.	Cap. I.	

Изъ каждаго отрывка предлагалось прочесть первыя 100 и первыя 500 словъ, а также первыя 100 и первыя 500 буквъ. Слова и буквы читались возможно скорымъ, а слова еще и обычнымъ темпомъ.

Какъ примѣръ чтенія буквъ, не образующихъ словъ, и словъ, не образующихъ фразъ, читались тѣ же слова и буквы въ обратномъ направленіи. При нѣкоторомъ навыкѣ такой порядокъ словъ замедляетъ работу очень незначительно, но, тѣмъ не менѣе,

Cattell приготовилъ еще отдѣльные печатные листы съ 100 англійскими и нѣмецкими буквами и словами. Были взяты обычныя односложныя существительныя, напечатанныя въ строку.

Первый рядъ буквъ состоялъ изъ начальныхъ буквъ и словъ, но только въ обратномъ порядкѣ, и былъ напечатанъ мелкимъ латинскимъ шрифтомъ или нѣмецкими буквами съ такими промежутками, что на протяженіи 12-ти сант. ихъ умѣщалось 20.

Второй рядъ буквъ былъ напечатанъ крупнымъ латинскимъ и нѣмецкимъ шрифтомъ и содержалъ также 100 первыхъ буквъ изъ англійскаго отрывка въ обратномъ порядкѣ.

Найденныя времена приведены въ слѣдующихъ таблицахъ. За единицу времени принята 0,001 секунды. Всѣ приведенныя цифры обозначаютъ среднее по вычисленію время, нужное для прочтенія одной буквы или одного слова. Слова и буквы читались возможно скоро; гдѣ же они читались обычнымъ темпомъ, это обозначено въ таблицахъ особо.

Таблица II.

Я з ы к ъ .	Англійскій.	Нѣмецкій.	Французск.	Итальянскій.	Латинскій.	Греческій.	Среднее.
В.							
100 словъ	344	196	308	502	418	496	377
500 "	407	209	356	514	428	453	395
100 " въ норм. пор.	482	292	364	524	534	574	462
500 " " " "	513	336	443	580	590	591	509
100 " въ обрат. пор.	504	370	434	499	476	504	465
500 " " " "	677	414	438	498	517	483	505
100 буквъ въ норм. пор.	340	258	202	249	300	298	275
500 " " " "	344	292	234	235	320	300	288
100 " въ обрат. пор.	338	388	276	294	354	384	339
500 " " " "	370	398	292	302	375	371	351
С.							
100 словъ	138	250	167	327	434	484	300
500 "	143	297	196	293	406	391	288
100 " въ норм. пор.	240	330	218	380	666	552	398
500 " " " "	250	401	292	461	638	633	446
100 " въ обрат. пор.	288	380	300	334	432	507	374
500 " " " "	292	356	305	319	423	444	357
100 " въ норм. пор.	102	110	118	136	124	186	129
500 " " " "	115	121	116	143	131	174	133
100 " въ обрат. пор.	264	290	248	252	286	324	277
500 " " " "	288	310	273	289	329	306	299

Таблица III.

И м е н а.	H. W.	C. W.	J R.	Mrs S.	Miss H.	Среднее.	F. P.	P. P.	C. L.	Frl. K.	Frl. T.	Среднее.
Листъ англійскихъ словъ и буквъ.												
100 словъ	352	331	332	380	296	338	534	396	568	298	410	441
” ” въ обрат. пор.	382	329	376	352	308	349	480	341	528	331	398	416
100 буквъ	152	218	177	138	142	166	342	222	398	220	354	307
” ” въ обрат. пор.	420	444	362	463	302	398	368	348	474	386	432	402
100 малыхъ буквъ	318	236	249	312	212	266	258	246	436	210	286	287
100 большихъ ”	348	222	231	279	216	259	256	261	353	228	304	280
Листъ нѣмецкихъ словъ и буквъ.												
100 словъ	447	422	468	656	389	476	364	322	444	266	304	340
” ” въ обрат. пор.	414	396	441	596	369	443	417	351	420	284	366	368
100 буквъ	212	244	212	236	186	218	318	204	348	209	326	281
” ” въ обрат. пор.	468	349	361	442	316	387	362	364	441	321	346	367
100 малыхъ буквъ	378	248	269	340	251	297	288	240	321	214	260	265
100 большихъ ”	547	456	576	732	580	578	297	317	357	244	290	301
Swift. Gulliver's Travels.												
100 словъ	179	178	178	186	179	180	392	222	416	178	231	288
500 ”	193	184	211	221	167	195	410	228	460	194	226	304
100 ” въ норм. пор.	252	252	256	236	230	245	360	256	379	262	280	307
500 ” ” ” ”	268	259	287	293	243	270	404	278	661	275	298	383
100 ” ” въ обрат. пор.	394	356	398	520	368	407	565	394	660	310	406	467
500 ” ” ” ”	418	366	431	463	362	408	530	386	622	352	433	465
100 буквъ въ норм. пор.	174	206	186	226	149	188	297	248	372	214	268	280
500 ” ” ” ”	176	206	190	155	171	180	312	233	382	223	308	292
100 ” ” въ обрат. пор.	379	320	313	398	283	339	363	322	450	320	394	370
500 ” ” ” ”	408	357	349	398	306	364	422	367	432	368	449	408
Goethe. Egmont.												
100 словъ	324	450	494	726	484	496	190	180	304	190	224	218
500 ”	409	445	536	806	343	508	196	200	286	194	206	216
100 ” въ норм. пор.	430	480	614	649	422	519	292	255	302	249	332	286
500 ” ” ” ”	487	494	601	768	442	558	331	266	341	322	374	327
100 ” ” въ обрат. пор.	461	424	579	666	440	514	377	302	454	273	366	354
500 ” ” ” ”	459	456	611	782	439	549	420	355	474	338	397	397
100 буквъ въ норм. пор.	180	246	191	236	186	208	280	171	329	164	274	244
500 ” ” ” ”	203	229	190	278	168	214	262	193	321	176	261	243
100 ” ” въ обрат. пор.	384	324	306	454	304	354	362	318	439	304	256	336
500 ” ” ” ”	406	334	357	398	318	363	386	343	436	315	387	373

Таблица IV.

Ч и с л о.											Средня.
	23. X.	1. XI.	4. XI.	12. XI.	5. XII.	11. XII.	4. I.	9. I.	12. I.	12. I.	
В.											
Листъ англійскихъ словъ и буквъ.											
100 словъ	484	530	458	436	428	380	434	418	412	422	440
» въ обрат. пор. . .	482	472	448	450	451	411	502	476	460	451	460
100 буквъ	254	238	210	169	186	186	194	182	179	164	196
» въ обрат. пор. . .	312	292	266	250	249	247	264	228	247	229	259
100 малыхъ буквъ. .	288	288	264	298	254	249	239	230	247	233	259
100 большихъ » . .	296	308	286	298	269	260	265	251	281	279	279
Листъ нѣмецкихъ словъ и буквъ.											
100 словъ	342	336	316	306	286	289	322	279	304	289	307
» въ обрат. пор. . .	398	396	376	368	362	350	414	361	380	386	379
100 буквъ	256	242	214	202	208	186	195	188	200	174	206
» въ обрат. пор. . .	366	316	297	271	282	264	274	246	278	248	284
100 малыхъ буквъ. .	290	306	261	245	278	258	264	254	267	251	267
100 большихъ » . .	344	326	336	317	323	346	384	306	334	314	333
С.											
Листъ англійскихъ словъ и буквъ.											
100 словъ	262	246	274	260	247	240	276	237	246	264	255
» въ обрат. пор. . .	312	286	316	320	292	276	304	298	304	325	303
100 буквъ	102	94	98	96	84	79	83	76	84	98	89
» въ обрат. пор. . .	278	266	250	264	250	219	212	214	212	220	239
100 малыхъ буквъ. .	254	242	234	258	224	205	212	206	195	206	224
100 большихъ » . .	246	240	242	221	224	200	217	212	208	228	224
Листъ нѣмецкихъ словъ и буквъ.											
100 словъ	298	296	282	311	272	260	296	260	274	274	282
» въ обрат. пор. . .	324	328	336	356	306	307	336	314	302	321	323
100 буквъ	110	110	100	99	93	90	93	94	87	86	96
» въ обрат. пор. . .	304	284	282	304	277	250	264	246	221	243	268
100 малыхъ буквъ. .	264	270	274	272	239	224	267	247	255	262	257
100 большихъ » . .	412	450	436	462	419	414	426	421	388	444	427

Таблица V.

Число.	Swift. Gulliver's Travels.						Goethe. Egmont.					
	30. X.	12. XI.	3. XII.	15. XII.	4. I.	Среднія.	31. X.	3. XI.	21. XII.	23. XII.	4. I.	Среднія.
B.												
100 словъ	312	274	306	282	279	291	186	192	182	184	174	184
500 "	349	307	323	331	334	329	206	205	204	205	191	202
100 " въ норм. пор.	428	402	443	439	408	424	310	312	324	316	318	316
500 " " " "	487	465	463	453	457	465	352	347	346	373	352	354
100 " въ обрат. пор.	416	388	409	412	419	409	324	318	316	317	291	313
500 " " " "	457	432	425	435	446	439	369	348	347	340	318	344
100 буквъ въ норм. пор.	268	232	241	219	208	234	218	200	194	186	172	194
500 " " " "	260	255	216	243	236	242	250	240	226	222	212	230
100 " въ обрат. пор.	306	292	299	271	255	285	364	316	290	276	272	304
500 " " " "	330	319	304	314	307	315	336	331	299	300	291	311
C.												
100 словъ	132	122	133	127	109	125	220	198	185	170	159	188
500 "	141	126	140	134	130	134	254	217	214	209	192	217
100 " въ норм. пор.	226	234	238	234	232	233	312	338	298	307	308	313
500 " " " "	238	235	249	252	251	245	375	399	332	371	332	362
100 " въ обрат. пор.	264	262	240	247	250	253	324	300	325	286	286	304
500 " " " "	287	286	282	267	262	277	331	318	316	310	320	319
100 буквъ въ норм. пор.	100	82	77	84	87	86	112	100	94	93	80	96
500 " " " "	103	95	89	94	92	95	111	103	104	102	99	104
100 " въ обрат. пор.	252	268	227	217	202	233	280	256	274	226	236	258
500 " " " "	272	274	259	251	262	264	279	286	301	247	259	274

Подробный просмотръ таблицъ показываетъ слѣдующее: тахи-
 шимъ скорости, съ которой можно прочесть буквы образующія
 слова, и слова составляющія предложенія, колеблется пропорцио-
 нально свободѣ, съ которой данное лицо владѣетъ языкомъ пред-
 ложеннаго отрывка. Для D-г Berger'a (нѣмца) получены слѣдую-
 щія цифры:

Средняя изъ 100 нѣмецкихъ словъ	184
" " 500 " "	202
" " 100 англійскихъ "	291
" " 500 " "	329

Среднія для другихъ языковъ также соотвѣтствуютъ степени
 его знакомства съ ними. Cattell думаетъ, что такой способъ опре-

дѣленія знакомства съ тѣмъ или другимъ языкомъ могъ бы быть примѣняемъ даже для школьныхъ испытаній.

Для 5 лицъ, помѣщенныхъ первыми въ V таблицѣ, роднымъ языкомъ былъ англійскій, а для 5 послѣднихъ — нѣмецкій. Отношеніе скоростей, съ которыми прочитываются слова на обоихъ языкахъ, опредѣляетъ степень знакомства съ чужимъ языкомъ. Напримѣръ, г-жа К. почти такъ же хорошо владѣетъ англійскимъ языкомъ, какъ нѣмецкимъ (отношеніе скоростей = $\frac{224}{231}$), а г-жа S. очень мала знакома съ нѣмецкимъ языкомъ (отношеніе скоростей = $\frac{186}{726}$).

Высказанное подтверждается и при чтеніи въ обычномъ темпѣ, хотя читающій думаетъ, что онъ и на чужомъ языкѣ читаетъ съ тою же скоростью, какъ и на своемъ. Этимъ, по мнѣнію Sattell'я, объясняется всѣмъ извѣстный фактъ, что намъ кажется, что иностранцы говорятъ быстрее, чѣмъ мы. Если мы возьмемъ для прочтенія слова не образующія предложеній, или буквы не составляющія словъ, то время необходимое для ихъ прочтенія почти вдвое увеличивается.

Напримѣръ, С. прочелъ первыя 100 словъ англійскаго отрывка со скоростью 125 для каждаго слова, а тѣ же 100 словъ въ обратномъ порядкѣ со скоростью 253 и 100 отдѣльныхъ односложныхъ англійскихъ словъ со скоростью 255. Цифры, приведенныя въ таблицахъ, показываютъ справедливость этого замѣчанія и по отношенію къ буквамъ, хотя здѣсь, конечно, замѣтно индивидуальное отклоненіе. Можно замѣтить также, что время распознаванія и произношенія буквъ только немного короче времени распознаванія и произношенія словъ.

Наприм., С. (англичанинъ) читаетъ слова со скоростью 253—255, буквы мелкаго латинскаго шрифта со скоростью 233—238—224

„ крупнаго	„	„	„	224
„ мелкаго нѣмецкаго	„	„	„	257—258
„ крупнаго.	„	„	„	427

Слѣдовательно, онъ употребляетъ на прочтеніе буквъ мелкаго латинскаго шрифта и буквъ крупнаго шрифта одно и то же время, нѣсколько болѣе для буквъ мелкаго нѣмецкаго шрифта и значительно болѣе для буквъ крупнаго нѣмецкаго шрифта. Время чтенія послѣднихъ было велико и для нѣмцевъ. Разница между цифрами 224, 224 и 233, 238 показываетъ, насколько

менѣ времени нужно С. для чтенія въ обычномъ направленіи словъ направо и сверху внизъ, чѣмъ въ обратномъ, хотя приходится читать тѣ же самыя буквы и въ той же послѣдовательности.

Въ описанныхъ опытахъ время затрачиваемое на узнаваніе слышится отчасти со временемъ затрачиваемымъ на произношеніе, такъ какъ слова и буквы воспринимаются въ дѣйствительности не по одиночкѣ, а разомъ цѣлыми группами, однимъ психическимъ процессомъ.

Быстрота чтенія ограничивается такимъ образомъ лишь максимумомъ возможной быстроты произношенія.

Чѣмъ менѣ знакомъ производящему опыты языкъ даннаго отрывка, тѣмъ менѣ будетъ разница въ скорости, съ которой онъ прочитывается въ обычномъ и въ обратномъ направленіяхъ.

Съ итальянскимъ и греческимъ языками участвовавшіе въ опытахъ были мало знакомы, и разность въ скорости прочтенія отрывковъ на этихъ языкахъ получалась для нихъ весьма незначительная.

Во II и III таблицахъ приведены результаты, полученные при прочтеніи отрывковъ въ первый разъ, при чтеніи же ихъ во второй разъ время сокращалось и становилось равномернѣе.

Вліяніе навыка и знакомства съ содержаніемъ отрывковъ видно въ таблицахъ IV и V, гдѣ приведены результаты 10 послѣдовательныхъ прочтеній одного и того же отрывка; тамъ же можно прослѣдить и значеніе утомленія, которое замѣтно и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Средняя скорость прочтенія 100 буквъ или словъ всегда менѣ средней прочтенія 500.

Таблица III показываетъ, что женщины читали скорѣе, чѣмъ мужчины, и, напротивъ, не замѣчается никакой значительной разницы для лицъ разныхъ національностей (англичанъ и нѣмцевъ). На образованіе же словъ изъ буквъ нѣмцы употребляли значительно больше времени, чѣмъ англичане. При чтеніи отрывковъ изъ какой-нибудь книги съ обычною скоростью (которая соотвѣтствуетъ быстротѣ выговора и быстротѣ обычнаго мышленія) скорость эта почти равнялась максимальной скорости при чтеніи словъ, не образующихъ предложеній.

Тотъ же самый методъ, который примѣнялся для измѣренія времени распознаванія и прочтенія буквъ и словъ, былъ примѣненъ и для измѣренія времени распознаванія и наименованія цвѣтовъ и изображеній.

Для опыта были выбраны слѣдующіе 10 цвѣтовъ: красный, голубой, зеленый, желтый, оранжевый, фіолетовый, розовый, черный, сѣрый и коричневый.

Квадраты въ 3 мм. этихъ цвѣтовъ наклеивались въ любой послѣдовательности, съ промежутками между ними въ 1 см. Подобнымъ же образомъ были помѣщены 100 изображеній двадцати шести обыкновенныхъ предметовъ: руки, дерева, корабля, и т. п. Изображенія были приблизительно въ 1 см. величиною, штукъ по 10 на строчкѣ въ 15 см. длиною.

Порядокъ расположенія изображеній могъ быть измѣняемъ. Они назывались по-англійски и по-нѣмецки. Результаты этихъ опытовъ приведены въ слѣдующей таблицѣ.

Таблица VI.

	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	Среднее.
B.											
100 цвѣтовъ	551	520	524	548	521	519	541	518	513	497	526
100 изображеній по нѣмец.	534	522	501	539	486	484	482	490	449	526	501
100 „ по англійски.	638	602	600	596	622	584	534	550	528	546	580
C.											
100 цвѣтовъ	654	662	760	634	648	587	654	648	586	544	638
100 изображ. по-англійски.	623	286	626	717	545	523	574	558	556	568	588
100 „ по-нѣмецки.	597	604	626	600	670	637	597	587	598	626	614

Изъ таблицы видно, что время необходимое для распознаванія и наименованія цвѣтовъ и изображеній почти вдвое больше времени необходимаго для распознаванія и прочтенія буквъ и словъ.

Другіе опыты Cattell'я показали, что время необходимое для распознаванія цвѣтовъ и изображеній меньше времени, необходимаго для распознаванія буквъ и словъ, и, что большая продолжительность распознаванія и наименованія красокъ и изображеній зависитъ отъ трудности приискать соотвѣтствующія названія, а не отъ того, что труднѣе распознать цвѣтъ или изображеніе, чѣмъ букву или слово.

А. Насаткинъ, студ. ест.

18. Электрическое раздраженіе языка.

Н. Любимовъ. Вкусъ электричества. Науч. Обзор. 1896 г., № 6.

Volta накладывалъ на кончикъ языка и часть верхней его поверхности листокъ олова на протяженіи нѣсколькихъ линій, подъ языкъ подкладывалъ ручку серебряной ложки, выпуклою стороной ручки вверхъ. Приподнятіемъ ручки металлы приводились въ соприкосновеніе, причемъ на концѣ языка получалось ощущеніе довольно сильнаго кислаго вкуса. То же наблюдалось, если языкъ подвергался дѣйствию пластинки олова и серебра, цинка и серебра. Цинкъ можно погружать въ воду, а языкомъ достаточно коснуться воды, тогда какъ ложкой слѣдуетъ дотрогиваться до цинка. Ложку лучше держать смоченными пальцами обѣихъ рукъ.

То же ощущеніе получалось, если языкъ прикладывался къ кондуктору электрической машины, заряженному *положительно*.

При перемѣщеніи серебра на мѣсто цинка кончикъ языка или не воспринималъ вкуса, или ощущалъ ѣдкій, жгучій щелочный вкусъ.

Подобный послѣднему вкусъ вызывало прикосновеніе языка къ подушкѣ машины, заряженной *отрицательно*.

Проф. Любимовъ повторилъ опыты Volta, причемъ съ оловяннымъ листкомъ и серебряною ложкой, съ кускомъ олова и ложкой никакого ощущенія не получилось.

Цинкъ и серебро проявили дѣйствию, но не рѣзкое. Ощущеніе нельзя было назвать кислымъ вкусомъ, а скорѣе ѣдкимъ и жгучимъ ощущеніемъ. Оно было особенно замѣтно при повторномъ, прерывистомъ дѣйствию. Различіе дѣйствія на серебрѣ и цинкѣ не было замѣчено. Опыты съ электрическою машиною также дали результатъ отрицательный. Heidmann и Vintschgau также не получали вкусовыхъ ощущеній при подобныхъ опытахъ, что можетъ зависѣть отъ индивидуальной разницы чувствительности языка, и дѣйствительно, производя опыты съ разными лицами, проф. Любимовъ нашелъ, что чувствительность языка весьма не одинакова у разныхъ особъ. При этомъ появленіе ощущеній въ рѣзкой формѣ ни у кого не было обнаружено.

Съ своей стороны, я испытывалъ оловянные листки, употребляемые въ гастрономическихъ магазинахъ, на примѣръ для обертыванія сыра, въ кондитерскихъ для шоколада, въ специальныхъ

магазинахъ для обкладокъ лейденскихъ банокъ (чайныя обертки не годятся, такъ какъ онѣ свинцовыя).

Если, затѣмъ, на кончикѣ или краяхъ языка, листокъ и ложку привести въ соприкосновеніе, то тотчасъ развивается минимальный кисловатый вкусъ. Почти безразлично и качественно одинаково мѣстоположеніе того или другого металла: внизу или вверху. Металлы могутъ быть и рядомъ, гдѣ угодно, на чувствующемъ полѣ.

Можно комбинировать оловянную бумажку съ цинкомъ и дѣйствіе получается яснѣе,— кусковое олово съ цинкомъ, карандашный графитъ и цинкъ; мѣдь и цинкъ. Лучше брать серебро и цинкъ, а еще лучше цинкъ и сталь. Сталь разной фабрики дѣйствуетъ не одинаково. Разное серебро такъ же дѣйствуетъ различно: монеты лучше столоваго серебра. Соотвѣтственно развиваемой силѣ растетъ интенсивность кислаго вкуса со жгучимъ или щиплющимъ ощущеніемъ. Вкусъ имѣетъ оттѣнокъ металлическій, вродѣ ляписа или раствора бромистаго натра.

Саксонскій талеръ чеканки 1860 г. проявилъ особенно явственное дѣйствіе. Здѣсь щиплющее ощущеніе заслоняло кислое. Ощущеніе это можно было назвать болѣзненнымъ и по силѣ дѣйствія на языкъ оно немного уступало кристаллу лимонной кислоты. Касаясь однимъ изъ металловъ ссадинокъ влажной нижней губы, можно было вызывать такое же болѣзненное щипаніе, какъ при разѣданіи солю.

Въ дальнѣйшемъ я обыкновенно и пользовался талеромъ съ пластинкой амальгмированного или простого цинка. Поверхность цинка каждый разъ очищалась.

Я пробовалъ получать вкусъ отъ цинка и серебра отдѣльно, помѣщая, на примѣръ, цинкъ въ блюдечко съ водою; ложку держалъ смоченными пальцами обѣихъ рукъ и касался ею до цинка, а языкъ погружалъ въ воду. При этомъ ощущался кислый вкусъ. Когда въ водѣ лежала ложка, серебряный рубль или талеръ, а цинкомъ я касался серебра, то особеннаго вкуса не замѣчалось. Замѣна воды щелочнымъ растворомъ (соды) не устраняла кислаго вкуса для цинка. При послѣднемъ опытѣ замѣчено слѣдующее: на послѣднемъ суставѣ указательнаго пальца одной руки у меня были два свѣжихъ укола (на внутренней сторонѣ, касавшейся металла), на тыльной поверхности на другомъ пальцѣ былъ заусенецъ у ногтя. Названныя мѣста, смоченныя въ содо-

вомъ растворѣ, при замкнутомъ токѣ чувствительно кололо и разѣдало, чего не происходило, когда пальцы смачивались простою водою.

Дѣйствіе золота (полуимперіаль) оказалось слабѣ серебра. Нѣмецкія монеты въ 1 и 10 pf. и нѣкоторыя французскія серебряныя монеты (1874—1894) не давали никакого ощущенія.

Кислый вкусъ всегда находится подъ цинкомъ, даже если послѣдній былъ внизу (кайма чувствительности на кончикѣ моего языка переходитъ нѣсколько на нижнюю его сторону, какъ я неоднократно имѣлъ случай замѣтить при вкусовыхъ реакціяхъ). Вкусъ ощущался яснѣе въ моментъ замыканія, сохранялся, ослабѣвая, при замкнутомъ токѣ, и исчезалъ въ моментъ размыканія (если не считать остающагося впечатлѣнія).

Какъ и ранѣе, качественное дѣйствіе отъ перемѣны мѣста металловъ не измѣнялось и можно было замѣтить только количественную разницу. Явленіе слабѣе, когда цинкъ снизу, а серебро на верху; оно также слабѣе на кончикѣ, чѣмъ на краяхъ (если даже цинкъ находится на верху), что объясняется тѣмъ, что, во-первыхъ, вкусовая чувствительность сосредоточена лишь на верху, во-вторыхъ, полоса чувствительности къ кислому шире на краяхъ и чрезвычайно узка на кончикѣ. Мертвое поле языка, повидимому, не воспринимаетъ кислаго вкуса, соотвѣствующаго цинку.

Дѣйствіе весьма интенсивно въ области желобчатыхъ сосочковъ (*papillae circumvallatae*). Испытывая вкусъ въ этомъ случаѣ, я помѣщалъ галеръ на кончикѣ языка, а цинковую пластинку на галеръ, продвигая ее въ ротъ и испытывая желаемыя мѣста. Металлическій вкусъ при этомъ особенно ясенъ. Замыканіе тока сопровождалось усиленнымъ слюнотеченіемъ.

Реактивная бумажка, помѣщенная подъ цинкомъ во время контакта съ серебромъ на языкѣ не показывала кислой реакціи.

Другія лица характеризовали реакцію слѣдующимъ образомъ:

На цинкъ и сталь:

Г-жа В. А. П.—Жгуче-кисловато.

» Е. Г. Ф.—Будто слабый токъ.

» Е. Л. Г.—Это не вкусъ, это странное ощущеніе, котораго я прежде не испытывала и не могу назвать: не щиплетъ и не вкусъ.

» Б. К. К.—Кисло.

На ложку и цинкъ:

Г-нъ А. С. Б.—Кисло и горьковато.

На цинкъ и талеръ:

Г-нъ Д. А. П.—Вкусъ ляписа, купороса.

» П. П.—Металлическій вкусъ.

» С. А. У.—Слышу соленое больше кислога; похоже на разѣдающее дѣйствіе соли.

» П. П. Л.—Кислота ѣдкая; щиплетъ и кисло.

» А. С. Б.—Щиплетъ; кислогато-горьковато.

Г-жа Б. К. К.—Ѣсть, какъ соль.

Почти всѣ отмѣчаютъ, что впечатлѣніе сохраняется и послѣ разѣединенія пластинокъ.

Тѣ же явленія были отмѣчены мною и у моей дочери трехъ съ половиной лѣтъ:

Цинкъ и серебр. ложка. «Вкусно?» . . . . . Кисло.

Одна ложка. «А такъ?» . . . . . Не кисло.

Одинъ цинкъ. «А такъ?» . . . . . И такъ нѣтъ.

Оба металла безъ соприкосновенія. . . . . Нѣтъ.

Замкнуты . . . . . Кисло.

Разомкнуты . . . . . Такъ не было.

Сомкнуты . . . . . А такъ кисло.

Цинкъ и талеръ вызываютъ удивленіе,—не умѣетъ назвать полученное ощущеніе. Послѣ она охарактеризовала его «какъ соль».

Далѣе я испытывалъ карандаши, стеклянную палочку: отвѣты были безошибочны.

Зажиманіе носа не измѣняетъ вышеописанныхъ ощущеній.

Дѣйствіе гимнемовой кислоты ослабляетъ кислый вкусъ на 1—2 минуты, а уже черезъ 5 минутъ кислый вкусъ ясно ощущается.

Пользуясь чайными и столовыми ложками, я замѣтилъ присутствіе нѣкотораго особаго вкуса, вѣрнѣе—нѣкотораго дымнаго запаха вродѣ пороха или жаренаго лука.

Что это запахъ, а не вкусъ, можно обнаружить зажатіемъ носа, такъ какъ ощущеніе при этомъ исчезаетъ. Это ощущеніе можетъ быть легко вызвано. Достаточно, держа ложку за ручку, ввести другимъ концомъ ее въ ротъ и помѣстить на языкѣ выпуклой стороною къ небу, затѣмъ вдвинуть въ ротъ цинковую

пластинку и привести металлы въ соприкосновеніе при закрытомъ ртѣ. Скоро является явственный характерный запахъ, отчасти напоминающій, пожалуй, и тотъ, который развивается при разрядѣ электрической искры.

Я испробовалъ дюжины чайныхъ и столовыхъ ложекъ, постоянно находящихся въ употребленіи, безусловно чистыхъ и вновь мною вымытыхъ. Результатъ былъ неизмѣненъ. Однако, совершенно новая ложка не дала такого результата, равно и серебряныя монеты. Ложки, вычищенные мною сухимъ мѣломъ или самоварною мазью, также утрачивали способность давать запахъ.

Запахъ неизмѣнно возбуждался при соблюденіи сказанныхъ условий. Быть-можетъ, это явленіе можно объяснять себѣ освобожденіемъ въ присутствіи электричества адсорбированныхъ или абсорбированныхъ серебромъ газовъ кушаній.

Подобный запахъ вызываемъ былъ и у постороннихъ лицъ, и однимъ изъ нихъ (А. С. Б.) опредѣленъ какъ чесночный запахъ. Д. А. П. охарактеризовалъ его какъ запахъ сѣроводорода, каленыхъ яицъ, пережженной соли.

Гимнемовая кислота, какъ и слѣдовало ожидать, не оказала дѣйствія на это ощущеніе.

Далѣе, помѣщая металлы по бокамъ языка, въ одномъ случаѣ я получилъ зрительную реакцію, и затѣмъ оказалось, что можно по желанію возбуждать сверканіе въ глазахъ. Достаточно, на примѣръ, ложку съ одной стороны, а полоску цинка съ другой приложить къ внутренней поверхности щекъ и замыкать и размыкать металлическую пару. Сверканіе получается при замыканіи и размыканіи. Этотъ блескъ совершенно подобенъ тому, какой удается вызывать, если во внутреннихъ или наружныхъ углахъ глазъ осторожно касаться между вѣками непосредственно глазныхъ яблокъ цинковою пластинкой и серебряною ложкой и производить контактъ и размыканіе.

Опытъ успѣшно повторялся и съ другими лицами.

Всѣ явленія вкуса, свѣта и запаха съ цинкомъ и серебряною ложкой получались безъ замѣтнаго ослабленія въ силѣ и въ томъ случаѣ, если металлы приводились въ соприкосновеніе посредствомъ продажной мѣдной проволоки толщиною около 0.25 миллиметра и длиною $12\frac{1}{2}$ метровъ.

Такимъ образомъ оказалось, что различные металлы или ме-

таллическіе сплавы развиваютъ не одинаковое раздраженіе вкуса, въ зависимости отъ природы металла или отъ содержанія постороннихъ примѣсей, качества и количества компонентовъ.

Реакцію на раздраженіе нервы проявляли каждый въ сферѣ своей специальной функціи, отвѣчая на одинъ и тотъ же стимулъ различнымъ эффектомъ (вкусовая и свѣтовая реакція).

Явленія вкуса и свѣта были получены и при гальваническихъ элементахъ. Шестъ элементовъ Мейдингера вызывали сильное ощущеніе вкуса и свѣтовое явленіе. Последнее не всегда удавалось, если вводили въ ротъ только концы проволокъ. Поэтому я помѣщалъ а щеки стальные стержни (толщиной съ карандашъ), а проволоками касался этихъ послѣднихъ. Еще сильнѣе давали дѣйствіе три или четыре элемента Limann'a et Oberlaender'a Watt-Galvanophor. Интенсивный блескъ сопровождался легкимъ головокруженіемъ и толчками во рту.

Чувство раздраженія языка оставалось очень долго потомъ, напоминая оскомину на языкѣ послѣ слишкомъ терпкаго краснаго вина или кислыхъ фруктовъ.

П. Подъяпольскій, студ. ест.

20. Способы изслѣдованія памяти зрительныхъ воспріятій по Weber'у, Hegelmaier'у и Заборскому.

Е. Н. Weber: Tastsinn und Gemeingefühl. Handwörterbuch der Physiologie von R. Wagner. 1846, B. III.—F. Hegelmaier (stud. med.): Ueber das Gedächtniss für Linearanschauungen. Arch. für physiolog. Heilkunde von K. Vierordt, 1852. Bd. XI.—К. И. Заборскій. О памяти зрительныхъ воспріятій. Диссерт. на степ. докт. мед. Юрьевъ, 1894.

Е. Н. Weber держалъ передъ наблюдателемъ проведенную чернилами на бумагѣ черную черту; затѣмъ спустя 30 и даже 70 секундъ, послѣ того какъ онъ отнималъ бумагу, онъ показывалъ вторую линію, подобную первой, но на $\frac{1}{11}$ длиннѣе ея, и при этомъ требовалось болѣе длинную линію отличить отъ болѣе короткой. Однако опредѣленіе спустя 70 сек. было такъ трудно, что, очевидно, спустя 80 сек. оно было бы уже невозможно. Если длины линій относились между собой какъ 20 : 21, слѣдовательно разница была на $\frac{1}{21}$, то болѣе длинныя могли различаться отъ болѣе короткихъ спустя еще 30 сек., но не могли раз-

личаться спустя 40 сек. Если же длины линий относились какъ 50 : 51 $\frac{1}{4}$, то болѣе длинныя линіи отъ короткихъ различались спустя 3 сек. и не различались спустя 5 или 10 секундъ. Weber указывалъ, что, производя такіе опыты, можно выразить въ цифрахъ, какъ ясность воспоминанія ощущеній уменьшается съ каждою секундой, и обращалъ на эти опыты вниманіе психологовъ.

F. Hegelmaier, повторяя опыты Weber'a, приготовилъ систему линий, различной длины, принятыхъ за единицу; каждой такой единицѣ соотвѣтствовалъ рядъ другихъ въ равномъ отношеніи болѣе длинныхъ и болѣе короткихъ линий. Принятая за единицы линіи были, считая въ миллиметрахъ, въ 15, 30, 60, 90, 120, 150; сравниваемыя съ ними линіи были сдѣланы на $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{13}$, $\frac{1}{19}$, $\frac{1}{28}$, $\frac{1}{34}$, $\frac{1}{40}$, $\frac{1}{46}$, $\frac{1}{52}$ и $\frac{1}{58}$ длиннѣе и короче. Такимъ образомъ получились 6 рядовъ линий, гдѣ каждый рядъ состоялъ изъ линіи принятой за единицу и 18-ти другихъ линіи, изъ которыхъ одна половина была больше, другая меньше первой линіи въ сказанномъ уже отношеніи. Линіи же были нанесены на полоскахъ не слишкомъ рѣзкой бѣлой бумаги обыкновенными черными чернилами, равной ширины, и на срединѣ каждой находилась точка, на которую при фиксаціи линіи были направлены оси глазъ. На обратной сторонѣ полоски отмѣчалась абсолютная длина линіи, отношеніе ея къ длинѣ линіи-единицы и результаты каждаго отдѣльнаго опыта. Разстояніе между глазомъ и линіей было постоянно. Для этого Hegelmaier пользовался столомъ около 2 футовъ въ діаметрѣ; на одномъ краю его была прикрѣплена маска, сквозь которую производилось наблюденіе, а на другомъ—противоположномъ—краю находилась почти вертикально поставленная доска, куда помѣщались полоски бумаги, которыя могли передвигаться въ горизонтальномъ направленіи въ ту или другую сторону. Такъ какъ полоски были прямоугольны, то это давало возможность ставить ихъ то въ вертикальномъ, то въ горизонтальномъ положеніи.

Сперва производились опыты съ горизонтальными линіями. Фиксировалась постоянно линія-единица въ теченіе 5 сек. и спустя 3, 15, 30 и 60 сек. сравнивалась съ другими линіями того же ряда. Въ результатахъ отмѣчались вѣрные, сомнительные и ошибочные случаи. При этомъ получились слѣдующія таблицы:

Первый рядъ опытовъ.

При горизонтальномъ положеніи линій. Цифры обозначаютъ процентныя отношенія (185 опытовъ).

Проме- жутки.	15 мм.			30 мм.			60 мм.			90 мм.			120 мм.			150 мм.			Общія резуль- таты въ % (всѣ случаи).
	Вѣрн.	Сомнит.	Ошибоч.	Вѣрн.	Сомнит.	Ошибоч.	Вѣрн.	Сомнит.	Ошибоч.	Вѣрн.	Сомнит.	Ошибоч.	Вѣрн.	Сомнит.	Ошибоч.	Вѣрн.	Сомнит.	Ошибоч.	
3 Sec.	80	10	10	73	9	18	66	20	14	85	7,5	7,5	84	8	8	73	13,5	13,5	77
15 "	70	10	20	50	33,5	16,5	57	35	8	75	25	—	50	—	—	64	8	8	64
30 "	40	50	10	—	—	—	—	—	—	46	46	—	—	—	—	—	—	—	49
60 "	45	45	10	—	—	—	—	—	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	45

Второй рядъ опытовъ.

При вертикальномъ положеніи линій. Цифры выражаютъ % (71 опытъ).

Проме- жутки.	15 мм.			30 мм.			60 мм.			90 мм.			120 мм.			150 мм.			Общія резуль- таты въ % (всѣ случаи).
	Вѣрн.	Сомнит.	Ошибоч.	Вѣрн.	Сомнит.	Ошибоч.	Вѣрн.	Сомнит.	Ошибоч.	Вѣрн.	Сомнит.	Ошибоч.	Вѣрн.	Сомнит.	Ошибоч.	Вѣрн.	Сомнит.	Ошибоч.	
3 Sec.	64	27	9	28,5	57	—	62	32	6	—	43,8	50	84	16	—	—	—	—	70
60 "	—	—	—	—	—	14,5	—	—	—	—	9,2	—	—	—	—	—	—	—	36

На основаніи этихъ результатовъ Hegelmaier дѣлаетъ слѣдующія заключенія:

1. Память большихъ разницъ, какъ и слѣдовало ожидать, гораздо сильнѣе, чѣмъ память меньшихъ разницъ въ величинѣ линий. Для лучшаго сравненія служитъ слѣдующая таблица, гдѣ результаты опытовъ приводятся въ %:

Отношенія длины линий.	Первый рядъ опытовъ.			Второй рядъ опытовъ.		
	Вѣрные.	Сомнит.	Ошибоч.	Вѣрные.	Сомнит.	Ошибоч.
$\frac{1}{10}$ . . .	94,5	5,5	—	100	—	—
$\frac{1}{13}$ . . .	89	11	—	100	—	—
$\frac{1}{19}$ . . .	83,4	16,6	—	75	25	—
$\frac{1}{28}$ . . .	88	12	—	62,5	25	12,5
$\frac{1}{34}$ . . .	63	31,6	5,4	14	86	—
$\frac{1}{40}$ . . .	54,2	37,5	8,3	44	44	12
$\frac{1}{46}$ . . .	47,4	26,3	26,3	66	34	—
$\frac{1}{52}$ . . .	32	52	16	75	75	—
$\frac{1}{58}$ . . .	33,3	38,1	28,6	—	57	43

2. Память полученнаго зрительнаго воспріятія съ теченіемъ времени быстро падаетъ. Сравнивая общіе результаты въ первомъ рядѣ опытовъ для различныхъ системъ линий, мы находимъ число вѣрныхъ случаевъ: черезъ 3 секунды 77%, черезъ 15 сек. 64%, черезъ 30 сек. 49%, черезъ 60 сек. 45%. Сопоставляя результаты второго ряда опытовъ, мы находимъ число вѣрныхъ случаевъ: черезъ 3 сек. 70%, черезъ 60 сек., напротивъ, 36%.

3. Горизонтальныя линии воспринимаются по отношенію къ ихъ длинѣ отчетливѣе и потому сравниваются гораздо вѣрнѣе. При вертикальномъ положеніи линий точность замѣтно уменьшается.

4. Абсолютная длина линий остается безъ вліянія на вѣрность ихъ сравненія съ другими линиями. Слѣдующая таблица, гдѣ результаты выражены въ процентахъ, представляетъ эти отношенія:

Длина ли- ней-еди- ницъ.	Первый рядъ опытовъ.			Второй рядъ опытовъ.		
	Вѣрные.	Сомнит.	Ошибоч.	Вѣрные.	Сомнит.	Ошибоч.
15 mm. . .	58,75	28,75	12,5	64	27	9
30 " . .	61,5	21,25	17,25	57	28,5	14,5
60 " . .	61,5	27,5	11	62	32	6
90 " . .	80	16,25	3,75	43,8	50	6,2
120 " . .	67	29	4	84	16	—
150 " . .	69,5	20,75	10,75	—	—	—

5. Вліяніе упражненія на вѣрность сужденія опредѣляется тѣмъ, что въ теченіе опытовъ случаи неправильныхъ сужденій въ отношеніи къ сомнительнымъ случаямъ уменьшались. Случаи того и другого рода распредѣлялись, соотвѣтственно порядку опытовъ, слѣдующимъ образомъ:

	Табл. 1.	Табл. 2.	Табл. 3.	Табл. 4.	Табл. 5.	Табл. 6.
Сомнит. сл.	9	10	16	11	10	16
Невѣрн. сл.	8	5	2	2	2	3

Значительная разница, замѣчаемая между отдѣльными опытами, несмотря на сходство результатовъ, приводитъ Негелмаіег'а къ заключенію, что вниманіе, съ которымъ къ каждомъ отдѣльномъ случаѣ фиксировалась сравниваемая линія, оказывало большое вліяніе на результаты опытовъ. Это обстоятельство было оставлено имъ при опытахъ въ сторонѣ, причемъ онъ предложилъ, однако слѣдующій способъ опредѣленія вліянія вниманія: экспериментаторъ долженъ бы стараться считать во время фиксированія линіи удары маятника различной скорости. Это поглощаетъ вниманіе, и чѣмъ чаще удары маятника, тѣмъ болѣе поглощено вниманіе, такъ что сосчитываніе четырехъ ударовъ маятника потребуетъ вдвое болѣе вниманія, чѣмъ сосчитываніе двухъ ударовъ въ тотъ же періодъ времени, и соотвѣтственно этому и результаты опытовъ должны бы быть менѣе благопріятны.

К. И. Заборскій бралъ для опытовъ два мало разнящіяся свѣт-
овыя впечатлѣнія. По предложенію профессора В. Ф. Чижа, былъ построенъ аппаратъ, мало отличающійся отъ Румфордовскаго

фотометра. Аппаратъ представлялъ собой ящикъ, задняя стѣнка котораго были покрыта бѣлой англійской бумагой и служила экраномъ. На разстояніи 130 mm. передъ нимъ находился стальной стержень шириною 8 mm., длиною 290 mm. На разстояніи 435 mm. отъ экрана находилась свѣча, которую съ помощью микрометрическаго винта можно было то приближать, то удалять отъ экрана. Въ передней стѣнкѣ аппарата находилось небольшое отверстіе, черезъ которое изслѣдуемый могъ видѣть однимъ глазомъ тѣнь, падающую на экранъ отъ стержня. Часть стѣнки, находившаяся непосредственно у источника свѣта, была снабжена отверстіемъ, что давало свободный доступъ къ микрометрическому винту. Внутреннія и наружныя стѣнки аппарата были окрашены въ черный цвѣтъ.

Если мы соединимъ падающую на экранъ тѣнь прямыми линиями съ источникомъ свѣта, съ одной стороны, и съ глазомъ наблюдателя, съ другой, и изъ того же источника свѣта опустимъ на послѣднюю перпендикуляръ, то въ результатѣ получается прямоугольный треугольникъ, на гипотенузѣ котораго расположены свѣча и стержень. Такое устройство аппарата давало то преимущество, что свѣча и стержень оставаясь въ сторонѣ отъ отверстія, чрезъ которое смотрѣлъ изслѣдуемый, не мѣшали наблюденію. Всѣ опыты производились въ абсолютно темной комнатѣ, такъ что стержень и экранъ освѣщались единственно свѣтомъ свѣчи. Во все время опытовъ употреблялись четвериковыя стеариновыя свѣчи одного и того же завода. Разстояніе между передней и заднею стѣнкой аппарата равнялось 620 mm. Производство экспериментовъ при помощи аппарата такъ просто устроеннаго представляеть, по мнѣнію автора, то преимущество, что даетъ возможность всякому легко провѣрить опыты и убѣдиться въ ихъ вѣрности. Стеариновая свѣча, если она защищена отъ движенія воздуха, даетъ довольно постоянный и ровный свѣтъ. Кромѣ того, устройство опытовъ со свѣчей исключало возможность привыкнуть къ одному и тому же оттѣнку, формѣ и густотѣ тѣни, такъ какъ со сгараніемъ свѣчи, т.-е. съ перемѣной высоты пламени мѣнялась и самая тѣнь. При опытахъ, которые длились болѣе 5 минутъ, чтобы воспрепятствовать значительному сторанію свѣчи, что могло бы облегчить испытываемому лицу ориентироваться относительно положенія свѣчи, она гасилась и потомъ ровно три минуты передъ

концомъ опыта снова зажигалась. Въ аппаратѣ тѣнь, падающая отъ стержня, была настолько длинной, что не помѣщалась въ полѣ зрѣнія и, такъ какъ, во время фиксированія ея глазъ не двигался, то всякій разъ была видна только ея нижняя часть, что заставляло изслѣдуемое лицо ориентироваться единственно отъ тѣнкомъ и густотой тѣни. Всѣ опыты производились на трехъ лицахъ—З., Z. и Я. Первою задачей было поставлено опредѣлить разностный порогъ, т.-е. ту минимальную разницу въ освѣщеніи, которая при выше описанномъ устройствѣ аппарата чувствовалась испытуемымъ лицомъ. Для этого испытуемый смотрѣлъ въ продолженіе трехъ секундъ на тѣнь, принятую за нормальную, т.-е. такую, которая получалась на экранѣ, когда свѣча находилась отъ него на разстояніи 435 мм.; потомъ свѣча передвигалась то дальше, то ближе къ экрану, вслѣдствіе чего и освѣщеніе послѣдняго измѣнялось. Испытуемый, послѣ того, какъ онъ снова въ продолженіе трехъ секундъ наблюдалъ тѣнь, опредѣлялъ, сдѣлалась ли тѣнь темнѣе или свѣтлѣе, говоря иными словами, приблизилась ли свѣча или удалилась отъ экрана, или, наконецъ, осталась на прежнемъ мѣстѣ. Послѣ длиннаго ряда опытовъ оказалось, что испытуемый З. различалъ передвиженіе свѣчи на три миллиметра вправо или влѣво отъ постоянной линіи изъ 100 разъ 70 разъ вѣрно. Посмотримъ теперь, насколько измѣняется сила освѣщенія при передвиженіи свѣчи въ аппаратѣ. На основаніи физическаго закона, что сила свѣта, съ которою два источника свѣта освѣщаютъ данную поверхность, обратно пропорціональна квадратамъ разстояній ихъ отъ этой поверхности, легко вычислить, что при передвиженіи свѣчи на два мм. отъ постоянной линіи сила освѣщенія измѣняется приблизительно на $\frac{1}{100}$ своей прежней силы, на три мм. — около $\frac{1}{80}$. Этимъ достигается цѣль, а именно дается возможность сравнивать два свѣтовыхъ впечатлѣнія, мало разнящіяся между собою. Число вѣрныхъ случаевъ г равное 70, было принято за исходную точку изслѣдованій. Всѣ опыты производились однимъ глазомъ. З. употреблялъ для этого лѣвый, Z. и Я. — правый глазъ.

При фиксациіи тѣни глазъ оставался неподвижнымъ, что дѣлалось съ цѣлью хоть отчасти устранить ощущеніе, которое мы имѣемъ отъ двигательной иннервациіи глазныхъ мышцъ. Для вычисленія г былъ примѣненъ методъ вѣрныхъ и ложныхъ случаевъ. Въ различныхъ серіяхъ опытовъ разница между двумя не-

посредственно слѣдующими зрительными раздраженіями оставалась постоянной, а только промежутки времени, раздѣлявшіе ихъ были различны, слѣдовательно и измѣненія въ частномъ г вызваны единственно временемъ протекшимъ между первымъ и вторымъ зрительнымъ воспріятіемъ. При дальнѣйшихъ опытахъ исключались тѣ случаи, въ которыхъ сравниваемое чувственное возбужденіе по своей силѣ равнялось бы принятому за нормальное. Сообразно съ указаніями Jastrow'a и проф. Краерелин'a не были допущены въ отвѣтахъ такъ называемые сомнительные случаи равенства; испытуемое лице должно было давать всегда положительный отвѣтъ, находилась ли свѣча вправо или влѣво отъ постоянной линіи т.-е. ближе или дальше отъ экрана.

Послѣ того, какъ было найдено, что З. и Z. различаютъ разницу въ освѣщеніи при передвиженіи свѣчи на 3 мм. и Я. на 2 мм. въ 70% случаевъ, если они смотрѣли на тѣнь, принятую за нормальную, и непосредственно затѣмъ на сравниваемую съ нею, начали измѣнять промежутки времени между наблюденіемъ нормальной и сравниваемой тѣни. Испытуемое лице наблюдало, какъ и прежде, въ продолженіе 3 секундъ тѣнь, принятую за нормальную, потомъ, по данному сигналу переводило взглядъ на черную поверхность; экспериментаторомъ въ это время передвигалась свѣча, и по прошествіи опредѣленнаго промежутка времени, измѣрявшагося съ помощью хронографа, имъ давался второй сигналъ и испытуемый наблюдалъ новую тѣнь въ продолженіе 3 секундъ, по прошествіи которыхъ онъ опредѣлялъ, темнѣе или свѣтлѣе сдѣлалась тѣнь въ сравненіи съ прежней. Съ З. и Z. производились сознательные опыты, т.-е., они всегда знали, вѣрно или невѣрно опредѣлили разстояніе свѣчи отъ экрана, съ Я.—бессознательные. Промежутки времени протирались отъ одной секунды до 20 минутъ.

Число вѣрныхъ случаевъ въ %.

Время въ минутахъ.	1/60	1/60	1/12	1/6	1/3	2/3	1	1 1/2	2	2 1/2	3	3 1/2	5	7	10	12	15	17	20
Таблица для З. (3 мм.)	75	76	78	80	76	74	70	68	70	71	68	70	72	70	68	62	56	48	—
Таблица для Z. (3 мм.)	73	74	75	74	76	73	71	72	70	—	70	—	68	72	60	48	—	—	—
Таблица для Я. (2 мм.)	74	73	75	78	72	74	72	70	72	—	—	—	72	68	60	60	60	58	46

Полученныя числа показываютъ, что простыя зрительныя воспріятія сохраняются памятью довольно долгое время.

Число опытовъ вмѣстѣ съ подготовительными составляетъ 7500.

Между опытами, въ которыхъ промежутки времени между однимъ взглядомъ и другимъ не превышали шестидесяти секундъ, дѣлалась пауза въ одну минуту, въ продолженіе которой испытуемое лицо смотрѣло на черную поверхность; этимъ достигалось то, что воспримчивость сѣтчатки для всѣхъ опытовъ была равною. Вліяніе упражненія Заборскій старался исключить въ первыхъ, подготовительными опытами, которые совѣмъ не описаны, во-вторыхъ тѣмъ, что послѣ окончанія первой серіи опытовъ была начата вторая; опыты второй группы производились слѣдующимъ образомъ: каждый сеансъ продолжался часть, въ продолженіе котораго для каждаго промежутка времени дѣлалось только 10 опытовъ. Утомленіе не оказывало замѣтнаго вліянія.

И. Цѣликовъ, студ. ест.

Книги полученныя въ лабораторіи:

L. Morokhovetz: Appareils et instruments à l'usage des physiologistes construits d'après les dessins de l'auteur. М. 1893. **H. Obersteiner:** Die materiellen Grundlagen des Bewusstseins. Monatsbl. des wissensch. Club in Wien, 1896, № 5. **B. N. Popov:** Le laboratoire de physiologie de l'Université de Moscou. М. 1893. **G. Rossolimo:** Zur experimentellen Methodik der Grosshirnphysiologie. Neurol. Centralbl. 1892. Ein Fall totaler Degeneration eines Hirnschenkelfusses. Neurol. Centr. 1886. Der Analreflex, seine Physiologie und Pathologie. Neur. Centr. 1894. Recherches expérimentales sur les voies motrices de la moelle épinière. Arch. de Neurol. 1889.

„Princeton contributions to psychology“, edited by J. Mark Baldwin, 1895—1896, №№ 1—3.

„Вопросы Философіи и Психологіи“, журн. изд. Моск. Психол. Общ. 1890—1896, кн. 1—31. „Труды Физиологической Лабораторіи Московскаго Университета“, 1888—1893, т. I—IV.

Н. Иванцовъ: Микроскопическое строеніе электрическаго органа у torpeda. М. 1894. **П. Карузинъ:** О системахъ волоконъ спинного мозга выдѣляемыхъ на основаніи исторіи ихъ развитія. М. 1894. **М. Э. Мендельсонъ:** Психофизическія изслѣдованія надъ чувствомъ давленія. Изъ Трудовъ Спб. Общ. Естествоисп. 1891. **Л. З. Мороховецъ:** О фотохимическихъ процессахъ въ зрѣніи. М. 1882. **В. А. Муратовъ:** Вторичныя перерожденія при очаговыхъ страданіяхъ двигательной сферы мозговой коры. М. 1893. Къ патологической физиологии и дифференціальному діагнозу кортикальной эпилепсии. Изъ Мед. Обзор. 1896.

И. Петерманъ: О вліянні нарушеної дѣятельности кожи на общія явленія въ тѣлѣ животнаго. М. 1889. **Г. И. Россолимо:** Къ фізіологіи музыкальнаго таланта. Изъ Вопр. фил. 1893. Хирурго-токсическій методъ изслѣдованія мозговыхъ функцій. Изъ Арх. Псих. 1893. **Д. В. Фриденсонъ:** Къ вопросу о вліянні растяженія нерва на центральную нервную систему. М. 1894. **Г. Челпановъ:** Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности. Часть I: Представленіе пространства съ точки зрѣнія психологіи. Кіевъ, 1896. **В. Ф. Чинъ:** Экспериментальное изслѣдованіе памяти звуковыхъ воспріятій. Изъ Обзор. Псих. 1896.

Я обращаюсь ко всѣмъ авторамъ психологическихъ изслѣдованій, равно какъ ко всѣмъ институтамъ и лабораторіямъ, гдѣ такія изслѣдованія производятся, съ покорной просьбой не отказать въ присылкѣ своихъ работъ, трудовъ и отчетовъ.

Адресъ: Москва, Дѣвичье поле, Психіатрическая клиника, А. А. Токарскому.

А. Токарскій.

Москва, мартъ 1896 г.
